Аубе

Познаниеведение по любомудрию славянофильства

Баронъ М. Ф. Таубе

ПОЗНАНІЕ-ВѢДѢНІЕ

ПЕТРОГРАДЪ
1912

Познаніевѣдѣніе (гносеологія) по Славянофильству.

Баронъ М. Ф. Таубе

ПОЗНАНІЕВѢДѢНІЕ

СОБОРНАГО

ВОСТОЧНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ПО

ЛЮБОМУДРІЮ

СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

✡

✡ ✡

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. И. Акинфіева, Басковъ пер., 10.
1912.

2007041316

ВСТУПЛЕНІЕ.

Славянофильство умерло, давно похоронено и о немъ всѣ забыли — вотъ одинъ возгласъ. Славянофильство растетъ, цвѣтетъ и приноситъ обильные плоды—вотъ противоположное мнѣніе. Какое изъ нихъ правильно? Никто не сомнѣвается, что существуетъ черносотенство, но мало кто думаетъ, что черносотенство, просвѣтленное философскимъ ученіемъ, обратилось въ бѣлосотенство. Бѣлосотенство же есть міровое духовновозвышенное *просвѣщеніе восточное*. Вотъ это просвѣтительное бѣлосотенское движеніе въ области мысли и разумныхъ обобщеній и есть современное славянофильство. Доказывать долго не приходится. Русское знамя славянофильства, его внутренняя суть и богатое содержаніе выражаются тремя основами: Православная святая Вѣра; неограниченное Самодержавіе верховной, единодержавной свободной царской власти, единственное осуществленіе русской соборной государственности, и самобытность русскаго народнаго земскаго сплоченія и просвѣщеннаго русскаго Народа, первенствующаго среди славянскаго племени на материкѣ Европо-Азія. Русское знамя черносотенства и убѣленнаго мудростью бѣлосотенства: святая Православная Вѣра, самодержавный неограниченный Царь и единая Россія для русскаго народа.

Основатели славянофильства, Хомяковъ и его друзья, оставили по себѣ немало научныхъ трудовъ, составившихъ корни и стволъ новаго философскаго ученія древнихъ исконныхъ истинъ сѣдой старины свято-русскаго духа. Славянофильство, вполнѣ тождественное съ научнымъ черносотенствомъ, т. е. бѣлосотенствомъ, какъ научно-философско-богословское ученіе, и составляетъ предметъ предлагаемой читателю книги.

Послѣ почтеннаго труда проф. Завитневича о Хомяковѣ и его ученіи казалось-бы большою смѣлостью выступать съ изслѣдованіемъ того же предмета и въ томъ-же почти направленіи. Но мы все-таки рѣшились предстать передъ су-

домъ любящихъ свою родину и съ нашимъ посильнымъ трудомъ. Побуждаютъ насъ издать наше изслѣдованіе по старому славянофильству слѣдующія два обстоятельства: 1) ни проф. Завитневичъ, ни другіе изслѣдователи славянофильскаго любомудрія не привели его въ строго соразмѣрный и обработанный укладъ, который охватывалъ бы его ученіе цѣликомъ и со всѣхъ сторонъ; 2) нѣтъ еще того писателя, который сравнилъ-бы славянофильство, какъ философское ученіе, въ его цѣломъ, со всею совокупностью западно-европейской учености и опредѣлилъ точно, научно и философски: *въ чемъ заключается отличіе основъ восточнаго просвѣщенія отъ началъ западной культуры и цивилизаціи и гдѣ сосредоточивается вся философская суть этого различія.* Рѣшеніе этихъ двухъ вопросовъ—цѣль нашихъ трудовъ. Не будучи вполнѣ увѣрены, что выполнили задачу съ желательною удовлетворительностью, тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что наша попытка поставить и разрѣшить хотя-бы приблизительно коренные вопросы всемірнаго просвѣщенія, указанные славянофильствомъ, можетъ быть полезна сама по себѣ.

Вся сила славянофильскаго любомудрія въ понятіи о *соборномъ тріединствѣ.*

Это потому, что славянофильское любомудріе вяжетъ всю совокупность познаваемаго въ одно цѣлое, оно объединяетъ: и духовныя истины, и личныя познанія человѣка, и дѣйствительность существующаго міробытія. Истина въ своемъ внутреннемъ соборномъ строѣ, сама по себѣ, духовно тріедина, въ жизни земной единотроична и троична въ проявленіяхъ.

Западъ разработалъ вполнѣ добросовѣстно эволюціонный и филіоквистическій дуализмъ.

Русскій ученый изъ стана западниковъ привыкъ думать, что наука вся принадлежитъ одному западу и что у насъ она проявилась, какъ подражаніе, а самъ по себѣ русскій умъ ничего или почти ничего новаго не далъ. Но даже при такомъ обидномъ о себѣ мнѣніи русскаго ученаго, всетаки не всѣ русскіе мыслители удовлетворяются западно-европейскою цивилизаціею; нѣкоторые въ ней видятъ лжепознаніе, которое своротило западно-европейскую цивилизацію на путь кривотолка и ложной ограниченности мысли. Цивилизація эта своей культурой толкаетъ народы не къ свѣтлой истинѣ неба, а въ глубь темнаго холоднаго дна омута; она выразилась въ пессимизмѣ нѣмецкой философіи, въ шекспировскомъ трагизмѣ преступной людской жизни, въ пантеистическомъ настроеніи вѣдѣнія сущаго и существующаго гетевскаго сата-

нинскаго соблазна, въ декадентствѣ вкусовъ и внѣшнемъ упадкѣ достойной красоты и т. п. Западъ безспорно погружается въ топь раціонализма, въ потокъ эволюціонизма, въ нирвану нигилизма, въ волшебство спиритизма, въ очарованный кругъ мистицизма, окультизма и бездну остальныхъ лукавыхъ измовъ теософіи и чернокнижія. Не то должно ожидать отъ русскаго восточнаго просвѣщенія, котораго одинъ изъ лучшихъ представителей былъ Хомяковъ, основатель славянофильства.

Когда мы выяснимъ достаточно подробно коренныя черты философіи славянофильства, тогда только представится возможнымъ обсудить, чѣмъ славянофильское просвѣщеніе отличается отъ западно-европейской цивилизаціи и культуры; тогда только всплыветъ то несомнѣнное просвѣтительное достоинство, которымъ сіяетъ нашъ востокъ; тогда только съ достовѣрностью ясно будетъ всякому добросовѣстному искателю истины, почему свѣтъ истинной науки исходитъ отъ нашего восточнаго солнца, а не изъ мрачнаго заморскаго заката!..

Весь трудъ нашъ «Любомудріе по Славянофильству» разбиваемъ на три большихъ отдѣла:

I. *Познаніевѣдѣніе* по славянофильству—часть по преимуществу умопостигаемая;

II. *Жизнепониманіе* по славянофильству—часть по преимуществу жизненная;

III. *Міровоззрѣніе* по славянофильству—часть по преимуществу созерцательная, оцѣнивающая.

Намъ представляется возможнымъ нынѣ предложить вниманію читателей только первую часть. Она носитъ названіе «**Познаніевѣдѣніе соборнаго восточнаго просвѣщенія по любомудрію славянофильства**», и содержитъ въ себѣ, кромѣ собственнаго изложенія и раскрытія всей области вѣдѣнія и ея сторонъ, еще и подготовительныя опредѣленія: что есть славянофильство и философія. Къ сему прибавленъ краткій основоположный очеркъ сторонъ природы и составности человѣка.

Знаніевѣдѣніе вообще служитъ основаніемъ всякому философскому познанію, ибо, если наши познавательныя приспособленія и пути, и средства умѣнія, знанія и вѣдѣнія неправильны, то вмѣстѣ съ тѣмъ неправильны будутъ и познаванія міра, себя и жизни. Какъ безъ правильно натянутыхъ струнъ не получишь правильнаго звуковаго согласія, такъ точно безъ правильно понятыхъ силъ познанія не извѣдать вѣрно жизни и бытія, и не установить правильнаго философскаго воззрѣнія на невидимый и видимый міръ.

Нѣтъ у художниковъ слова достаточно яркихъ и густыхъ красокъ, чтобы вѣрнѣе описать съ полною правдивостью недовольство и тяготу современной жизни, къ сожалѣнію, на всемъ почти земномъ шарѣ, и это въ вѣкѣ наивысшей современной культуры, въ вѣкѣ наитончайшей цивилизаціи...

Кирѣевскій, перво-основатель славянофильскаго любомудрія, обозрѣвая злоучасть хваленаго Запада, говоритъ:

„Трудно понять, до чего можетъ достигнуть Западная образованность (пресловутая цивилизація), если въ народахъ не произойдетъ какой нибудь внутренней перемѣны. Эта возможная перемѣна, очевидно, будетъ заключаться только въ перемѣнѣ основныхъ убѣжденій или, другими словами, въ измѣненіи духа и направленіи философіи,—ибо въ ней теперь весь узелъ человѣческаго самосознанія“ *).

И этой западной лжеобразованности подражаетъ почти всякій русскій ученый, мыслитель, передовой писатель и художникъ слова и красокъ... Но спрашивается, нѣтъ-ли иныхъ способовъ развитія независимо отъ подражанія всякимъ „заграницамъ“? Нѣтъ-ли иной внутренней силы и потребности извнутри-же, самостоятельно, самобытно и самочинно развить свои мысли? Такая творческая мощь въ дѣйствительности существуетъ въ Россіи и помимо Запада. Часть образованныхъ людей середины прошлаго вѣка самоуглубилась и начала искать вѣдѣнія въ самой себѣ. „Испытующій умъ обратился строже прежняго на весь бытъ нашъ и на все наше просвѣщеніе, отыскивая въ нихъ разнородныя струи и оправдывая или осуждая явленія быта и выраженіе мысли не только въ отношеніи къ нимъ самимъ, но еще и потому,—одобряемъ-ли мы или отвергаемъ ту струю, которая въ нихъ пробивается. Такъ возникли два направленія, къ которымъ, болѣе или менѣе, принадлежатъ всѣ пишущіе люди. Одно изъ этихъ направленій открыто признаетъ за русскимъ народомъ *обязанность самобытнаго развитія и право самотруднаго мышленія;* другое, въ выраженіяхъ, болѣе или менѣе, ясныхъ, отстаиваетъ обязанность постоянно-ученическаго отношенія нашего къ народамъ западной Европы и недавно высказалось ex cathedra съ крайнею наивностью въ опредѣленіи, что *ученіе есть ни болѣе, ни менѣе какъ подражаніе.*“ (Хомяковъ).

Двойственность, на западѣ совершенно законная, принесла Россіи много горя и мученій, и борьба подражателей противъ самобытчиковъ. можно съ прискорбіемъ сказать, привела къ видимому торжеству первыхъ, т. е. западниковъ, и полному пораженію вторыхъ, восточниковъ. А свѣтъ зари самобытчиковъ въ срединѣ 19-го вѣка былъ ярокъ и блестящъ. Плоды ихъ борьбы, несмотря на видимыя пораженія, тѣмъ не менѣе

*) Кирѣевскій, II—306.

значительны. Кто-же эти самобытчики, дерзнувшіе оповѣстить міръ, что и въ Россіи есть особый укладъ и строй просвѣщенія, и что это просвѣщеніе значительно глубже, шире и выше подражательности нашихъ ученыхъ ученому отсталому въ духовномъ Западу.

То были такъ называемые *славянофилы*.

Малый кружокъ высоко просвѣщенныхъ и по-русски, и европейски образованныхъ людей, безъ зова съ чьей-либо стороны, подъ градомъ насмѣшекъ и преслѣдованія, положилъ основаніе великому міровому просвѣтительному дѣлу: рядомъ съ западно-европейскою цивилизаціей возрастилъ древо народнаго свято-русскаго преуспѣянія. Это новое древо русскаго познанія и самобытнаго самопознанія, называемое нынѣ *славянофильствомъ*, выросло будто на чужой нѣмецкой почвѣ. Тѣмъ яростнѣе была начата противъ него вражеская пальба западничества. Невидимо, тихо выростали побѣги русскаго духа, русскаго ума. Главный основатель и руководитель сего направленія и исключительный по дарованіямъ и духовному своему совершенству былъ А. С. Хомяковъ. „У этого человѣка выработалось цѣльное, округленное міровоззрѣніе со своей особой гносеологіей и онтологіей, въ тѣсной органической связи съ которыми находились его богословскія и спеціально историческія воззрѣнія, такъ пишетъ его критикъ проф. Завитневичъ.

Излагая свое новое ученіе, Хомяковъ боялся втиснуть его въ опредѣленныя рамки и клѣтки, онъ боялся стѣснить свободу развитія движенія новаго, самобытнаго, духовно-разумнаго ученія, боялся ограниченіями философской учености охладить пылъ творческой свѣжей русской мысли. Строгій укладъ умнаго *) духовнаго развитія считалъ онъ великимъ тормазомъ свободнаго роста и рѣшительно отказывается подчинить свой трудъ обобщающему порядку.

По самому существу это дѣло для него было совершенно невозможнымъ, ибо то было время, когда каждый день или даже часъ выростала на древѣ его любомудрія новая почка, новая вѣтвь или отрасль. Какъ было тутъ вновь возникающія творенія высокаго генія размѣщать по опредѣленнымъ системой клѣткамъ: естественная научная система заканчиваетъ научное движеніе, а не начинаетъ его. Но теперь настало другое время. Новыхъ творцевъ славянофильства нѣтъ. Наслѣдіе все почти на-лицо и притомъ въ такомъ видѣ, что трудно разобраться во множествѣ не приведенныхъ частей раз-

---

*) Умный, дѣловой въ нашемъ изложеніи не всегда означаетъ духовный въ полнотѣ, а лишь умное въ духовномъ, что разумное въ мысли и разсудительное въ знаніи.

ныхъ ученыхъ, разнаго времени, многое перемѣшано, перепутано, и многое до сихъ поръ сохранило слѣды наслоенія самого роста и самообразованія ученія. Благовременно нынѣ, для широкаго распространенія и для болѣе легкаго усвоенія, все ученіе славянофильства распредѣлить по частямъ и связать въ одно соразмѣрное цѣлое, ибо, къ сожалѣнію, нѣтъ уже такихъ сильныхъ умовъ, которые могли-бы единолично, вмѣстивъ сразу все сотворенное славянофильствомъ, шагнуть далѣе впередъ и тѣмъ дать ему дальнѣйшіе толчки развитія. Наша задача—найти такую точку зрѣнія, чтобы съ наибольшею легкостью можно было почти однимъ обхватомъ обозрѣть всю область славянофильскаго простора мысли въ полной ея цѣльности.

Задача должна быть выполнена по частямъ соборно, а для сего требуется установить предварительно опредѣленное начертаніе и всѣмъ понятный замыселъ (планъ), чтобы все ученіе выступало ярко въ простотѣ, цѣльности и полнотѣ многосторонняго своего разнообразія.

Не наступило-ли впрямь время, когда зерно, полное жизненныхъ соковъ, упавши въ сухую и холодную почву, дождалось, наконецъ, благопріятной поры, и когда оно, орошенное благодатнымъ дождемъ и согрѣтое живительною теплотою, въ силахъ проявить свою жизненность, пустить глубокіе корни, дать удивительный ростъ, дабы принести достойные плоды.

Если мы и говоримъ, что ученіе не приведено первыми славянофилами въ порядокъ, то это еще не значитъ, что исключительный умъ Хомякова не могъ дать наброска самого распорядка: онъ его и *далъ*, но не связалъ имъ творческой свободы своей мудрой мысли.

Такъ, несмотря на указанную нелюбовь къ научному нѣмецкому формализму, Хомяковъ держался въ изложеніи своей всемірной исторіи строжайшей послѣдовательности. Эта единственная вполнѣ систематическая его работа, написанная въ 25 тетрадкахъ, безъ помарокъ, безъ исправленій, безъ главъ и подраздѣленій, сплошь строка за строкой, — извѣстна подъ названіемъ „*Семирамида*". Имя это дано Хомяковскому труду Гоголемъ. Самъ Хомяковъ обозначилъ его четырьмя буквами: *И. И. И. И*, какъ будто этими четырьмя соединительными союзами хотѣлъ онъ выразить крѣпкую, строгую связь не только всего написаннаго труда, но всей *исторіи* и всѣхъ *источниковъ* жизни человѣчества и всѣхъ руководящихъ вѣчныхъ *истинъ*, т. е. весь смыслъ всѣхъ историческихъ *измѣненій*.

Суть труда — *изслѣдованіе источниковъ измѣненій исторической* жизни всего человѣчества или **изслѣдованіе источниковъ историческихъ истинъ**, — какъ-бы скрыта подъ Хомяковскими четырьмя *И. И. И. И.* И это изслѣдованіе изложено, какъ указывали мы, по заранѣе строго-обдуманному плану.

Рамки вредны лишь тогда, когда онѣ ошибочны и несоотвѣтственны съ содержаніемъ, но зато неоцѣнимы, когда вѣрны, естественны и соразмѣрны и вытекаютъ изъ существа самаго предмета. Ученіе выступаетъ съ полною яркостью, если угаданъ внутренній строй его; тогда и самый укладъ представляетъ, самъ по себѣ, сущность ученія, его остовъ, его силу. Стройность построенія, по существу, составляетъ одну изъ труднѣйшихъ, но зато и важнѣйшихъ сторонъ самого ученія, если это ученіе самобытно, если оно не заимствовано, если оно цѣльно и полно.

И славянофильство требуетъ строгаго порядка въ изложеніи и построеніи не только по новизнѣ своего научнаго содержанія и основъ, но еще и по его богатству и разнообразію его духовной полноты. Если вѣрно найденный планъ строенія всего ученія лежитъ передъ глазами, то всѣ части богатаго и разносторонняго ученія легко свяжутся въ одно цѣлое, будутъ легко восприняты. Передъ вами куча мраморныхъ кусковъ и осколковъ разбитаго изваянія. Куда легче склеить ихъ, если вы имѣете передъ глазами рисунокъ этого произведенія. Славянофильство есть подлинная связь разбитаго на части, тонко обдѣланнаго изваянія цѣльнаго знанія, и оно даетъ самый его рисунокъ и планъ построенія своего философскаго уклада. Основа его ученія—православное христіанство: «Корень и начало дѣла (просвѣщенія)—религія *) и только явное, сознательное и полное торжество Православія откроетъ возможность всякаго другого развитія».

Поэтому-то славянофилы и «посвятили себя великому и всемірному труду христіанскаго воспитанія» и «внѣ этого труда мы и значенія никакого не имѣемъ», —такъ оцѣниваютъ себя сами славянофилы.

Хомяковъ видитъ въ человѣкѣ тройственность сочетанія природы и двойственность сторонъ жизненныхъ стремленій. Три стихіи человѣка — тѣло его, или плоть, душа и духъ. Двойственность жизни — *подневольная* и *свободная* сторона, и эту двойственность онъ относитъ, какъ къ жизни каждаго

---

*) Не въ смыслѣ вѣроисповѣданія, а вѣры. Собственно говоря вѣра есть истинный союзъ человѣка съ Богомъ, а религія ложная связь съ божествомъ, даже языческимъ, египетская религія, религія Кавина, Лютера и т. п.

человѣка, такъ и къ жизни народной,—такъ еще и ко всему историческому человѣчеству.

Такова основа построенія его философско-историческаго и вѣроисповѣднаго ученія.

Второстепенныя дѣленія, нами намѣчаемыя, будутъ въ зависимости отъ главныхъ, и нѣкоторый самостоятельный розмахъ въ ихъ опредѣленіи, конечно, не опорочитъ существенныхъ основъ самого ученія. Одно лишь считаемъ для себя обязательнымъ — однородность и цѣльность строенія, какъ каждой части, такъ и всей совокупности цѣлаго. Распорядокъ цѣлаго самъ указываетъ, что куда размѣстить изъ всего многообразія притекающихъ подробностей.

Если-бы потребовалось намъ назвать отдѣльнымъ именемъ свойство принятаго нами ученаго построенія уклада, что руководило нашимъ трудомъ, то мы назвали-бы его: *координатное* **(соотвѣсное)** *построеніе* или *укладъ по сторонамъ свѣта:* сѣверъ-югъ, востокъ-западъ, зенитъ-надиръ, т. е. построеніе пространственное, геометрическое, да притомъ объемное.

Въ этомъ строго-соразмѣрномъ построеніи ученія славянофильства видимъ мы главное отличіе нашего труда отъ однородныхъ работъ другихъ изслѣдователей Хомякова. Большею частью ученые изыскатели твореній отца Славянофильства разсматривали ихъ въ связи съ жизнью самого Хомякова; иные любители останавливали вниманіе почти исключительно на его стихотвореніяхъ. Мы-же, признавая въ немъ изъ ряда выходящаго бытописателя (историка) всего человѣчества, отдаемъ, однако, предпочтеніе его трудамъ по богословію и философіи, ибо онъ самую исторію человѣчества разсматривалъ съ духовной, церковной, философской, психологической и жизненной точекъ зрѣнія. Посему, собственно историческіе его труды, его статьи по правовѣдѣнію, его поэзія и многое другое останутся почти нами не затронутыми, что вполнѣ естественно, по складу и цѣлямъ нашего труда. Это предварительное признаніе избавитъ насъ отъ обвиненія въ недостаточной полнотѣ и всесторонности изслѣдованія удивительно много-гранныхъ и неизмѣримо богатыхъ по содержанію твореній Хомякова; но философское ученіе его передаемъ въ достодолжной подробности.

Скажемъ нѣсколько словъ о пріемахъ изложенія, нами выбранныхъ.

Оттѣнить положенія славянофильства намъ казалось легче всего сопоставленіемъ ихъ съ мыслями ошибочными, разбирая и указывая, въ чемъ ихъ невѣрность, съ мыслями противо-

положными, отыскивая, въ чемъ заключается ихъ потусторонность, и съ мыслями соприкасающимися, сопредѣльными, изучая, въ чемъ сходство и гдѣ граница, отдѣляющая одну отъ рядомъ стоящей. Свѣтотѣнь рѣзче, когда тѣни гуще и свѣтъ ярче. Мысли противоположныя яснѣе, чѣмъ опредѣленнѣе и яснѣе антитезы (противопостановленія). Домогаясь этой яркости обрисовки, въ большинствѣ случаевъ начинаемъ разборъ и какого-либо мнѣнія или положенія славянофильства съ изложеніемъ ученій или близко сопредѣльныхъ, или ошибочныхъ, или, наконецъ, прямо противоположныхъ.

Такъ, отыскивая возможно точное опредѣленіе самому славянофильству, мы приводимъ разномнѣнія людей, повидимому сочувствующихъ славянофильству, и опровергаемъ совершенно лживое опредѣленіе, данное иными славистами и сочувствующими славянамъ, часто непрошенными критиками и пытаемся установить собственное опредѣленіе: «*что есть просвѣщеніе славянофильское, просвѣщеніе восточное*».

Такъ въ другомъ мѣстѣ для объясненія, что есть философія, «приводимъ пеструю мозаику многочисленныхъ противоположныхъ западно-европейскихъ и заморскихъ опредѣленій, разобравъ затѣмъ понятіе о философіи русскаго просвѣщенія, въ концѣ концовъ выводимъ наше точное опредѣленіе философіи по *ученію славянофильскому*.

Такъ для удостовѣренія въ правотѣ православнаго почитанія Св. Духа отъ Отца исходящаго, а не отъ Отца „изъ", „черезъ" или „и отъ" Сына исходящаго, мы предприняли полемическое разсмотрѣніе логическихъ выкладокъ и аналитическихъ измышленій, основанныхъ на мысляхъ Ѳомы Аквината, какого то Асташкова, благо его доводы выражены ярко русскимъ языкомъ, и при помнщи принятыхъ нами церковныхъ словообозначеній тутъ выясняемъ «*что есть соборность православная, славянофильская*».

Такъ вообще въ основѣ построенія всего нашего труда беремъ готовый укладъ, разработанный Вл. Соловьевымъ, распредѣляя по его категоріямъ всѣ славянофильскія понятія познаніевѣдѣнія, указывая затѣмъ на искусственность и плоскость построенія Вл. Соловьева, вводимъ въ его распорядокъ поправки и такими передѣлками получаемъ наконецъ новый объемный стройный укладъ—полноты, единства и цѣльности *любомудрія славянофильскаго*.

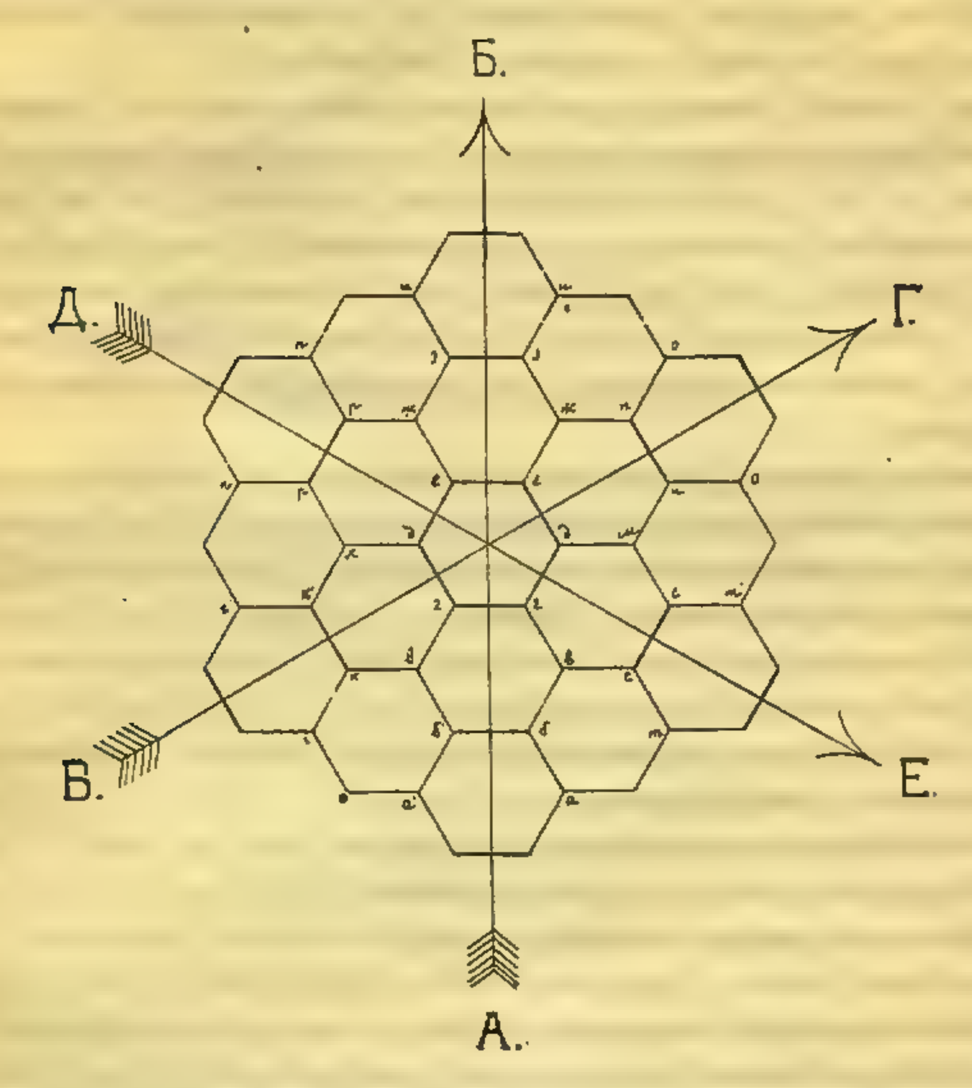
Сопоставленіе объясняемаго понятія по славянофильству съ понятіями противоположными ошибочными и соприкасающимися не есть единственный пріемъ нашего изложенія. Мы задались желаніемъ описывать въ послѣдовательномъ порядкѣ,

переходя отъ конкретныхъ понятій, наиболѣе къ намъ близкихъ, къ понятіямъ отдаленнымъ, отвлеченнымъ, отрѣшеннымъ. Такъ какъ предлагаемое сочиненіе есть сводъ (сведеніе) философскихъ понятій въ опредѣленный планомѣрный *укладъ* и сводка многихъ укладовъ въ планомѣрный *распорядокъ*, а распорядки связываются во всеобъемлющую *цѣломудрость*, и каждое положеніе является продолженіемъ сосѣднихъ съ разныхъ сторонъ, слѣдовать же порядку сразу въ нѣсколькихъ направленіяхъ невозможно, то приходится поневолѣ обрывать то съ одного бока, то съ другого. А когда возвращаешься къ разорваннымъ частямъ, то для возстановленія боковыхъ связей, неизбѣжно повторяешь прежнія, уже доказанныя положенія. Это причина невольныхъ повтореній при обязательной отрывочности изложенія цѣлаго.

Вообще повторяемость и отрывочность неизбѣжны при объемномъ построеніи всего философскаго ученія. Съ этимъ мы должны мириться; важно одно, чтобы взаимныя положенія и соотношенія частей оставались строго опредѣленными. Кромѣ того, и самоопредѣленіе, т. е. нахожденіе границы между двумя соприкасающимися положеніями, не всегда точно доступно. Гдѣ найти напр. истинную границу между вѣромышленіемъ и признаніемъ, гдѣ точный, опредѣленный чуръ между философіей и наукой, психологіей (душевѣдѣніемъ) и Боговѣдѣніемъ (духовѣдѣніемъ)? Не имѣя возможности всегда ярко опредѣлить эту грань, часто повторяешься, относя пограничныя положенія то къ одной, то къ другой сторонѣ. Возвращаясь къ прежнимъ опредѣленіямъ, какъ поручиться, что не перейдешь совершенно незамѣтно въ область другого понятія, уже выясненнаго, и такимъ образомъ не повторишь отчасти уже сказаннаго.

Если расположеніе укладовъ должно напомнить образъ сотъ, т. е. шестигранныхъ соприкасаній съ шестью сторонами сосѣднихъ шестисторонниковъ, то подвигаясь по направленію, скажемъ, ⊥ отвѣсному къ сторонѣ основанія шестиугольника АБ, мы тѣмъ принуждены порвать связь четырехъ боковыхъ, сторонъ каждаго шестиугольника ряда АБ, и для восполненія ихъ потребуется вернуться еще два раза, по направленію ВГ и ДЕ. Каждый разъ при этомъ обрываются боковыя связи съ двухъ сторонъ, но возстановляются двѣ связи средняго шестиугольника. Это будетъ совершенно ясно, если прослѣдимъ по тремъ стрѣлкамъ рисунка, предполагая, что тѣ стороны связываются, которыя пересѣкаются стрѣлою; такъ какъ, каждая стрѣла обозначаетъ направленіе изслѣдованія съ трехъ различныхъ сторонъ зрѣнія.

Слѣдуя по направленію «АБ», порываемъ связь сторонъ аб, бв, вг, гд, де, *же*, зк и т. д. и сторонъ а'б', *б'в'*, в'г', кі и т. д. Слѣдуя по направленію «ВГ», въ средней клѣткѣ, порываемъ связь сторонъ *гг'* и *д'е'* и сторонъ *ее'* и *де*, но возстановляемъ связь *г'д'* и *гд*. Возвращаясь къ той-же клѣткѣ, чтобы возстановить третью связь *д'е'* и *гд*, мы невольно заговоримъ о самой клѣткѣ, т. е. повторимъ то, что сказали о ней, двигаясь по направленію ВГ и АБ, когда опредѣляли связь *ее'* и *д'е'* и связь *г'д* и *г'д'*.

Другое дѣло было-бы, если укладъ располагалъ рядъ своихъ понятій по чертѣ, нанизывая ихъ, какъ бусы на нитку. Тогда, разъ прошелъ черезъ положеніе, возвращаться назадъ для возстановленія боковыхъ связей не приходится по той причинѣ, что ихъ вовсе не существуетъ въ системѣ. Такова схема эволюціонизма.

Еще и другое преднамѣренное повтореніе мы допускаемъ себѣ, а именно, заключительныя въ краткихъ словахъ обобщенія какого-нибудь отдѣла.

Кромѣ всего сказаннаго, обратимъ вниманіе еще на одно свойство нашего построенія: черезъ все проходитъ яркимъ

лучомъ одна коренная начальная мысль, которая выражается кратко словами *«все во всемъ»*; а это все—едино-всеполнота цѣлаго и едино-всеполнота каждой части. Она численно—однотроичная полнота цѣлаго.

Ходъ изложенія двоякій: сперва стараемся цѣлое раздробить до возможной мелкоты, опредѣлить каждую составную часть отдѣльно, а потомъ, связывая средніе члены, какъ-бы въ снопъ, обращаемъ въ одно цѣлое всю полноту съ расходящимися во всѣ стороны лучами. И этотъ ходъ изложенія понятій и укладовъ повторяемъ съ неизмѣнною послѣдовательностью, во всѣхъ нашихъ обобщеніяхъ.

При этомъ, самораздробленіе происходитъ по тремъ направленіямъ, въ три стороны и въ трехъ отношеніяхъ. Тріединство и въ работѣ изслѣдованія (анализа), и въ работѣ сопоставленія (аналогіи) и сосредоточенія (концентраціи), работѣ взаимнаго отограниченія (категорическаго распредѣленія) и объединенія (синтеза) проведено со всею строгою точностью, какая желательна для выдержаннаго и соразмѣрнаго обобщенія.

Каждое новое ученіе воздвигается на обломкахъ стараго. Мы наше изслѣдованіе основываемъ на разрушеніи спиритическихъ, окультическихъ и теософскихъ ученій всякой лжемистики и чернокнижія. Критика, особенно Вл. Соловьева, ученій Аллана Кардека, Папуса (Papus) и иныхъ, бѣсовѣдовъ маговъ вызывателей духовъ расчищаетъ дорогу нашему мышленію. Она нашла выраженіе въ нашей книгѣ «Современный спиритизмъ и мистицизмъ».

Планомѣрная основа созидательной работы мысли, которая слѣдуетъ всегда послѣ разломки стараго строенія, нами опредѣлена и сосредоточена въ книгѣ «Сводъ основныхъ законовъ мышленія». Предполагаемое настоящее же изслѣдованіе есть попытка изложить первую часть всего ученія бѣлосотенскаго славянофильства, а именно область познанія (ноэтика). Вторая, средняя область изящнаго направленія (эстетика) и третье внѣшнее построеніе достойнаго поведенія (этика) должны послѣдовать послѣ выясненія и установки познаніевѣдѣнія.

Глава I.

Опредѣленіе Славянофильства.

Славянофильское ученіе есть святорусская правда цѣльнаго восточнаго христіанскаго соборнаго просвѣщенія.

Предварительныя замѣчанія.

Трудную годину пережила многострадальная Россія! Особенно тягостно знаменателенъ для нея годъ 1904-ый. Имъ заканчивается звѣриное число 666 = χξς со времени разгрома русскихъ силъ Батыемъ, ибо битва при р. Сити произошла ровно 666 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1238 году. Въ концѣ того же 1904 года палъ Артуръ ровно черезъ библейскія семь седминъ, т. е. 49 лѣтъ, послѣ паденія Севастополя! Въ теченіе всѣхъ этихъ семи седминъ въ Россіи сплошное внутреннее броженіе, сплошная подпольная крамола, рядъ явныхъ возстаній, бунтовъ, убійствъ и покушеній, непрерывная травля законной власти и представителей державнаго порядка. Россія внутренно болѣетъ...

Подмѣчено, что въ началѣ каждаго столѣтія Россія испытывала сильную военную встряску, но колесо Русской исторіи, какъ указалъ К. С. Аксаковъ, оборачивается въ 150 лѣтъ. Изъ 200-тилѣтія непрерывной реформаціонной ломки Россіи, произведенной петербургскимъ, оторваннымъ отъ Москвы, европейскимъ направленіемъ, 150 лѣтъ прошли не въ исполненіи прадѣдовскихъ христіанскихъ завѣтовъ старины, а по новомоднымъ фасонамъ (образцамъ) западнаго матеріалистическаго шаблона, и только послѣднія семь седминъ русскія начала стали понемногу осиливать иноземщину своею естественною, самобытною, творческою работою народнаго духа. Первый верстовой столбъ этого возрожденія поставленъ въ 1855 году, когда вопросъ объ окончательномъ раскрѣпощеніи

кореннаго русскаго народа отъ помѣщичьяго ига, этотъ позоръ иностраннаго режима въ Россіи, былъ рѣшенъ судьбою безповоротно. 1904 годъ будетъ вторымъ такимъ столбомъ освобожденія Россіи и русскаго народа отъ тягчайшаго ига иноземнаго, столбомъ, указывающимъ на необходимость грядущаго оздоровленія Руси, на новую жизнь христіанскаго смиренія.

Россія выступаетъ на новый путь исконнаго творческаго своего развитія, приближается новая весна вѣковѣчной сѣдой правды и истины. Двѣсти лѣтъ продолжались увлеченія моднымъ подражаніямъ иностранщинѣ! А что дало это подражаніе?—разладъ, смятеніе, взаимное непониманіе, забвеніе исконныхъ устоевъ, оторванность высшихъ слоевъ общества отъ народа. Двѣсти лѣтъ продолжалось идолопоклонство фетишамъ западнаго культа и раболѣпство заморской мысли. Положеніе «интелигентной» Россіи дошло до отчаянія. Двѣсти лѣтъ объевропеившаяся Россія—въ тискахъ, сжимающихъ своими змѣиными кольцами. Творчество русское почти окончательно изсякло. Во все это время иностранный западный кошмаръ давилъ свободныхъ русскихъ людей и многихъ полонилъ чарами и прелестью повапленнаго золотомъ культурнаго дурмана. Россія была влюблена въ красавицу Европу и, увѣренная, что найдетъ въ ней друга и союзницу,—нашла размалеванную продажную развратницу, продувную торговку и ехидную интриганку.

Но все это суждено было пережить Россіи, дабы сознательно своимъ опытомъ, вынесеннымъ собственными плечами, оцѣнить достоинства западнаго *прогресса.* А этотъ прогрессъ въ крайнемъ своемъ выраженіи не что иное, какъ атеизмъ въ вѣрованіи, аморализмъ въ жизни, анархизмъ въ общественномъ устройствѣ, агностицизмъ въ философіи.

Вѣримъ, народныя бѣдствія закаляютъ молодыя силы, все же слабое, сгнившее отпадаетъ! Россію всѣ двѣсти лѣтъ прогоняли сквозь строй шпицрутеновъ нѣмецкаго изобрѣтенія и сквозь строй бичей западной культуры. Бичемъ былъ Карлъ XII шведскій, смятый при Полтавѣ русскимъ мужикомъ, одѣтымъ въ голландскую куртку. Бичемъ былъ геніальнѣйшій насильникъ человѣчества, выскочка Буонапартъ, размозжившій свой лобъ о бѣлокаменныя стѣны сожженной русскими Москвы. Бичемъ была коалиція европейскихъ державъ, нанесшая глубокія раны Россіи на берегахъ севастопольскаго залива. Но внутренніе бунты, внутренняя ломка всего русскаго были еще бѣдственнѣе, и іезуитско-польско-жидовскія возстанія родныхъ братьевъ славянъ-поляковъ, измѣнившихъ

своему племенному роду, и бироновскія гоненія православнаго и старообрядческаго духовенства, гоненіе, напоминающее жестокостями діоклетіановскія времена, не есть-ли тѣ же инквизиторски-мучительные удары шпицрутеновъ. Не прошло еще и вѣка, когда священнослужители святого алтаря были унижены до того, что должны были выходить на тракты мытарствовать, т. е. собирать подорожную подать у шлагбаумовъ. Тяжесть и ужасы крѣпостного безправія лежатъ всецѣло на совѣсти европействрующихъ цивилизаторовъ петровскаго періода.

Должна же Россія окончательно встать на собственныя ноги и вернуть себѣ право и свободу на творческую работу и самобытное существованіе. Должна же она избавиться отъ тяжелаго насилія надъ природными свойствами страны и народа. Должна же наконецъ она возстановить коренныя учрежденія, которыя создали, сплотили и укрѣпили ее.

Россія должна *возродиться*. Возрожденіе неизбѣжно именно тамъ, гдѣ исторія допустила временныя печальныя отклоненія. Такое возрожденіе знакомо и западу, но тамъ оно носитъ громкое названіе—*ренесанса*. Ренесансъ западный привелъ Европу къ полуязычеству, къ узкому аристотелевскому раціонализму, къ классическому художеству нагого тѣла и сладострастнаго вожделѣнія, къ насилію политическому и духовному римскаго и ватиканскаго имперіализма. Рабское подражаніе западу привело Россію къ расшатанности, соціалистической крамолѣ, атеистическому безвѣрію, къ революціи и стремленію достичь *свободы насиліемъ*. Возрожденіе тысячелѣтней, но вѣчно юной Россіи неминуемо приведетъ ее къ истинному христіанству ея первыхъ чистыхъ временъ. Это христіанство выработало: 1) соборность церковную, 2) царское государственное устройство, 3) общинный семейный бытъ, единственный природный, не искаженный насиліемъ, патріархальный строй съ прародительскимъ складомъ.

Смыслъ и значеніе, пути и средства, задачи и цѣли этого возрожденія всего славянства, его христіанское возобновленіе и исконно-народное возстановленіе—выяснили весьма ярко дѣятели тѣснаго московскаго кружка подъ духовнымъ водительствомъ А. С. Хомякова. Какъ извѣстно, этотъ кружокъ, несмотря на свою крайнюю малочисленность, обратилъ на себя вниманіе всего передового слоя образованныхъ людей, который подъ его вліяніемъ распался на два противоположные просвѣтительные стана:—*восточниковъ-самобытниковъ* и *западниковъ-подражателей* *). Приверженцы второго на-

*) Третій станъ чиновн. бюрократіи, особымъ просвѣтительствомъ не отличался.

правленія окрестили въ насмѣшку первыхъ кличкой *славянофиловъ*. Кружокъ отъ названія этого, впрочемъ, не отказался, хотя оно и не соотвѣтствовало вполнѣ внутреннему содержанію самаго ученія. Теперь это наименованіе потеряло первоначальное презрительное значеніе и стало, наоборотъ, славнымъ названіемъ своеобразнаго, глубокопросвѣтительнаго, историческаго движенія на Руси, разливщагося по всему лицу земли русской.

„Нѣкоторые журналы, пишетъ самъ Хомяковъ, называютъ насъ насмѣшливо *Славянофилями*, именемъ, составленнымъ на иностранный ладъ, но которое въ Русскомъ переводѣ значило-бы *Славянолюбецъ*. Я со своей стороны готовъ принять это названіе и признаюсь охотно: люблю Славянъ. Насмѣшку надъ нашей любовью къ Славянамъ принимаю я такъ охотно, *какъ* и насмѣшку надъ тѣмъ, что мы Русскіе. Такія насмѣшки свидѣтельствуютъ только объ одномъ: о скудости мысли и тѣснотѣ взгляда людей, утратившихъ свою умственную и духовную жизнь и всякое естественное или разумное сочувствіе, въ щеголеватой мертвенности салоновъ или въ односторонней книжности современнаго запада“. (Хом. I, 97).

Въ ряду именъ славянофиловъ встрѣчаются крупнѣйшія имена русскаго просвѣщенія. Достаточно, конечно, назвать одного Достоевскаго или одного Епископа Ѳеофана, затворника Вышенскаго, чтобы доказать это. Съ тѣхъ поръ движеніе это незамѣтно укореняется, постепенно разростается и крѣпнетъ часто даже безсознательно для его приверженцевъ, напр. для тѣхъ, которые сердцемъ исповѣдуютъ высокія истины вселенскаго христіанства, составляющія основу славянофильства, и которые сочувствуютъ роднымъ намъ славянамъ. Это движеніе въ послѣдніе годы приняло названіе «черносотенства», презрительное у враговъ славянофильства и столь же почетное, какъ и славянофильство, въ устахъ ими попираемыхъ истинно русскихъ людей, но какъ славянофильство, такъ и черносотенство чисто и свободно отъ лукавыхъ вражьихъ обвиненій. То и другое цвѣло и лучезарно свѣтомъ ученія православія, и такое свѣтоносное черносотенство и славянофильство стало бѣлосотеннымъ православнымъ просвѣщеніемъ Восточнымъ.

Но, не смотря на ростъ святорусскаго просвѣщенія все-же спрашивается, можно ли признать славянофильство движеніемъ общественнымъ, а не ученіемъ отдѣльныхъ лицъ? Сами основатели славянофильства отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Каждое новое явленіе начинается съ малаго, и чѣмъ возвышеннѣе оно, тѣмъ труднѣе пріобрѣтаются сторонники. Собственно говоря, такимъ временемъ для русскаго славянофильства было время его возникновенія, его зачинанія, при-

мѣрно отъ 1820 по 1830 годъ. Затѣмъ слѣдуетъ 25 лѣтіе принужденнаго полнаго безмолвія. Строгая многоразрядная цензура насильно наложила запретъ на проповѣдниковъ русскаго просвѣтительнаго движенія ради интересовъ и защиты нѣмецкаго абсолютизма. Только въ 1855 г. въ годъ паденія Севастополя и смерти Николая I славянофильство свободно заговорило и сдѣлалось общественною, нравственною и просвѣтительною силою. Оно проявило свое значеніе мощнымъ участіемъ къ коренному русскому народу и вообще славянскому племени. Оно способствовало освобожденію крестьянъ отъ крѣпостного гнета съ неотчуждаемою землею; оно участвовало въ освобожденіи русскихъ людей въ балтійскомъ и западно-литовскомъ краѣ, оно дало дѣятелей, освободившихъ польскую окраину отъ жидо-польскаго повстанія, вспыхнувшаго подъ руководствомъ нѣмцевъ, оно руководило возсоединеніемъ исконнаго православія въ Холмщинѣ и тѣмъ сокрушило вѣроломную унію, наконецъ оно же стало во главѣ движенія освобожденія западныхъ и южныхъ зарубежныхъ славянъ, и создало нѣсколько новыхъ славянскихъ государствъ. Возрожденіе русское и славянское съ 1885 года стало историческимъ событіемъ. На самодержавномъ престолѣ воцарился на 13 лѣтъ Царь-Миротворецъ, славянофилъ Императоръ Александръ III.

Но совмѣстно съ этимъ пробужденіемъ къ родной жизни иноземщина, либеральнаго антирусскаго космополитическаго склада, собираетъ и сплачиваетъ всѣ свои силы, которыя противодѣйствуютъ всему русскому не только смѣло и задорно, не только дерзко и нагло, а прямо таки западноевропейскимъ насиліемъ, крамолою, бунтомъ, открытымъ вооруженнымъ возстаніемъ. У этого противорусскаго движенія оказались два вѣрныхъ союзника въ самомъ русскомъ обществѣ: 1) туманный заоблачный лжемистицизмъ, впавшій затѣмъ въ настоящее вырожденіе и 2) слѣпота равнодушныхъ, теплохладныхъ, — элементъ косности. Толпа въ рукахъ ловкихъ организаторовъ бунта. Неудивительно потому, что въ общественныхъ собраніяхъ раздаются голоса, которые, съ книгою Милюкова въ рукахъ, повторяютъ слова мистика Вл. Соловьева о смерти славянофильства, его похоронахъ. Выслушивать подобныя заявленія, бросаемыя въ лицо живымъ славянофиламъ, невыносимо, ибо самого себя считать умершимъ и погребеннымъ просто невозможно. А если исповѣдники славянофильства существуютъ, то тѣмъ болѣе живо и само ученіе.

Вѣря въ неизбѣжность для новой Россіи окончательнаго выздоровленія и возрожденія, то есть возвращенія къ искон-

нымъ творческимъ началамъ русской жизни, заложеннымъ за 1000 лѣтъ существованія Россіи, не въ силахъ мы остаться безмолвными. Лучшимъ способомъ протеста кажется намъ была бы попытка дать наиболѣе ясное опредѣленіе сущности славянофильства, т. е. рѣшить посильно вопросъ: *что есть славянофильство?* и изобразить возможно обстоятельнѣе само ученіе въ строго установленномъ порядкѣ. Для этого изложимъ взгляды самихъ современныхъ славянофиловъ на ихъ же ученіе и подвергнемъ ихъ болѣе или менѣе подробному разбору. Изъ этихъ изысканій намъ станетъ ясно, почему существуютъ голоса, отрицающіе славянофильство. Дѣло въ томъ, что какъ живое направленіе и притомъ своеобычное, оно не вылилось еще въ опредѣленныя, твердо установленныя положенія. Болѣе устойчивое опредѣленіе проявится только тогда, когда само движеніе приметъ болѣе осязательные размѣры и дождется всеобщаго признанія.

Это не помѣшаетъ намъ дать нѣкоторые самостоятельные взгляды на самую сущность славянофильства, какъ историческаго явленія, какъ умственнаго направленія и какъ свода просвѣтительныхъ задачъ. Достойно замѣчанія, что сами славянофилы-основатели, Хомяковъ и его друзья, точнаго и полнаго опредѣленія не дали, да и дать не могли, ибо словообозначеніе «*славянофильство*» не считали они достаточно широкимъ для обхвата содержанія всего ученія. Болѣе поздніе приверженцы извлекли изъ этого направленія наипростѣйшія выраженія содержанія славянофильства, изъ числа которыхъ самымъ распространеннымъ оказалось русское народническое знамя трехчленнаго единства: *Православіе, Самодержавіе* и *Народность*. По этому образцу получился рядъ подобныхъ выраженій: церковь, престолъ и народъ; вѣра, царь и отечество; соборность, свободовластіе и народоуправленіе и многія другія, болѣе или менѣе отступающія отъ первообраза. Во всѣхъ славянофильскихъ тріединствахъ всегда различаются три самостоятельныя области: духовная, волевая-душевная, природная и вещественно-житейская. Такая троичность существенныхъ частей жизни племени несомнѣнно показываетъ на полноту обхвата, на высоту построенія и цѣльность содержанія славянофильскаго ученія. Единство же его вытекаетъ изъ требованія славянофиловъ сочетать и тѣсно связать эти начала, ибо безъ подобной скрѣпы никогда свобода, т. е. своебытность русскаго духа, проявиться не можетъ.

Эти краткіе образы славянофильскаго содержанія все же требуютъ болѣе подробнаго изложенія, такъ какъ въ тѣ

же слова можно вложить и совершенно чуждыя направленію понятія. Напримѣръ, враги истиннаго славянофильства придаютъ ему крайне извращенные оттѣнки, видя въ Православіи—клерикализмъ ватиканскаго направленія, въ самодержавіи—деспотизмъ нѣмецкаго абсолютизма или турецкаго султанизма, въ народности — ретроградство варварскаго обскурантизма и татарской азіатчины и т. д.

Вотъ взгляды болѣе крупныхъ и видныхъ современныхъ дѣятелей направленія.

Взглядъ на Славянофильство генерала А. А. Кирѣева. † 1910 г.

Однимъ изъ талантливѣйшихъ ученыхъ приверженцевъ современнаго славянофильства почитается извѣстный богословъ и сторонникъ старокатолическаго движенія въ западной церкви, генералъ А. А. Кирѣевъ, который еще въ 1896 году далъ широкому кругу читателей «Краткое изложеніе славянофильскаго ученія», представляющее изъ себя сводъ положеній, изложенныхъ въ «Извѣстіяхъ Славянскаго благотворительнаго Общества» за 1883 г. *) въ руководящей статьѣ. Этотъ сводъ является поэтому какъ бы изложеніемъ взгляда самого Славянскаго Общества.

Основоположенія генерала А. А. Кирѣева, выраженныя въ его исповѣданіи, *облекаются* въ то же трехцвѣтное знамя, которое естественно вытекаетъ изъ положеній всѣхъ первыхъ славянофиловъ, т. е. знамя *Православія*, *Самодержавія* и *Народности*, но при этомъ дается и довольно опредѣленный смыслъ этихъ трехъ понятій личнаго оттѣнка: *Православіе* понимается, какъ сумма этическихъ взглядовъ, *Самодержавіе*, какъ выраженіе политическихъ воззрѣній русскаго народа, а *Народность* опредѣляется, какъ сфера дѣйствій, высочайшимъ выраженіемъ которой служитъ Православіе, органически связанное съ Самодержавіемъ. При дальнѣйшемъ выясненіи этихъ же понятій указывается и внутреннее ихъ содержаніе. Православіе есть выраженіе равновѣсія свободы и авторитета, самодержавіе есть народная государственная сила, единственная, создавшая современную Россію, а народность есть своеобразность типа и самостоятельный характеръ русскаго самосознанія, цѣль котораго—вывести свою народность къ высшему человѣческому типу. Вотъ приблизительное, сжатое изложеніе понятій о славянофильствѣ генерала Кирѣева.

---

*) № 1, октябрь.

Оно встрѣтило со стороны другого виднаго дѣятеля и писателя славянофила Аѳ. В. Васильева справедливыя возраженія, ибо Хомяковъ и его кружокъ очевидно смотрѣли на Православіе шире, не только какъ на сумму этическихъ взглядовъ, или какъ на равновѣсіе авторитета и свободы, но какъ на міровое новозавѣтное организованное (цѣлостное) домостроительство новаго Израиля, какова истинно *Вселенская Соборная Церковь*. Не сумма этическихъ взглядовъ только, говоримъ мы, но историческое, пророками предреченное явленіе не только мірового земного порядка, но и всесвѣтной духовной надмірной цѣльности, называемой Божьимъ царствомъ! Несмотря на эти возраженія, опредѣленія генерала Кирѣева въ общемъ видѣ и по своей существенности остаются вѣрными, ибо дѣйствительно только тѣсная совокупность началъ Православія, Самодержавія и Народности составляетъ корень славянофильскаго ученія и не вполнѣ точная ихъ обрисовка и философское ихъ выраженіе не портитъ основного взгляда генерала Кирѣева.

Взглядъ на Славянофильство Аѳ. В. Васильева.

Аѳ. В. Васильевъ излагаетъ свое пониманіе славянофильства въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ. Все славянское племя есть разнообразный въ своихъ частяхъ, но тѣмъ не менѣе единый цѣлостный народный организмъ, одно живое тѣло. Чаянія и стремленія каждаго неложнаго славянофила направлены къ тому, чтобы это великое народное тѣло во всѣхъ своихъ членахъ было одинаково здорово и свободно. Другими словами— идеалъ славянофильства это—полная и всесторонняя свобода и искреннее братство всѣхъ славянскихъ народовъ. При этомъ тутъ же дается и объясненіе, что надо понимать подъ словомъ свобода: 1) свобода требуется для славянъ политическая, т. е. свобода отъ гнета иноземщины и иностранщины и иноплеменной государственной власти; свобода экономическая, т. е. свобода отъ эксплуататорства и грабительства большею частью еврейскаго и иностраннаго предпринимательства и свобода нравственная, т. е. свобода отъ духовнаго рабства и церковнаго насилія по ватиканскому образцу.— «Братство или семейная, родственная племянная связность таково, при которомъ каждый славянинъ, на всемъ широкомъ пространствѣ Славянской Земли сознавалъ бы, что онъ дома, въ своей родной семьѣ свободенъ и полноправенъ. Безбоязненно и непостыдно исповѣдывать этотъ идеалъ, постоянно имѣть его въ виду, какъ основную причину и конечную цѣль всѣхъ своихъ стремленій и дѣйствій безостановочно искать и

указывать другимъ средства и пути, ведущіе къ его осуществленію, неустанно бороться со всѣмъ, что стоитъ на дорогѣ или идетъ наперекоръ этимъ стремленіямъ и цѣлямъ—такова постоянная и неизмѣнная задача славянофильства и въ то же время—наша народная и государственная задача. Уяснить эту задачу и проводить ее во всеобщее сознаніе, звать всѣхъ и каждаго въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ на служеніе славянскому дѣлу, дѣлу всесторонняго славянскаго освобожденія,—такова обязаность славянскихъ обществъ». Славянофильство есть въ сущности не что иное, какъ выраженіе русскаго народнаго міровоззрѣнія, очищеннаго и возвышеннаго до идеаловъ.—*Это самосознаніе русскаго народа.* Славянофильство можетъ быть названо русскою народною партіею (вѣрнѣе по русски «русскимъ народнымъ союзомъ»), но и такое опредѣленіе для него тѣсно. Славянофильство это—сама *русская* Россія, за нимъ стоитъ и сознательно или безсознательно готово идти все, что есть русскаго въ Россіи, и все, что есть чисто славянскаго въ остальномъ славянствѣ. «Осуществленіе славянскаго идеала—свободы и братства славянскихъ народовъ—требуетъ: 1) прежде всего укрѣпленія народнаго русскаго самосознанія и освобожденія русскихъ общественныхъ силъ отъ тяжелаго лежащаго на нихъ иноплеменническаго гнета; затѣмъ—2) политическаго освобожденія отъ иноплеменной власти и объединенія угнетенныхъ и разобщенныхъ славянскихъ народностей и, наконецъ—3) духовнаго объединенія Славянскаго міра, т. е. уничтоженія въ немъ вѣроисповѣдной и нравственной розни.

Это воззрѣніе на славянофильство нѣсколько иного опредѣленія, чѣмъ воззрѣнія Г. Кирѣева, хотя по чувствамъ народолюбія, по чаяніямъ и намѣченнымъ идеаламъ, оно не лишено извѣстной возвышенности. Все содержаніе опредѣленія сосредоточивается на: 1) цѣльности и единствѣ всеславянскаго племеннаго тѣла, 2) свободѣ державнаго, хозяйственнаго и нравственнаго развитія и 3) братствѣ, соборности и совѣстливости русскаго и славянскаго самосознанія, дабы достичь духовнаго объединенія и уничтожить вѣроисповѣдную и нравственную рознь.

Не то направленіе замѣчаемъ мы въ представителѣ Славянскаго Общества въ Петроградѣ въ лицѣ редактора печатнаго его изданія и его неизвѣстнаго сотрудника, скрывшаго свое имя подъ двумя буквами *ин.*

Опредѣленія Славянофильства „Славянскихъ Извѣстій" 1907 года и ихъ разборъ.

«Славянскія Извѣстія», передѣланныя изъ «Извѣстій С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества», въ первомъ послѣ переименованія выпускѣ въ руководящей передовой статьѣ даютъ свою подробную формулу славянофильства. Выраженіе задачъ изложено весьма разносторонне, такъ какъ, несмотря на краткость статейки, на трехъ ея страницахъ даются три отдѣльныя опредѣленія: 1) *историческое*, по которому *славянофильство* будто-бы *есть совершенное и гармоническое примиреніе двухъ великихъ идей XIX вѣка: идеи народности и идеи прогресса и свободы.* «Такого примиренія, продолжаетъ сотрудникъ, оно достигло, благодаря своему чрезвычайно широкому и просвѣтительному взгляду на «народность»; 2) *психологическое*—по коему *славянофильство есть гуманизмъ,* болѣе послѣдовательный и честный и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкій и глубокій по содержанію, чѣмъ гуманизмъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова и 3) *логическое* заключительное опредѣленіе по внутренней его сущности, въ которомъ выражены задачи современнаго славянофильства: «*Славянофильство есть націоналистическое направленіе, стремящееся обосновать самобытность славянской культуры на признаніи единой великой славянской собирательной личности и стремящееся внести въ ея творчество единство сознанія и организаціи*». Девизомъ сего направленія являются слова одного чешскаго славянофила: «все изъ народа, съ народомъ и для народа: ничего безъ народа, не изъ народа и противъ народа». Подъ народностью г-нъ —ин— понимаетъ извѣстную біологическую и психологическую индивидуальность, т. е. совокупность такихъ антропологическихъ свойствъ, которыя при внѣшнемъ разнообразіи извнутри составляютъ нѣчто цѣлое и недѣлимое.

Изъ ряда всѣхъ народностей славянскаго племени единая великая коллективная славянская личность, которая имѣется въ виду въ заключительномъ опредѣленіи,—есть Русь, и другой предположить нельзя, ибо всѣ остальныя сравнительно не велики; единственно великій народъ среди славянъ —народъ Русскій. Что господинъ —ин— беретъ Россію для опредѣленія «народности» русскаго славянофильства вполнѣ естественно и понятно, но почему онъ не пожелалъ назвать ее собственнымъ именемъ, составляетъ его тайну; между

тѣмъ это необходимо для ясности, такъ какъ прямѣе и научнѣе слѣдовало бы признать за единую цѣлую единицу не какую нибудь народную личность, а всю полную совокупность этихъ народныхъ личностей въ племени, каково въ данномъ случаѣ *всеславянство.* Но объ этомъ племенномъ соборѣ во всей статьѣ нѣтъ и помину.

Современное славянофильство «Слав. Изв.» основывается исключительно на національной культурѣ. Культурою же сотрудникъ «Слав. Изв.» называетъ только конкретное воплощеніе народности, то, что называется вещественною культурою. Гуманизмъ принятъ въ статьѣ не въ широкомъ общечеловѣческомъ (космополитическомъ) значеніи, не въ смыслѣ гуманизма національныхъ единицъ, а въ узкомъ примѣненіи къ отдѣльнымъ личнымъ единицамъ (особямъ), т. е. принятъ индивидуальный гуманизмъ, который отличается «святыми требованіями уваженія и свободнаго развитія для каждой человѣческой личности (а не народной личности), какъ бы она незначительна ни была. Изъ всего этого слѣдуетъ, что славянофильство «Слав. Извѣстій» 1907 года гуманистическаго сепаратнаго индивидуальнаго свойства и основано на національнизмѣ каждаго отдѣльнаго народа для себя врознь.

Для Руси это національное воплощеніе заключается, по положеніямъ «Слав. Изв.», въ примиреніи идеи національности съ идеями свободы и прогресса, но такое неопредѣленное воззрѣніе не совпадаетъ съ яснымъ взглядомъ коренного славянофильства московскаго кружка друзей знаменитаго Хомякова.

Само словообозначеніе «славянофильство» имѣетъ строго опредѣленное содержаніе, принадлежащее строго опредѣленному историческому явленію. Оно выражаетъ собою просвѣтительное историческое движеніе на Руси середины прошлаго вѣка, на трехцвѣтномъ знамени котораго было начертано *всеславянское возрожденіе* или возвратъ къ святой старинѣ. Въ частности славянофильство имѣетъ предметомъ истинное христіанское православіе, взамѣнъ казеннаго со стороны вѣрующихъ, искаженнаго къ нему отношенія, истинное царское самодержавіе земсконароднаго пониманія взамѣнъ полицейскаго иностраннаго (нѣмецкаго) бюрократическаго режима, или временщичества, создавшаго средостѣнное между народомъ и царемъ, сословіе «интеллигентовъ» и историческую просвѣтительную самобытность Кирилло-Меѳодіевскаго просвѣщенія взамѣнъ привитой западно-европейской германо-романской цивилизаціи.

Всякое направленіе, отступающее отъ этихъ основныхъ

началъ коренного славянофильства, получало во всѣхъ случаяхъ новое отдѣльное наименованіе. Казалось и для своеобразнаго славянофильства «Слав. Извѣстій» 1907 года надлежало бы установить свое особое словообозначеніе, подобно тому какъ воззрѣнія Ореста Миллера и его кружка, не вполнѣ тожественныя съ хомяковскими, названы *неославянофильствомъ*. «Славянскій Вѣкъ», вѣнскій органъ всеславянскаго примиренія, обозначаетъ исторически слагающееся братское единеніе славянъ простымъ, всѣмъ понятнымъ, весьма удачнымъ наименованіемъ «*всеславянство*». Существуютъ нѣсколько теченій объединенія всеславянскаго племени,—чешскій гуманистическій внѣцерковный *панславизмъ*, мистическій *мессіанизмъ* польскихъ славянофильствующихъ католиковъ-ватиканистовъ.

Есть сторонники особой отрасли славянофильства—«*обще культурный панславизмъ*». Самъ г-нъ—ин—даетъ особыя названія различнымъ дѣятелямъ славянофильскаго, по его мнѣнію, направленія, именуя ихъ то *народниками*, то *почвенниками*, то приверженцами культурно-историческаго славянофильства и т. д. Но предположимъ, что слово «славянофильство» (въ переводѣ славянолюбіе) сдѣлалось столь излюбленнымъ и общимъ, что стало нарицательнымъ именемъ, и имъ начали обозначать всякое ученіе о каждой славянской народности въ отдѣльности и о всемъ славянствѣ въ совокупности. Такъ «Слав. Изв.» 1907 года отмѣчаютъ чешское, русское славянофильство. Но и въ такомъ случаѣ примиреніе идеи національности съ идеями прогресса и свободы безъ указанія какого именно народа, въ чемъ прогрессъ, для чего и отъ чего свобода, т. е. своеобразное славянофильство «Слав. Изв.» 1907 года не можетъ остаться безъ новаго особеннаго названія въ отличіе отъ коренного московскаго славянофильства кружка Хомякова и отъ всѣхъ вышедшихъ изъ него разновидностей. По общему смыслу трехъ опредѣленій, данныхъ г.—ин—омъ, вѣрнѣе всего назвать его направленіе *сепаратнымъ національнымъ индивидуализмомъ* каждаго славянскаго народа въ отдѣльности, или проще *славянскимъ народофильствомъ*, причемъ самъ сотрудникъ остановился на одной «единой великой» русской народности.

Легко доказать, что всѣ три опредѣленія г-на—ин—а не полны и не точны; первое—совершенно туманно, второе не вполнѣ высококачественнаго свойства, а третье неправильно и лишено внутренняго логическаго смысла, и всѣ три вмѣстѣ противорѣчатъ коренному славянофильству, возвышенному по идеаламъ и глубокому по исконно творческимъ началамъ.

Обстоятельное разсмотрѣніе перваго опредѣленія даже и невозможно по непонятности самого содержанія. Славянофильство есть примиреніе двухъ (вѣрнѣе трехъ) великихъ идей XIX в.: 1) идеи національности, 2) идеи прогресса и 3) идеи свободы. Въ этомъ опредѣленіи изъ трехъ понятій, «національность», «прогрессъ» и «свобода», только народность выяснена сотрудникомъ «Слав. Изв.» 1907 года, какъ народная особь или какъ единая, цѣльная народная индивидуальность. Двѣ остальныя идеи свободы и прогресса оставлены безъ поясненія. Разумѣется-ли подъ словами «великая идея прогресса XIX в.» развитіе анархизма, атеизма, аморализма, декаденства и т. д. (что въ переводѣ значитъ, безначаліе, безбожіе, безнравственность, вырожденіе и упадочничество) или иное что — не выяснено. Тоже и относительно словъ «великая идея свободы»: свобода отъ христіанства или вѣры вообще, отъ гнета западнаго парламентаризма, отъ иностраннаго и жидовскаго эксплуататорства? или отъ чего другого? Не находя этихъ весьма необходимыхъ поясненій подробнаго разсмотрѣнія даннаго опредѣленія, случайно втиснутаго въ статью, повидимому, для краснаго либеральнаго словца, — мы дать не можемъ.

Второе опредѣленіе — славянофильство есть гуманизмъ болѣе послѣдовательный и честный, чѣмъ гуманизмъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Этотъ относительный гуманизмъ по качеству не полное совершенство, поэтому онъ не можетъ служить руководящимъ идеаломъ для міровыхъ великихъ и единыхъ собирательныхъ народностей, какова свободная Русь, народный идеалъ которой всенародная святость. Славянофильство, понятое, какъ возрожденіе и воплощеніе христіанской истины не въ личныхъ единицахъ только, а во всенародной совокупности, ставитъ эту святость путеводною звѣздою и по идеалу вмѣстѣ съ народомъ называетъ Русь — Святою.

Мы оставимъ подъ сомнѣніемъ и другой вопросъ, не скрывается ли въ опредѣленіяхъ г-на—ин—а все таки, противорѣчія между общечеловѣческимъ характеромъ гуманизма вообще и между индивидуальнымъ народническимъ эгоизмомъ сепаратнаго славянофильства «Слав. Изв.», 1907 года, т. е. между *племенною* славянскою международною солидарностью и славянскимъ *провинціализмомъ* составляющихъ его народностей. Это сомнѣніе вытекаетъ изъ того, что сотрудникъ «Слав. Изв.» 1907 года не выдвигаетъ племенной соборности, а гуманизмъ, обращенный къ цѣлымъ народностямъ, какъ къ одному лицу, можетъ проявиться только въ средѣ взаимныхъ

отношеній народовъ, собранныхъ въ одну семью, какова племенная единица—*всеславянство.*

По третьему заключительному и главному опредѣленію, задачи русскаго современнаго славянофильства, по утвержденію г-на—ин—а, слѣдующія: 1) обосновать славянскую *самобытность* славянскаго конкретнаго воплощенія (т. е. культуры) на признаніи славянской личности и 2) внести въ славянское народное творчество единство сознанія (очевидно также славянское, а можетъ быть, только русское?) и единство какого то домостроительства (организаціи). Обѣ эти задачи должны быть обоснованы на *признаніи* (кѣмъ, не сказано) единой великой собирательной личности, которую иную, какъ единую великую Русь, признать мы не могли, такъ какъ понимать подъ этой собирательной личностью все славянское племя было бы ошибочно, ибо племя не есть только коллективная народная личность, а соборъ всѣхъ славянскихъ народовъ, соборъ всѣхъ народныхъ коллективныхъ личностей и ихъ племенное согласіе.

И такъ, основа самобытности культуры, по мнѣнію «Слав. Изв.», 1907 года есть не племенное согласіе, а *признаніе* народной собирательной личности. Обосновывать историческое явленіе, какова самобытная народная культура, не на фактѣ, а на подобномъ *признаніи* (кѣмъ—неизвѣстно), по крайней мѣрѣ излишне, ибо самобытность вообще обосновывать на самобытности-же не зачѣмъ, какъ не зачѣмъ свѣтъ освѣщать свѣтомъ, тьму затемнять тьмою.

Вѣдь самобытность есть то, что не требуетъ никакого обоснованія и обособленія: оно—бытіе, само отъ себя истекающее, природное исконное начало, заложенное въ самыхъ глубочайшихъ нѣдрахъ народа. Сама самобытность обосновываетъ всякую культуру, она и есть то цѣлое и недѣлимое, которое проявляетъ культуру извнутри, а не наоборотъ, она есть источникъ, а не потокъ. Обосновать можно все привитое, и тогда это значитъ согласовать чужое съ кореннымъ, самобытнымъ. Самобытная народная культура несетъ съ собою неизбѣжно и роковымъ образомъ свои личныя коренныя свойства, свои личныя духовныя силы и не требуетъ внѣшнихъ подпорокъ и обоснованія на единствѣ того-же личнаго сознанія. Тутъ единство нужно понимать, какъ существенное свойство самого сознанія. Сознаніе объединяетъ, т. е. претворяетъ или извергаетъ, все привитое и чужое въ лицѣ сознающаго. Самобытная культура не требуетъ какой-то организаціи творчества. Повторяемъ: славянскую культуру и славянскую самобытность обосновать на славянскихъ-же началахъ—занятіе совершенно

пустое. Какъ-же понимать еще требованіе г-на—ин—а внести въ народное творчество единство сознанія и единство какой-то организаціи?

Творчество есть свойство или сила духа (свободное отъ всякаго стѣсненія) производить самопроизвольно и часто непроизвольно, самосознательно или часто безсознательно (вѣрнѣе сверхсознательно) новое изъ ничего.

Творчество есть первоисточникъ самобытности или вѣрнѣе его другая сторона. Самобытность—пассивное творчество, творчество- -активная самобытность,—оба коренныя свойства и начала свободной личности, одно есть состояніе, другое есть дѣятельность личнаго, народнаго и племенного «Я». Творчество само домостроительствуетъ, оно само нарождаетъ новые образцы для созиданія, изобрѣтаетъ новые планы для построенія и не терпитъ для себя никакихъ организаціонныхъ стѣсненій. Творчество, производящее новое изъ существующаго матеріала, не творчество, а лишь созиданіе и внѣдренія чего либо посторонняго не терпитъ. Организовать и внести единство сознанія въ творчество, которое, какъ духовное начало, вытекаетъ изъ области сверхсознательнаго, значитъ лишить его свободы проявленія, стѣснять и ограничивать неумѣстными рамками, заглушать и мертвить. Не даромъ Хомяковъ, творецъ славянофильства, всю жизнь свою такъ упорно отказывался отъ всякихъ схемъ, формулъ, системъ и т. п. стѣснительныхъ ограниченій творчества и духовной свободы!..

Опредѣленія Г-на —ина— хотя приняты редакціей «Славянскихъ Извѣстій» 1907, нужно признать невѣрными и для исконнаго славянофильства окончательно не пріемлемыми.

Если судить о Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ по его опредѣленіямъ редакціи и измыслителя передовой статьи перваго номера возобновленнаго изданія въ 1907 вѣстника Общества, то само общество не славянофильское и редакторъ не славянофилъ Хомяковскаго и Московскаго уклада «святонароднорусскаго исповѣданія».

Въ трехъ отношеніяхъ славянофильство «Слав. Извѣстій» 1907 года ограничено и съужено: 1) предметъ его изслѣдованія есть каждая народность въ своей отдѣльности, а не племенная совокупность, т. е. соборъ всѣхъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ въ объединяющемся славянствѣ; 2) народность понимается, какъ біологическая и психологическая сущность и отбрасывается ея духовная суть; 3) культура принимается въ своемъ узкомъ вещественномъ значеніи, какъ воплощеніе конкретное, а не какъ духовное проявленіе.

Наоборотъ, истинное коренное славянофильство московскихъ свѣточей полагаетъ въ основу своего развитія племенную историческую жизнь всего славянскаго племени въ связи съ человѣчествомъ и вселенскою церковью, понимая здѣсь подъ церковью живущее, нарождающееся и сошедшее въ могилу, но живущее духовно на небесахъ, вкупѣ со всѣмъ духовнымъ міромъ, человѣчество. Коренное славянофильство развиваетъ и укрѣпляетъ народную жизнь на исконныхъ самобытныхъ началахъ и творческой свободѣ душевныхъ и духовныхъ силъ всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ всеславянства, какъ въ отдѣльности, такъ наипаче въ общей совокупности.

Итакъ, формулы славянофильства «Слав. Изв.» 1907 года и ограничены, неопредѣленны, отчасти и лишены внутренняго логическаго смысла.

Постараемся выразить нашъ собственный взглядъ на *«славянофильство»*, на *«всеславянство»*, принимая въ основаніе московскихъ коренныхъ славянофиловъ. Но предварительно постараемся измѣнить формулу «Слав. Изв. 1907 года въ этомъ направленіи. Узелъ разнорѣчія между взглядами этого изданія и между нашимъ пониманіемъ заключается въ томъ, что именно поставить во главѣ построенія: *личность*, хотя бы и коллективную, или *соборность*. Въ первомъ случаѣ получится пирамида съ одноличною вершиною, во второмъ шаровидное совмѣстное излученіе изъ общаго творческаго средоточія во всѣ стороны.

Если признать личность выше собора, (начало современнаго ватиканизма), какъ принимаетъ сотрудникъ «Слав. Изв.» 1907 года, то его славянофильство выразится, вводя измѣненія въ понятіяхъ согласно нашему выясненію, слѣдующимъ образомъ:

Славянофильство есть національное направленіе, стремящееся обосновать заимствованную чужую культуру на признаніи этихъ привитыхъ свойствъ за коренныя и старающееся внести въ благопріобрѣтенныя заимствованія единство сознанія и организаціи, т. е. согласовать ихъ съ коренными чертами творчества и единствомъ народной самобытности.

Если же признать соборность главенствующею надъ народной личностью, то славянофильство есть племенное (а не националистическое только) направленіе, стремящееся согласовать культуры отдѣльныхъ народовъ, входящихъ въ составъ племени, не стѣсняя свободнаго проявленія творческаго дара каждой отдѣльной народности (національности) никакимъ единствомъ или предвзятою организаціею, для обра-

зованія племеннаго соборнаго единенія во всей полнотѣ и цѣльности всего народнаго разнообразія и племенной многочисленности. Въ первомъ случаѣ произойдетъ подчиненіе свободной личности отдѣльнаго народа игу чужой культуры, чего такъ упорно добиваются нѣмцы относительно славянъ, во второмъ—гармоническое развитіе народныхъ частей одного племени, т. е. сочетаніе развитія началъ народныхъ личностей и согласованіе ихъ въ племенномъ соборномъ единствѣ.

Смѣшивать понятія народа (націи) съ понятіемъ племени—соборомъ народностей—не слѣдуетъ; высшее по объему понятіе племя, по содержанію народъ.

Наше пониманіе Славянофильства.

Изложимъ самостоятельно наше пониманіе славянофильства.

Славянофильство есть историческо-просвѣтительное явленіе всесторонняго возрожденія (т. е. возвращеніе къ святымъ идеаламъ старины) и дальнѣйшее развитіе исконныхъ самобытныхъ свойствъ и свободныхъ творческихъ силъ всѣхъ славянскихъ народовъ, соборно сплачивающихся въ одно племенное семейство, во исполненіе завѣтовъ истиннаго христіанства и водворенія на землѣ международнаго и междуплеменнаго царства любви, которое безъ соборнаго согласія и соборной совѣсти немыслимо. Соборность есть единство и цѣльность всей совокупности творческаго многообразія и многочленности для достиженія истинной свободы отъ гнета одной части надъ другою и для совершенія полноты истинной и праведной жизни. Соборность заключаетъ въ себѣ обязательно этическое высоконравственное начало. Всякія ограничительныя стремленія въ нравственномъ развитіи частей и членовъ соборности противны самобытнымъ началамъ и природнымъ свойствамъ всеславянскаго племени. Соборное единство основывается на взаимномъ довѣріи и на свободномъ подчиненіи всѣхъ частей общему нравственному началу (любви). Единство личной индивидуальности народа требуетъ личнаго подчиненія частей главенствующему народу, что допустимо во внѣшней матеріальной жизни, но не терпимо въ духовныхъ творческихъ стремлѣніяхъ соборнаго строя.

Славянофильство хомяковскаго воззрѣнія отличается самымъ широкимъ обхватомъ соборнаго взгляда. Полная, единовсеобъемлющая цѣлокупность есть цѣль стремленія коренного московскаго славянофильства, которая намѣчена издревле проповѣдническою дѣятельностью Св. Пр—хъ Кирилла и Меѳодія,

а потому это коренное движеніе въ славянствѣ не что иное, какъ истинное христіанское кирилломеѳодіевское возрожденіе начала IX вѣка, а не какое-то примиреніе громкихъ, но неопредѣленныхъ и неясныхъ идей XIX в. Западная Европа пережила уже подобное *возрожденіе*, которое переживаетъ нынѣ славянство, т. е. пережила переходъ и возвращеніе къ своей старинѣ—въ романизмѣ и средневѣковомъ ренесансѣ. Но то было возрожденіе классическаго язычества, т. е. настоящій регрессъ. Возрожденіе всеславянства есть истинный прогрессъ, *преуспѣніе*, въ сторону христіанскаго народнаго совершенствованія до все-народной святости.

Изъ вышеприведеннаго ряда опредѣленій славянофильства, разсмотрѣнныхъ подробно, или только вскользь указанныхъ, можно вывести одно заключеніе—*опредѣленіе славянофильства еще не окристаллизовалось*, и каждый новый дѣятель стремится дать ему свое личное направленіе. Есть-ли это доказательство того, что само славянофильство мертво и поросло травою забвенія? Намъ кажется наоборотъ—то, что вырабатывается, то живетъ и растетъ. Живымъ словомъ называютъ то, которое выражаетъ измѣняющіеся оттѣнки, которое само измѣняется. Славянофильство есть именно живое слово. Мертвымъ языкомъ называютъ тотъ, который окостенѣлъ въ неподвижныя формы рѣчи. Славянофильство не окостенѣло, а потому и не умерло. Славянофильство мы опредѣляемъ, какъ *историческое*, пророческимъ откровеніемъ предсказанное явленіе торжества христіанскаго воплощенія, христіанской жизни не для каждаго лица въ отдѣльности, а для народныхъ цѣльностей, сплоченныхъ кровью, вѣрою и любовью, и даже для объединенія цѣльныхъ племенъ между собою въ одно дружное христіанское человѣчество.

Основа нашего воззрѣнія понятіе *отчества*. Патріархальность семьи, патріотичность народа и патріаршество въ церковномъ соборѣ человѣчества, или говоря иначе, дѣдовщина для семьи, царевоотчизна и отечество для народа, родоначальство для племени и богоотчество всего христіанства—вотъ разныя ступени одного и того начала славянофильскаго святоотчества и соборности.

Славянофильство и есть возрожденіе 1) родового начала въ семьѣ, 2) земско-народнаго собора людей всѣхъ сословій въ государствѣ, на службѣ у единаго самодержавнаго царя и помазанника, 3) державнаго союзнаго собора многихъ государствъ въ одномъ междудержавномъ согласіи, 4) вселенскаго собора всѣхъ помѣстныхъ церквей, т. е. всего христіанскаго человѣчества. А соборность безъ соблюденія свободы отъ

взаимнаго притѣсненія, безъ участія совѣсти въ дѣлахъ общихъ, государственныхъ и международныхъ, и безъ проявленія любви во всѣхъ его частяхъ—соборностью не будетъ.

И такъ, *славянофильство есть возрожденіе и утвержденіе соборности въ жизни семейной, государственной, племенной, междуплеменной и церковной, которое обнаружится въ установленіи вселенской любви.* А вселенская соборность во всѣхъ частяхъ человѣчества въ отдѣльности и во всемъ человѣчествѣ въ цѣлокупности, т. е. въ полнотѣ и цѣлости, и есть *полнота царства Божія на землѣ*, которая обѣтована откровеніями пророковъ.

Личное начало запада противополагается союзному началу Востока.

И такъ, славянофильство предполагаетъ существованіе глубокаго отличія между цивилизаціею и культурою западнаго германо-романскаго типа и просвѣщеніемъ и просвященіемъ восточнаго греко-славянскаго христіанскаго совершенствованія. И дѣйствительно, славянофильство проводитъ рѣзкую черту между раціонализмомъ, эволюціонизмомъ, філіоквизмомъ и аморализмомъ западнаго прогресса (преуспѣнія) также, съ распущенною языческою жизнью, технически-усовершенствованною роскошью, съ одной стороны, и между свободнотворческою соборностью и святоотеческою возвышенною духовною ученостью и христіанскою аскетическою жизнью—съ другой. Эта двойственность установлена яснѣе всего въ историческихъ трудахъ Хомякова. Онъ усматриваетъ ее въ глубинахъ исторической жизни самой отдаленной древности и опредѣляетъ характеръ этой двусторонности въ двухъ вселенскихъ жизненныхъ теченіяхъ: 1) въ *кушитствѣ*, которое есть выраженіе признанія вѣчной органической необходимости, производящей въ силу логическихъ неизбѣжныхъ законовъ, и 2) въ *иранствѣ*, которое есть выраженіе духовнаго проявленія свободнотворческаго начала.

Эту двойственность цивилизаціи и просвѣщенія необходимо различать для яснаго пониманія славянофильства, ибо оно, по нашему опредѣленію, не что иное, какъ предопредѣленное назначеніе славянскихъ народовъ воплотить и утвердить въ чистотѣ и полнотѣ иранскій свободнотворческій духъ, т. е. истинное церковно-установленное христіанство. При дальнѣйшемъ ходѣ развитія ученіе новыхъ славянофиловъ должно доказать и водворить на землѣ убѣжденіе, что истинныя начала Святого Православія сдѣлаются неизбѣжными для всемірнаго признанія, и что внѣ соборности *Православія* не произойдетъ всеобщаго торжества христіанской

Истины. Оно должно доказать еще, что истинныя земско-народныя начала *Самодержавія* будутъ необходимыми условіями для переустройства всѣхъ государствъ земного шара, какъ единственный правильный образецъ богоблагословенныхъ земныхъ царствъ. Наконецъ, славянофильство должно доказать и то, что начало *Народности*, христіански понятое, будетъ всѣми принято, какъ существенное средство водворенія на землѣ мира и царства любви.

Славянофильство *), какъ богословско-философско-научное ученіе восточнаго греко-славянскаго просвѣщенія, въ отличіе отъ романо германской цивилизаціи, складывается въ сложное, но стройное построеніе или укладъ.

Славянофильство въ своемъ міровоззрѣніи, жизнепониманіи, познаніевѣдѣніи и вѣроисповѣданіи рѣзко отличается отъ всего круга знанія и вѣрованія западноевропейской культуры. Оно, какъ особое и обобщенное тѣло познанія представляетъ собою художественное, прекрасное и мощное построеніе, полное чарующей простоты, соразмѣрности и всеединства.

Славянофильство, какъ маякъ, освѣщаетъ пути мірового просвѣщеннаго движенія, какъ свѣточъ, предохраняетъ и предостерегаетъ ученыхъ и неученыхъ, исповѣдниковъ и невѣровъ, творцовъ и подражателей, не сбиваться на ложную торную дорогу атеизма, матеріализма, скептицизма, спиритизма, окультизма и иныхъ плодовъ распрославленной и растлѣвающей цивилизаціи.

На неопредѣленной дали неуясненнаго вѣдѣнія храмъ славянофильскаго любомудрія рѣзко очерчивается прежде всего своими блестящими главками и золотыми крестами. То – цвѣтъ и плоды мудрости православнаго мышленія. Свѣтлые, высокіе купола славянофильскаго построенія бросаются въ глаза далеко до приближенія къ крѣпкимъ, устойчивымъ стѣнамъ съ большими, свѣтлыми окнами и широкими, богато-убранными входами. Подземные твердые устои и коренныя основы скрыты отъ взора наблюдателя самимъ материкомъ, надъ которымъ возвышается это роскошное зданіе. Краеугольные камни основанія нужно нарочито раскопать изъ-подъ спуда, прилежно и тщательно изучить, дабы убѣдиться въ прочности, основательности и вѣковѣчности самаго храма.

Творческое построеніе ученія славянофильскаго складывалось исторически съ верховъ. Изложеніе же сего ученія, наоборотъ, для убѣдительности и доказательности слѣдуетъ

*) Перепечатаемъ здѣсь предисловіе наше къ книгѣ «Сводъ основныхъ законовъ».

начать съ низовъ, которые углублены въ нѣдрахъ основныхъ и начальныхъ законовъ мышленія.

Къ числу коренныхъ отдѣловъ славянофильской философіи относится главнымъ образомъ раскрытіе свойствъ и сторонъ самаго *вѣдѣнія*. Этотъ отдѣлъ *познаніевѣдѣнія* разработанъ славянофильствомъ подробнѣе и тоньше многихъ другихъ. Ни категорика (ученіе о высшихъ опредѣленіяхъ), ни систематика (ученіе о соразмѣрныхъ распорядкахъ и укладахъ), ни остальные отдѣлы философіи не изучены славянофильствомъ такъ подробно, какъ ученіе о границахъ и свойствахъ познанія. Скажемъ болѣе: безъ этой необходимѣйшей части не существовало-бы самого славянофильскаго любомудрія, какъ отдѣльной философской науки. Но основныхъ логическихъ законовъ первые славянофилы не коснулись или, если коснулись, то только слегка. А какъ начать излагать новое ученіе въ полнотѣ и стройности, если не опредѣлить заранѣе законовъ, на которые оно опирается и отъ которыхъ оно происходитъ.

По своей исполинской обширности и всеобъемному обхвату славянофильство не можетъ удовлетвориться и ограничиться тремя или четырьмя законами элементарной и къ тому-же исключительно формальной логики Аристотеля. Поэтому, задаваясь цѣлью изложить философію по славянофильству, въ строгомъ порядкѣ и цѣльности, мы не можемъ обойтись безъ свода основныхъ законовъ мысли.

Основное построеніе сихъ законовъ мысли и будетъ служить намъ для дальнѣйшихъ постановокъ всякихъ укладовъ. Только при соблюденіи сихъ законовъ *) уклады эти не будутъ безпочвенны, а, наоборотъ, обоснованы на точныхъ и незыблемыхъ законахъ самой *мысли*. При этомъ *постараемся наше изложеніе и даже построеніе выразить, для большей отчетливости и опредѣленности, числовыми и геометрическими (математическими) образами, какъ выражалъ, хотя рѣдко, но всегда весьма удачно, самъ великій Хомяковъ.*

---

*) Эти законы наши приложены въ книгѣ «Сводъ основныхъ законовъ мышленія», и мы будемъ относиться къ его положеніямъ всякій разъ, какъ то потребуется.

Глава II.

Что есть любомудріе по ученію славянофиловъ.

«Овому Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума о томъ же Дусе.» (Кор. 12, 8).

Опредѣленіе любомудрія на ряду съ другими отраслями познанія, взятыми въ полнотѣ и соразмѣрной цѣльности единства.

Въ итогѣ всего сказаннаго, славянофильство есть просвѣтительное движеніе, начавшееся въ Россіи въ прошломъ столѣтіи послѣ отечественной войны. Оно имѣетъ цѣлью освобожденіе всего славянскаго племени отъ политической и культурной зависимости и поглощенія сосѣдними иноплеменными и инославными народами. Свое просвѣтительное дѣло славянофильство стремится вести путемъ возстановленія и развитія всѣхъ бытовыхъ, просвѣтительныхъ и исконно-творческихъ началъ племени, святорусской жизни.

Посему славянофильство при достиженіи своихъ стремленій не могло не установить для руководства и свое особое философское воззрѣніе, кореннымъ образомъ отличающееся отъ взглядовъ, выработанныхъ народами иныхъ племенъ. Въ частности, какъ отрасль знанія и науки, *славянофильство не только просвѣтительное историческое явленіе всесторонняго возрожденія и дальнѣйшее развитіе исконныхъ самобытныхъ свойствъ и свободныхъ творческихъ силъ всѣхъ славянскихъ народовъ, но и особое историко-философское и богословское ученіе, основанное на христіанскихъ понятіяхъ о жизни человѣчества, которая безъ вселенскаго согласія народовъ и племенъ, безъ соборной совѣсти и безъ познанія полноты духовныхъ сторонъ природы человѣка немыслима.*

Мудрая сущность его основъ заключается въ духовности, въ жизненной соборности и цѣльности и полнотѣ по-

знанія непреложной и вѣчной истины. И эти основоположенія славянофильскаго любомудрія были возвѣщены, хотя въ отрывочныхъ положеніяхъ, основателями московскаго славянофильства Кирѣевскимъ и Хомяковымъ и получили дальнѣйшую обработку въ твореніяхъ Гилярова-Платонова, Самарина, Данилевскаго, Митрополита Филарета Московскаго, Преосвященнаго еп. Өеофана, отчасти — Побѣдоносцева и многихъ другихъ, которые выяснили психическую сторону, философско-богословское православное пониманіе жизни. Взгляды этого направленія нашли также талантливаго своего выразителя и въ лицѣ славнаго бытописателя Достоевскаго, знатока славянской души и глубоковѣрующаго проповѣдника славянофильскаго ученія. Кромѣ этихъ крупныхъ дѣятелей, сошедшихъ уже съ житейскаго поприща, многіе другіе ученые и писатели продолжаютъ изученіе и развитіе славянофильскихъ основъ. Такъ проф. Завитневичъ предпринялъ ученый трудъ, посвященный исключительно сочиненіямъ Хомякова, другой заслуженный профессоръ, Л. Е. Владиміровъ. разработалъ взглядъ Хомякова на право. Нѣкоторые ученые только косвенно приближаются къ теченію мыслей славянофиловъ и вносятъ, хотя и не непосредственно, въ славянофильство новыя изслѣдованія и новыя положенія, такъ проф. Бугаевъ одну изъ коренныхъ мыслей, высказанную какъ бы случайно Хомяковымъ, развилъ въ цѣлую стройную, высоко-научную работу. На славянофильской нивѣ работаетъ проф. Некрасовъ, послѣдователь Бугаева, выбравъ предметомъ изслѣдованій своихъ вопросы хозяйства и денежнаго обращенія, экономіи и финансовъ.

Задача современныхъ мыслителей основного славянофильства показать коренную разницу и даже противоположность между восточнымъ мышленіемъ, міровоззрѣніемъ и жизнепониманіемъ, съ одной стороны, и смысломъ и значеніемъ философскихъ системъ западно-европейской цивилизаціи, съ другой. Не только показать, но и найти коренную сущность и словесное выраженіе этой противоположности,—вотъ истинная цѣль современнаго русскаго научнаго мышленія. Такъ, безъ сомнѣнія, духовность славянофильскаго ученія противополагается раціоналистической и матеріалистической цивилизаціи запада; славянофильское семейное, общинное и соборное вселенское устройство и патріархальныя начала общественной и государственной старо-русской жизни стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ началами личнаго, насильственнаго строя западной культурной жизни и съ антихристіанскимъ соціалистическимъ и комунистическимъ конституціоннымъ на-

правленіемъ. Наконецъ, цѣльность и полнота познанія, къ коему стремятся мудрецы славянофильскаго стана, не совпадаютъ съ раздвоенностью или часто съ односторонностью, исключительностью и частичностью направленій западно европейскихъ мыслителей, не сводимыхъ въ общее единство аналитическаго и критическаго разума. Духовность, жизненность и цѣльность знанія славянофиловъ отмѣчены ярко послѣдователемъ и толкователемъ этого славянскаго направленія. проф. Гиляровымъ-Платоновымъ.

Но гдѣ общая черта и въ чемъ заключается существенное свойство этихъ разногласій и противоположностей, кажется, до сего времени это никѣмъ не подмѣчено и научно не опредѣлено. Если намъ удастся послѣ всесторонняго изслѣдованія славянофильскаго мышленія, 1) найти эти отличительныя черты, 2) опредѣлить свойства, и притомъ съ полною достовѣрностью и убѣдительностью, и 3) установить строго проведенную систему всего ученія, т. е. выяснить научную суть школы, то сочтемъ, что наше изслѣдованіе славянофильства было не безплодно.

Начнемъ разсмотрѣніе славянофильскаго философскаго ученія съ точнаго опредѣленія, что понимаетъ оно подъ словомъ *философія* или *любомудріе*. Кажется, что нѣтъ другого понятія, которому присвоены были-бы столь разнообразнѣйшія толкованія. Всякій самостоятельный мыслитель устанавливаетъ свой отдѣльный взглядъ на философію и опредѣляетъ ее по своему. Часто даже по одному только сему опредѣленію, устанавливаемому мыслителемъ, можно судить о содержаніи его системы, о его коренныхъ воззрѣніяхъ на міръ, на жизнь и на познавательныя силы человѣка. Вообще, такая неустойчивость взгляда на философію прямо указываетъ на многосторонность мыслительной области философіи.

Одному только славянофильству удалось установить опредѣленно точно и вполнотѣ взглядъ, что нужно понимать подъ философіей или любомудріемъ, такъ какъ славянофильство не ограничилось частичнымъ взглядомъ, а стремится охватить предметъ философіи со всѣхъ сторонъ до цѣльной полноты. Его опредѣленіе поэтому наиболѣе общное, наиболѣе полное и наиболѣе цѣльное.

Среди различныхъ мыслителей запада существуетъ даже такой, который отвергаетъ совершенно возможность существованія философіи и діалектически (философски) доказываетъ это свое нигилистическое убѣжденіе. Этотъ отрицатель—историкъ философіи англичанинъ Льюисъ. Онъ низводитъ всякую философію до метафизики, т. е. до области, недоступной

нашему разумному пониманію, ни логическому (разсудочному) обсужденію, ни чувственному опыту. И, отвергая непонятную разсудку метафизику, отрицаетъ неизбѣжно и самую философію, хотя философствуетъ про различныя ея системы на страницахъ двухъ объемистыхъ томовъ. Впрочемъ, Льюисъ какъ-будто предсказываетъ преобразованіе физики и даже возрожденіе метафизики.

«Мы видимъ, что не только физика находится наканунѣ преобразованія черезъ посредство молекулярной динамики, но замѣчаемъ въ метафизикѣ странное движеніе и несомнѣнные признаки пробуждающейся жизни. Послѣ длиннаго періода забвенія и пренебреженія, вопросы ея снова заявляютъ свои права». (Изъ сочин. Вл. Сол. I—198).

Исторія философіи служитъ Льюису обоснованіемъ, на которомъ онъ строитъ свои доказательства несуществованія и даже невозможности существованія философіи. Онъ исходитъ изъ того положенія, что метафизическая область недоступна точному и опытному изслѣдованію, а все, что внѣ опыта и логическаго мышленія, то и не существуетъ и не достойно признанія. Это утвержденіе было бы вполнѣ вѣрно при допущеніи, что единственные пути познанія и единственныя познавательныя силы—разсудокъ, разумъ, очевидность и свидѣтельство нашихъ пяти внѣшнихъ чувствъ. Ограничивъ познавательныя наши силы эмпиризмомъ и раціонализмомъ, мы неминуемо должны съузить и предметъ познаванія, и область познавательныхъ объектовъ (предметовъ). Мыслители этого склада не признаютъ и совершенно отбрасываютъ, какъ ложное, всю область невидимаго, т. е. область духа, признавая, впрочемъ, возможность мистики, познаваніе которой производится посредствомъ, будто-бы, особыхъ въ насъ познавательныхъ силъ.

Однимъ словомъ, Льюисъ отрицаетъ философію, потому что не признаетъ метафизической невидимой области духа и, будучи въ этой области слѣпымъ, отрицаетъ дѣйствительно существующій свѣтъ этой среды. Итакъ, Льюисъ отрицаетъ философію потому, что отрицаетъ метафизику, а отрицаетъ метафизику потому, что его философія для него источникъ недостовѣрности.

Другой представитель отрицателей философіи Фейербахъ. «Моя философія, пишетъ онъ, состоитъ въ томъ, что я отрицаю всякую философію, ибо всякая философія теологична, т. е. богословскаго направленія, а религію я отрицаю, потому и отрицаю всякую философію». Льюисъ отрицалъ философію, потому что отрицалъ метафизику, Фейербахъ—потому что отрицаетъ вѣру, т. е. увѣренность людей въ существованіи Бога-Промыслителя и Вседер-

жителя и въ существованіи духовнаго міра. Мыслители этого порядка весьма послѣдовательны, ибо отрицаніе вѣры приводитъ въ конечныхъ проявленіяхъ къ отрицанію даже философіи. Но отрицать что-либо еще не значитъ дать неопровержимое доказательство въ невозможности существованія предмета отрицанія, въ данномъ случаѣ въ увѣренности бытія метафизическаго духовнаго міра; и это отрицаніе со стороны мыслителя есть только самовольное самоограниченіе области изслѣдованія. Чтобы подобное суживаніе предмета философскаго изслѣдованія было законно и истинно вѣрно, нужно предварительно доказать, что предметъ отрицанія не существуетъ и фактически не можетъ существовать, а потому и не долженъ быть признаваемъ. Человѣчество во всѣ времена въ громаднѣйшемъ большинствѣ признаетъ духовный міръ, и ни одинъ отрицатель не въ силахъ положительными данными логически доказать отсутствіе реальности духовной области, и нетвердое отрицаніе ея со стороны отдѣльныхъ мыслителей останется всегда ихъ личнымъ мнѣніемъ, а не фактомъ (явностью) дѣйствительной исторической или міровой истины. Для истинно-цѣльнаго знанія такое личное убѣжденіе и бездоказательное увѣреніе не убѣдительно, и нигилизмъ, т. е. непризнаваніе, никакого значенія въ ходѣ развитія цѣльнаго философскаго мышленія не имѣетъ. Подавляющее большинство, вѣрующее въ противоположное, обязываетъ болѣе глубокаго мыслителя считаться съ этимъ убѣжденіемъ человѣчества и не позволяетъ ему отнестись отрицательно къ самому факту массовой вѣры,—факту реально-историческому. Слѣпой отъ рожденія, сколь убѣдительно ни будетъ отрицать красный цвѣтъ, никогда не переубѣдитъ хотя-бы малаго ребенка, который почти отъ рожденія легко отличаетъ всякую краску. Духовно-слѣпые не разубѣдятъ духовно-зрячаго, хотя-бы этотъ послѣдній былъ даже круглымъ неучемъ во всемъ остальномъ.

Мыслитель-мудрецъ, признающій духовность, никогда не откажется и не можетъ отказаться отъ нея, ибо основывается не только на историческомъ фактѣ массоваго признанія, но и на собственномъ внутреннемъ опытѣ. Онъ, напротивъ, стремится доказать, путемъ философствованія, необходимость признанія метафизическаго духовнаго міра. Вѣра въ метафизическую дѣйствительность вообще есть историческая истина, мимо которой только духовно-слѣпой мыслитель можетъ пройти безъ вниманія и безъ изслѣдованія. Собственный опытъ вѣрующаго и историческое свидѣтельство всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ не можетъ быть отвергнуто и объяснено

однѣми ошибками или предразсудками, понимая подъ этимъ словомъ ложное убѣжденіе массъ. Мыслители-односторонники тѣмъ и грѣшатъ, что непризнаваемое ими отвергаютъ, какъ несуществующее. Полное знаніе не имѣетъ права отвергать никакое утвержденіе, если оно не докажетъ убѣдительно, что такое ихъ утвержденіе не совпадаетъ съ дѣйствительностью. Писать цѣлую исторію философіи и находить, что цѣль самой философіи въ ея-же отрицаніи, есть дѣло совершенно пустое, безумное. Философствованіе о невозможности философіи есть прямое доказательство, что философія существуетъ и безъ нея не обходятся даже отрицатели философіи. Въ ихъ разсужденіяхъ ошибка въ заключеніи, но не въ самой философской работѣ, ибо отрицаютъ то, что сами для себя не отвергаютъ, что заставляетъ трудиться ихъ самихъ.

Итакъ, есть два стана философовъ и мыслителей: одни направляютъ свою философскую дѣятельность для опроверженія религіи, метафизики и философіи, другіе не только не отвергаютъ, но требуютъ, чтобы выводы философіи были приняты для руководства въ самой личной жизни человѣка. Славянофильскіе мыслители не принадлежатъ къ стану отрицателей, подобныхъ Фейербаху и Льюису, а къ стану сознательно признающихъ существованіе міра метафизическаго и области трансцендентной, т. е. царства духовныхъ существъ и Бога, какъ личнаго Творца Промыслителя и Вседержителя вселенной. Философія, какъ и вѣроисповѣданіе, доступна всѣмъ безъ исключенія людямъ, ибо всѣ мыслящи и вѣрующи. Полное отсутствіе въ человѣкѣ мысли и вѣры—явленіе ненормальное и болѣзненное, такіе люди или кретины, или изувѣры, ибо безвѣръ, и тотъ долженъ повѣрить въ свое безвѣріе, чтобы быть искреннимъ. Много-ли такихъ людей, этого не разрѣшитъ ни одна самая совершенная статистика.

Не остается иного исхода для вѣрующаго, каковы славянофилы, какъ признать свободной волей, что философское мышленіе существуетъ, какъ явленіе научной познавательной области; но въ чемъ заключается это особое философское познаніе и есть ли по данному вопросу всеобщій, опредѣленный взглядъ,—это дѣло, положимъ, еще пока нерѣшеное. Наоборотъ, вся исторія философіи запада указываетъ, что нѣтъ двухъ мыслителей, которые признали совершенно одинаково, что слѣдуетъ считать предметомъ философіи и въ чемъ заключается сила философствованія, и если большинство считаетъ этимъ предметомъ истину, то они расходятся въ разрѣшеніи вопроса, что есть сама истина. И это на видъ ненормальное положеніе происходитъ оттого, что каж-

дый мыслитель опредѣляетъ въ себѣ одну сторону познавательныхъ силъ и разработываетъ только часть общаго предмета и, увлекшись ею, поневолѣ склоненъ отрицать существованіе остальныхъ частей. И дѣйствительно, въ западной философской наукѣ насчитываютъ столько различныхъ частныхъ философій, сколько выработалось самостоятельныхъ отдѣльныхъ мнѣній. Но если смотрѣть на философію, какъ на согласованіе и утвержденіе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ отраслей, то и взглядъ на философію былъ-бы вполнѣ опредѣленный. Истинное любомудріе инымъ быть не можетъ, какъ всеобщимъ, полнымъ и цѣльнымъ въ своемъ единствѣ. Вотъ это и есть существенный взглядъ на философію славянофильства.

Если мы наблюдаемъ, что существуетъ много различныхъ философій: натурфилософія или философія природы, позитивная, т. е. философія положительнаго-де знанія (Контъ), философія мистики (Бар. Дюпрель), философія интереса или пользы и выгоды—евдемонизмъ, утилизмъ (Бэконъ), утилитаріанизмъ (Миль), утилитаризмъ или утилитарная философія права (Спенсеръ), спиритизмъ (бѣсоученіе)—философія замогильныхъ явленій и тѣней мертвецовъ (Алланъ Кардекъ), окультизмъ—тайнознаніе или философія тайновѣдѣнія (Папусъ), философія всеобщаго обоженія, т. е. признанія всеобщей единственной божеской субстанціи (пантеизмъ—Спиноза), философія мысли (Гегель), философія разграниченія транцендентальнаго отъ транцендентнаго (Кантъ) и т. д.,—то это доказываетъ только, что философское мышленіе принято не какъ цѣльное познаніе, а вступила на ложный односторонній путь частичный. Истина на самомъ дѣлѣ различными сторонами будетъ принадлежать не каждому частично, но цѣльно всѣмъ имъ вмѣстѣ взятымъ въ полнотѣ единства.

Существуетъ мнѣніе, что частныя философіи ошибаются въ томъ, что отрицаютъ, а то, что онѣ утверждаютъ, принадлежитъ истинѣ, и эти утвержденія должны быть только согласованы между собою, обобщены въ единствѣ цѣлаго, тутъ только познаешь мудрость.

Изъ числа мыслителей западной цивилизаціи, принадлежащихъ къ этому связному познанію самымъ выдающимся является Лейбницъ (Любницъ). Онъ опредѣлилъ понятіе о «монадахъ», какъ отдѣльныхъ личныхъ сознательныхъ особяхъ (маломірахъ, микрокосмахъ духа). Онъ пытается не только связать всѣ теченія философской мысли въ одно цѣлое, но даже и объединить въ философіи разнообразныя научныя знанія и всѣ стороны человѣческаго вѣдѣнія, къ опытнымъ наукамъ присоединяетъ логическія разумныя зна-

нія и вѣроисповѣдныя вѣдѣнія. «Только для нашего разума Богъ кажется неяснымъ и сверхъестественнымъ, какъ мы сами должны казаться для животныхъ. То, что выше нашего разума, т. е. сверхразумное, не есть еще неразумное или противоразумное. Но низшія монады (существа обособленныя) все-же имѣютъ нѣкоторыя сходства съ высшей Монадой, и потому имъ присуща вѣра въ Бога. Стало быть философія и наука не только не противорѣчатъ вѣрѣ, а еще подтверждаютъ ее. Философія вполнѣ сливается съ религіей». Это соединеніе науки, философіи и религіи названо мыслителемъ-мистикомъ Вл. Соловьевымъ «свободной теософіей», и эта всеобщая философія образуетъ то, что при другомъ случаѣ онъ называетъ *пансофіею* или *всемудростью*.

Славянофильское любомудріе, отвергая частичное или одностороннее мышленіе, стремится къ общему союзу (связи) или соузу (синтезу) всѣхъ областей познанія, а потому, имѣя предшественника въ лицѣ Любница, стремится къ философіи цѣльнаго познанія, цѣльной мудрости. Славянофильство для обозначенія этого цѣльнаго познанія пользуется даннымъ Хомяковымъ наименованіемъ—«*философія всецѣлаго разума*», и она въ конечномь достиженіи должна обратиться въ цѣльномудріе или цѣломудріе. И оно, цѣломудріе (цѣлостность, цѣльность или цѣлость мудрости), противопоставляется философіи отрицателей религіи и метафизики, подобныхъ Фейербаху и Льюису, и мыслителей одностороцниковъ, каковыхъ громадное большинство. Любницъ въ этомъ вопросѣ предтеча и прообразъ Хомякова. И въ другомъ сей славный мыслитель славянинъ является предшественникомъ отца славянофильства (и отчасти даже основателя московской школы, философско-математической—проф Бугаева); то любницкое представленіе о философіи, какъ о «*демонстративномъ*» закономѣрномъ порядкѣ, въ которомъ при помощи знаковъ производится счисленіе подобно тому. какъ это дѣлается въ ариѳметикѣ: «Мы пережили нѣмецкую философію, ибо поняли ея односторонность, пишетъ Хомяковъ (Т. I—274), не смутнымъ пониманіемъ неудовлетвореннаго духа, а яснымъ сознаніемъ разума. Діалектическое развитіе Кантовой школы не отражаетъ вполнѣ познаваемаго (объекта), ибо отражаетъ его безъ его дѣйствительности. Она не только не есть философія всецѣлаго разума, но она даже и не есть философія проявленнаго (объектированнаго) разума. Ее должно признать наукою діалектическаго разсудка (аналитическаго разума)». Прямѣе всего кантовскую философію можно сравнить съ алгеброю; между тѣмъ философія всецѣлаго познанія духовныхъ свободнотворческихъ силъ проявляетъ свое дѣйствіе какъ-бы надъ отдѣльными личностями монадами, т. е. по основамъ ариѳметическихъ числовыхъ вы-

кладокъ. Вотъ почему Хомяковъ въ подстрочномъ примѣчаніи выясняетъ свое опредѣленіе нѣмецкой философіи такъ: «Она въ этомъ отношеніи сближается по преимуществу съ алгеброй и съ чистой математикой вообще, въ которой законъ количественности исключаетъ всякую дѣйствительность вещественную, ибо (въ противоположность сему) во всякомъ приложеніи ариѳметики, даже самомъ простомъ, одинъ изъ факторовъ принимается за чистое проявленіе количественнаго закона (рубль не множится на аршины или обратно, но на количество). Впрочемъ, то же самое замѣтимъ мы и во всякомъ опредѣленіи, вслѣдствіе его отрицательнаго характера. Мы понимаемъ, что никакой законъ частный не можетъ проявиться самъ собою внѣ сущаго или данной (т. е. не можетъ проявиться иначе, какъ аритмологически; напр. кругъ внѣ размѣра), но инымъ кажется, что все сочетаніе частныхъ законовъ—законъ въ своей общности, можетъ проявиться самъ изъ себя. Они не понимаютъ, что отношеніе остается то же между закономъ и проявленіемъ. Они обусловлены сущимъ, изъ котораго возникаетъ данная, износящая съ собою свой законъ». Это сравненіе познаваемаго безъ дѣйствительности съ алгеброй и законъ частнаго сущаго и даннаго съ законами ариѳметическихъ обособленностей, предусмотрѣнное еще Лейбницемъ, легло въ философское ученіе проф. Бугаева, который это отношеніе между закономъ и проявленіемъ называетъ *аритмологическимъ*, а его ученіе получаетъ наименованіе *аритмологіи*. Вся разница нѣмецкаго кантовскаго мышленія и славянофильскаго любомудрія зиждется на непознаваемости, а потому и недопускаемости со стороны перваго (Канта) духовныхъ монадъ, т. е. себя *сознающихъ* личныхъ духовныхъ обособленій, между тѣмъ какъ сущность этихъ свободнотворческихъ особей составляетъ краеугольный камень разслѣдованія философскаго мышленія славянофиловъ.

Если обобщающую мыслительную работу признать за философскую по преимуществу, то любомудріе славянофильства философичнѣе мыслительности нѣмецкой идейности, а тѣмъ болѣе практичности англійской и положительности французской разсудительности.

Можно смѣло сказать, что настоящая философская работа есть работа исключительно мыслительнаго обобщенія. Философія безъ обобщенія монадологическихъ и аритмологическихъ составныхъ частей не мыслима. Можно весьма удобно цѣлую философскую систему уложить въ два слова, если одно изъ нихъ есть слово «*все*». Отъ самаго перваго философа античнаго мышленія сохранилось только два подлинныхъ слова, и вся его система не потерялась; и дѣйствительно, его «все течетъ» есть уже вполнѣ опредѣленное фи-

лософское ученіе. Эволюціонизмомъ отрывочная философія ограниченнаго мнѣнія началась и имъ кончается. Крайне эгоистическое направленіе нѣмецкаго мышленія сосредоточивается въ двухъ словахъ Фихте *«я—все»*. Крайне нигилистическая мысль, отрицающая духовное начало, выражается въ двухъ словахъ *«все—богъ»* (пантеизмъ).

Философія славянофильства по стремленіямъ наиболѣе всеобобщающая, обобщительная и совершенная, ибо требуетъ единства, полноты и цѣльности, а потому ея цѣломудріе наиболѣе философично. Кирѣевскій, Хомяковъ, Гиляровъ-Платоновъ и другіе славянофилы,—мудрецы по преимуществу и выше, цѣльнѣе по философскому развитію и цѣломудрію ограниченнаго запада. Въ новѣйшее время никто не превзошелъ обобщенія славянофильства, ибо никто не понялъ даже высоты задачи, цѣльнаго знанія.

Психургистъ-мистикъ Вл. Соловьевъ не могъ достигнуть, не взирая на его пансофію, полноты обобщенія своихъ славянофильскихъ учителей. Наоборотъ, болѣе неустойчиваго и разбрасывающагося во всѣ стороны мыслителя, болѣе колеблющагося и непостояннаго, какъ творецъ «*Оправданія добра*» и «*Трехъ разговоровъ*», русская философская наука не представляетъ. Нигилистъ, протестантъ, спиритъ, временно славянофилъ, ватиканистъ, теософъ, талмудистъ, онъ переходилъ какъ-бы со ступеньки на ступеньку всѣ разнообразнѣйшія теченія, не давъ ничего стройнаго и цѣльнаго. Въ этомъ смыслѣ Вл. Соловьевъ совершенно не философъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, а потому по необходимости сдѣлался непримиримымъ и злорѣчивымъ антиславянофиломъ.

Философія по славянофильству начинается тамъ, гдѣ оканчивается обыкновенное знаніе, сливая его съ высшими истинами, которыя, по своей сути, не могутъ быть доказуемы и которыя можно лишь прозрѣть высшими-же познавательными силами духа. Вотъ эта-та высшая способность познанія отрѣшеннаго, т. е. духовнаго, міра и отрицается западною философскою мыслью, наоборотъ, философское созерцаніе сверхъ-душевнаго строя и составляетъ предметъ изслѣдованія Хомякова и его послѣдователей, а сама сила получаетъ даже особое обозначеніе: «вѣрующее познаніе», «живознаніе».

Какъ-бы ни называлось это высшее внутреннее познаніе невидимаго небеснаго міра — метафизическаго, трансцендентнаго;—безъ него мыслитель не имѣетъ возможности выйти изъ круга вещественной дѣйствительности или мистическаго обманчиваго воображенія и перешагнуть въ возвышенную

(горнюю) область духовной реальности, духовной дѣйствительности. Тому, кто отрицаетъ высшее духовное познаніе, всякія доказательства, подтверждающія законы этой потусторонности,—безсильны. Онъ, какъ слѣпой, обреченъ на непониманіе духовнаго свѣта, пока не озарится его слѣпота свѣтомъ вѣры. Шеллингъ хорошо сознавалъ, что безусловное, будучи безконечнымъ, не можетъ быть познано при условіяхъ конечности *); оно не можетъ быть доступно личному сознанію; но для познанія абсолютнаго, какъ абсолютнаго, т. е. какъ того, въ чемъ всякое различіе сведено не къ безразличію, а къ соборности, существуетъ въ человѣкѣ отдѣльная способность, и она-то познаетъ Бога. Эта мыслительная сила есть вѣра, и въ ней, т. е. въ «вѣрующемъ познаніи», зарождается истинная, обобщающая вѣру и знаніе, философія. Шеллингъ также отождествляетъ философію съ высшимъ трансцендентнымъ вѣдѣніемъ, но не съ вѣрою, а лишь съ религіей, что далеко не одно и тоже. Теософію Шеллингъ называлъ мистически спекулятивнымъ ученіемъ, которое превращаетъ философскія понятія въ религіозныя воззрѣнія. Отрицательная философія можетъ вывести, что, если Богъ вообще раскрывается, то онъ дѣлаетъ это въ допускающихъ діалектическое объясненіе формахъ естественной и исторической дѣйствительности. Конечный выводъ ея: не Богъ создалъ насъ, а мы создали Бога. Но что онъ открывается нашей мыслительностью и превращается такимъ образомъ въ міръ (какъ въ пантеизмъ)—діалектика доказать не въ состояніи. Божество вообще не можетъ быть логически выведено не изъ какой либо посылки, само бывъ испоконъ вѣка вѣковъ. Первомыслью, а можетъ быть только познано и притомъ въ связи съ тѣми формами познанія, въ которыхъ Самъ-Богъ Слово открывается въ духовной жизни человѣчества. Понять изъ природы земли и астрономическихъ сферъ Бога и его саморазвитіе въ мірѣ и составляетъ убогую задачу позитивной философіи. Любомудріе-же, которое основывается на изслѣдованіи человѣческой душевности и его духовности, этимъ вещественнымъ взглядомъ удовлетвориться не можетъ, и, принимая позитивныя начала лишь за вспомогательныя средства въ пониманіи творчества Бога, основываетъ главную силу убѣжденія въ существованіи Бога на внутреннемъ духовномъ мышленіи и чувствѣ при содѣйствіи не только великаго самоутвержденія и самоопредѣленія совѣсти, но при посредствѣ воздѣйствія божескаго Духа, т. е. осѣненія св. Духа,

*) Конечности въ смыслѣ ограниченности силъ людского познанія. Безконечное—въ смыслѣ недоступности пониманія предѣла сей безконечности.

проявляющагося въ полнотѣ въ церковной соборности. Вотъ почему Шеллингъ, хотя вдохновилъ, быть можетъ, сначала первыхъ славянофиловъ, но ихъ руководителемъ не былъ. Полное развитіе мыслей о цѣльности въ истинной полнотѣ познанія принадлежитъ однимъ только православнымъ славянофиламъ, вѣрнымъ сынамъ православной церкви.

Ничто на землѣ не ново, и всякое явленіе имѣетъ себѣ предшествующее начинаніе, а потому не новы и основы славянофильства. Они въ православіи. Ученіе современнаго славянофильства, будто бы выросшее на почвѣ нѣмецкаго идеализма, а не византизма, должно считаться однако самобытнымъ на томъ основаніи, что его корень, его развитіе и сочетаніе его частей приняли самостоятельное направленіе и выразились новыми до того не существовавшими образами. Шеллингъ и Гегель, учителя Хомякова, Кирѣевскаго и другихъ славянофиловъ, не могли создать и даже предугадать славянофильства, ибо не имѣли ни малѣйшаго представленія о святыхъ началахъ православнаго соборнаго вселенскаго жизнепониманія, ни о народно-русскомъ самодержавномъ строѣ православной государственности и достойной общинной жизни народной.

Славянофильство есть новый научный укладъ, основывающійся на исконно-творческихъ началахъ жизни свято-русскаго и славянскаго народа, на православно-соборномъ понятіи о церковности востока и неограниченности самодержавія верховной власти и христіанской общинѣ. А «чтобы вести мысль человѣка по новому пути, пишетъ Хомяковъ, нужно ознакомиться вполнѣ со старыми сю пройденными путями. Только отчетливое знаніе прежнихъ школъ философскихъ даетъ право признать ихъ ошибочность или неполноту и пытаться создать новое болѣе полное и стройное ученіе. Трудъ прошлыхъ поколѣній не отвергается, но поглощается и пересоздается въ новый трудъ поколѣнія современнаго и въ будущій трудъ поколѣній, имѣющихъ за нимъ послѣдовать». (Хом. I, 264).

Любомудріе славянофильское признаетъ за истинное вѣдѣніе лишь цѣльное познаніе, понимаетъ общественную жизнь, какъ выраженіе соборнаго согласія, и политическую правительственную власть, какъ независимую отъ какого-либо ограниченія, т. е. свободную, единодержавную и самодержавную; полагаетъ въ основу взаимныхъ отношеній людей между собой совѣстливую правду, но не условность временнаго юридическаго соглашенія. Вотъ почему и взглядъ на философію изъ ряда многочисленныхъ опредѣленій славянофильства беремъ тотъ, который удовлетворяетъ его кореннымъ основамъ и подъ *любомудріемъ понимаемъ такое научное разумное разъясненіе общихъ вопросовъ, которое соотвѣтствуетъ*

области совершенства, т. е. христіанскому идеальному образу воззрѣній. И она потому иною, какъ святодуховною, быть не можетъ. Изъ этого опредѣленія вытекаетъ непосредственно взглядъ славянофильства на философію, какъ на связь познанія вещественной или предметной дѣйствительности съ познаніемъ внутреннихъ личныхъ жизненныхъ началъ, т. е. проявленій собственнаго сознанія и, наконецъ, съ вѣдѣніемъ Богомъ откровенной области духовно-совершеннаго, ибо противорѣчія между всѣми частями истиннаго знанія, сознанія и признанія быть не можетъ. При этихъ только условіяхъ получится полнота цѣльнаго познанія, которая и есть основа философскаго воззрѣнія славянофиловъ.

И Епископъ Ѳеофанъ раздѣляетъ то же воззрѣніе на обобщающее значеніе философіи: «Слыхалъ ты про философію?» вопрошаетъ преосвященный: «Это такая наука, которая беретъ на себя все сущее подвесть подъ одинъ обзоръ и объяснить такъ, чтобы оно въ цѣломъ своемъ составѣ видно было, какъ на ладонкѣ. Хоть до этого ей никогда дойти не доведется; но въ трудѣ семъ можно различать болѣе правый и прямой путь отъ неправыхъ. Прямой путь—изучать разные виды бытія существъ, какъ оно проявляется на дѣлѣ, со всѣхъ сторонъ, вѣдать которыя имѣемъ мы естественное стремленіе,—*обобщать*, дѣлать наведенія и, восходя все къ болѣе и болѣе объемлющимъ воззрѣніямъ, стараться достигнуть до *всеобъемлющаго воззрѣнія, объясняющаго все сущее.* Тѣ, которые идутъ симъ путемъ, доходятъ до положеній очень цѣнныхъ и важныхъ, какъ въ области научной, такъ и для жизни. И все, что было и есть хорошаго въ философіи, симъ путемъ достигнуто». (Еп. Ѳеофанъ. Письма къ разнымъ лицамъ. Письмо 28, стр. 256 изд. вт. 1892).

Эта всеобщая дѣятельность философіи для достиженія единства, цѣльности и полноты познанія выражена основателемъ и первымъ мудрецомъ мыслителемъ славянофильскаго любомудрія, Кирѣевскимъ, такъ: «Развитіе философіи условливается соединеніемъ двухъ противоположныхъ концовъ человѣческой мысли: того, гдѣ она сопрягается съ высшими вопросами вѣры, и того, гдѣ она прикасается развитія наукъ и внѣшней образованности. Философія не есть одна изъ наукъ и не есть вѣра. Она общій итогъ и общее основаніе всѣхъ наукъ и проводникъ мысли между ними и вѣрою. Гдѣ есть вѣра и нѣтъ развитія разумной образованности, тамъ и философіи быть не можетъ. Гдѣ есть развитіе наукъ и образованности, но нѣтъ вѣры, или вѣра исчезла,—тамъ убѣжденія философскія замѣняютъ убѣжденія вѣры и являются въ видѣ предразсудка». «Ибо не отдѣльныя истины логическія и метафизическія составляютъ конечный смыслъ всякой философіи, но то отношеніе, въ которое она поставляетъ человѣка къ послѣдней искомой истинѣ, то внутреннее требованіе, въ ко-

торое обращается умъ, ею проникнутый. Ибо всякая философія, въ полнотѣ своего развитія, имѣетъ двойной результатъ, или правильнѣе, двѣ стороны послѣдняго результата: одна—общій итогъ сознанія, другая—господствующее требованіе, изъ этого итога возникающее. Послѣдняя истина, на которую опирается умъ, указываетъ и на то сокровище, которое человѣкъ пойдетъ искать въ наукѣ и жизни. Въ концѣ философской системы между ея искомой истиной и ея искомой цѣлью лежитъ уже не мысль, имѣющая опредѣленную формулу, но одинъ, такъ сказать, духъ мысли, ея внутренняя сила, ея сокровенная музыка, которая сопровождаетъ всѣ движенія души убѣжденнаго ею человѣка. И этотъ внутренній духъ, эта живая сила свойственны не однѣмъ высшимъ философіямъ, доконченнымъ и сомкнутымъ въ своемъ развитіи. Система принадлежитъ школѣ, ея сила, ея конечное требованіе принадлежитъ жизни и просвѣщенію всего человѣчества». (Т. II, стр. 313).

Эту связь разума и вѣры, какъ существенную задачу философіи, признавалъ и Хомяковъ. Хомяковъ приводитъ опредѣленіе, данное Кирѣевскимъ:

«Философія не что иное, какъ переходное движеніе человѣческаго разума отъ области вѣры въ многообразное приложеніе мысли *бытовой*». Самъ же Хомяковъ связывающую силу всего *вѣдѣнія*, необходимаго для постиженія истины, видитъ въ *любви*. «Любовь не есть стремленіе одинокое, продолжаетъ онъ (I—283): она требуетъ, находитъ, творитъ отзвуки и общеніе, и сама въ отзвукахъ и общеніи растетъ, крѣпнетъ и совершенствуется. Итакъ, общеніе любви не только полезно, но вполнѣ необходимо для постиженія истины, и постиженіе истины на ней зиждется и безъ нея невозможно. Недоступная для отдѣльнаго мышленія, истина доступна только совокупности мышленій, связанныхъ любовью».

«То, что сказано о высшей истинѣ, относится и къ философіи. Повидимому — достиженіе немногихъ, она дѣйствительно твореніе и достояніе всѣхъ». Это утвержденіе подтверждаетъ замѣтку Кирѣевскаго, «что истинныя убѣжденія благодѣтельны и сильны только въ совокупности и въ разработкѣ общественнаго сознанія. Такъ наконецъ, науки философскія, понятыя во всемъ ихъ живомъ объемѣ, по необходимости отправляясь отъ вѣры и возвращаясь къ ней, въ то же время даютъ разсудку свободу, внутреннему знанію силу и жизни полноту».

Эти же воззрѣнія положены въ основаніе оцѣнки ученія Хомякова изслѣдователемъ его Гиляровымъ-Платоновымъ, который характеризуетъ его направленіе слѣдующимъ образомъ:

«Если-бы спросили меня, какъ вкратцѣ выразить воззрѣнія Хомякова, я бы отвѣчалъ однимъ словомъ — любовь. Любовь—это дѣйствительно первое и послѣднее слово, къ которому сводились всѣ его убѣжденія. Въ любви Хомяковъ признавалъ не только высшее начало дѣятель-

ности въ практическомъ смыслѣ, но и высшее начало знанія, единственное твердое обезпеченіе истины. Не боясь показаться слишкомъ утонченнымъ, укажу, что даже теоретическія воззрѣнія Хомякова на искусство, даже его *соображенія философскія* и *наконецъ самые взгляды филологическіе* стояли не внѣ зависимости отъ его главной идеи. Я бы назвалъ, что все это—отраженіе начала любви въ области отвлеченнаго мышленія. Существенное значеніе любви то, что она есть связь живая, духовная, цѣлостная».

Самъ Гиляровъ-Платоновъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Хомякова на философію: «Личный разумъ знаетъ только то, что ему дано знать, и мыслитъ не по логическимъ основаніямъ, а по сердечнымъ побужденіямъ и темнымъ предрасположеніямъ. Въ стремленіи къ истинѣ остается реальной истиной, при этомъ условіи, только самъ порывъ, а плодъ его размышленія и выводы даютъ ручательство за достовѣрность познаннаго по мѣрѣ чистоты побужденій. Опять сошлюсь на древняго мудреца, давшаго философіи ея имя, и утверждаю, что взаимная связь любви и мудрости, предполагаемыхъ въ философіи («любомудріе») стоитъ въ обратномъ отношеніи, нежели большинство полагаетъ: не мудрость есть начало любви, а любовь—начало мудрости; не разумъ законодатель сердца, а сердце даетъ разумъ; практическую философію я ставлю впереди умозрительной и послѣднюю въ зависимости отъ первой». (Гиляр.-Плат. 2—180).

«Какъ-бы то ни было, Хомяковъ и въ теоретической области повсюду искалъ именно живого, духовнаго и цѣлостнаго. Въ силу этого, съ другомъ своимъ Кирѣевскимъ въ философской области возставалъ онъ противъ односторонности исключительно логическаго направленія и требовалъ признанія правъ цѣльному разуму; а тѣмъ съ большею вѣрностью главной идеѣ—и это собственно была уже его мысль—искалъ онъ и въ отрѣшенномъ мірѣ утвердить болѣе живое *волящее* начало: въ признаніи *безвольной мысли* за верховное начало онъ и видѣлъ главнѣйшій недостатокъ нѣмецкой философіи».

И Самаринъ былъ настоящимъ поборникомъ цѣльнаго знанія, и въ этомъ сказалось вліяніе на него Хомякова и его школы. Самаринъ утверждалъ также вмѣстѣ съ другими славянофилами, что логическое знаніе даетъ истину только формальную и потому неполную: «Истина же полная и высшая дается не одной способности логическаго умозаключенія, но уму, чувству и волѣ вмѣстѣ, т. е. духу въ его живой цѣльности». (Т. VI, стр. 561 и 350 ср. Т. I, стр. 110 и слѣд.)

«Постигается только то, читаемъ мы у Самарина тамъ же, что внутренно переживается всѣми сторонами духа».

Гиляровъ-Платоновъ, единомышленникъ Хомякова и Кирѣевскаго, разсматриваетъ философію съ трехъ сторонъ, опредѣляющихъ три различныя области: предметъ первой—

мысль, предметъ второй—сущность и законы *дѣйствительности*, т. е. отрѣшенныя понятія о дѣйствительности, и предметъ третьей — свойства *конечнаго духа*. «Предметъ философіи, пишетъ Гиляровъ-Платоновъ въ очеркѣ о раціоналистическомъ движеніи философій новыхъ временъ (Т. I, стр. 343), по согласному признанію всѣхъ, есть *истина*, поэтому она должна предоставить другимъ наукамъ описываніе всего разнообразія явленій дѣйствительности и на себя взять одно изложеніе понятій отрѣшенныхъ, составляющихъ сущность и законъ дѣйствительности. Если-же теперь обратимъ вниманіе на то, что отвлеченныя понятія мыслятся и сами по себѣ, и въ понятіяхъ конкретныхъ, а *область самой конкретности дѣлится на двѣ совершенно различныя половины, — на область природы и область конечнаго духа:* то отсюда легко поймемъ, что философія естественно является въ трехъ частяхъ. Первая часть, которая займется отвлеченными категоріями или чистыми мыслями, какъ онѣ мыслятся сами по себѣ, можетъ по праву удержать за собою названіе *логики*, которое издавна принадлежитъ наукѣ мысли. Философія природы и философія духа покажутъ существованіе отвлеченныхъ понятій въ природѣ и конечномъ духѣ и составятъ, такимъ образомъ, остальныя двѣ части философіи».

Итакъ, Истина или цѣльное познаніе, разсматриваемая философскимъ мышленіемъ, познается съ трехъ сторонъ: со стороны философіи природы (міровоззрѣніе), философіи разума и философіи вѣры, что наглядно представляется въ слѣдующей таблицѣ началъ цѣльнаго знанія:

Истина.

Области вѣдѣнія.	Стороны философскаго мышленія.
Дѣйствительность. (природа).	Міровоззрѣніе. Философія природы (Наука).
Познаваніе (мысль).	Познаніевѣдѣніе. Филос. мысли (Логика и Гносеологія).
Конечный духъ (духовная жизнь).	Живознаніе. Филос. духа (Пневмологія и Богословіе). Жизнепониманіе.

На основаніи такого взгляда и мы распредѣлимъ труды славянофильскаго любомудрія на три отдѣла, начиная съ средняго познаніевѣдѣнія, назвавъ эту сторону *познаніе въ его полнотѣ, соразмѣрности и цѣльности*, т. е. въ сосредоточенности единства цѣлаго. Мы здѣсь разумѣемъ подъ цѣльностью и сосредоточенностью только логическую связность воззрѣнія, выдержаннаго во всѣхъ частяхъ и строго соразмѣрно опредѣ-

леннаго, со всѣхъ сторонъ. Какъ мы знаемъ, эта цѣльность и сосредоточенность не удовлетворяла Хомякова; онъ стремился вмѣстѣ съ тѣмъ, подчинить вполнѣ волю сознанному закону, онъ, короче, домогался полнаго согласія жизни съ убѣжденіемъ. Наши требованія значительно болѣе пониженнаго свойства, и насъ удовлетворитъ, по крайней мѣрѣ въ семъ умозрительномъ трудѣ, цѣльность и сосредоточенность логическая, т. е. мыслительная, разумная; мы отказываемся на время отъ разсмотрѣнія полноты жизненной, оставляемъ стороны этическую и эстетическую безъ особаго подробнаго вниманія.

Предварительно, до изложенія содержанія славянофильскаго уклада, предпошлемъ психологическое изслѣдованіе о тройственной составности человѣческой природы и о тройственности человѣческой души, ибо эта единотроичность полноты его природы наилучшее обоснованіе уклада Гилярова-Платонова.

Вл. Соловьевъ также придерживается тройственнаго построенія и увлекается имъ какъ то особенно, мистическимъ образомъ; онъ также распредѣляетъ трояко цѣльность знанія своей пансофіи. Но построеніе Вл. Соловьева существенно отличается отъ склада цѣльной истины Гилярова-Платонова. Она, названная имъ *свободной теософіей*, разбивается на три плана: 1) планъ истиннаго теософскаго мистицизма—*теологія*, 2) планъ отвлеченнаго философскаго мышленія—*философія* и 3) планъ опытныхъ явленій дѣйствительнаго матеріальнаго міра—*наука*. Изъ нихъ философія подвергается въ свою очередь дѣленію на три круга познанія или, какъ называетъ ихъ Вл. Соловьевъ, на три типа философіи: а) эмпирическій натурализмъ (натуръ-философія); б) раціоналистическая философія и г) мистика, основанная на явленіяхъ мистическихъ, *психургическихъ*, и способствующая образованію цѣльнаго творчества или свободной *теургіи*. Эти части и стороны могутъ быть представлены въ слѣдующей таблицѣ:

Цѣльная истина знанія по домысламъ Вл. Соловьева.

Область образованія организаціи.	Области познанія.	Области философіи.
Свободная теософія.	Теологія.	Мистика. Мистическая философія.
	Философія.	Раціоналистическая филос.
	Наука опытная.	Эмпирическій натурализмъ.

Сравнивая эти распредѣленія началъ цѣльнаго знанія по клѣткамъ, по строкамъ и столбцамъ, замѣтимъ, что Гиляровъ-Платоновъ находитъ полноту познанія въ соединеніи философскаго мышленія, а Вл. Соловьевъ въ области образованія свободно-теософской организаціи, для постиженія которой необходимо *посвященіе въ кругъ мистическаго знанія*. Посему, какъ философъ, Вл. Соловьевъ теософъ-мистикъ масонскаго склада, ибо источникъ цѣльнаго знанія ищетъ въ пріобрѣтеніи мистики и цѣль полноты знанія находитъ въ свободной организаціи теософіи. А способъ и путь пріобрѣтенія условнаго познанія его есть *посвященіе*, (а не усвоеніе истины), между тѣмъ какъ славянофилы думаютъ достигнуть цѣльнаго знанія не посвященіемъ, а просвѣщеніемъ, просвѣтленіемъ, просвященіемъ. Что нашъ взглядъ на сущность цѣлаго знанія Вл. Соловьева вытекаетъ изъ его ученія, убѣдиться легко изъ немногихъ слѣдующихъ выписокъ изъ статьи: «Философскія начала цѣльнаго знанія» (1877 г.). «Свободная теософія, пишетъ онъ, есть органическій синтезъ теологіи (богословія), философіи и опытной науки, и только такой синтезъ можетъ заключать въ себѣ цѣльную истину знанія: внѣ его и науки, и философія, и теологія суть только отдѣльныя части и стороны, оторванные органы знанія, и не могутъ быть такимъ образомъ ни въ какой степени адекватны самой цѣльной истинѣ». Самую же философію признаетъ трехъ типовъ.

«Слово философія, какъ извѣстно,—говоритъ далѣе онъ—не имѣетъ одного точно опредѣленнаго значенія, но употребляется во многихъ, весьма между собою различныхъ, смыслахъ. Прежде всего мы встрѣчаемся съ двумя главными, рѣзко другъ отъ друга отличающимися понятіями о философіи: по первому философія есть *только* теорія, есть дѣло *только* школы; по второму философія есть болѣе чѣмъ теорія, есть преимущественно дѣло жизни, а потомъ уже школы. По первому понятію философія относится исключительно къ познавательной способности человѣка; по второму—она отвѣчаетъ также и высшимъ стремленіямъ человѣческой воли и высшимъ идеаламъ человѣческаго чувства, имѣетъ такимъ образомъ не только теоретическое, но также нравственное и эстетическое значеніе, находясь во внутреннемъ взаимодѣйствіи съ сферами творчества и практической дѣятельности, хотя и различаясь отъ нихъ. Для философіи, соотвѣтствующей первому понятію,—для философіи школы, отъ человѣка требуется только развитой до извѣстной степени умъ, обогащенный нѣкоторыми познаніями и *освобожденный отъ вульгарныхъ предразсудковъ;* для философіи, соотвѣтствующей второму понятію, для философіи жизни, требуется, кромѣ того, особенное направленіе воли, т. е. особенное нравственное *настроеніе*, и еще художественное чувство и смыслъ или воображеніе и *фантазія*. Первая философія, занимаясь

исключительно теоретическими вопросами, не имѣетъ никакой прямой внутренней связи съ жизнью личной и общественной, вторая философія стремится стать образующею и управляющею силою этой жизни.

Спрашивается, какая изъ этихъ двухъ философій есть истинная? И та, и другая имѣютъ одинаковое притязаніе на познаніе истины, но самое это слово понимается ими совершенно различно: для одной оно имѣетъ только отвлеченно теоретическое значеніе, для другой — живое, существенное. Если для разрѣшенія нашего вопроса мы обратимся къ этимологіи слова философія, то получимъ отвѣтъ въ пользу живой философіи. Очевидно *любомудріе*, т. е. любовь къ мудрости (таковъ смыслъ греческаго слова η φιλοσοφία) не можетъ примѣняться къ отвлеченной теоретической наукѣ. Подъ мудростью разумѣется не только полнота знанія, но и нравственное совершенство, внутренняя цѣльность духа. Такимъ образомъ слово философія означаетъ стремленіе къ духовной цѣлости человѣческаго существа». Въ чемъ же заключается эта духовная цѣльность,—это мы видимъ изъ опредѣленій Вл. Соловьевымъ третьей философіи, дополняющей до полноты двѣ первыя. «Воззрѣнія, признающія въ качествѣ истинно-сущаго сверхкосмическое, сверхчеловѣческое начало и притомъ не въ образѣ только отвлеченнаго принципа, а со всею полнотою его живой дѣйствительности,—такія воззрѣнія выходятъ за предѣлы школьной философіи и рядомъ съ ея двумя типами образуютъ особый третій типъ умосозерцанія, обыкновенно называемый *мистицизмомъ*. Предметъ мистической философіи не міръ явленій, сводимыхъ къ нашимъ ощущеніямъ, и не міръ идей, сводимыхъ къ нашимъ мыслямъ, а живая дѣйствительность существъ въ ихъ внутреннихъ жизненныхъ отношеніяхъ. Эта философія занимается не внѣшнимъ порядкомъ явленій, а внутреннимъ порядкомъ существъ и жизни, который опредѣляется ихъ отношеніемъ къ существу первоначальному. (Вл. Соловьевъ. I—278).

И такъ, изъ этого разъясненія дѣйствительно видно, что *свободная теософія* есть довершеніе цѣльной истины знанія, а мистическая философія (мистицизмъ) есть довершеніе круга возможныхъ философскихъ воззрѣній, ибо этимъ мистицизмомъ Вл. Соловьевъ заключаетъ весь кругъ вѣдѣнія (стр. 279). Причемъ мистическое знаніе основано на особыхъ мистическихъ явленіяхъ и на мистическихъ силахъ, называемыхъ имъ *психургическими*. Теологія, философія и опытная наука организуютъ всецѣлое общечеловѣчество въ формѣ свободныхъ *теургіи*, *теософіи* и *теократіи*. Въ теургіи принимаетъ участіе мистическое творчество, въ теософіи мистическое знаніе, а теократія исторически осуществлена въ ватиканскомъ папизмѣ.

Этихъ мыслей совершенно достаточно, чтобы признать, что цѣльное знаніе истины, по теософіи Соловьева, оконча-

тельно разошлось съ *Истиной*, понимаемой славянофилами, т. е. съ цѣльнымъ знаніемъ Гилярова-Платонова, Хомякова и Кирѣевскаго. Таинственность посвященія въ мистику и просвѣтленное просвященіе Истиною отличаются другъ отъ друга, какъ тѣнь отъ свѣта, какъ тьма тайны отъ просвѣтленія и озаренія истины. И это происходитъ оттого, что духовность вѣры замѣнена Вл. Соловьевымъ мистикой и тайной мистическаго воображенія, или фантазіи, и тайной жизненнаго художественнаго творчества. Мистическое воспріятіе не есть духовное озареніе вѣры.

Посему «вѣра» и отдѣлена имъ отъ философіи, что мы усматриваемъ изъ слѣдующаго свидѣтельства. «Философія, какъ извѣстное разсудительное (рефлектирующее), есть всегда дѣло *личнаго* разума (стр. 27) и далѣе «*Философское познаніе* есть завѣдомо дѣйствіе личнаго разума или отдѣльнаго лица во всей ясности его индивидуальнаго сознанія. Субъектъ философіи есть по преимуществу личное «Я», какъ познающее (разумѣется, это опредѣленіе только относительно, какъ и всѣ другія). Поэтому философія, въ смыслѣ міровоззрѣнія, есть міровоззрѣніе отдѣльныхъ лицъ (стр. 27). Философія начинается, когда мыслящее лицо отдѣляетъ свое мышленіе отъ общей *вѣры*, противополагаетъ этой вѣрѣ, какъ внѣшнему» (стр. 28, 1874).

Вѣра, духовность, духовное мышленіе не нашли мѣста въ общей картинѣ познанія истины Вл. Соловьева, а потому, исключивъ изъ философскаго мышленія эти составныя его части вѣдѣнія и замѣнивъ ихъ туманной и мрачной мистикой, онъ высвободилъ философію изъ цѣпей раціонализма, но опуталъ ее таинственной мистической теософіей, нисколько не обрѣтя полноты познанія. Цѣльное знаніе Восточнаго православнаго мышленія, отвергая лживость психургической мистики и Соловьевскую богомудренность, достигаетъ цѣльнаго знанія взаимодѣйствіемъ силъ знанія, самосознанія и «вѣры», изъ коихъ философское мышленіе Вл. Соловьева признаетъ только одно знаніе, замѣняя самосознаніе и вѣру лжемистикою. Отсюда вытекаетъ очевидно то, что философское мышленіе Вл. Соловьева не только не общее, но и не цѣльное и не полное. Полное и цѣльное знаніе онъ видитъ только въ *посвященіи* теософіей, которая вмѣстѣ съ исторической *организаціей жизни теократіи* обнаруживается въ ватиканскомъ папизмѣ или въ психургической свободѣ туманныхъ тайнъ теургіи.

Вл. Соловьевъ цѣльнаго и полнаго философскаго вѣдѣнія не достигаетъ. Онъ приверженецъ теософскаго мистицизма, который интегрируетъ и духъ, и матерію. Между тѣмъ какъ по духовному воззрѣнію и по христіанской психологіи,

духъ и матерія не интегрируются и не могутъ слиться непосредственно въ одну мистическую силу, хотя сочетаются и дѣйствуютъ совмѣстно въ душѣ человѣка и при посредствѣ его душевныхъ силъ сознанія, мысли и воли. Приведенные нами отрывки доказываютъ безспорно, что славянофилы въ противорѣчіе съ позднѣйшими мистиками, вродѣ эпигона Вл. Соловьева, смотрѣли на любомудріе, именно какъ на область достиженія цѣлостнаго познанія духовныхъ основъ жизни, руководимую Церковью, (а не мистическими сокровенными знаніями посвященіемъ добытыми),—какъ на область пониманія жизни человѣка, законовъ существованія міра и взаимнаго ихъ отношенія. Въ подтвержденіе сего приведемъ мысль Хомякова, который пишетъ о Кирѣевскомъ слѣдующее:

«Требованіе духовной цѣльности для правильнаго разумѣнія и *признанія отношенія вѣры къ разуму*, не какъ къ чуждой, но какъ къ низшей стихіи, или иначе къ стихіи, которая полноту своего существованія находитъ только въ вѣрѣ. Эта черта принадлежитъ тому ученію, котораго строгая послѣдовательность возможна только въ Церкви и котораго краснорѣчивымъ представителемъ былъ И. В. Кирѣевскій. (Хом. I—263).

Такая духовность и жизненность цѣльнаго знанія требуетъ не только логическаго, правильнаго сужденія, не только вѣрнаго діалектическаго раскрытія философскаго содержанія въ познаваніи сущаго, но и участія волевыхъ и сочувственныхъ силъ человѣческой *полноты*, средоточіе которыхъ Хомяковъ видѣлъ въ любви. Посему для опредѣленія точнаго значенія философіи съ точки зрѣнія славянофильства нужно опереться на полноту составности человѣческаго строенія, ибо цѣльное познаніе, т. е. полная связь нашего „Я“ съ окружающимъ, внѣшней и извнутри пребывающими въ насъ областями, достигается всестороннимъ проявленіемъ всѣхъ познавательныхъ нашихъ силъ. Только всесторонняя психологія, самая строгая и подробная, поможетъ понять всю глубину славянофильскаго мышленія. Вотъ почему къ славянофильскому стану мы не можемъ не причислить и преосвященнаго еп. Ѳеофана, затворника Вышенскаго, смотрящаго на философію именно съ точки зрѣнія душедуховнаго нашего строя. Его опредѣленія философіи какъ-бы сосредоточиваютъ воззрѣнія Кирѣевскаго, Хомякова и Гилярова-Платонова и освѣщаютъ необыкновенно яркимъ свѣтомъ со стороны психологическаго вѣдѣнія природы и полноты человѣка. Еп. Ѳеофанъ къ тому-же далъ опредѣленіе въ болѣе современномъ и полномъ выраженіи. Онъ представляетъ себѣ ходъ развитія *идеальнаго философскаго воззрѣнія* слѣдующимъ постепеннымъ воздѣйствіемъ познавательныхъ силъ природы

человѣка во всей ея полнотѣ. Духъ, всегда намъ присущій, какъ основная *существенная* сила, созерцая Бога (т. е. Истину), манитъ душу въ невидимую безпредѣльную область (то, что Гиляровъ-Платоновъ называютъ міромъ отрѣшеннымъ). «Кто хочетъ созерцать все сущее идеально, ему слѣдуетъ исходить отъ Бога или отъ того символа, который Богомъ написанъ въ духѣ. Мыслители, которые не такъ дѣлаютъ, уже тѣмъ самымъ не суть философы. Не вѣря идеямъ, созидаемымъ душою на основаніи внушеній духа, они несправедливо поступаютъ, когда не вѣрятъ тому, что составляетъ содержаніе духа, ибо то есть человѣческое произведеніе, а это Божеское». И далѣе по Еп. Ѳеофану: «*Образъ воззрѣнія идеальный есть метафизика и настоящая философія*, которая, какъ были всегда, такъ всегда и будутъ въ области познаній человѣческихъ».

Изъ этого отрывка слѣдуетъ, что философская работа познающаго мышленія объ истинѣ должна исходить отъ Бога, присутствующаго въ насъ духовною силою, которая осѣняетъ насъ, внушаетъ намъ и отражаетъ свои вѣдѣнія на душу нашу, т. е. на наши разумно-личныя волевыя силы. А образы воззрѣнія идеальной среды и есть настоящая философія, которая составляетъ область истинныхъ познаній человѣческихъ. Познать невидимое и отрѣшенное можно лишь при помощи воздѣйствія этого отрѣшеннаго на духъ, а черезъ него на душу и мыслительныя познавательныя способности. Здѣсь выяснена не только связь духовнаго и предметнаго познанія, но и изображенъ путь этой познавательной работы, и вся она приписывается не богословію, а философіи.

Но чтобы яснѣе представить себѣ этотъ переходъ изъ невидимаго къ видимому, изъ невѣдомаго къ познаваемому, чаемаго и ожидаемаго въ настоящее, нужно признать за достовѣрное христіанское воззрѣніе на составность человѣка изъ духа, души и тѣла.

Итакъ, философія должна обосноваться на психологіи и иначе быть не можетъ: философія есть познавательное стремленіе и безъ изслѣдованія свойствъ познавательныхъ силъ въ ихъ полнотѣ обходиться не должна. Вотъ почему славянофилы, хотя прямо и не высказываютъ этого, всю свою работу философскаго познанія сводятъ къ опредѣленію познавательныхъ силъ человѣческой природы, взятыхъ въ полнотѣ и цѣльности. Взглядъ Еп. Ѳеофана совпадаетъ по духовности, жизненности и цѣлостности со взглядами Хомякова, Кирѣевскаго и Гилярова-Платонова, но представленъ психологически подробнѣе и обстоятельнѣе.

Итакъ, одна изъ первыхъ задачъ любомудрія славянофиловъ —есть изслѣдованіе познающихъ силъ человѣческой

природы и ея составности въ полнотѣ, единствѣ и цѣльности.

Вторая задача—опредѣлить, въ чемъ синтезъ познанія, и какъ оно достигается. Тутъ оказываются два пути: 1) жизненная правда и 2) умозрительная связь. Вл. Соловьевъ, въ отличіе отъ славянофильства, видитъ это сочетаніе, съ точки зрѣнія разумности, въ мистицизмѣ, т. е. по 2-му пути, а восточники—въ житейскомъ оправданіи любовью т. е. по 1-му.

Понятно, что достигнуть искомаго синтеза (умозрительно) по второму пути можно, отправляясь отъ любого изъ его членовъ. «Ибо, пишетъ Соловьевъ, такъ какъ истинная наука невозможна безъ философіи съ теологіей, такъ же какъ истинная философія безъ теологіи и положительной науки и истинная теологія безъ философіи и науки, то необходимо каждый изъ этихъ элементовъ, доведенный до истинной своей полноты, получаетъ синтетическій характеръ и становится цѣльнымъ знаніемъ». Этой выписки вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что Вл. Соловьевъ смотритъ на высшее общее познаніе или, какъ онъ называетъ, на «свободную теософію», съ мистической точки зрѣнія, не похожей и не тождественной съ славянофильскимъ общимъ знаніемъ, или полнотою и цѣлокупною связью въ любви. Первый путь рѣзко отрицаетъ все лжемистическое.

И дѣйствительно изъ этого сравнительнаго обзора вытекаетъ несомнѣнно, что основатели славянофильскаго философскаго мышленія, Кирѣевскій, Хомяковъ и Гиляровъ-Платоновъ, въ противоположность мистику психургисту Соловьеву, требовали, для истиннаго познанія его, жизненной полноты, т. е. связи познанія духовнаго, психическаго и предметнаго (вещественнаго), примѣненнаго къ личной жизни, а не трехъ отдѣльныхъ, отрѣшенныхъ отъ дѣйствительности, ступеней знанія научныхъ, мудролюбныхъ свѣдѣній и вѣроисповѣдныхъ мистическихъ разъясненій общихъ вопросовъ: 1) разсудочно-мыслительныхъ, 2) философско-обобщенныхъ и 3) богословско-догматическихъ. Сообразно сему и по отношенію къ познаванію истины существуетъ три разряда людей: 1) мыслители, 2) философы или мудролюбцы и 3) исповѣдники. Славянофилы-же суть представители четвертаго разряда, вмѣщающаго три предыдущихъ: они мудрецы или цѣломудры.

Кто добивается пониманія жизни и мірового порядка исключительно мыслью, разумомъ, кто признаетъ въ области познанія исключительно только одно умственное, разсудочное знаніе внѣшняго, предметнаго опыта и логическаго сужденія, тотъ и есть исключительный мыслитель—чистый раціоналистъ, онъ — разсудочникъ. Его ученіе мыслительно-разсудочный укладъ.

Философъ тотъ, кто ищетъ уяснить себѣ внѣшнія условія для осуществленія достойной и нравственной жизни, ибо онъ любитъ мудрость и хочетъ жить по мудрости своей, но не въ силахъ провести въ жизнь совершенство (идеалы) своего жизнезнанія, т. е. познанія добра и зла, и высшія свои нравственныя опредѣленія (категорическіе императивы), и это безсиліе происходитъ отъ неполноты личнаго познанія истины. Ему не хватаетъ цѣльности жизнезнанія т. е. живознанія, ибо ему недоступна духовная сторона жизни.

Таковы философы мудролюбцы древности. Сократъ былъ однимъ изъ достойныхъ ихъ представителей въ язычествѣ.

Исповѣдникъ тотъ, который признаетъ истину открытою премудростью Божіей и стремится жить по Божіей благодати, т. е. духовно, но принимая истину на вѣру однимъ чувствомъ, хотя духовно умудряется до высокаго просвѣтленія ума, но въ немъ часто недостаетъ выучки (эрудиціи) и формальнаго образованія, т. е. внѣшняго разсудочнаго развитія, умнаго самосознанія. Онъ вѣрный сынъ Церкви и можетъ не быть ученымъ разсудочникомъ и спорщикомъ съ учеными матеріалистами и эволюціонистами.

Тотъ, наконецъ, кто вмѣщаетъ ученость вещественнаго знанія, любовь къ мудрости и самознаніе внутренней своей душевной природы, и въ комъ ярко признаніе вѣромыслью истины богооткровенной, и чья жизнь согласована съ вѣрою, тотъ только вполнѣ мудрецъ, — онъ цѣломудръ. Въ немъ ученость, разумность и отчасти просвященность вступаютъ въ нерасторжимый союзъ. Таковы были представители славянофильскаго любомудрія и цѣломудрія: Хомяковъ, Самаринъ, еп. Ѳеофанъ и другіе достойные послѣдователи *).

Соотвѣтственно тремъ представителямъ, добивающимся познанія истины: мыслителю, мудролюбцу и исповѣднику, сливающимся въ *цѣломудромъ*, отмѣчаются три стороны познавательнаго стремленія или три силы познаваемости: въ мыслителѣ преобладаетъ стремленіе къ вещественному, предметному *знанію*; въ философѣ—къ внутреннему *самопознанію* (познай самого себя), а въ исповѣдникѣ—къ духовному *богооткровенному вѣдѣнію, признанію* къ вѣрующему познанію или, говоря иначе, къ *вѣрѣ*. Эти понятія составляютъ предметъ изслѣдованія особой части общей философіи познаніевѣдѣнія, т. е. ученія о познаваніи (гносеологіи), особенно

---

*) Вл. Соловьевъ представляетъ особую разновидность мыслителей,—онъ мыслитель теософъ мистикъ, и его окультная мудрость пріобрѣтается посвященіемъ, а не духовнымъ просвѣтленіемъ; нѣкоторые его принимаютъ за талантливаго діалектика. Онъ пансофистъ въ точномъ значеніи слова, но не цѣломудрый.

привлекающей въ настоящее время вниманіе ученыхъ и мыслителей.

Соотвѣтственно троякому предмету содержанія цѣлаго познанія: *науки* (въ собственномъ смыслѣ раціональной и логичной), *философіи* (въ болѣе узкомъ обычномъ значеніи общаго отвлеченнаго знанія психологическаго) и *богословскаго вѣдѣнія* (духовнаго, возвышеннаго безотносительнаго (абсолютнаго) содержанія металогическаго *); соотвѣтственно троякому разряду людей, направившихъ свои труды и силы къ усвоенію этихъ трехъ круговъ познаванія, и соотвѣтственно тремъ познавательнымъ силамъ, необходимымъ для цѣльнаго и полнаго мудролюбнаго мышленія,—полнота философскаго познанія можетъ быть распредѣлена на три отрасли: на 1) *міровоззрѣніе*, основанное на предметномъ или вещественномъ знаніи, научной достовѣрности; признаки этой области—время, пространство и механическая необходимость, по естественнымъ законамъ природы; его мышленіе—логическое; 2) *познаніевѣдѣніе*, основанное на внутреннемъ психическомъ самоопытѣ; признаки этой области — три стороны душевности человѣческой природы: разумность, чувство и воля его мышленіе—психологическое; 3) *жизнепониманіе* или *живознаніе*, основанное на духовности человѣческой природы,—его мышленіе металогическое. Признаки этого возвышенно-глубоко-внутренняго вѣдѣнія—духовныя стороны или силы полноты нашей природы: боговѣдѣніе, совѣсть и свобода творческаго произволенія.

Всѣ эти стороны цѣльнаго философскаго мышленія основаны, какъ это видно, на изученіи сторонъ нашей природы, а потому ранѣе, чѣмъ приступить къ изложенію содержанія трехъ областей славянофильскаго любомудрія: міровоззрѣнія, познаніевѣдѣнія и жизнепониманія, намъ надлежитъ разсмотрѣть вопросъ о нашей природѣ или о сторонахъ нашей составности. Эта часть какъ бы основоположная для философіи, такъ какъ только доказавъ необходимость признанія въ насъ трехъ частей—тѣла, души и духа, мы можемъ приступить къ изложенію содержанія славянофильства.

Обобщая вкратцѣ все содержаніе нашего подготовительнаго изслѣдованія, скажемъ, что славянофильство, отвергая мистику и чистый раціонализмъ, стремится связать всѣ три отрасли познавательнаго мудрованія: 1) науки предметнаго вещественнаго міра съ 2) философіей или ученіемъ отрѣ-

---

*) Подъ металогикой мы разумѣемъ логичность сужденій духовнаго порядка. Смотри: *«Сводъ Основныхъ Законовъ Мышленія»*. Петроградъ, 1908.

шеннаго мышленія и, наконецъ, съ 3) духовнымъ вѣдѣніемъ міра надземнаго.

Славянофильство устанавливаетъ три разряда познавательныхъ способностей—знаніе, самосознаніе и признанія (духовное возгорѣніе), связывая ихъ въ четвертомъ—цѣломудріи,—и отличаетъ три разряда дѣятелей области познаванія: мыслителей, мудролюбцевъ и исповѣдниковъ. Четвертые-же, обладая качествами всѣхъ трехъ, являются дѣятелями цѣломудрыми.

Каждая новая ступень развитія философіи, какъ и развитія біологическихъ явленій въ природѣ, начинается актомъ творческаго новобразованія, творческаго зарожденія, сопровождающагося актомъ смерти производителя или непосредственно, или-же черезъ тотъ или другой промежутокъ времени. Новая философія зарождается отрицаніемъ предшествующихъ укладовъ. Такъ Декартъ, глава и основатель раціонализма въ философіи, началъ новую эру западнаго разсудочнаго движенія сомнѣніемъ, направленнымъ противъ простодушнаго непровѣреннаго вѣрованія. Декартъ, своимъ всесокращающимъ сомнѣніемъ и разрушеніемъ общепринятаго вѣрованія, пытался получить самую чистую страницу табула раза (tabula rasa) для нанесенія новаго основанія (плана) новаго разсудочнаго умовоззрѣнія.

Такъ и славянофилы, прежде чѣмъ вырабатывать новыя начала самостоятельнаго мышленія и самобытнаго ученія, должны были отрѣшиться отъ всей мудрости своихъ знаменитыхъ учителей, и на опроверженіе ихъ потратить главныя силы. Положительныя данныя занесены отрывочно, почти случайно. Всѣ три основателя славянофильскаго любомудрія, —Кирѣевскій, Хомяковъ и Гиляровъ-Платоновъ,—выступаютъ дружно противъ западно-европейскаго раціонализма. Кирѣевскій, въ первой своей статьѣ, изъ двухъ имъ написанныхъ, опредѣляетъ отрицательный характеръ цивилизаціи и культуры Европы въ сравненіи съ возвышеннымъ духовнымъ просвѣщеніемъ Россіи. (*О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи*). Здѣсь, замѣтимъ, вся Европа противопоставляется всей Россіи, какъ двѣ самостоятельныя, разнородныя одноцѣнныя единицы, т. е. единицы одного значенія, но разнаго достоинства. Во второй своей статьѣ Кирѣевскій стремится доказать односторонность раціонализма и раздвоенность цивилизаціи и культуры запада и только, какъ-бы мимоходомъ, указываетъ на основоположенія, на данныя философіи, восточнаго просвѣщенія, опредѣляя ихъ, какъ цѣльность, полноту и духовность, которыя

и требуютъ поэтому отъ усваивающихъ ихъ полноту познанія, т. е. кромѣ разсудочнаго разума, еще и полноту осмысленнаго сознанія и *вѣрующаго мышленія*.

Хомяковъ также начинаетъ свою философскую дѣятельность съ указанія ошибокъ Гегелевской философіи и только послѣ критики, развѣнчивающей всю нѣмецкую послѣ-Кантовскую философію, доказавъ ея односторонность, стремится опредѣлить основы новыхъ явленій въ области философіи, таковы, по его изысканіямъ: вѣра, разумность воли, ея духовная свобода, волящій разумъ, зрячесть разума (духа), законъ любви.

И Гиляровъ-Платоновъ выступаетъ на поприще философіи критическимъ очеркомъ о раціоналистическомъ движеніи философіи новыхъ временъ и объ онтологіи Гегеля и, не оставивъ отдѣльнаго изслѣдованія и уклада новыхъ основаній для духовной философіи, въ то же время устанавливаетъ опредѣленія большинству данныхъ, служащихъ для построенія цѣльнаго любомудрія.

Вл. Соловьевъ, пріобрѣтя свои философскія познанія въ ученіи славянофиловъ, также выступилъ, и даже горячо, противъ исключительности раціонализма и противъ позитивизма, разъясняя шагъ за шагомъ неправоту этихъ направленій, начиная съ Декарта, и кончая довершителемъ раціонализма, —Гегелемъ. Далѣе онъ пишетъ критику отвлеченныхъ началъ и только послѣ сего занимается основаніями метафизическаго познанія и опредѣляетъ философскія начала цѣльнаго мистическаго знанія, т. е. стремится выполнить по своему задачу, намѣченную славянофилами. Въ основу его убѣжденія легло утвержденіе: «философія въ смыслѣ отвлеченнаго, исключительно теоретическаго познанія окончила свое развитіе и перешла въ міръ прошедшаго». Похоронивъ такимъ образомъ весь нѣмецкій раціонализмъ, онъ нашелъ нужнымъ похоронить ученіе и своихъ учителей-славянофиловъ, дабы на ихъ могилахъ возвести зданіе теософіи, теуріи, мистики и знанія мистическихъ явленій, т. е. психургіи. Послѣ этой разрушительной дѣятельности приступаетъ онъ къ созиданію собственной системы и начавъ съ вопросовъ о богочеловѣчествѣ, кончаетъ защитою ватиканизма, т. е. схизматической непогрѣшимости папы, и филіоквизма, т. е. изувѣрнаго догмата о сошествіи Св. Духа и отъ Сына, расчищая путь къ признанію человѣко-божества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимается вопросами американскаго и французскаго спиритизма, космополитическаго юдоизма и основываетъ въ Россіи школу писателей и мыслителей окультическаго новопутейства, суть котораго — мистическое непосред-

ственное единеніе матеріи съ духомъ (матеріализація духа) и смѣщеніе началъ добра и лжи, освященіе страсти и плотскихъ вожделѣній. Другими словами, Вл. Соловьевъ мыслитель-западникъ гегеліанскаго толка: онъ копіистъ, перенимающій и старое, и модныя новизны, не умѣя критически разобраться и правильно связать это все въ одно, хотя сколько нибудь соразмѣрное и полное цѣлое.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что созиданіе новыхъ направленій міровоззрѣній основывается на ниспроверженіи дѣйствительномъ, или мнимомъ, старыхъ основъ. Этому закону прерывныхъ образованій подверглись славянофилы, кои, только утвердивъ доказательства несостоятельности и односторонности раціонализма и раздвоенности западной цивилизаціи, могли начать дѣло созиданія своего собственнаго уклада. Хотя всѣ данныя новаго славянофильскаго воззрѣнія и были обработаны и намѣчены основателями, но обстоятельства и время помѣшали имъ заняться возведеніемъ самаго зданія. Теперь работа надъ достиженіемъ цѣльнаго и полнаго знанія въ философскомъ мышленіи, стала необходимою неизбѣжностью. Послѣ Хомякова, односторонность философскаго разумѣнія сдѣлалась невозможной, невыносимой. «Всякая отдѣльная система философская составляетъ только часть общаго развитія человѣческаго ума». (Хом. III—453).

На пути къ полнотѣ знанія открылись два направленія. Германія, не вѣдая и не сознавая полноты вѣры, пошла по одному изъ открывшихся путей,—пути мнимому, пути лжемистическому: Гартманъ—съ философіей безсознательнаго и критикой спиритизма; Дю-Прель съ его философіей мистики и съ мнимымъ четырехмѣрнымъ пространствомъ. Но и тутъ оказалось два распутья: 1) путь достовѣрнаго знанія позитивнаго опыта, т. е. путь разработки явленій дѣйствительности изъ области мистицизма и спиритизма, названныхъ Вл. Соловьевымъ *психургическими*, и 2) путь мистическаго знанія, т. е. путь теософіи и теософскаго очарованія. Первый путь выбранъ Н. А. Аксаковымъ, однимъ изъ самыхъ значительныхъ спиритовъ-опытниковъ, второй путь выбранъ Вл. Соловьевымъ.

Направленіе славянофильства основалось на чистой духовности и вселенской соборности въ любви; оно не можетъ не противорѣчить ученіямъ лжемистиковъ и теософовъ, поскольку духовность противополагается вообще лжемистицизму. Изъ этого противоположенія ярче долженъ выступить свѣтъ православнаго мышленія и мнимость и даже лживая неправда мистическаго воззрѣнія. Если истина въ цѣльности и полнотѣ,

то славянофильское любомудріе, не составляя части другого познанія и образуя совокупность возможнаго познанія въ полнотѣ, достигаетъ истины; мистическая философія, которая по воззрѣнію Вл. Соловьева, обнимаетъ только частичное знаніе свободной теософіи, совершенно отклонется отъ истины.

Такъ что философія мистицизма Вл. Соловьева касается предѣловъ философіи славянофильства лишь, какъ тѣневая отрицательная сторона, ибо славянофильство вмѣщаетъ въ себѣ вѣру, самосознаніе и безматеріальную духовность. Эту противовеществениую духовность философія мистики не затрагиваетъ. Философія Вл. Соловьева вѣру замѣняетъ психургіей, т. е. матеріализованною духовностью, а духовность въ чистомъ видѣ не только его философія, но даже устанавливаемая имъ теософія извращаетъ.

Полноту познанія, т. е. истину, мы несомнѣнно усматриваемъ исключительно только въ православномъ мышленіи, разрабатываемомъ славянофильствомъ.

«Философское мышленіе строгими выводами возвращается къ незыблемымъ истинамъ вѣры, и разумность Церкви является высшею возможностью разумности человѣческой, не стѣсняя ея самобытнаго развитія. Истинныя убѣжденія благодѣтельны и сильны только въ совокупности и въ разработкѣ общественнаго самосознанія; такъ, наконецъ, науки философскія, понятыя во всемъ ихъ живомъ объемѣ, по необходимости отправляясь отъ вѣры и возвращаясь къ ней, въ то же время даютъ разсудку свободу, внутреннему знанію силу и жизни полноту». (Хом. I—284.)

Русская земля, несмотря на все свое кажущее умственное невѣжество въ цѣлинѣ, несмотря на приписываемую ей грубость, доходящую до размѣровъ нежелательныхъ, несмотря на не понятное многими обрядовѣріе, всегда мѣшающія намъ правильно судить о вѣрѣ живой и искренней,—обладаетъ неисчерпаемой нравственной силой. Въ этой живой, искренней, горячей вѣрѣ, которая не нуждается путей логической мысли, но которая не требуетъ слѣпаго признанія ея выводовъ для утвержденія предметовъ вѣры, — заключается мощь русскаго восточнаго просвѣщенія. Инквизиція Галилея не мыслима въ православной церкви.

Общее построеніе нашего труда.

Наша цѣль—обнять всю доступную намъ полноту философскаго познанія всего сущаго. По этой причинѣ намъ предстоитъ изслѣдовать въ единствѣ, полнотѣ и цѣльности всѣ познавательныя силы или способности человѣка, ибо,

только усвоивъ познанія объ этихъ силахъ полностью, мы въ состояніи будемъ судить о всѣхъ сторонахъ бытія, открытыхъ намъ. Такъ какъ только то возможно усвоить, что подъ силу нашему познанію, то въ насъ должны быть отдѣльныя приспособленія или устройства для воспріятія всѣхъ доступныхъ сторонъ познанія. Если въ насъ не хватаетъ хотя бы одного изъ этихъ приспособленій, то мы не въ силахъ будемъ никоимъ образомъ усвоить понятія о той области познанія, для которой нѣтъ въ насъ соотвѣтственной познавательной силы. Полнота познавательныхъ способностей обусловливаетъ и полноту познанія. Слѣпой отъ рожденія познать свѣтъ не въ состояніи: у него нѣтъ глаза, т. е. приспособленія для этого познанія.

Посему первою заботою будетъ опредѣлить, что такое самъ человѣкъ, какъ лицо познающее; и, только изучивъ всѣ стороны его природы, можно правильно судить о томъ, что въ состояніи онъ познать и усвоить. Тутъ-то и обнаружатся три стороны познанія: 1) внѣшнее предметное; 2) личное, т. е. внутреннее, и еще другое внутреннее, не личное, а извнутри привходящее духовное, ибо самъ человѣкъ принадлежитъ міру тремя сторонами бытія: тѣломъ, душою и духомъ, такъ что областей и силъ познавательныхъ въ немъ соотвѣтственно также три: разумное для внѣшняго, сознательное для личнаго и духовное вѣдѣніе для внутреннихъ откровеній извнутри въ душу проникающихъ. Подробное построеніе сторонъ природы человѣка и будетъ служить намъ опытнымъ образцомъ, выведеннымъ изъ изученія самого человѣка его самопознанія, для построенія всего познаваемаго.

Опредѣливъ себя и свои познавательныя способности въ возможной полнотѣ, намъ предстоитъ опредѣлить и предметы нашихъ познавательныхъ домоганій или, вѣрнѣе, области нашего познавательнаго усвоенія. Такъ что вторая работа будетъ заключаться въ томъ, чтобы установить все доступное нашему познанію какъ его внѣшнее, такъ и внутреннее содержаніе. Все внѣ сего познаванія будетъ обширная область либо святой тайны или сокровенной правды съ одной стороны; либо темной лжи, мрачнаго обмана, черной смерти и пустоты нирвана съ противоположной.

Познавательныхъ областей будетъ столько, сколькими силами или способностями мы обладаемъ. Предметъ всего познаваемаго есть *бытіе, явленіе и жизнь.* Бытіе есть общее въ дѣйствительности сущаго безъ отношенія къ перемѣнамъ въ предметахъ познанія, явленіе,—есть познаніе въ предметахъ обнаруженной перемѣны; а жизнь,—изученіе хода или

теченія этихъ перемѣнъ и ихъ конецъ. Явленіе есть единичный случай жизни бытія. Первоявленіе—творчество, рожденіе и исходность; довершеніе—совершенство и святость, смерть и нирвана.

Познать явленіе значитъ произвести три слѣдующія дѣйствія: 1) *усвоить* явленіе, 2) *сочетать* его съ подобными ему и, наконецъ, 3) *сосредоточить* и объединить въ единствѣ цѣлаго, дабы получить оцѣнку явленія. Эта оцѣнка самая существенная часть познавательной дѣятельности; она стремится отыскивать тайну начала, то, что называется причиной явленія или ея силой, и пытается опредѣлить цѣль или предназначеніе явленія. Плоды этихъ домоганій и есть нахожденіе сути явленій. Лишь зная суть чего-либо, мы можемъ сказать, что познали и поняли явленіе. Но такъ какъ существуютъ три области познавательнаго усвоенія, то существуютъ и три направленія для познавательныхъ стремленій; суть вещественнаго бытія, суть личной явности, суть духовной жизни. Суть вещественнаго бытія въ явленіи назовемъ для точности *существенностью* (существо и предметъ), суть личнаго усвоенія—*сущностью* (наличность и насущность), а суть духовной жизни—*сущимъ* (сущее).

По этимъ даннымъ распредѣляемъ нашъ трудъ на три изслѣдованія:

I. *Познающаго лица*, т. е. человѣка, и его *познаванія*, которыя, состоя изъ уразумѣнія бытія вещественныхъ существенностей, изъ сознаванія сущности личной явности и изъ вѣдѣнія (вѣры) сущаго духовной жизни, стремятся оцѣнить эти познаванія, т. е. найти въ области разума логическую цѣнность,—правду, опредѣляя разсудочную *истину или ложь*; въ области личнаго чувства эстетическую цѣнность,—красоту, опредѣляя гармоническую *изящность или уродство*, и въ области духовной жизни—этическую оцѣнку волящей совѣсти достойнаго, отдѣляя нравственное *добро или святость отъ зла и смерти*.

II. *Предмета познанія (бытія и самого лица и жизни)*, причемъ познающія способности стремятся найти причину или починное начало этого существованія, биванія и становленія и находятъ ее, когда удается опредѣлить силу, дѣйствующую въ явленіяхъ и жизненныхъ развитіяхъ.

III. *Цѣли познанія*—узнать, въ чемъ суть: 1) сущей силы вѣчнаго бытія, 2) сущности силы явленія и 3) существенности силы жизни, т. е. причину, слѣдствіе и цѣль бытія, жизни природы и человѣка.

Мы стремимся изложить взгляды на бытіе, явленіе и жизнь съ точки зрѣнія славянофильства, которое обосновывается на свойствахъ и природѣ самого человѣка.

Построеніе сторонъ природы человѣка и послужитъ образцомъ для построенія познаванія, міровоззрѣнія и жизнепониманія.

Человѣка мы считаемъ тройственнымъ, состоящимъ изъ тѣлесной, душевной и духовной природы.

Тѣлесность, душевность и духовность разсматриваемъ въ трехъ положеніяхъ: тѣлесность—1) рода (рожденія), 2) чувствительности и 3) движенія (роста); душевность—1) разумности, 2) сознательности и 3) связаннаго произволенія (хотѣнія); и духовность свободнотворческой силы — 1) страха духовнаго, 2) совѣсти и 3) жажды предѣльнаго;—а потому всякія иныя построенія будутъ сводиться къ тройственной троичности человѣка въ его полнотѣ.

	Починъ.	Оцѣнка.	Проявленіе.
Тѣлесность.	Рожденіе и питаніе.	Чувствительность.	Движеніе и ростъ.
Душевность.	Разумность.	Сознательность.	Хотѣніе.
Духовность.	Страхъ духовный.	Совѣсть.	Свобода творчества.

Таково наше предварительное построеніе.

Глава III.

Опредѣленіе составности человѣка.

«Господа молите, и Онъ ясно и точно покажетъ вамъ, что вы такое есть и каковъ строй вашъ. И тогда стройте планы по тому указанію». Еп. Ѳеофанъ.

Трехсоставность полноты природы человѣка и три стороны его жизни, какъ основа славянофильскаго любомудрія.

Какъ-бы безличенъ ни былъ мыслитель, какъ-бы ни стремился отрѣшиться отъ самого себя, онъ не въ силахъ быть безусловно объективнымъ, онъ не можетъ не внести чего-либо и отъ собственнаго своего «я» и не участвовать въ мыслительной работѣ, часто даже безсознательно и помимо его прямой воли. И если онъ въ чемъ-либо иномъ и могъ-бы достичь нѣкоторой отрѣшенности и безучастности и воздержаться отъ невольнаго внесенія своего внутренняго взгляда, то въ области сознанія, вѣдѣнія или даже простого знанія мыслитель устранить себя никоимъ образомъ не можетъ, ибо познаніе и есть личная связь познающаго лица съ внѣшнимъ предметомъ его познаванія. Познаваніе есть соузъ (мыслительный союзъ) внутреннихъ сокровенныхъ силъ нашего мыслящаго существа съ окружающимъ насъ внѣшнимъ міромъ. Поэтому наше собственное «я» составляетъ неизбѣжную существенную часть его. Познавательный эгоизмъ, то, что называютъ эготизмомъ, одно изъ самыхъ не только законныхъ и естественныхъ, но неизбѣжно-необходимыхъ проявленій нашей внутренней природы. Самостоятельно мыслить можно только своею головою, своими мыслительными силами и способностями. Самое дѣйствіе мышленія и познаванія внѣ познающаго лица быть не можетъ. Познаваніе есть неотъемлемая принадлежность познающаго и, когда кто-нибудь даже заимствуетъ

чужое познаніе, то эти плоды чужой мысли и знанія становятся достояніемъ мыслителя, при томъ лишь условіи, чтобы они были имъ восприняты и прошли черезъ его познавательныя способности, т. е. чтобы они подверглись дѣятельности усвоенія. Иногда это усвоеніе происходитъ чисто внѣшнимъ образомъ безъ достаточно-вдумчиваго углубленія; въ такомъ случаѣ и участіе лица въ этомъ познаваніи будетъ поверхностное, верхоглядное; по мѣрѣ-же углубленія и осмысленія, чужое мнѣніе становится своимъ. Оно-то для человѣка цѣнно, тогда какъ неосмысленное повтореніе чужой мысли вызываетъ всегда осужденіе.

«Мы знаемъ, что всякая чужая мысль, пока она еще только выраженіе, а не мысль, принятая внутрь, нашего собственнаго мышленія и имъ сознанная, остается для насъ въ мірѣ явленій, въ мірѣ силъ формальныхъ и слѣдовательно вещественныхъ. Она стоитъ передъ нами, какъ внѣшнее, какъ чужое, какъ «*не-я*», ставимое не творчествомъ нашей субъективной личности, недоступное нашему положительному сознанію, но доступное, хотя отчасти, его отрицательной критикѣ *). Дѣйствительно *сознаніе* не *сознаетъ* явленія: оно можетъ понять его законы, его внутренній смыслъ, но оно не понимаетъ, какъ явленіе. Отъ того-то слѣпой не видитъ, хотя и опредѣляетъ законы свѣта, и глухой не слышитъ, какъ-бы ни былъ силенъ въ акустикѣ, между тѣмъ какъ *полное разумѣніе* есть возсозданіе, т. е. обращеніе разумѣваемаго въ фактъ нашей собственной жизни». (Хом. Т. I—330) **).

Что здѣсь говоритъ Хомяковъ о *полномъ разумѣніи*, то приложимо и къ простой чужой мысли, пока она не возсоздана нашимъ разсудкомъ и не обращена въ фактъ (метъ) нашего мышленія, нашего пониманія, она для насъ внѣшнее явленіе, о которомъ получено только смутное представленіе, а не воспринятое полностью понятіе. Понятіе есть то, что усвоено мыслительною нашею силою, какъ наше собственное пріобрѣтеніе. Въ случаѣ, если лицо лишено какой-нибудь познавательной способности или какого-либо внѣшняго чувства (слѣпой, глухонѣмой), то вся та часть познанія, которая усваивается этою недостающею стороною, останется для него навсегда чуждою. Нематематическій умъ всѣхъ тонкостей математическаго мышленія усвоить и обнять не въ силахъ; равно люди, заглушившіе высшія стремленія и чуждые духовнаго мышленія и вѣдѣнія, въ концѣ-концовъ начинаютъ отрицать все духовное и божественное, становясь часто даже

---

*) Этотъ внѣшній мыслительный предметъ мы обозначили сокращенно словомъ *метъ*, въ отличіе отъ предметовъ, явленныхъ въ природѣ.

**) Всѣ ссылки относятся къ полному собранію сочиненій Алексѣя Степановича Хомякова, изданіе третье, дополненное. Москва, 1900.

убѣжденными атеистами, иначе невѣрами. По этимъ причинамъ для философскаго мышленія далеко не безразлично, обладаетъ или нѣтъ мыслитель полнотою познавательныхъ способностей; въ послѣднемъ случаѣ для его мышленія останутся сокрытыми области, недоступныя его пониманію, пока познавательныя силы снова не возстановятся полностью и не разовьются въ сторону, имъ пренебрегаемую.

Соотношеніе и связь полноты познанія съ полнотою познавательныхъ способностей внѣ сомнѣнія, а потому для точнаго и безостаточнаго опредѣленія возможно большаго круга познаваемаго и усваиваемаго предмета необходимо изучить всѣ силы, которыми обладаетъ человѣческая природа, безъ малѣйшаго пропуска. Такъ что области познанія естественно должны соотвѣтствовать полнотѣ самой природы человѣка и, наоборотъ,—области познаваемаго удобнѣе всего расположить по числу и порядку познавательныхъ нашихъ силъ. Вотъ почему предварительно распредѣленія сторонъ нашихъ познавательныхъ способностей и предѣловъ областей или круговъ познаваемаго въ распорядокъ, требуется изучить самую природу человѣка и всѣ его внутреннія познавательныя способности,—другими словами,—познать самого себя.

А что значитъ въ сущности познать самого себя? Не есть-ли оно лишь изученіе въ полнотѣ и цѣльности своей природы, опредѣленіе силъ, усвоивающихъ все внѣшнее досознательное и внутреннее сверхсознательное, и оцѣнка всѣхъ прочихъ дарованій и природныхъ способностей? Давно для человѣка стало необходимостью изученіе самого себя; и, дѣйствительно, непрерывно изучаетъ онъ себя съ большимъ рвеніемъ, но все-же мыслители не пришли еще къ единомысленному воззрѣнію, и въ этой области познанія (самопознанія) существуетъ чрезвычайно большое разнообразіе взглядовъ.

Иные признаютъ только одну составную часть природы человѣка—вещественную и, соотвѣтственно сему, одну въ немъ познавательную силу—разсудочность. Другіе считаютъ природу человѣка за двусоставную: тѣлесную (плотяную) и душевную, и посему, кромѣ разсудочности, признаютъ въ немъ и разумность. Наконецъ, третьи утверждаютъ, что человѣческая природа трехсоставна: тѣлесна (плотяна), душевна и духовна; причемъ послѣднія двѣ стороны жизни не смѣшиваютъ, а опредѣленно различаютъ ихъ другъ отъ друга, что неминуемо отражается и на взглядѣ на наши познавательныя силы. Въ этомъ случаѣ, кромѣ вещественнаго знанія, внутренняго душевнаго сознанія, прибавляютъ особую вѣропознавательную силу, способность духовнаго вѣдѣнія или признанія выше

(сверх)-разумнаго. Безъ этой силы нельзя себѣ даже представить жизнь души. «Безъ вѣры въ свою душу, говоритъ наиболѣе глубокій душевѣдъ, Достоевскій, и въ ея безсмертіе—бытіе человѣка неестественно, немыслимо, невыносимо». (Дневн. пис. 1876 г. № 12.)

Было-бы не полно, если-бы, кромѣ указанныхъ трехъ точекъ зрѣнія на составность человѣка, не упомянуть и о тѣхъ мыслителяхъ, которые признаютъ въ человѣкѣ мистическія силы тайнаго или сокровеннаго познанія и принимаютъ за источникъ этого познанія способность, называемую «*мистическимъ воспріятіемъ*», «*окультнымъ (скрытнымъ) знаніемъ*», «*мистическимъ созерцаніемъ*».

Эта сторона жизни почитается послѣдователями сокровеннаго мистическаго направленія одною изъ существеннѣйшихъ проявленій человѣческой природы и извѣстна у нихъ подъ названіемъ психизма, психургизма (у Вл. Соловьева), медіумизма (у А. И. Аксакова) и т. д. Объ этой сторонѣ можно говорить только условно, ибо философское обоснованіе онаго познанія—есть аналогія, т. е. эти мистическія сужденія вытекаютъ лишь изъ случайнаго параллельнаго сопоставленія или частичныхъ уподобленій, а истинное любомудріе отвергаетъ научную достовѣрность такого аналогическаго отрывочнаго мышленія, ибо, что возможно въ представленіи, не всегда есть то, что существуетъ въ дѣйствительности. Упоминаемъ-же о «мистическомъ воспріятіи» лишь потому, что оно, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть плодъ философской мысли Вл. Соловьева, котораго мы выбрали, какъ мыслителя, противопоставляемаго славянофильству для сгущенія свѣтотѣней изображенія. Ученіе о «мистическомъ воспріятіи» и составляетъ тотъ именно рубежъ, отъ котораго мысль Вл. Соловьева отходитъ въ сторону отъ славянофильскаго направленія, ибо, какъ мы докажемъ далѣе, «вѣрующее мышленіе» Хомякова не одно и то же, что «мистическое знаніе или воспріятіе» Вл. Соловьева: одно духовнаго, другое физіологическаго порядка или дѣйствія прилога.

Излагать всѣ существующія ученія о составности человѣка, по многочисленности ихъ, дѣло совершенно излишнее для насъ, изучающихъ одни славянофильскія воззрѣнія, а не изображающихъ общій сводъ всѣхъ философскихъ системъ. Достаточно намъ для сравненія дать типичные (образцовые) примѣры по одному изъ каждаго разряда. Для изображенія односоставнаго взгляда выберемъ ученіе Тейхмюллера, бывшаго профессора Юрьевскаго университета, представителя ученія

объ исключительно душевной субстанціи *), и профессора Берлинскаго университета Зееберга, выразителя двусторонняго взгляда; ученіе о душевномъ и духовномъ «Geistlichkeit» «Гейстлихкейт».

Одно, что бросается въ глаза при разсмотрѣніи всѣхъ ученій о составности природы человѣка, это полное соотвѣтствіе всего ученія, а въ частности взгляда на познавательныя способности, со взглядомъ на природу человѣка, и даже на природу вообще. И это само по себѣ понятно. Признаніемъ вещественной (плотской) односоставности человѣка (Штраусъ, Бюхнеръ) обусловливается и матеріалистическая односторонность всего уклада, и признаніе силы одного вещественнаго знанія,—и такимъ образомъ вся система становится системою матеріалистическою, все міровоззрѣніе—исключительно вещественное. Принимая составность человѣка какъ исключительно жизненосную и утверждая, что всякое инертное вещество по сути жизненно, получаемъ одностороннюю систему *гилозоизма*, т. е. жизнеосновности. Такого-же порядка *виртуализмъ*, *анимизмъ* и много других.

Можно объяснить это соотношеніе основъ ученія и взгляда на познавательныя силы со взглядомъ о составности природы человѣка какъ-разъ въ обратномъ направленіи. Тотъ, кто въ природѣ признаетъ одну субстанцію, матерію, тотъ не можетъ допустить и въ человѣкѣ ничего другого, какъ только вещество (плоть) и его мозговое воспріятіе. Тотъ, кто видитъ въ космосѣ одну только силу жизни, тотъ на человѣка иначе, какъ жизненно (виталистически) взглянуть не можетъ. Но эта перемѣна точки зрѣнія на фактъ не мѣняетъ смысла нашего утвержденія: исходитъ-ли мыслитель отъ себя, т. е. смотритъ-ли субъективно (лично), или выводитъ положенія изъ разсмотрѣнія космоса и заканчиваетъ собою, т. е. склоненъ-ли онъ излагать свои мысли объективно (предметно), всетаки соотвѣтствіе взгляда на внѣшній міръ со взглядомъ на собственное познающее «я» и на самаго себя остается ненарушимымъ. Больше того, такое соотвѣтствіе касается взгляда мыслителя и на задачи самой философіи, ибо философски мыслить, любомудрствовать, значитъ связывать воедино познаніе міра, познаніе самого себя и признаніе своихъ познавательныхъ силъ.

Тейхмюллеръ смотритъ и на философію также съ одной точки зрѣнія, а именно какъ на работу разума, основанную только на внѣшнемъ опытѣ, т. е. на кругѣ явленій, познавае-

*) Тейхмюллеръ къ тому же дѣлаетъ общій обзоръ всѣхъ одностороннихъ ученій.

мыхъ нами при помощи пяти нашихъ чувствъ. При этомъ подъ разумомъ онъ понимаетъ общее откровеніе Божіе, посредствомъ котораго мы только и можемъ понимать всякую истину; но онъ не различаетъ этотъ «*разумъ*» отъ болѣе возвышенной познавательной способности человѣка—«*духовнаго ума*», которымъ мы усваиваемъ металогически сверхразумно вѣдѣніе духовнаго, сверхчувственнаго, отрѣшеннаго невидимаго міра, не пытаясь понять его логически, разсудочно. Это высшее сверхразумное вѣдѣніе невидимаго названо А. С. Хомяковымъ — *вѣрующимъ мышленіемъ*.

Тейхмюллеръ обосновываетъ свое ученіе на понятіяхъ субстанціи и акциденціи, т. е. избираетъ раціоналистическій путь, указанный еще Декартомъ. Въ своемъ сочиненіи «*Безсмертіе души*» *) Тейхмюллеръ задался цѣлью доказать существованіе безсмертной души, основываясь на философскихъ разсужденіяхъ. Онъ хочетъ вывести, опровергая различныя предшествующія воззрѣнія на душу и сущность ея, ученіе о происхожденіи ея и будущей судьбѣ, какъ «личности».

Въ противоположность религіямъ, философія не представляетъ единогласнаго рѣшенія этой задачи, въ ней не встрѣчаешь общаго ученія о безсмертіи, а потому онъ приводитъ въ систематическомъ порядкѣ взгляды философовъ различныхъ направленій и группируетъ ихъ въ пять міровоззрѣній.

Но прежде, чѣмъ перечислить эти воззрѣнія, изложимъ взглядъ Тейхмюллера на самую философію, особенно тѣсно связанную съ его психологіею и гносеологіей. «Философія, говоритъ, онъ, есть исключительно наука разума, которая довѣряетъ только опыту и разсудку». Разумъ-же представляется ему, какъ «общее откровеніе Божіе, посредствомъ котораго мы только и можемъ понимать всякую истину». Философію Тейхмюллеръ не смѣшиваетъ съ наукою и съ религіей, хотя для достиженія этихъ трехъ отраслей познанія у него одна сила душевности. Между душевностью и духовностью онъ различія не дѣлаетъ. Однимъ словомъ, душевность у него единственная и исключительная самобытность (субстанція).

«Религія, продолжаетъ Тейхмюллеръ, носительница тѣхъ великихъ тайнъ, которыя философія знаетъ въ понятіяхъ, но которыя, какъ сердечныя силы, не могутъ быть переданы въ нихъ. Религія союзница философіи, но она сражается инымъ оружіемъ и другими силами, ибо въ то время, какъ философія изслѣдуетъ серіознымъ трудомъ, религія имѣетъ увѣренность обладанія, благодаря счастливѣйшему дару благочестивой надежды, чарующему оружію святой вѣры».

---

*) Философское изслѣдованіе. Переводъ А. К. Николаева подъ редакціею Евгенія Боброва, Юрьевъ. 1895 г.

Тейхмюллеръ, доказывая путемъ исключительно философскимъ существованіе и личное безсмертіе души, перечисляетъ воззрѣнія на душу предшественниковъ, ученіе которыхъ группируетъ въ двѣ предварительныя ступени и три высшихъ міровоззрѣнія, а затѣмъ излагаетъ свое четвертое міровоззрѣніе.

Предварительныя ступени:

Наивный матеріализмъ есть наивное отожествленіе духа и матеріи, противоположность которыхъ не замѣчается. Тѣло человѣка, по этому воззрѣнію, не является неодушевленнымъ, но душа не различна отъ тѣла (гилозоизмъ). Тоже наивный *проективизмъ* проф-ра Я. Ѳ. Осе *). Противоположность этому воззрѣнію:

Наивный дуализмъ, который строго различаетъ духъ отъ матеріи и одинаково пользуется обоими, какъ причинами вещей, для объясненія всѣхъ явленій; здѣсь духъ и матерія настолько отдѣлены другъ отъ друга, что ихъ нельзя ничѣмъ связать и понять въ живомъ единствѣ; тоже *спиритуализмъ.*

Болѣе послѣдовательно сложились мысли въ слѣдующихъ трехъ міровоззрѣніяхъ:

I. *Научный матеріализмъ* выводитъ духовное изъ матеріальнаго; такъ что существуетъ лишь матерія, т. е. протяженное, движимое существо; все-же, что кромѣ того имѣетъ бытіе, должно считаться функціей матеріи.

II. *Идеализмъ* или *платонизмъ.* Точка зрѣнія, по которой изъ нематеріальной субстанціи, познаваемой разумомъ, происходятъ вещи чувственнаго воспріятія.

III. *Спинозизмъ* или *параллелизмъ*, по которому оба міра, идеальный и матеріальный, идутъ параллельно другъ другу и суть выраженія одной и той же субстанціи. Единое сущное является подъ различными атрибутами.

Тейхмюллеръ, критически относясь ко всѣмъ пяти воззрѣніямъ, доказываетъ односторонность каждаго изъ нихъ и пытается согласовать ихъ вмѣстѣ; затѣмъ выясняетъ свое четвертое міровоззрѣніе, опредѣливъ и доказавъ сущность души, какъ «самобытную причину, а не какъ простую дѣятельность или функцію», а потому, выводитъ онъ «душа не простая *акциденція,* но *субстанція*».

Если-же душа есть самобытная причина, то она сама изъ себя должна производить воздѣйствіе. Бытіе-же, хотя и нераздѣльно отъ души, будетъ обладать различнымъ содержаніемъ или различными формами; одна изъ этихъ формъ есть сознаніе. Но функція души не только эта единственная форма

*) «Проективизмъ и персонализмъ въ метафизикѣ Лоцце».

(сознаніе)—она содержитъ въ себѣ и другую форму—безсознательную дѣятельность, предѣлы которой неограничены, и которая содержитъ неисчерпаемое и неистощимое основаніе сознательныхъ созданій духа.

Разсматривая отношеніе души къ тѣлу, Тейхмюллеръ основывается на томъ положеніи, что не можетъ быть функціи безъ субстанціи, и приходитъ къ умозаключенію, что наша душевная жизнь есть функція души, вызванная тѣлесными возбужденіями. Отсюда:

Четвертое воззрѣніе получится тогда, когда мы отбросимъ противопоставленіе духовнаго и матеріальнаго міровъ. Матеріальность вовсе не свойственна субстанціямъ, а существуетъ, какъ способъ представленія. Въ такомъ случаѣ не два сорта міровъ, которые по своимъ свойствамъ не могутъ входить въ общеніе и, тѣмъ не менѣе, согласно опыту, должны имѣть его. Любницъ заключилъ, что находящійся внѣ насъ міръ долженъ состоять изъ точно такихъ же нематеріальныхъ субстанцій, какъ та, о которой мы обладаемъ познаніемъ и опытъ внутри себя. Признаніе субстанцій такъ называемаго матеріальнаго міра подобными душѣ и мыслящей субстанціи и стоящими лишь на различныхъ ступеняхъ развитія въ числѣ всѣхъ родовъ субстанцій составляетъ основу воздвигаемаго четвертаго міровоззрѣнія; при этомъ можно освободиться изъ круга, въ предѣлахъ котораго бросаются изъ матеріализма въ идеализмъ и обратно.

Свое воззрѣніе Тейхмюллеръ выясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«Матерія, какъ протяженная масса существуетъ, какъ наше представленіе или воображеніе, а не по себѣ. Тѣ же субстанціи, или атомы, или монады, которые вызываютъ въ насъ эти представленія, совершенно одинаковы съ нашей собственной субстанціей. Одинаковость матеріальныхъ и духовныхъ субстанцій есть неизбѣжное требованіе науки» (стр. 110).

Принципы, отсюда вытекающіе:

Существуютъ только индивидуальныя субстанціи, которыя именуются атомами, если ихъ существованіе ограничивается физическими, химическими и органическими явленіями, и душами (монадами), если онѣ обнаруживаютъ также сознаніе и самосознаніе.

Міръ развивается въ цѣлесообразномъ порядкѣ отъ несовершеннаго къ совершенному.

Никакое развитіе не можетъ быть безполезнымъ; оно должно быть толчкомъ дальнѣйшему развитію; всякое развитіе происходитъ въ законосообразной послѣдовательности по ступенямъ.

Пріобрѣтенное жизненное содержаніе не утрачивается.

И эти начала подтверждаются также и слѣдующими тремя фактами:

I. Фактъ человѣческаго несовершенства.

II. Фактъ тоски по совершенству. Требованіе прогресса (преуспѣнія) во всѣхъ областяхъ жизни есть признакъ здоровья и надежды.

III. Фактъ общаго естественнаго стремленія къ самосохраненію и продленію жизни.

Заключеніе. Душа безсмертна не только безсознательно, индивидуально какъ выражается Тейхмюллеръ, но и какъ сознательная личность, т. е. по смерти за нею сохранится личное сознаніе ею пріобрѣтеннаго жизненнаго содержанія.

Перспектива послѣ смерти для души велика, божественна и таинственна.

Изъ этого краткаго очерка ученія Тейхмюллера усматривается односторонность его взгляда: 1) составность человѣческой природы едина: она исключительно душевной субстанціи, отвергающей иные разряды субстанціи; 2) познавательныхъ силъ души одна: исключительное значеніе философскаго познанія, т. е. философіи какъ науки разума.

Иные мыслители раздѣляютъ и силы познаванія на-двое, и природу человѣка считаютъ двойственною и приписываютъ философіи двойную задачу. Такой научный дуализмъ, названный Тейхмюллеромъ параллелизмомъ или спинозизмомъ, равно и исключительность душевности самого Тейхмюллера и его единомышленниковъ не могутъ удовлетворить славянофиловъ, которые не только стали въ противорѣчіе Гегелю съ его философіею тожества, но не могутъ принять всецѣло и точку зрѣнія Канта и видятъ, какъ въ «Критикѣ чистаго разума», такъ и въ «Критикѣ практическаго разума» лишь намекъ на достиженіе истины, а не самую истину. Во всякомъ случаѣ въ опредѣленіи категорическаго императива, въ которое уже входятъ нравственныя требованія чисто соборнаго вселенскаго направленія, Кантъ какъ-бы перебросилъ мостикъ черезъ пропасть, раздѣляющую западное мышленіе отъ восточнаго. Въ отличіе отъ чистыхъ раціоналистовъ славянофилы требуютъ внесенія въ философію нравственныхъ вопросовъ, ибо встали на психическую точку зрѣнія, т. е. на ту, которая обосновываетъ и философію Тейхмюллера.

Славянофилы московскаго просвѣщенія, хотя прямо не указываютъ на психологію и не развиваютъ ученія о составности человѣка, но сами не могутъ быть поняты безъ знакомства съ ихъ взглядами на природу человѣка. Не случайно лучшій

русскій писатель—душевѣдъ Достоевскій былъ славянофиломъ. Но чего не сдѣлали Кирѣевскій и Хомяковъ, то додѣлалъ современный богословъ мыслитель Еп. Ѳеофанъ Затворникъ. Если у старшихъ славянофиловъ эти воззрѣнія не изложены въ точныхъ и послѣдовательныхъ укладахъ, то у славянофила, Еп. Ѳеофана, затворника Вышенскаго († 1894), эти вопросы составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ изслѣдованія. Впрочемъ основателямъ славянофильства надъ этимъ предметомъ особенно тщательно останавливаться не приходилось, такъ какъ они, защищая Православіе въ общей полнотѣ, принимали православную точку зрѣнія на составность человѣка, какъ общепризнанную, какъ неизмѣнную, ибо она входила въ христіанскія основы жизни человѣка, а по христіанскому воззрѣнію человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа. И такъ, для установки славянофильскаго понятія о природѣ человѣка и составности міростроенія слѣдуетъ только утвердиться въ общемъ христіанскомъ пониманіи этого вопроса, а потому, перечисливъ всѣ разновидности христіанскаго воззрѣнія, слѣдуетъ остановиться на общепринятомъ въ ученіи православной церкви вселенской, которая трудами святыхъ отцовъ и подвижниковъ особенно тщательно выработала свои взгляды на существенныя стороны психическаго строенія вѣрующаго.

Односоставность человѣка, будь она чисто матеріалистическаго направленія или чисто анимистическаго, каково ученіе Тейхмюллера, христіанствомъ отвергается.

Тутъ можетъ быть рѣчь только о дуализмѣ или трихотомности. Другими словами, или признать въ человѣкѣ тѣло и душу, тѣло и духъ, или наконецъ душу и духъ или-же утвердиться въ истинѣ, что полнота человѣка является совокупностью тѣла (плоти), души и духа; двѣ послѣднія стороны неоднозначащи и по сути самостоятельны, хотя и тѣсно взаимно связаны. У дуалистовъ матеріалистическаго оттѣнка душа и духъ или вполнѣ однозначущи, или одно другому подчиняется. Даже на языкѣ иныхъ народовъ понятіе душа вмѣщаетъ въ себѣ понятіе духа, какъ высшая сила низшую однородную; такъ на французскомъ «âмъ» (âme) выражаетъ понятіе значительно полнѣе понятія esprit (есприт). То же можно сказать о нѣмецкомъ словѣ Зееле (Seele), которое принимается какъ существо, а слово Гейст (Geist), какъ высшее отвлеченное мыслительное и есть только свойство этого Зееле (Seele).

И между православными учеными найдутся также писатели, кои отрицаютъ существенное различіе между духомъ и душою, таковъ А. Гиляровскій. Но писатели, которые не до-

пускаютъ своевольнаго толкованія писанія, держатся точнаго смысла апостольскихъ изрѣченій, глубже вникаютъ во внутренній ихъ смыслъ, провѣряя его самоиспытаніемъ, аскетическою жизнью своею и примѣрами жизни отцовъ и угодниковъ церкви, не могутъ сомнѣваться въ необходимости трихотомнаго взгляда, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежитъ всему христіанству во всей вселенской своей полнотѣ, такъ какъ апостольскія слова по сему вопросу остались неприкосновенно тожественны, у всѣхъ исповѣданій.

Лучшіе богословы всѣхъ вѣроисповѣданій въ семъ вопросѣ вполнѣ одномышленны и, если встрѣчаются наоборотъ инакомыслящіе, то ихъ немного и доводы ихъ мало обоснованы. Мы въ своемъ мѣстѣ приведемъ отзывы протестантскихъ богослововъ, ученыхъ проповѣдниковъ, особенно добросовѣстныхъ. Таковы Мертенсъ, Бэттексъ, хотя на ряду съ ними есть чистѣйшіе дуалисты, каковъ, напр., профессоръ берлинскаго университета (бывшій профессоръ юрьевскаго) Зеебергъ. Выбравъ его представителемъ дуалистическаго воззрѣнія, изложимъ вкратцѣ его систему, сопровождая критикою славянофильскаго направленія.

Профессоръ Зеебергъ въ книгѣ «Грундвархейтен дер кристлихен Религіон» («Grundwahrheiten der christlichen Religion»), выясняетъ съ дуалистической точки зрѣнія основную сущность всего христіанства и христіанскаго міровоззрѣнія и жизнепониманія; въ заключительномъ своемъ выводѣ онъ даетъ такое выраженіе о двухъ мірахъ, о двухъ сторонахъ человѣческой природы и о двухъ ихъ проявленіяхъ:

«Владычество Бога и вѣрованіе, Царство Божіе и любовь, вотъ все христіанское вѣроисповѣданіе. Оно даетъ намъ миръ и добродѣяніе (Tat) и тѣмъ наполняетъ потребу нашей души. И это все». Это его выводъ. Тутъ съ точки зрѣнія православнаго и многихъ богослововъ протестантскаго направленія обнаруживается явный пропускъ третьяго члена полноты—христіанскаго знанія истины, т. е. плода умственныхъ силъ познанія и внѣшняго проявленія въ историческомъ ходѣ развитія христіанства, что соотвѣтствуетъ третьей сторонѣ природы человѣка, его тѣлеснаго сложенія. Такъ какъ любовь есть средоточіе душевныхъ волевыхъ силъ, вѣрованіе, вѣрнѣе вѣра (т. е. истинное вѣрованіе) есть средоточіе духовныхъ силъ, то пропущена *надежда*,—средоточіе стремленій и упованій земной жизни. Христіанство не есть простая сущность (Wesen), а состоитъ собственно изъ домостроительной организаціонной тѣлесной существенности (субстанціи), душевной сущности (субстанціонности) и духовнаго сущаго (субстанціональности) οὐσία. Существенность

христіанскаго домостроительства состоитъ изъ Владычества Бога, Царства Божьяго и Церкви Господней. Сущность добродѣтелей христіанства — Вѣра, Надежда, Любовь. Сущее христіанства Правда (миръ), Истина и Добро (Tat), т. е. Святость. Вотъ эта-то полнота и требуетъ признанія трехъ степеней развитія жизни или трехъ сторонъ природы человѣка, т. е. его тѣлесности, душевности и духовности. Только отвлеченный теоретическій взглядъ протестанта можетъ въ опредѣленіи полноты христіанства отбросить вещественное историческое проявленіе его въ церковности. Такимъ образомъ мы видимъ, что у проф. Зееберга, говоря философски, установлена послѣдовательная двусторонность или двуосновность, и дѣйствительно у него міръ распадается на міръ духовный и на міръ душевный; затѣмъ двойное проявленіе этихъ міровъ въ духовномъ-божественномъ и душевномъ-психическомъ, а полнота потребности достигается въ мірѣ и добродѣтели,—вотъ и все. Церковность, какъ вещественное исторически земное домостроительство христіанства, чаяніе, какъ земное упованіе небеснаго, истина, какъ потребность или достиженіе христіанской жизни, и святость, какъ награда этого достиженія, оставлены профессоромъ въ небреженіи и не вошли въ его понятіе обо «всемъ».

И это происходитъ отъ отрицанія трехсторонности человѣческой природы. Будучи духовнаго направленія, ученіе проф. Зееберга какъ-бы оставляетъ втунѣ вещественное проявленіе христіанства. То же замѣчаемъ и у Тейхмюллера, который все вещественное принимаетъ за наше личное субъективное представленіе, а не какъ отдѣльную субстанцію, и ограничивается одною психическою стороною. Вотъ почему мы изъ ряда мыслителей и богослововъ выбрали именно Тейхмюллера и Зееберга,—оба они не матеріалисты, одинъ изъ нихъ отрицаетъ предметный міръ, какъ порожденіе самостоятельной субстанціи, и оставляетъ втунѣ міръ духовный, другой замалчиваетъ проявленіе христіанства въ матеріальномъ мірѣ въ его историческомъ развитіи, но выдѣляетъ изъ міра душевнаго міръ духовный, какъ отдѣльную сущность (Wesen).

По взгляду славянофиловъ, такихъ-же не матеріалистовъ, какъ Тейхмюллеръ и Зеебергъ, нельзя ограничивать одною или двумя сторонами при разсмотрѣніи вопросовъ жизни, замалчивая остальныя, а непремѣнно требуется признаніе всѣхъ сторонъ до цѣльной полноты; а эту полноту усматриваютъ въ трехсоставности единства человѣка. Лучшимъ разъяснителемъ трихотомности въ богословской словесности послѣдняго времени является Еп. Ѳеофанъ, затворникъ Вышенскій; направленіе его славянофильское, а точка зрѣнія, будучи общехристіан-

скаго исповѣданія, принята многими мыслителями и богословами протестантскаго ученаго міра, кои отрицають одно-и двуосновныя ученія Тейхмюллеровъ и Зеебрерговъ и коими полнота составности человѣка, или степени жизни, принимается трехчленная. Таковы, между прочими, Мартенсенъ, Бэттексъ и другіе.

Переходимъ теперь къ ученіямъ многосоставности природы человѣка по воззрѣніямъ христіанства въ томъ видѣ, какъ оно сложилось у отцовъ православной восточной церкви первыхъ вѣковъ и какъ оно сохранилось у богослововъ, по преимуществу опять-таки православнаго вѣроисповѣданія.

Основу христіанскаго признанія составляетъ сотворенность въ моментъ рожденія человѣка—души и духа его (креатавизмъ) и ихъ безсмертіе, т. е. личная сознательная жизнь души и духа каждаго человѣка въ царствѣ Личнаго Творца Вседержителя и Промыслителя Господа Бога послѣ усыпленія его тѣла. Собственно говоря, взглядъ всѣхъ богослововъ одинъ и тотъ-же, но одни разсматриваютъ болѣе общно, другіе по подробнѣе, частичнѣе. Во всѣхъ-же изложеніяхъ сохраняется чистый непримиримый дуализмъ —двоечастность:

1) смертной части плотяной, вещественной, *тѣлесной* *) и 2) безсмертной части *душевной*.

Тѣмъ не менѣе двойственность эта при углубленіи въ смыслъ и значеніе жизни каждой части, т. е. тѣлесности и душевности, усложняется и выростаетъ въ троечастность. Получается: 1) тѣлесность, 2) душевность и 3) духовность. При этомъ плоть, или тѣло плотское по прежнему рѣзко отдѣляется отъ духовности, и духовность составитъ второй членъ противоположенія, душевность будетъ лишь тѣлесно-духовною связью между плотью и духомъ.

Но и на этомъ нѣкоторые не останавливаются, всматриваясь по глубже, открываютъ промежуточныя положенія между тѣломъ и душою и душою и духомъ. Такимъ-то образомъ получается пятичастность природы, которую мы и принимаемъ въ основаніе нашего изложенія. Промежуточныя составныя части будутъ: тѣлодушевность и душедуховность, что все одно соотвѣтственно, что душетѣлесность и духодушевность. Наоборотъ, дуалисты, въ томъ числѣ отецъ А. Гиляровскій, духъ и душу отожествляютъ, считая эти понятія почти равнозначущими, слова-же «*духъ*» и «*душа*» принимаютъ почти тавтологическими. Поэтому они и утверждаютъ,

---

*) Тѣло въ смыслѣ плотскаго вещественнаго строенія (организма), а не душевнаго или духовнаго строя: тѣла душевнаго и тѣла духовнаго.

что человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, и это то же, что изъ тѣла и духа.

Признаніе трехчастности единственно правильное, такъ какъ установлено издревле первыми великими поборниками православія на востокѣ, первыми учредителями монашества и иночества, кои по своей духовной жизни и духовному образованію были глубокими знатоками психическаго человѣческаго устройства. Трихотомность къ тому-же освящена апостольскимъ авторитетомъ и въ настоящее время принимается многими богословами и свѣтскими учеными.

По этому воззрѣнію душа не то, что духъ. Душа, будучи принадлежностью всякаго одушевленнаго существа, всякаго животнаго и скота, въ человѣкѣ есть лишь связывающее звено духа человѣка съ его тѣломъ. Душа есть совокупность душевныхъ способностей человѣка: разума, чувства и хотѣнія; она никогда не покидаетъ духа, даже и послѣ смерти плотскаго тѣла, ибо она сама безсмертна, какъ духъ. Ученый западный богословъ, епископъ Зеландскій въ Даніи Г. Мартенсенъ и проповѣдникъ Ф. Бэттексъ, нашъ ученый профессоръ Московскаго университета Б. Чичеринъ держатся также этого трехчастнаго воззрѣнія.

Такъ Мартенсенъ говоритъ *): «Какъ богоподобное твореніе, человѣкъ есть существо духовно-тѣлесное, которое представляетъ собою единство духа и природы, но не есть, какъ божественное существо, «жизнь непрестающая», а есть жизнь преходящая, которая только въ будущемъ, болѣе совершенномъ состояніи сдѣлается жизнью непрестающею. Духъ есть сверхчувственное существо, которое находится въ извѣстномъ отношеніи родства и сношенія съ міромъ идей и съ самимъ Богомъ, и особенность котораго есть то всеобщее и универсальное бытіе, тотъ царственный принципъ въ человѣкѣ, который кладетъ ему на чело печать господства, и черезъ который онъ осуществляетъ свое господство на землѣ... По христіанскому воззрѣнію духъ данъ человѣку именно отъ «Отца духовъ» (Евр. XII, 9). Тѣло, которое, по свидѣтельству св. Писанія, взято отъ земли, есть противоположность духа, назначенная ему въ служебное орудіе. Но душа есть та связь духа и тѣла, которая объединяетъ человѣка въ индивидуальное и личное существо и, какъ единство обоихъ, она двустороння, такъ что въ одно и то же время она имѣетъ естественную физическую сторону (сѣдалище которой, по ученію св. Писанія, находится въ крови) и духовную. Посредствомъ души духъ сносится съ тѣломъ и тѣло съ духомъ, и между душой и тѣломъ находится то постоянное взаимоотношеніе, въ которомъ каждый можетъ убѣдиться изъ своего ежедневнаго опыта. Все это вмѣстѣ есть своего рода «круго-

*) *Христіанское ученіе о нравственности* въ изложеніи Г. Мартенсена, переводъ съ англ. А. П. Лопухина. 1890 г., въ 2-хъ томахъ.

воротъ, въ которомъ одно неразрывно вторгается въ другое, одно не можетъ обойтись безъ другого, одно требуетъ другого». (Шеллинг. Фом Цузамменханге дер Натур мит дер Гейстервельт (Клара) Верке I, 9, п. 46. Vom Zusammenhange der Natur mit der Geisterwelt (Clara) Werke I, 9, p. 46). Но средоточіе составляетъ именно душа, которая есть самая существенная часть человѣка или самъ человѣкъ. Душа есть именно то, о безсмертіи, блаженствѣ или мученіи чего мы говоримъ по преимуществу. «Въ качествѣ способностей души мы можемъ вообще назвать познаніе, чувство и волю. Но между ними воля занимаетъ первенствующее положеніе. Наша воля есть именно наше собственное я, внутренняя сущность души». (Стр. 80—82).

Въ признаніи главенствующаго значенія воли сближается Мартенсенъ съ Хомяковымъ, который такъ же, какъ и онъ, волю и любовь ставитъ во главѣ угла природы человѣка.

Б. Чичеринъ, будучи раціоналистомъ, говоритъ:

«Мы въ человѣкѣ должны признать не два, а три элемента: тѣло, разумъ и душу. Это различіе сознавалось уже Платономъ и Аристотелемъ, оно признается и апостоломъ Павломъ, который въ естествѣ человѣка различаетъ тѣло, душу и духъ (1 Солун. V, 23). То, что здѣсь именуется духомъ, мы, согласно съ древнею терминологіей, называемъ разумомъ, понимая подъ этимъ словомъ не одну только разсуждающую способность человѣка, а совокупность опредѣленій, вытекающихъ изъ единаго самосознанія. Въ общежитіи, а нерѣдко въ наукѣ, эти различные элементы сливаются подъ общимъ именемъ души; но для устраненія недоразумѣній необходимо установить точное значеніе терминовъ. Итакъ, *тѣломъ* мы называемъ матеріальную сторону человѣка, *разумомъ*— сознательный въ немъ элементъ со всѣмъ богатствомъ его содержанія, наконецъ, *душою*—то, что связываетъ оба первые и дѣлаетъ изъ нихъ единое существо, физическое и духовное вмѣстѣ». (Б. Чичеринъ. Наука и религія, стр. 187.)

При чтеніи этого отрывка Б. Чичерина можетъ проявиться сомнѣніе, одинаковаго-ли онъ пониманія съ *духовнымъ* воззрѣніемъ христіанства, такъ какъ слово «духъ» имъ замѣнено словомъ «разумъ». Тутъ можетъ быть чисто словесное недоразумѣніе. Словомъ «разумъ» писатели прошлаго столѣтія замѣняли слово «духъ», какъ часто замѣняли слово «духовность» словомъ «мистицизмъ», по чисто цензурнымъ условіямъ. Даже Хомяковъ иногда ставитъ слово *разумъ* туда, гдѣ подобаетъ стоять слову *умъ*, въ его древнемъ святоотческомъ значеніи, или слову *духъ*, въ его Ново Завѣтномъ значеніи. По этому поводу Гиляровъ-Платоновъ объясняетъ.

«Терминологія Хомякова и, кажется, Кирѣевскаго по моему мнѣнію—неправильная. Они называли *разумомъ* противоположность вещественному; человѣкъ, поколику онъ невещественный, есть разумъ. Это

невѣрное означеніе, и при томъ означеніе путающее. Противоположность веществу есть *духъ* πνεῦμα. Поколику человѣкъ есть не вещество, онъ есть духъ, и цѣлую тысячу лѣтъ не иначе славянскій языкъ называлъ это понятіе. Хомяковъ употреблялъ слово разумъ въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, по двоякой причинѣ: потому во первыхъ, что воспитаніе его было все-таки французское, и ему представлялось прежде всего вестаки «l'intelligence», удивительно-убогое слово этого убогаго на высшія понятія языка. Esprit — буквальный переводъ *духа* во французскомъ, совсѣмъ иное значитъ, и потому не давало употребить слово духъ, гдѣ нужно, хотя сама Библія могла бы натолкнуть на него: «Богъ есть духъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися». Во-вторыхъ мѣшала правильному словоупотребленію гегелевщина. Der Geist, (дер Гейст), хоть есть собственно *духъ*, у Гегеля обратился въ нѣчто собирательное, принялъ значеніе, подобное тому, какое соединяемъ мы съ фразою напримѣръ, *духъ писателя* или *духъ времени*». (Сборникъ сочиненій Т. II, стр. 65, изд. Побѣдоносцева).

Важность точнаго пониманія смысла словъ внѣ всякаго сомнѣнія, но въ особенности неудобство неточнаго употребленія ихъ сказывается въ трудахъ отвлеченныхъ. Почему не разъ придется намъ возстанавливать значеніе и смыслъ иныхъ выраженій и словообозначеній. Древніе учители церкви также раздѣляли это воззрѣніе. Климентъ Александрійскій называетъ душу «ἄιφον μέρος», а духъ «τὸ ἡγεμονικόν»

В. Виндельбандъ также устанавливаетъ разницу между духомъ и душей. «Плутархъ отличаетъ νοῦς разумный духъ, отъ души ψυχή, которая вмѣстѣ съ силой передвиженія тѣла обладаетъ точно также чувствительностью и способностью къ аффекту. Точно также и Ириней отличаетъ душевное, имѣющее временное существованіе и связанное съ тѣломъ, жизненное дыханіе (πνοὴ ζωῆς) отъ живительнаго духа (πνεῦμα ζωοποιοῦν) вѣчнаго во всей природѣ». (В. Виндельбандъ. Исторія философіи стр. 212).

Противъ воззрѣнія о трехъ составности природы человѣка существуетъ много возраженій. Такъ упомянутый выше А. Гиляревскій въ „*Пособіи къ изученію психологіи*“, книгѣ, удостоенной Святѣйшимъ Синодомъ преміи Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, Митрополита Московскаго, говоритъ въ § 89 «Душа, какъ духъ», такъ:

«Начало психическихъ явленій въ человѣкѣ, будучи совершенно самобытнымъ въ своей природѣ, должно быть признано, вслѣдствіе этого, субстанціею въ собственномъ смыслѣ. Какъ сущность самосознательная, разумная и свободная, психическое начало по сравненію съ сложными дѣлимыми и измѣняющимися процессами матеріальной природы человѣка, является началомъ простымъ, единымъ, тожественнымъ во все продолженіе своего существованія. Въ отношеніи къ другимъ существамъ психическое

начало является индивидуальнымъ и личнымъ, а въ своей жизнедѣятельности—творческимъ и непрестанно совершенствующимся, и въ этомъ совершенствованіи господствующимъ надъ матеріею—собственнымъ тѣломъ и внѣшнимъ міромъ. Такое начало, какъ противоположное матеріи, есть *духъ*,—субстанція въ своемъ родѣ единственная и качественно различная отъ всѣхъ другихъ субстанцій. Въ древности Платонъ и въ особенности Аристотель отдѣляли въ человѣкѣ духъ отъ души, какъ начало совершенно самостоятельное. Этого-же взгляда держались и многіе отцы и учители церкви (Ириней, Климентъ Александрійскій, Оригенъ) *). Но духъ и душу нельзя признать въ человѣкѣ сущностями одна отъ другой отдѣльными и самостоятельными, потому что въ противномъ случаѣ было-бы совершенно необъяснимо единство сознанія и самосознанія. Душа человѣческая по *природѣ своей* есть духъ, но лишь *въ возможности*, т. е. она владѣетъ только прирожденными зачатками для того, чтобы при помощи разумно-свободной дѣятельности развиться и возвыситься до степени духа». (стр. 199).

Но подобныя, хотя авторитетныя, мнѣнія не могутъ измѣнить сущность трихотомнаго ученія, такъ какъ даже при отрицаніи духа О. Гиляревскій всетаки въ глубинѣ мысли съ нею согласуется: «душа обладаетъ зачатками и доразвивается до духа», а съ другой стороны душа и духъ столь связаны, что легко отнести то, что принадлежитъ душѣ,—духу, и, что принадлежитъ духу, отнести душѣ. Ясно тутъ понятіе «духъ» отличается логически отъ понятія «души».

«Спрашивается однако: не есть-ли такое раздѣленіе излишнее осложненіе и безъ того уже сложнаго существа? и не вдаемся ли мы здѣсь въ такія умствованія, которыя теряютъ уже всякую точку опоры и не въ состояніи дать намъ ни малѣйшаго представленія о предметѣ?» пишетъ Б. Чичеринъ. «На эти вопросы слѣдуетъ отвѣтить прежде всего, что, такъ какъ человѣкъ есть вѣнецъ творенія, то онъ естественно является сложнымъ существомъ. А такъ какъ имъ завершается все остальное, то въ немъ должны соединяться всѣ элементы вселенной. Поэтому, съ древнѣйшихъ временъ, онъ называется микрокосмомъ, вселенною въ маломъ видѣ. Если во всемъ мірозданіи противоположные элементы разумъ и матерія связываются третьимъ началомъ, духомъ, то мы то же самое должны найти и въ человѣкѣ». (Наука и религія. Чичеринъ, стр. 187).

Хотя Б. Чичеринъ и различаетъ разумъ, матерію и духъ, но здѣсь ихъ связь указана не та, которую установляетъ настоящая психологія. Связывающимъ среднимъ составнымъ промежуткомъ является душа (а не духъ), образуя съ одной

---

*) Прибавимъ отъ себя: Преподобный Авва Исаія, св. Маркъ Подвижникъ (Д-бтл. I, стр. 517, наст. 76).

стороны тѣлодушевность (душа-тѣло), а съ другой духодушевность (душа—духъ).

Ф. Бэттексъ въ книгѣ своей «Природа и законъ» является приверженцемъ трихотомнаго взгляда на природу человѣка. Онъ пишетъ:

«Что человѣкъ, сотворенный по образу и подобію Божіему, состоитъ такъ же, какъ и его Создатель, изъ трехъ единствъ, которыя въ немъ называются *тѣломъ, душою* и *духомъ*, подтверждается словомъ Божіимъ. Такъ Премудрый говоритъ: «Возвращается духъ къ Богу, который его и создалъ, между тѣмъ какъ душа направляется въ шеолъ» — «Самъ-же Богъ міра да освятитъ васъ во всей полнотѣ и вашъ духъ, и душа, и тѣло во всей цѣлости да сохранитъ безъ порока въ пришествіи Господа нашего Іисуса. Христа» (Сол. 5—23) «ибо слово Божіе проникаетъ до раздѣленія души и духа» (Евр. 4—12)—собственно до грѣшной и безгрѣшной самоличности (Ихxейт—Ichheit). Такъ говоритъ Спаситель: «Отче, въ руки Твои предаю духъ мой» (Луки 23—46), а не душу мою; такъ какъ она, но не духъ должна была пройти черезъ смерть и всю горечь ея испытать. Подобно этому говоритъ Стефанъ: «Господи Іисусе, прими духъ мой» (Дѣянія 7—59). Животныя, какъ поучаетъ многократно Библія, обладаютъ также живою душою, но не личнымъ духомъ, хотя они живы только животворящимъ дыханіемъ и духомъ Бога: «Отнимеши духъ ихъ—умираютъ, пошлешь духъ Твой—созидаются» (Пс. 103, 29—30). Пока современная и пытающаяся быть христіанскою психологія не будетъ вѣрить, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа, останется она безжизненной и безсильной. Постоянно не будетъ доставать ей рѣшающаго начала и авторитета передъ людьми и всегда будетъ спрашивать она себя: истины-ли представленія моей души?» (Природа и Законъ, стр. 419—420).

Такъ какъ человѣкъ трехсоставенъ, то и живетъ трехстороннею жизнью: физическою, матеріальною—въ веществѣ, дѣйствіяхъ и проявленіяхъ; душевною—въ разумѣ, въ сопоставленіи дѣйствій, въ изслѣдованіи законовъ явленій, и наконецъ духовною—въ высшихъ законахъ духа, въ идеяхъ добра и зла и вмѣстѣ съ тѣмъ въ началахъ и причинахъ законовъ и явленій. Но какъ душа и тѣло никакъ не могутъ быть вполнѣ едины, такъ точно не одно и тоже душа и духъ. Въ чемъ состоитъ различіе между духомъ и душею? Подъ душею разумѣется, что ясно видно, какъ изъ библіи, такъ и изъ языка, личность человѣка со всѣми его (личными) особенностями, какъ особи. Духъ въ человѣкѣ божественное, не тронутое земнымъ. Душа есть мірская, духъ—божеская личность въ человѣкѣ.

Подробно-же занимается этимъ вопросомъ преосвященный Ѳеофанъ, затворникъ Вышенскій, Епископъ Владимірскій и

Тамбовскій. Сей глубоко-почтеннѣйшій докторъ Богословія въ своемъ толкованіи посланій св. ап. Павла къ Филиппійцамъ и Солунянамъ (стр. 383—386) опредѣленно раскрываетъ трихотомное ученіе. Мы позволимъ себѣ сдѣлать довольно обширную выборку изъ различныхъ мѣстъ его писемъ подъ названіемъ: «*Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться?*». Она дастъ читателю обстоятельно изложенное, весьма полное выраженіе этого ученія. Глубоко обдуманное и прочувствованное и притомъ художественно изложенное воззрѣніе это о духовной жизни достойно высшаго вниманія. Оно есть плодъ многолѣтняго созерцанія одного изъ учёнѣйшихъ богослововъ 19-го столѣтія, основателя новой отрасли психологической науки, а именно «Христіанской психологіи».

Составитель краткаго жизнеописанія преосвященнаго Ѳеофана, затворника Вышенскаго, свящ. Хитровъ на 107 страницѣ *) говоритъ: «Посвятивъ всю жизнь свою «наукѣ наукъ» и «искусству искусствъ», преосвященный Ѳеофанъ съ грустью говоритъ о томъ, какъ мало у него предшественниковъ. За годъ до своей кончины отъ 30-го Января 1893 г. въ одномъ частномъ письмѣ онъ писалъ: «Пишу о своихъ книгахъ, потому что не знаю, гдѣ-бы еще полнѣе было изложено все, касающееся жизни христіанской. Другіе писатели и лучше-бы написали, но ихъ занимали другіе предметы». А въ другомъ мѣстѣ преосвященный высказываетъ слѣдующую жалобу: «самымъ пригоднымъ пособіемъ для начертанія вѣроученія христіанскаго могла-бы служить христіанская психологія. За неимѣніемъ ея приходилось довольствоваться своими о душевныхъ явленіяхъ понятіями при указаніяхъ отцовъ подвижниковъ. Но намъ лично нѣтъ основаній высказывать подобныя сожалѣнія, прибавляетъ составитель жизнеописанія. Личный трудъ цѣлой жизни Святителя съ избыткомъ восполнилъ все.»

«Что касается духовной жизни человѣка — христіанина, пишетъ преосвященный Никандръ, авторитетный цѣнитель святителя, — которая, какъ и Слово Божіе, также почти совершенно неизвѣстна, темна и непонятна для большинства современнаго общества, не знающаго даже часто азбуки духовной жизни, а не только высшей мудрости ея, и живущаго большею частью лишь низшею, чувственно тѣлесною жизнью, то архипастырь-учитель раскрылъ эту духовную жизнь въ своихъ сочиненіяхъ всѣмъ доступнымъ образомъ съ неподражаемою ясностью и простотою во всей ея глубинѣ и широтѣ, во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ и проявленіяхъ, въ систематическомъ порядкѣ и естественной послѣдовательности ея развитія» (тамъ-же стр. 103).

Приступимъ къ выборкамъ и выпискамъ, сознавая,

*) «Преосвященный Ѳеофанъ Затворникъ Вышенскій» Москва 1895 г.

что болѣе художественное изображеніе трудно составить.

Епископъ Ѳеофанъ пишетъ. (Письма, Выпускъ I, ст. 97—100, № 106):

«Духъ—душа; душа—духъ».

«У насъ внутри душа составляетъ низшую сторону тамошней внутренней жизни, а высшую составляетъ духъ, иже отъ Бога, богоподобная, равноангельская сила, которая и составляетъ характеристическую черту человѣка. Слѣдовательно, тутъ не чѣмъ смущаться, опасаясь низвести человѣка въ рядъ животныхъ. Обычно мы говоримъ душа—душа, а по существу дѣла слѣдовало-бы говорить душа—духъ или духъ—душа. Принимая слово душа, яко духъ—душа, я никакъ не скажу, что она одного происхожденія съ душою животныхъ, ибо духъ отъ Бога, а принимая ее отдѣльно отъ духа, говорю такъ. Когда Богъ творилъ человѣка, то образовалъ прежде тѣло изъ персти. Это тѣло что было? Глиняная тарелка или живое тѣло? Оно было живое тѣло—было животное въ образѣ человѣка съ душою животнаго. Потомъ Богъ вдунулъ въ него духъ свой,—и изъ животнаго сталъ человѣкъ, ангелъ въ образѣ человѣка. Какъ тогда было, такъ и теперь происходятъ люди. Души отрождаются отъ родителей, а духъ вдыхается Богомъ, который вездѣ есть. И не понимаю, чѣмъ тутъ смущаться?! Да вы, когда говорите, что человѣкъ есть животное, мясо-ли одно разумѣете или всю животную жизнь? Конечно, всю животную жизнь и съ душою животною. А прибавляя къ сему: разумное—что означаетъ? То, что, хотя человѣкъ то же съ одной стороны, что животное съ душою животною,—но съ другой—несравненно выше животнаго, ибо имѣетъ разумъ—νοῦς, что совершенно соотвѣтствуетъ слову духъ. Сказать: животное разумное есть то же, что сказать: животное одухотворенное. Св. отцы различаютъ—духъ, душу и тѣло: Антоній Великій, Исаакъ Сиріанинъ, Ефремъ Сиріанинъ и другіе. Они не говорятъ, какого свойства суть души наши. Но, сопоставляя, что пишетъ св. Антоній о родахъ живыхъ тварей, нахожу, что по его разуму душа наша одной природы съ душою животныхъ. Извольте читать его 166 изъ числа 170-ти.

Вотъ сводъ всего. Живыхъ существъ четыре вида:

1) Ангелы.

2) Люди, кои имѣютъ умъ, душу, дыханіе.

3) Животныя, кои имѣютъ душу и дыханіе.

4) Растенія имѣютъ жизнь. Извольте сводить:

Дыханіе, дыханіе, жизнь... это все въ разныхъ классахъ существъ; растеніяхъ, животныхъ и людяхъ, но есть одного рода и свойства природы... назовемъ ее органическая жизнь. Душа—душа тоже одного порядка есть, хотя стоитъ, находится въ разныхъ классахъ существъ—въ животныхъ и людяхъ, но тоже есть одной природы. Затѣмъ—умъ, ангельская сила тоже одной природы.

Вывожу, что по св. Антонію душа наша одного ранга съ душою

животныхъ. Что насъ отличаетъ, это есть умъ, что я называю духъ.

Пересмотрите всѣ пункты св. Антонія, гдѣ онъ говоритъ объ умѣ. Все, что онъ говоритъ объ умѣ, я отношу къ духу... выражаю то почти тѣми же словами, утверждая вмѣстѣ съ нимъ, что тотъ и есть настоящій человѣкъ, кто живетъ по духу, что св. Антоній выражаетъ: по уму.

Отчего производятъ человѣка отъ животныхъ—обезьяны? Оттого, что не различаютъ (матеріалисты и дарвинисты) въ человѣкѣ души отъ духа. Замѣчая, что душа наша схожа съ душою животныхъ, они и бредятъ: «но—душа, стало и весь человѣкъ отъ нихъ же выродился». А когда мы настоимъ на различіи духа отъ души и характеристику человѣка перенесемъ въ *духъ:* тогда вся теорія Дарвина падаетъ сама собою. Ибо въ происхожденіи человѣка надо объяснить не то одно, какъ происходитъ его животная жизнь, но то паче, какъ происходитъ онъ, яко духовное лицо въ животномъ тѣлѣ съ его животною жизнью и душою».

Какъ мы указали выше, при болѣе тонкомъ изслѣдованіи природы душевности и духовности, можно съ нѣкоторою пользою установить еще двѣ промежуточныя стороны, два звена, связывающія составность въ одно цѣлокупное, таковы нами указанныя душетѣлесность и духодушевность. Тогда составность человѣческой природы приметъ слѣдующій видъ:

1) *тѣлесность* или жизненное вещество (органическая жизнь);

2) *тѣлодушевность* безсознательное взаимодѣйствіе тѣла и души;

3) *душевность*—сосредоточенное сознаніе личности, или обособленность своего «я—самъ» въ лицо или особь, т. е. въ себѣ;

4) *душедуховность* — сверхсознательное взаимодѣйствіе души и духа въ совѣсти;

5) *духовность*—богоприсутствіе въ человѣческой душѣ.

Разсмотримъ всѣ пять сторонъ жизни человѣка въ отдѣльности.

Тѣлесность.

I. *Тѣлесность* *)—самая понятная, грубо ощутительная часть нашего существованія. На ней не будемъ долго останавливаться, ибо нѣтъ ученія, (кромѣ развѣ утопичнаго гилосоизма), которое не признавало бы эту часть человѣческой жизни. Тѣлесность изслѣдуется главнымъ образомъ опытной

---

*) Тѣлесность тутъ понимается, какъ плоть, образованная по слову Писанія изъ персти. Тѣло понимается и какъ организмъ, когда говорятъ о тѣлѣ душевномъ и о тѣлѣ духовномъ.

наукой, и свѣдѣнія о ней весьма многочисленны; въ особенности за послѣднее время въ этой области знанія сдѣланы большіе успѣхи.

Тѣмъ не менѣе сдѣлаемъ выписку изъ писемъ Епископа Ѳеофана о тѣлесности:

«И такъ, извольте прислушать: (стр. 16, письмо V). *Тѣло* наше состоитъ изъ разныхъ органовъ, изъ коихъ каждый совершаетъ свое отправленіе, существенно необходимое для жизни тѣлесной. Главныхъ органовъ три: 1) *желудокъ* съ легкими, сердцемъ, артеріями и венами, лимфатическими сосудами и множествомъ другихъ сосудовъ, сосудцевъ и железъ, служащихъ для разныхъ отдѣленій изъ крови и соковъ тѣла; отправленіе всѣхъ ихъ—питаніе тѣла или плототвореніе; 2) *система мускуловъ и костей*, отправленіе коихъ есть *движеніе* внутри и вовнѣ; и 3) *система нервовъ*, центръ коихъ — голова, спинной мозгъ и система ганглій — гдѣ-то подъ брюшиною и грудною преградою, а развѣтвленія проникаютъ все тѣло; отправленіе ея — *чувствительность*. Когда ходъ этихъ отправленій и взаимное ихъ отношеніе въ порядкѣ, тѣло здорово и жизнь — внѣ опасности; а когда этотъ порядокъ нарушается, тѣло заболѣваетъ и жизнь въ опасности. Каждое отправленіе имѣетъ свою потребность, которую даетъ живо чувствовать живущему, требуя удовлетворенія. *Потребности желудочной* или питательной и плототворной части суть — *пища, питіе, воздухъ, сонъ; потребность мускульно-костяной* части есть потребность *напрягать мускулы*, которую всякій чувствуетъ, долго засидѣвшись, и прямо *потребность движенія*, заставляющая ходить, гулять, работать что-нибудь; *потребность нервной части— пріятное раздраженіе нервовъ* всего тѣла, какъ мѣрность тепла и холода и т. подоб., и особенно *пріятное раздраженіе пяти нашихъ чувствъ*, въ которыхъ нервная система вышла наружу для общенія съ внѣшнимъ міромъ.

Все это, какъ видите, тѣлесно, душѣ какое бы до всего этого дѣло. Но какъ она, по тѣснѣйшему сочетанію съ тѣломъ, приняла его въ свою личность, то своими считаетъ и всѣ потребности тѣлесныя. Отъ того говоримъ: я хочу ѣсть, пить, спать, — хочу ходить, гулять, работать, хочу видѣть разноцвѣтъ, слышать разноголосіе, обонять разноуханія и проч. Усвоивъ себѣ всѣ потребности тѣлесныя, душа своимъ дѣломъ считаетъ и удовлетвореніе ихъ и хлопочетъ о пищѣ, питьѣ, снѣ, одеждѣ, крови и о всемъ прочемъ, всячески желая добиться того, чтобы тѣло было покойно и не тревожило ее своими докучливыми требованіями. Это отношеніе души къ тѣлу, которое она держитъ не учась, а сама собою, по внутреннему нѣкоему понужденію, обнаруживается въ ней въ родѣ нѣкоего инстинкта, — *животолюбіемъ, тѣлолюбіемъ, желаніемъ покоить тѣло* и доставать все для того потребное.

Совокупность всего этого и есть тѣлесная сторона человѣческой

жизни. Но не все здѣсь одинаково тѣлесно, или плотяно, и чувственно. Крѣпко плотяна только питательная часть; но и она облагораживается приспособленіемъ ея удовлетворенія къ потребностямъ и цѣлямъ собственно душевнымъ. Органы-же движенія и чувства служатъ болѣе нуждамъ души, чѣмъ тѣла. А одинъ органъ, стоящій будто внѣ системы прочихъ органовъ, именно органъ слова — исключительно есть органъ души, назначенный для служенія ей одной...

При этомъ каждая тѣлесная потребность естественно-простая распложается во множество прививныхъ потребностей чрезъ привычку и пристрастіе къ разнымъ способамъ ея удовлетворенія. Возьмите пищу, или питье, или одежду. Что, кажется, проще всего, сюда относящагося? А между тѣмъ сколько потребностей распложается у иныхъ по этой части, потребностей неотлучныхъ: хоть умри, да подай!—Оттого видимъ, что иные минуты не имѣютъ свободной, бѣгая за нужнымъ для удовлетворенія ихъ, при всемъ томъ, что десятки другихъ лицъ заняты для нихъ тѣмъ-же. У такихъ неизбѣжно должны голодать душа и духъ, если они еще не совсѣмъ заглушены, забиты и погружены въ чувственность».

Вещественность.

Тѣлесность слѣдуетъ отличать отъ вещественности. Та вещественность, которая способна стать и становится силою жизненности оживленной (органическою), называется тѣлесностью; та же, которая не способна быть ожизненной, оживленной,—вещественность предметная (неорганическая). Свойства тѣлесности съ точки зрѣнія обобщенія любомудрія выступятъ ярко въ нашемъ пониманіи при сравненіи ихъ со свойствами вещественности. Вещество подвергается воздѣйствію механическихъ, химическихъ и иныхъ силъ безжизненной (инертной) природы. Тѣлесность или тѣло развиваетъ изъ себя силы жизненныя, біологическія, образуя сложное, но объединенное тѣло плотское. Тѣлесность оживотворенная вещественность, а вещественность есть мертвая тѣлесность. Отымите отъ тѣлесности жизнь и живительную силу, что останется? — Трупъ, разлагающійся на составныя части, химическія и минеральныя и др.

Любомудріе понимаетъ вещество, какъ противоположность понятію духа. Вещество обладаетъ тремя ствойствами: *протяженностью*, *длительностью* и *механическою причинностью*; всѣ три стороны бытія вещества отмѣчаютъ одно общее свойство; это *неизбѣжность*, *необходимость* и *неотъемлемость*. Необходимость, что по Хомяковскому словообозначенію и есть нецессеріанизмъ (отъ слова necessitas—нецесситас), есть тотъ починъ, то начало (вѣрнѣе безначаліе), та

основа, на которую опираются всѣ свойства матеріи часа, мѣста и мѣры. Духъ не подчиненъ закону необходимости, ибо внѣ мѣста, внѣ времени и самъ свободно творящъ, а не подчиняется закону причинности и ея необходимости: духъ чудотворящій или чародѣйствующій.

Опредѣлимъ отдѣльно всѣ три необходимыя свойства вещества:

I. Вещество неизбѣжно занимаетъ мѣсто или часть пространства; это свойство называется *протяженностью*. Духъ мѣста не занимаетъ, протяженностью не обладаетъ.

Само пространство внѣ мысли и внѣ вещества не существуетъ, оно только представленіе разума въ отвлеченіи. Посему оно и безгранично. То пространство, которое не занято объемомъ вещества, не существуетъ въ природѣ, а потому за предѣлами занимаемаго веществомъ мѣста пространства нѣтъ, или, какъ говорятъ, оно безконечно, ибо мыслится безъ границъ, но не реально, а отвлеченно. Вещество безъ пространства быть не можетъ.

Итакъ, мѣсто есть одна изъ отвлеченныхъ мыслительныхъ сторонъ пониманія вещества, какъ сосуществованіе одновременной связи частей цѣлаго; безъ этой связи вещество перестаетъ быть веществомъ.

II. *Длительность* есть другая сторона пониманія вещества, другое необходимое независимое свойство вещества, послѣдовательнаго непрерывнаго существованія, неизбѣжная переходность, понимаемая и представляемая, какъ время.

Какъ пространства внѣ вещества не существуетъ реально, такъ и времени внѣ вещественнаго послѣдовательнаго существованія не существуетъ. Внѣ вещества времени нѣтъ, ибо и сама жизнь лишь въ веществѣ времяпроходяща, а внѣ времени жизнь либо обращается въ смерть, т. е. уничтоженіе, и такое уничтоженіе—навѣки;—либо обращается въ вѣчность безъ всякой временной длительности. Время, какъ мыслительное представленіе, границъ не знаетъ: оно безконечно. Духовное временемъ не ограничено.

III. *Причинность* есть третья неизбѣжность вещества. Вещество, какъ явленіе, измѣняемо, и начало и побудительность этой измѣняемости называется виною или причиной. Причина безъ слѣдствія немыслима. Всякое дѣйствіе, происходящее съ веществомъ, есть проявленіе или слѣдствіе причины. Причинная связь столь же непрерывно дѣйствующая, какъ непрерывна связь, занимаемая веществомъ, какъ связь перемѣннаго послѣдовательнаго существованія. Связь причины и слѣдствія мы понимаемъ непосредственную, значитъ

отъ времени не зависимую, такъ какъ иногда дѣйствіе причины обнаруживается во времени много позднѣе воздѣйствія причины, но все же неизбѣжность слѣдствія устанавливается одновременно въ мигѣ или постоянномъ дленіи причинъ. Вотъ почему опредѣленіе, данное Фр. Паульсеномъ, считаемъ не разъясняющимъ дѣло: «Причиной и дѣйствіемъ называются въ физикѣ и психологіи такія явленія, которыя стоятъ въ отношеніи постояннаго слѣдованія другъ за другомъ во времени». (Введеніе въ философію стр. 400).

Нужно на самомъ дѣлѣ признать внѣвременность причинъ и дѣйствій. Если причины и проявленіе дѣйствія слѣдствія раздѣлены временемъ, то слѣдствія обращаются въ *послѣдствія*, но появленіе ихъ опредѣлено одновременно съ причиною. Духовное такой непрерывной причинности (механической) не подчиняется: духъ свободенъ и творящъ и подъ необходимость причиннаго воздѣйствія не подводится. Онъ самъ причина всякой творческой перемѣны, всякой творческой прерывности.

Итакъ, необходимость — свойство вещества, свобода и отсутствіе необходимости — свойство духовнаго.

Протяженность, длительность и причинная послѣдовательность есть своего рода тріединство неслiянныхъ и нераздѣльныхъ свойствъ вещества, а отсюда и точное опредѣленіе веществу; *оно есть соразмѣрное тріединство мѣста, часа и мѣры* (причинности) *послѣдовательнаго, непрерывнаго, необходимаго сосуществованія.*

Такое отвлеченное опредѣленіе вещества, несмотря на малую выразительность и образность понятій, входящихъ въ его составъ, есть единственное, а потому необходимое для пониманія вещества при полной свободѣ признанія.

Мысль эту и принимаемъ аксіомно и свободно, безъ спора и безъ доказательства, по очевидности ея.

Понятія тутъ крайнія и предѣльныя, а потому и опредѣленіе *категорическое*.

Протяженность (пространство), длительность (время), причинность (мѣрность) суть признаки и свойства бытія, опредѣляющіе вещество, но не свойства и признаки силъ и началъ его проявленія.

Начальныя-же условія сего проявленія бытія вещества изъ небытія или пустоты могутъ быть названы законами. Таковыхъ законовъ три:

I. *Законъ неуничтожаемости* вещества, неправильно названный европейскою наукою вѣчностью матеріи, ибо вѣчность понятіе духовное и къ веществу непримѣнимо логи-

чески, такъ какъ не означаетъ безконечное время, а указываетъ на состоянie внѣ временнаго представленія нашего ума, иначе, внѣ какого бы то ни было времени.

2) *Законъ непрерывной измѣняемости* вещества. Такъ подъ дѣйствіемъ постоянно мѣняющейся температуры всякій вещественный предметъ мѣняется въ объемѣ, ибо все вещественное не совершенное, а лишь относительное. Совершенное неизмѣнно.

3) *Законъ необходимой механической мѣрности (закономѣрности)* вещества. Внѣ этого подчиненія его нѣтъ; лишь духовное начало само творитъ и само законодательствуетъ, ибо оно единственно свободно отъ зависимости. Духовное либо творитъ на благо, либо творитъ на зло, ибо оно либо святодуховно, либо злодуховно, т. е. сатанинскаго свойства Но мы не будемъ окачествовать самой духовности, а будемъ пока ее принимать лишь за несовмѣстимую противоположность веществу.

Всѣ три эти закона устанавливаютъ ту необходимость, неизбѣжность и неотъемлемость, которыя мы выдвинули, какъ общее свойство всѣхъ сторонъ пониманія вещества. Взаимныя-же отношенія этихъ законовъ таковы, что проявляются самостоятельно и независимо, но не отдѣлимо другъ отъ друга и соотносительно въ полнотѣ сосуществованія. Всѣ три закона настолько просты и первичны, что никакихъ подробныхъ поясненій не требуютъ. Всѣ они аналитическаго и длительнаго алгебраическаго свойства, а не прерывнаго числительнаго ариѳметическаго направленія, ибо всѣ три суть выраженія непрерывности, неизбѣжности и перемѣнности, что и составляетъ коренныя внутреннія свойства вещества, а не только внѣшній наружный его видъ и образъ.

Неуничтожаемость есть непрерывность пространственная, измѣняемость—непрерывность временная и законность, иначе закономѣрность, — непрерывность мѣры или математической основоположности.

Можно иначе повернуть мысль и считать обратно непрерывность, какъ общее выраженіе трехъ неотмѣнныхъ свойствъ вещества.

Непрерывно вещество, ибо занимаетъ мѣсто для каждаго отдѣльнаго предмета или его частей до атома включительно. Непрерывно вещество, ибо существуетъ во времени и испытываетъ посему постоянную перемѣнность. Непрерывно оно и потому, что всякое дѣйствіе въ немъ является слѣдствіемъ непрерывныхъ, постоянно дѣйствующихъ причинъ, постоянныхъ законовъ.

Этими перечнями свойствъ вещество опредѣлено нами въ достаточной для нашей задачи полнотѣ.

Сведемъ для наглядности всѣ свойства вещества въ девяти-клѣточный укладъ.

Числоосновность / Категорiи	трехмѣрность (трехосность)	одномѣрность (двусторонность)	безмѣрность (сосредоточенность)
бытiя	пространство (мѣсто)	время (часъ)	начало (мѣра)
сути	опредѣленность	непрерывность	причинность
силы	неизбѣжность	измѣняемость	закономѣрность

Такимъ образомъ, по категорiямъ сути вещества его существованiе выразится для мѣста — *опредѣленностью*, для времени — *непрерывностью*, а для закономѣрности — *причинностью*. Все вмѣстѣ и есть то, что принято называть *видимостью*. 1) Опредѣленность мѣста, обликъ, образъ или видъ, составитъ *предметность*. 2) *Непрерывность* и есть внѣшнее обнаруженiе проявленности предмета во времени, прерывность во времени есть уничтоженiе видимости предмета. 3) *Причинность* и есть законноопредѣленность сути видимости и предметности.

Духовно безпредметно, свободно прерывающаяся сила, безъ мѣры и числа; духовное не видимо, ибо внѣ времени, мѣста и мѣры.

Замѣтимъ кстати, что тутъ замѣчается будто пропускъ двумѣрности, которая есть понятiе плановое, плоское и поверхностное, что не свойственно вещественности; вещество же всегда объемно по пространству и одномѣрно по времени, внѣ мѣрно по по творческому началу.

Тѣлодушевность.

II. *Тѣлодушевность.* Эта область человѣческой жизни весьма темна и не вполнѣ изслѣдована, такъ какъ явленiя ея, не будучи уже чисто физiологическими, въ то же время не выступаютъ въ сознанiи личнаго внутренняго опыта, и она не могла-бы быть ни познана, ни сознана, если бы порогъ сознанiя не имѣлъ возможности перемѣщаться въ ту или другую сторону. Къ этой области явленiй жизни нужно отнести

всякія явленія перехода отъ безсознательности къ сознанію, какъ явленія пробужденія отъ сна (спанья, Sommeil), то, что на обычномъ языкѣ называется снами (сонъ, Songe), т. е. *сновидѣнія*, ночныя грезы. Самое дѣйствіе видѣть сны—сновидѣніе и есть одно изъ проявленій жизни тѣлодушевности. Въ сновидѣніяхъ замѣчается всегда раздвоеніе сознанія спящаго и наблюдается часто драматическая борьба спящаго съ самимъ собою, гдѣ «я—самъ» и «я» въ лицѣ пригрезившагося противника борятся, но до трагизма не доходитъ, такъ какъ борьба всегда прекращается пробужденіемъ. Эта раздвоенность сознанія въ особенности ярко выступаетъ, когда сознаешь себя и видишь себя во снѣ спящимъ или мертвымъ. Вся эта область по настоящее время еще далеко не изслѣдована, хотя Отецъ Свѣтловъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи «*Пророческіе или вѣщіе сны*» *) указываетъ, что еще древніе греки много занимались открытіемъ тайны сновидѣнія. На драматизмъ сновидѣній обратилъ вниманіе Дю-Прель **) въ своемъ сочиненіи философіи мистицизма. Но, кромѣ простого сна, есть сонъ сомнамбулическій, естественно или искусственно возбужденный. Вся область гипноза и вообще окультизма вмѣстѣ съ естественными явленіями спиритизма, психургизма, магизма, т. е. столоверченія, бѣсовызыванія, чаротворенія, кудесничества и волхвованія, однимъ словомъ мракобѣсія должна быть отнесена именно къ явленіямъ тѣлодушевнымъ, т. е. такимъ, кои происходя отъ причинъ тѣлесныхъ и физіологическихъ, отмѣчаются всѣми свойствами сознательности, пріобрѣтенными въ безсознаніи или, какъ иногда говорятъ, за порогомъ сознанія. Къ области тѣлодушевности принадлежатъ также дѣйствія нашего организма, пріобрѣтенныя долгимъ сознательнымъ трудомъ и упражненіемъ, но подъ-конецъ ставшія автоматическими, хотя сознательная дѣятельность и въ этомъ автоматизмѣ обязательно присутствуетъ. Таковы: механизмъ чтенія, механизмъ игры на музыкальныхъ инструментахъ по нотамъ, то, что называютъ чтеніемъ нотъ, и вообще все, что сперва требовало сознательнаго вниманія, дѣлается привычно безсознательнымъ, инстинктивнымъ самодвиженіемъ. «Сюда принадлежатъ, прибавляетъ Еписк. Ѳеофанъ, также наблюденія съ воображеніемъ и памятью, желанія изъ потребностей тѣла и чувства тѣлесныхъ состояній и впечатлѣній».

*) Апологическое изслѣдованіе въ области Библейской психологіи священ. П. Свѣтлова, Кіевъ, 1892.

**) Д-ръ Карлъ дю-Прель. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Переводъ съ нѣмецкаго М. С. Аксенова. Изданіе А. Н. Аксакова. С.-Петербургъ, 1895.

Всѣ явленія тѣлодушевности изучаются науками естественными, какъ-то: физіологіей, анатоміей, медициной, такъ и науками душевности—психологіей, а именно той ея частью, которая называется опытною, экспериментальною психологіей, т. е. душевѣдѣніемъ, а также ея болѣзненныя проявленія—психіатріей.

Къ тѣлодушевности принадлежитъ область примѣненія силъ отъ воздѣйствія злой духовности, лжи, обмана, соблазна и искусительнаго лукавства. Эта сторона психологіи съ удивительною подробностью изучена издревле индійскими ученіями ведизма, браманизма, буддизма и въ особенности факиризмомъ современнаго индуизма; нынѣ-же вырабатывается тѣми теченіями тайнознанія, кои обосновались на индійскихъ ученіяхъ, а именно, спиритизмомъ, теософіей и мартинизмомъ (современное масонство). Всѣ явленія окультизма и чернокнижія, прилога, внушенія, снобродства (сомнамбулизмъ), воспаренія (экстазъ), возгорѣнія (экзальтація), оборотня (астральные выходы) и т. д., однимъ словомъ, всѣ явленія мракобѣсія объяснимы иначе быть не могутъ, какъ только тѣлодушевностью, ибо теорія духовной вещественности, иначе мистическаго вещества, не только сомнительна, но прямо абсурдна по логическому опредѣленію о непосредственной несовмѣстимости вещества въ духѣ и духа въ веществѣ, связываются они только силою душевности.

Душевность.

III. *Душевность.* Эта срединная область жизни имѣетъ цѣлью сосредоточиваетъ явленія и дѣйствія, а также силы души, въ точномъ смыслѣ слова психическія. Въ настоящее время въ душѣ усматриваются три способности, три стороны проявленія и три свойства душевной природы: мышленіе, чувствованіе и хотѣніе; въ прежнія времена находили въ душѣ лишь двѣ стороны, и только Кантъ установилъ окончательно трехсоставность души, выдѣливъ чувство отъ умственной и волевой области.

«Въ самосознаніи, говоритъ Паульсенъ, передъ нами выступаютъ два рода явленій: *представленія* и *возбужденія* воли; согласно съ этимъ мы приписываемъ душѣ двѣ стороны: *умъ* и *волю*. Въ нѣмецкой психологіи вмѣсто дѣленія на двѣ части, сдѣлалось обычнымъ трехчастное дѣленіе: мышленіе, чувствованіе и хотѣніе». (Введ. въ фил. стр. 116).

Мы держимся второго новѣйшаго взгляда, считая и разумъ, и чувство (душевное въ отличіе отъ чувственности, т. е. чувства тѣлесности), и волю взаимно-связанными началами

нашей души. Такъ воспринимающая дѣятельность души—мышленіе—не лишена волевыхъ способностей, ибо можетъ дѣлать усилія, можетъ дѣлать выборъ своей мысли, отбросить сознательно одну мысль, остановиться на другой (обдумываніе); а это свойство выбора той или другой мысли есть дѣятельность хотѣнія,—есть проявленіе активной воли. Воля-же должна быть разумна и разсудительна, безъ чего она становится явленіемъ болѣзненнымъ (психопатическимъ). Душевное чувство, какъ-бы основа всѣхъ психическихъ проявленій: оно—восприниматель, распредѣлитель, распорядитель и оцѣнщикъ; оно даетъ чуткость мысли и энергію (собранность) волѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ самостоятельно, такъ какъ можетъ быть и безсмысленно, и безвольно. Душевное чувство принимаетъ и чувственность тѣла плотское чувство съ одной стороны и вдохновенность откровенія духа съ другой, оно по своей сосредоточенности—душевная средина всей средины человѣческой природы,—средина самой души. Дю-Прель утверждаетъ, что сознаніе обнаруживаетъ только отчасти нашу душевную жизнь, что и подтверждается многими опытами. За порогомъ ея сознанія разыгрывается не менѣе дѣятельная дѣйствительность, но не оставляющая почти никакого сознательнаго слѣда на нашей внѣшней жизни. Судить о ней совершенно не было-бы возможно, какъ не можетъ человѣкъ видѣть темную половину луны, если бы порогъ сознанія не обладалъ нѣкоторою подвижностью и не открывалъ тайны безсознательнаго со стороны тѣла и сверхсознательнаго со стороны совѣсти духа. Безсознательное или, какъ мы иногда говоримъ, подсознательное (досознательное) рѣзко отличается отъ сверхсознательности: въ первомъ случаѣ отъ тѣлеснаго воздѣйствія остается нѣкоторая доля вещественности, плотяности, въ видѣ-ли слѣдовъ ощущенія въ нервныхъ центрахъ тѣла и мозга, въ видѣ-ли токовъ, такъ называемаго животнаго магнетизма и гипнотизма и др.; во второмъ, т. е. душедуховности, слѣда вещественности нѣтъ, въ какой-бы степени разрѣженія она ни находилась. Душа уже вполнѣ антиматеріальна, ибо мысль, желаніе, сочувствіе ничего вещественнаго, матеріальнаго въ себѣ не заключаютъ, замѣняя тѣлесность одними только мысленными представленіями, и даже представленія этой вещещественности въ душедуховности окончательно устраняются.

Опредѣлимъ душевность для цѣлей любомудрія, т. е. для обобщенія частей и для соразмѣрной установки ихъ въ единствѣ и полнотѣ цѣлаго, какъ срединную сосредоточенность связи между веществомъ тѣлесности и озареніемъ духовности.

Болѣе точно выражаясь, эта связь сочетаетъ непосредственно тѣлодушевность съ душедуховностью.

Дуалистъ по воззрѣніямъ, Паульсенъ, даетъ душѣ опредѣленіе съ точки зрѣнія сферъ, не преданныхъ матеріализму, и представленіе о метафизической сущности души такое: «душа есть простая, непротяженная, нематеріальная субстанція; какъ таковая, она абсолютно постоянна и непреходяща; она есть носительница силъ, при помощи которыхъ она вызываетъ явленія сознанія, наконецъ, въ опредѣленномъ пунктѣ мозга у нея есть свое сѣдалище, откуда она обмѣнивается дѣйствіями съ тѣломъ», (Паул. стр. 133), и далѣе: «душа есть множественность душевныхъ явленій, связанная въ сознаніи въ единство неподдающимся дальнѣйшему опредѣленію образомъ». Это обнаруживаетъ въ мыслителѣ матеріалистическаго душевнаго двуначалія односторонній взглядъ съ направленіемъ къ матеріализму. Наше воззрѣніе на душу двусторонне, и, кромѣ связи съ веществомъ плоти, по христіанскому воззрѣнію, слѣдуетъ признать и въ себѣ самомъ ощутить связь съ духовностью, т. е. мы должны необходимо указать на нѣчто сущее не только внѣ, позади, подъ представленіями, но и внѣ извнутри, изъ глубины, снаружи, сверхъ представленій, иначе озареніе со стороны духа, если оно свято, и очарованіе, если оно лукаво. Но коренной взглядъ на душу, какъ на связь въ сознаніи абсолютно постоянномъ и не преходящемъ, т. е. безсмертномъ, нами принимается.

Дальнѣйшее опредѣленіе свойствъ дадимъ, когда установимъ взглядъ на духовность.

Душедуховность.

IV. *Душедуховность* есть среда, соединяющая душу съ совѣстью; — среда вдохновенія, прозрѣнія, восхищенія, ангелообщенія и другихъ духовныхъ созерцаній и осѣненій. Мы думаемъ, что будемъ на вѣрной дорогѣ къ истинѣ, если въ этой области найдемъ источникъ чудодѣйствующую силу, столь обильно пріобрѣтаемую постниками, отшельниками, пустынножительствующими, мучениками и вообще всѣми подвижниками, исполненными благодати и богоприсутствія.

Душедуховность опредѣлится болѣе подробно, когда мы усвоимъ всѣ отличительныя черты и свойства духа и духовности. Заранѣе можно предусмотрѣть и предугадать, что связь души съ духомъ въ трехъ смыслахъ разума духовнодушевнаго, самознанія и воли, освобождающейся отъ оковъ душевныхъ.

Духовность.

V. *Духовность* есть противоположность и отрицаніе всего вещественнаго. Духъ вѣдаетъ и чувствуетъ Богоприсутствіе, въ немъ совершается связь человѣка съ Всеединымъ, Безусловнымъ Творцомъ и Промыслителемъ, въ духѣ его завѣтъ съ Богомъ Вседержителемъ. Мысль о матеріальности духа — самая ошибочная, ибо нѣтъ въ мірѣ большей реальной противорѣчивой противоположности по закону логики противорѣчія, какъ вещество съ одной стороны, а духовность или духъ съ другой. Чтобы прочувствовать въ себѣ духъ, требуется развитіе въ себѣ духовной жизни. Духъ опытнѣе, чѣмъ что-либо другое, узнается въ нѣдрахъ самого себя, но весьма легко оттѣсняется душевностью нашей жизни, не говоря уже о тѣлесности, которая заглушаетъ и душевность, и духовность, не уничтожая ея окончательно. Духъ не только передаетъ образъ и подобіе Божества, но исходитъ отъ самаго Божества. Св. Духомъ вселяется въ нашъ духъ, ибо Богъ одухотворилъ душу человѣка, создавъ его по образу и подобію Своему.

Но въ чемъ собственно проявляется духовность въ человѣкѣ? Въ томъ, что всѣ свойства души одухотворяются: мысль и разсудокъ (разумъ), становясь духовно умными, достигаютъ высшей степени, возвышаясь вѣрою до боговѣдѣнія, включительно, и воля, будучи еще связана душевностью, т. е. детерминична, окончательно освобождается отъ узъ всякаго стѣсненія въ духѣ; своеволіе становится самопроизволяющею творческою, т. е. свободною волею и возвышается до добровольнаго смиренія, сливаясь съ волею Бога, какъ о томъ ежедневно молимъ: «Да будетъ воля Твоя». Душевность чувства достигаетъ предѣловъ совѣсти, ибо совѣсть есть чувство духовное, чувство правды, истины и святости. Душевность обрѣтаетъ надежду, ибо надежда есть также чувство, обращенное къ духу; наконецъ, душевность становится *любовью*, выше которой нѣтъ ничего. Итакъ, духовность, въ простотѣ своего выраженія, есть единство многообразныхъ (собственно трехъ главныхъ) сторонъ духовной жизни, — это единство заключается въ боговѣдѣніи, въ смиренной свободѣ воли и въ совѣсти.

Вѣра—самаго высокаго подъема, т. е. лучезарная вѣра, которая дѣлаетъ видимымъ—невидимое, настоящимъ—чаемое и ожидаемое. Какое вопіющее противорѣчіе заключается въ обычномъ выраженіи: «слѣпая вѣра!» Вѣра, когда слѣпа,—

суевѣріе, фанатизмъ, фантастическій мистицизмъ и все, что угодно, иное, а не вѣра; вѣра всегда открываетъ завѣсы тайны, такъ какъ обращаетъ тайну въ явность. Вѣра есть свѣтильникъ, который разгоняетъ тьму незнанія и невѣжества, она — рождественская звѣзда — путеводительница, которая приводитъ человѣка къ яслямъ правды, она гласъ небесный, который возвѣщаетъ мирнымъ пастухамъ человѣчества, гдѣ оно обрѣтетъ истину,—истину, какъ законъ всего сущаго и какъ суть всякаго закона. Вѣра есть мыслимое вѣдѣніе, безотносительнаго, предѣльнаго, совершеннаго, неизмѣнняемаго, постояннаго. Вѣра есть та сила, которая разбиваетъ средостѣніе между перемѣнным и безотносительнымъ, есть тотъ мостъ, который проводитъ человѣка отъ чувственности міра къ созерцанію духовнаго, есть та дверь, которая вводитъ въ чертогъ Слова, т. е. Истины.

Выяснивъ, насколько позволяетъ несовершенство всякихъ словесныхъ выраженій, понятіе о духовности, мы не въ силахъ удержаться продолжить начатую нами выборку изъ писемъ Епископа Ѳеофана, гдѣ художественно изложенъ съ большою подробностью взглядъ ученаго богослова на душевныя и духовныя стороны жизни и полноту составности человѣческой природы. Эта вторая выборка послужитъ къ болѣе наглядному выясненію вопроса, который долженъ лечь краеугольнымъ камнемъ нашего дальнѣйшаго изслѣдованія славянофильства.

«Войдемте внутрь души», приглашаетъ Еп. Ѳеофанъ: «смотрите, какое тамъ множество и разнообразіе дѣйствій и движеній?! То одно, то другое, то входитъ, то выходитъ, то принимается, то отвергается, дѣлается и передѣлывается, ибо душа приснодвижна и на одномъ стоять не въ силахъ. Если мы станемъ смотрѣть на душу вообще, то ничего не разберемъ, надо дѣйствія ея распредѣлить по родамъ и каждое потомъ разсматривать особо. Да ужъ давно присмотрѣлись и распредѣлили всѣ дѣйствія души на три разряда—мыслей, желанія и чувствъ, назвавъ каждое особою стороною души: мыслительною, желательною и чувствующею *).

Душа—существо духовное—не есть проявленіе другой силы, какъ радуга, а есть самостоятельная, особная личность, свободно-разумная, нормальное состояніе которой есть жизнь въ общеніи съ Богомъ, почтившимъ ее въ сотвореніи образомъ Своимъ. Если не удовлетворяется душа земнымъ, то слѣдуетъ удовлетворить ее неземнымъ». (Ѳеофанъ. Собр. пис. Вып. I, письмо 140, стр. 160).

При всей необходимости теоретично дѣлить мысленно

*) Т. е. душа одухотворенная человѣка, а не душа неодухотворенная—животной жизни.

душу на части для болѣе легкаго ея понятія и ея представленія, не забудемъ самаго главнаго, что душа цѣльна. Она металогически понятая, есть едино-троичная полная соборная нераздѣльная единица съ несліяннымъ разноличіемъ.

«Странную мы продѣлку сдѣлали съ душою человѣческою (кто именно, все равно), разграфили мы ее въ такой административный порядокъ, что про цѣлость ея мы пикакъ не вспомнимъ, да и она не вспомнитъ, если намъ повѣритъ; вотъ тутъ пониманіе, вотъ тутъ чувство, вотъ то, вотъ другое. А на дѣлѣ-то она право не похожа на нашу таблицу: она живое недробное цѣлое. Только любовью укрѣпляется самое пониманіе..., (Хом. III—226).

«Душа не мозаика, не дорожный ящикъ съ перегородками. Въ ней всѣ силы находятся въ связи и зависимости другъ отъ друга. Только въ любви жизнь, огонь, энергія самаго ума. Она даетъ ему побужденія къ дѣятельности и труду, крѣпость въ преодолѣніи препонъ, проницательность и объемъ его взглядамъ, она созидаетъ человѣка, а только человѣкъ понимаетъ все человѣческое». (Хом. III—227).

Строго осуждая дробленіе души на части, Хомяковъ ярко сознавалъ отличіе духа отъ души. Онъ и отличалъ жизнь въ «душу живу, которая есть эгоизмъ, отъ жизни въ духъ животворящъ, который есть любовь». (Хом. III—404).

Тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія, что Хомяковъ и его товарищи ясно сознавали разницу между дѣятелями души, изъ которыхъ побужденія къ мысли называются *помыслами*, — къ чувству *сочувствомъ*, и побужденіе къ волѣ — *стремленіемъ, или побужденіемъ*, такъ какъ все это истекаетъ изъ пониманія составности человѣка самимъ священнымъ писаніемъ и церковнымъ признаніемъ. Это тѣмъ естественнѣе для славянофильской мысли, что въ основѣ ея ученія лежитъ соборность, связанная любовью, прообразъ которой данъ въ человѣкѣ, въ его единотройственной природѣ, что и выражаетъ образъ Бога Живаго, единотроичный, триvпостасный. Соборность безъ членовности личной составности, т. е. разноличности, связанной по существу въ единствѣ, соборностью не будетъ.

Такой взглядъ основанъ на святоотческомъ толкованіи. Одно изъ прямыхъ указаній на троечастность душевнаго строя находимъ въ числѣ наставленій о подвижничествѣ Еврагія Монаха, коего 61-е наставленіе учитъ: «Душа тречастна, по словамъ нашего мудраго учителя св. Григорія Нисскаго. Когда добродѣтель бываетъ въ *мыслительной части*, тогда называется осмотрительностью (φρόνησις), смѣтливостью (σύνεσις) и мудростью (σοφία); когда бываетъ въ *пожелательной части*, тогда называется цѣломудріемъ, любовію и воздержаніемъ; когда бываетъ въ *раздражи-*

тельной части, тогда называется мужествомъ и терпѣніемъ; когда во всей душѣ,—то праведностью». (Доброт. I, стр. 579).

Все сіе можно представить въ трехтройственномъ распорядкѣ.

Построеніе добродѣтели въ полнотѣ всей души.
По ученію Еврагія Монаха и Св. Григорія Нисскаго

	по отношенію къ внѣшнему	внутренняя сосредоточенность	обнаруженіе изнутри внѣшнее
мыслительная часть	мудрость	смѣтливость	осмотрительность
пожелательная часть (волевая)	воздержаніе	любовь	цѣломудріе
раздражительная часть (чувствительная)	терпѣніе	безстрастіе	мужество

Еврагій Монахъ продолжаетъ:

«Дѣло осмотрительности есть воевать съ противными намъ силами, добродѣтелямъ покровительствовать, пороки гнать, вещами средними (безразличными) распоряжаться соотвѣтственно времени. Дѣло смѣтливости есть — все способствующее нашей цѣли устроять достодолжно, а дѣло мудрости — созерцать тѣлесныя и безтѣлесныя твари по всѣмъ отношеніямъ. Дѣло цѣломудрія есть безстрастно смотрѣть на вещи, обыкновенно возбуждающія въ насъ неразумныя мечты и желанія; дѣло любви— такою почти являть себя въ отношеніи ко всякому лицу, носящему образъ Божій, какою бываетъ она къ первообразу, хоть демоны покушаются иного унизить передъ нами; дѣло воздержанія—съ радостію отвергать все услаждающее гортань. Дѣло терпѣнія и мужества — не бояться враговъ и охотно переносить всякія непріятности. Дѣло праведности — держать всѣ части души въ согласіи и гармоніи между собою». (Доброт. въ перев. Еп. Θеофана I, 579—580).

Для составленія нашей таблички въ части раздражительной пропущено срединное средоточенное положеніе мужества и терпѣнія. Мы по смыслу восполняемъ этотъ пропускъ «безстрастностью», которая указана въ оцѣнкѣ цѣломудрія.

«Душа вся обращена исключительно на устроеніе нашего временнаго быта—земного, продолжаетъ Еп. Θеофанъ. И познанія ея всѣ строятся только на основаніи того, что даетъ опытъ,—и дѣятельность ея обращена на удовлетвореніе потребностей временной жизни, и чувства ея порождаются и держатся только изъ ея состояній и положеній видимыхъ. Что выше сего, то не ея дѣло. Хоть и бываетъ въ ней нѣчто вышесказаннаго, но то гостьи суть, заходящія къ ней изъ другой высшей области, именно—области духа».

«Что-же это за духъ?—Это та сила, которую вдохнулъ Богъ въ

лицо *) человѣка, завершая сотворенiе его. Всѣ роды существъ наземныхъ изводила, по повелѣнiю Божiю, земля. Изъ земли изошла и всякая душа живыхъ тварей. Душа человѣческая, хотя и сходна съ душою животныхъ въ низшей своей части, но въ высшей она несравненно превосходнѣе ея. Что она является такою въ человѣкѣ, это зависитъ отъ сочетанiя ея съ духомъ. Духъ, вдохнутый Богомъ, сочетавшись съ нею, возвысилъ ее надъ всякою нечеловѣческою душою. Вотъ почему внутри себя мы замѣчаемъ, кромѣ того, что видится у животныхъ,—и то, что свойственно душѣ человѣка одуховленной, а выше еще—то, что свойственно собственно духу.

Духъ, какъ сила отъ Бога исшедшая, вѣдаетъ Бога, ищетъ Бога и въ Немъ одномъ находитъ покой. Нѣкiимъ духовнымъ сокровеннымъ чутьемъ **) удостовѣряясь въ своемъ исхожденiи отъ Бога, онъ чувствуетъ свою полную отъ Него зависимость и сознаетъ себя обязаннымъ всячески угождать Ему и жить только для Него и Имъ.

Болѣе осязательныя проявленiя сихъ движенiй жизни духа суть:

1) *Страхъ Божiй*. Всѣ люди, на какихъ бы они степеняхъ развитiя ни стояли, знаютъ, что есть верховное существо, Богъ, Который все сотворилъ, все содержитъ и всѣмъ управляетъ, что и они во всемъ отъ Него зависятъ, и Ему угождать должны, что Онъ есть Судiя и Мздовоздатель всякому по дѣламъ его. Таковъ естественный сѵмволъ вѣры, въ духѣ написанный. Исповѣдуя его, духъ благоговѣетъ предъ Богомъ и исполненъ страха Божiя.

2) *Совѣсть*. Сознавая себя обязаннымъ угождать Богу, духъ не зналъ бы, какъ удовлетворить сей обязанности, если бы не руководила его въ семъ совѣсть. Сообщивъ духу частичку своего всевѣдѣнiя въ указанномъ естественномъ сѵмволѣ вѣры, Богъ начерталъ въ немъ и требованiя Своей святости, правды и благости, поручивъ ему-же самому наблюдать за исполненiемъ ихъ и судить себя въ исправности или неисправности. Сiя сторона духа и есть совѣсть, которая указываетъ, что право и что неправо, что угодно Богу и что неугодно, что должно и что не должно дѣлать, — указавъ, властно понуждаетъ исполнить то, а потомъ за исполненiе награждаетъ утѣшенiемъ, а за неисполненiе наказываетъ угрызенiемъ. Совѣсть есть законодатель, блюститель закона, судiя и воздатель. Она есть — естественныя скрижали завѣта Божiя, простирающагося на всѣхъ людей. И видимъ у всѣхъ людей вмѣстѣ съ страхомъ Божiимъ и дѣйствiя совѣсти.

3) *Жажда Бога*. Она выражается во всеобщемъ стремленiи ко всесовершенному благу, и яснѣе видна тоже во всеобщемъ недовольствѣ

---

*) Изъ этого опредѣленiя можно заключить неоспоримо то, что духъ внутри лица, т. е. личности, и этотъ духъ, внѣшняго для человѣка происхожденiя, дѣйствуетъ на душу отвнѣ, извнутри, внутрь души, какъ отъ точки сердцевины круга исходятъ лучи во всѣ стороны свѣта до окружности кольца.

**) Это духовное сокровенное чутье мы называемъ озаренiемъ, осѣненiемъ въ противоположность мистическому воспрiятiю колдовства и прилога.

ничѣмъ тварнымъ. Что означаетъ это недовольство? — То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не можетъ. Отъ Бога исшедши, Бога онъ ищетъ, Его вкусить желаетъ и въ живомъ съ Нимъ пребывая союзѣ и сочетаніи, въ Немъ упокоивается. Когда достигаетъ сего, покоенъ бываетъ, а пока не достигнетъ, покоя имѣть не можетъ. Сколько бы ни имѣлъ кто тварныхъ вещей и благъ, все ему мало. И всѣ, какъ и вы уже замѣчали, ищутъ и ищутъ. Ищуть и находятъ; но нашедши бросаютъ, и снова начинаютъ искать, чтобъ и то, нашедши, также бросить. Такъ безъ конца. Это значитъ, что не того и не тамъ ищутъ, что и гдѣ искать слѣдуетъ. Неосязательно ли это показываетъ, что въ насъ есть сила, отъ земли и земнаго влекущая насъ горѣ — къ небесному.

«Въ духѣ отличительная черта человѣка. Душа человѣческая дѣлаетъ насъ малымъ нѣчимъ выше животныхъ, а духъ являетъ насъ малымъ нѣчимъ умаленными отъ Ангеловъ». «Что привзошло въ душу, вслѣдствіе соединенія ея съ духомъ, иже отъ Бога? Отъ этого — вся душа преобразилась и изъ животной, какова она по природѣ стала человѣческою, съ тѣми силами и дѣйствіями, какія указаны выше. Но не объ этомъ теперь рѣчь. Пребывая такою, какъ описано, она обнаруживаетъ сверхъ того высшія стремленія и восходитъ на одну степень выше, являясь душою одухованною.

Такія одухованія души видны во всѣхъ сторонахъ ея жизни— мысленной, дѣятельной и чувствующей.

Въ мысленной части отъ дѣйствія духа является въ душѣ *стремленіе къ идеальности.*

Собственно душевная мыслительность вся опирается на опытѣ и наблюденіи. Изъ того, что узнается симъ путемъ раздробленно и безъ связи, она строитъ обобщенія, дѣлаетъ наведенія и добываетъ такимъ образомъ основныя положенія объ извѣстномъ кругѣ вещей. На этомъ-бы и стоять ей. Между тѣмъ, она никогда не бываетъ этимъ довольна, но стремится выше, ища опредѣлить *значеніе каждаго круга вещей* въ общей совокупности твореній. Напримѣръ, что есть человѣкъ, это познается посредствомъ наблюденій надъ нимъ, обобщеній и наведеній. Но не довольствуясь этимъ, мы задаемся вопросомъ: «что значитъ человѣкъ въ общей совокупности твореній?» Доискиваясь этого, иной рѣшитъ: онъ есть возглавленіе и вѣнецъ тварей;—иной: онъ есть жрецъ—въ той мысли, что голоса всѣхъ тварей, хвалящихъ Бога безсознательно, онъ собираетъ и возноситъ хвалу всевышнему Творцу разумною пѣснію. Такого рода мысли и о всякомъ другомъ родѣ тварей и о всей ихъ совокупности пораждать имѣетъ позывъ душа. И пораждаетъ. Отвѣчаютъ ли онѣ дѣлу или нѣтъ, это другой вопросъ, но несомнѣнно, что она имѣетъ позывъ искать ихъ, ищетъ и пораждаетъ. Это и есть стремленіе къ идеальности: ибо значеніе вещи есть ея идея.

Это стремленіе общее всѣмъ. И тѣ, которые не даютъ цѣны ни-

какимъ познаніямъ кромѣ опытныхъ, — и они не могутъ удержаться отъ того, чтобъ не поидеальничать, противъ воли, сами не замѣчая того. Языкомъ отвергаютъ идеи, а на дѣлѣ ихъ строятъ. Догадки, какія они принимаютъ, и безъ которыхъ ни одинъ кругъ познаній не обходится, суть низшій классъ идей.

Образъ воззрѣнія идеальный есть метафизика и настоящая философія, которыя какъ были всегда, такъ всегда и будутъ въ области познаній человѣческихъ. Духъ, всегда намъ присущій, какъ существенная сила, самъ Бога созерцая, яко Творца и Промыслителя, и душу манитъ въ ту невидимую и безпредѣльную область. Можетъ быть, духу, по его богоподобію, предназначено было и всѣ вещи созерцать въ Богѣ: и онъ созерцалъ-бы, еслибъ не паденіе. Но всячески и теперь кто хочетъ созерцать все сущее идеально ему, слѣдуетъ исходить отъ Бога, или отъ того символа, который Богомъ написанъ въ духѣ. Мыслители, которые не такъ дѣлаютъ, уже по тому самому не суть философы. Не вѣря идеямъ, построеваемымъ душою на основаніи внушеній духа, они несправедливо поступаютъ, когда не вѣрятъ тому, что составляетъ содержаніе духа, ибо то есть человѣческое произведеніе, а это—Божеское.

Въ дѣятельной части отъ дѣйствія духа является желаніе и производство безкорыстныхъ дѣлъ или добродѣтелей, или даже и выше— стремленіе стать добродѣтельною. Собственное дѣло души въ этой ея части—волѣ—есть устроеніе временнаго быта человѣка, да благо будетъ ему. Исполняя это назначеніе, она все дѣлаетъ по тому убѣжденію, что дѣлаемое или пріятно, или полезно, или нужно для устрояемаго ею быта. Между тѣмъ она этимъ не довольствуется, но выходитъ изъ этого круга и совершаетъ дѣла и начинанія совсѣмъ не потому, что они нужны, полезны и пріятны, но потому, что они хороши — добры и справедливы, стремясь къ нимъ со всею ревностію, несмотря на то, что они ничего не даютъ для временнаго быта и даже не благопріятны ему и ведены бываютъ на счетъ его. У иного такія стремленія проявляются съ такой силой, что онъ жертвуетъ для нихъ всѣмъ своимъ бытомъ, чтобъ жить отрѣшенно отъ всего. Проявленія такого рода стремленій повсюдны, даже и внѣ христіанства. Откуда они? Изъ духа. Въ совѣсти начертана норма святой, — доброй и праведной жизни. Получивъ вѣдѣніе о ней чрезъ сочетаніе съ духомъ, душа увлекается ея незримою красотою и величіемъ и рѣшается ввести ее въ кругъ своихъ дѣлъ и своей жизни, преобразуя и ее по ея требованіямъ. И всѣ сочувствуютъ такого рода стремленіямъ, хотя не всѣ всецѣло предаются имъ; но ни одного нѣтъ человѣка, который бы по временамъ не посвящалъ своихъ трудовъ и своего достоянія на дѣла въ такомъ духѣ.

Въ чувствующей части отъ дѣйствія духа является въ душѣ стремленіе и любовь къ красотѣ, или какъ обычно говорятъ, къ изящному. Собственное дѣло сей части въ душѣ воспринимать чувствомъ благопріятныя или неблагопріятныя свои состоянія и воздѣйствія со внѣ; по

мѣрѣ удовлетворенія или неудовлетворенія душевно-тѣлесныхъ потребностей. Но видимъ въ кругу чувствъ вмѣстѣ съ этими корыстными,—назовемъ такъ,—чувствами, рядъ чувствъ безкорыстныхъ, возникающихъ совсѣмъ помимо удовлетворенія, или неудовлетворенія потребностей,—чувствъ отъ услажденія красотою. Глазъ не хочется оторвать отъ цвѣтка и слуха отвратить отъ пѣнія, потому только, что то и другое прекрасно. Всякій упорядочиваетъ и украшаетъ свое жилище такъ или такъ, потому что такъ красивѣе. Идемъ въ прогулку и избираемъ мѣсто для того потому одному, что оно прекрасно. Выше всего этого—наслажленіе, доставляемое картинами живописи, произведеніями ваянія, музыкою и пѣніемъ, а и этого всего выше—наслажденіе твореніями поэтическими. Изящныя произведенія искусства услаждаютъ не одною красотою внѣшней формы, но особенно красотою внутренняго содержанія, красотою умносозерцаемою, идеальною. Откуда такія явленія въ душѣ? Это гостьи изъ другой области, изъ области духа. Духъ, Бога вѣдущій, естественно постигаетъ красоту Божію и сю единою ищетъ наслаждаться. Хотя не можетъ онъ опредѣленно указать, что она есть, но предначертаніе ея нося сокровенно въ себѣ, опредѣленно указываетъ, что она не есть, выражая сіе показаніе тѣмъ, что не довольствуется ничѣмъ тварнымъ. Красоту Божію созерцать, вкушать и сю наслаждаться есть потребность духа, есть его жизнь и жизнь райская. Получивъ вѣдѣніе о ней чрезъ сочетаніе съ духомъ, и душа увлекается вслѣдъ ея и, постигая ее своимъ душевнымъ образомъ, то въ радости бросается на то, что въ ея кругѣ представляется ей отраженіемъ ея (дилеттанты), то сама придумываетъ и производитъ вещи, въ которыхъ чаетъ отразить ее, какъ она ей представилась (художники и артисты). Вотъ откуда эти гостьи,—сладостныя, отрѣшенныя отъ всего чувственнаго, чувства, возвышающія душу до духа и одухотворяющія ее! Замѣчу, что изъ искусственныхъ произведеній я отношу къ сему классу только тѣ, которыхъ содержаніемъ служитъ божественная красота незримыхъ божественныхъ вещей, а не тѣ, которыя хоть и красивы, но представляютъ тотъ-же обычный душевно-тѣлесный бытъ, или тѣ-же наземныя вещи, которыя составляютъ всегдашнюю обстановку того быта. Не красивости только ищетъ душа, духомъ водимая, но выраженія въ прекрасныхъ формахъ невидимаго прекраснаго міра, куда манитъ ее своимъ воздѣйствіемъ духъ.

Такъ вотъ что далъ душѣ духъ, сочетанъ будучи съ нею, и вотъ какъ душа является одухотворенною! (Что есть духовная жизнь стр. 33—43).

Сводъ въ единоцѣльную полноту духовности.

Выводя наше опредѣленіе изъ отрицанія духовности въ веществѣ и вещественности въ духѣ, мы можемъ свести такое опредѣленіе изъ девяти установленныхъ положеній о веществѣ:

Таблица получается весьма естественно и свободно.

1) Вещество *пространственно*. Духъ безпространственъ, т. е. внѣ мѣста, онъ повсюденъ, безмѣстенъ и неограниченъ, безвиденъ, безъ облика и образа. Такъ что установляется *повсюдность*, какъ свойство духа.

2) Вещество измѣняется *во времени*. Духъ внѣ времени и безъ времени, онъ *вѣченъ*.

3) Вещество *мѣрно* и численно. Духъ безмѣренъ, внѣ числа. Онъ *единоченъ* самъ по себѣ, служа мѣрою всему и устанавливая ее.

4) Вещество *опредѣленно*, т. е. заключено въ опредѣленныхъ границахъ. Духъ не опредѣленъ никакими границами, т. е. неограниченъ и свободенъ отъ опредѣленности и ограниченности, *безпредѣленъ*.

5) Вещество *непрерывно* по заполненію; гдѣ нѣтъ вещи или предмета на землѣ, тамъ воздухъ. Духъ — самобытность прерывная, обособленная не въ значеніи пространства, а въ значеніи творческаго начала. Онъ свободнотворящъ, т. е. *прерывенъ* въ дѣйствіяхъ своихъ.

6) Вещество *неизбѣжнаго* существованія. Духъ жизни *свободнаго выбора* и свободнаго проявленія.

7) Вещество *подчинено* законодѣйствію. Духъ — самостоятеленъ, личенъ по дѣйствію, *самочиненъ* и самобытенъ.

8) Вещество безконечно *измѣняемо*. Духъ неизмѣнной вѣчной жизни; онъ есть *постоянство* силъ руководительства.

9) Вещество въ перемѣнахъ своихъ *закономѣрно*. Духъ *произвольно* творящъ.

Эти девять свойствъ духовности располагаются по девяти клѣткамъ трехстолбнаго и трехрядоваго (строчнаго) уклада:

	мѣсто	время	причина
свойственныя черты духовнаго	повсюдность	вѣчность	единочность (цѣльность)
сущее духовное	свободное	прерывно-личное	произвольное
проявленіе духовнаго	самостоятельное	постоянное	творящее

Къ этимъ девяти свойствамъ природы духа прибавимъ мы три закона духовности, какъ коренныя его черты: *повиновеніе, вселеніе и совершеніе*.

Повсюдность или внѣпространственность, вѣчность или

внѣвременность и единоцѣльность или внѣмѣрность духа суть тѣ качества, которыя отымаютъ отъ духа (личнаго) всякую видимость.

Эта невидимость или иначе сверхвещественность по качеству отмежовывается на двѣ стороны: на сторону добра, истины и правды и на супротивную сторону — зла, лжи и лукавства.

Въ духѣ три несовмѣстимости: 1) его духовности съ веществомъ, 2) его добра со зломъ и 3) повиновенія, которое даетъ ему свободу отъ зла и вещества, — съ произволомъ своеволія.

На этомъ основаніи въ духовномъ усматривается три закона:

I. *Законъ истины* или законъ свободнотворческаго сознательнаго повиновенія.

II. *Законъ неслiянности* съ веществомъ и *нераздѣльности* съ человѣкомъ (законъ вселенія духа въ душевность).

III. *Законъ безусловнаго отграниченія* между святодуховностью и злодуховностью (законъ совершенія).

Тутъ мѣрило не механическая численность и соразмѣрность, а мѣрило нравственнаго достоинства и совершенства, ибо всѣ три закона совершенія, вселенія и повиновенія нравственнаго свойства; они имѣютъ назначеніемъ достиженіе цѣли, но не воздѣйствіе по внѣшней предшествующей причинѣ.

Насколько все вещественное лишено нравственной оцѣнки, настолько духовное лишено всякой механической необходимости. Духъ установляетъ себѣ законъ внутренній, веществу приходится подчиняться необходимо закону внѣшнему.

Свобода отъ необходимости—вотъ суть духовнаго.

Необходимость безъ свободы—вотъ суть вещественнаго.

Болѣе противоположной супротивности (контраста) не существуетъ во всей вселенной. Господь Богъ, Промыслитель и Вседержитель всего сущаго, себѣ противоположенія не обрѣтаетъ, не имѣетъ, какъ Бытіе исключаетъ противоположеніе въ небытіи, ибо небытія на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Всякое противоположеніе входитъ во внутрь творенія или бытія, а не верховенствуетъ надъ нимъ. Это очень важное положеніе, часто забываемое, а забвеніе о томъ вводитъ многихъ въ неисправимую ошибку въ пониманіи духовнаго.

Опредѣленіе духовности теперь становится совершенно яснымъ: она есть свободнотворческое начало самосознающаго лица, и, смотря по цѣледостиженію къ совершенію или паденію, духовность освящается или омрачается. Эта возмож-

ность повернуться въ двѣ стороны въ прямой зависимости отъ свободнаго произволенія духа и есть его драгоцѣнный даръ Божій, опредѣляющій духъ, какъ подобіе и образъ Божества. Подобіе въ силѣ духовной по образу свободнаго произволенія осилить зло и ложь и освятиться добромъ и святостью.

Въ такомъ божескомъ свойствѣ духа и заключается объясненіе несовмѣстимости непосредственной свободнаго духа съ веществомъ. Связь вещества съ духовнымъ рабствомъ силъ лжи, искушенія и лукаваго допустима по той лишь причинѣ, что духовность сама матеріалистическаго въ лукавствѣ свойства.

Гдѣ-же найти посредника между духомъ и веществомъ?

Связь и посредника мы опредѣлили въ *душѣ*, посему она двойственна не по оцѣнкѣ нравственнаго начала, а по существенности своей—связываться съ веществомъ съ одной стороны и съ духомъ—съ противоположной.

Можетъ-ли существовать душа самостоятельно одна, безъ связи съ плотью и веществомъ и безъ связи съ духомъ и свободнотворческою силою?

Если душа и есть связь, то внѣ связи она есть мысль, а не существо. Душа отдѣльно отъ вещества и отъ духа существовать не можетъ.

Вещество существуетъ отдѣльно и отъ души, и отъ духа.

Духъ есть бытіе, связанное съ душою, но въ Богѣ Духъ недушевенъ, иначе говоря, Богъ Духъ Святый есть чистый Духъ, внѣ душевности.

Душа-же самостоятельно жить не можетъ, ибо она и есть начало жизни всего живущаго, всего живого. Жизнь свободнотворящая есть жизнь одухотворенная, одуховленная, и духъ съ душевной оболочкой существуетъ, духотворитъ и живитъ.

Отсюда видно, что душевное начало совершенно иное, чѣмъ вещественное, иное, чѣмъ и духовное. Но душа отдѣльно не существуетъ, и если мы говоримъ о душѣ въ отдѣльности, то только на словахъ, въ логическомъ и лексическомъ смыслѣ, а не по сущности.

Сущность души—связываться, одушевлять вещественное и быть одухотворенною духовностью.

Міръ душевный.

Опредѣливъ духовность и ея законы, вернемся, какъ обѣщали, еще разъ къ *міру душевному*.

Отрицателное опредѣленіе души весьма простое: душа не есть вещество, но соединяется съ веществомъ и тѣломъ; оживляетъ тѣлесность, т. е. даетъ веществу жизнь. Душа не есть духъ, но способна вселить въ себя духъ, иначе—одухотвориться, или, вѣрнѣе, она способна принять духовность, когда духъ своею свободнотворческою силою возымѣетъ повелѣніе свыше одухотворить душу.

Связь оживленной плоти съ духотворящимъ духомъ происходитъ въ душѣ, а тріединство плоти, души и духа въ мірѣ есть человѣкъ или жилецъ земли.

Значитъ, душа связываетъ девятью узами вещество и духъ:

1) Пространство, занимаемое тѣломъ человѣка, съ духовною повсюдностью сочетается въ душѣ, а именно въ ея *мыслительности*.

2) Время жизни человѣка съ безвременностью духовною сплетается въ вѣчной жизни души, въ томъ, что называется *безсмертіемъ души*. Смерть прерываетъ вещественное теченіе жизни во времени и переселяетъ человѣка въ область вѣчности.

3) Мѣра вѣса, роста и тѣлообъема человѣка связывается съ личнымъ цѣлокупнымъ духомъ его въ душевномъ сознаніи, переходящемъ въ личное безтѣлесное *самосознаніе*.

4) Опредѣленность сути тѣлеснаго бытія вяжется съ возможностью произволенія свободно дѣйствующаго духа въ хотѣніи и рѣшеніи души человѣка, что есть *душевная свобода*.

5) Непрерывность жизни тѣла человѣка отождествляется съ прерывностью духовнаго проявленія въ смерти тѣла и рожденіи въ духѣ и истинѣ (бываетъ и въ духѣ лжи,—духовная смерть человѣка), что есть *исходность духа*.

6) Неизбѣжность подчиненія законамъ естественной природы тѣла союзничаетъ свободотворческимъ даромъ въ душевной волѣ, связанной съ двухъ сторонъ съ тѣломъ и его свойствами и велѣніями творчества духа, что есть *свобода произвола*.

7) Неуничтожаемость подчиненія внѣшнему воздѣйствію на тѣло среды сливается съ самодовлѣющею самостоятельностью духа въ душевной *приспособляемости* требованіямъ вещественной среды и духовнымъ велѣніямъ.

8) Непрестанная измѣняемость тѣлесной жизни сопрягается съ постоянствомъ и полнотою духовнаго самосознанія, ничего не теряющаго въ забывчивомъ душевномъ сознаніи «я», т. е. духовной *личности* человѣка.

9) Неизбѣжная закономѣрность природы вещества и тѣлесной жизни единятся творческимъ произволеніемъ духа въ психическихъ свойствахъ и дарованіяхъ души воплощать творчество духа въ природно-естественныхъ образахъ, т. е. *духовнаго невидимаго.*

Мы свободные творцы не бытія, а видимаго проявленія даровъ духа и созиданія образовъ и образцовъ, т. е. образцовыхъ проиведеній.

Такова связь духа и тѣла въ посредствѣ души во всемъ разнообразіи сторонъ разсмотрѣнія и точекъ взглядовъ.

Такая сложная связь девяти свойствъ вещества съ девятью чертами отличія духа въ девяти объединеніяхъ души (сочетаніе, сплетеніе, связь, вязь, тождество, союзъ, сліяніе, сопряженіе, единеніе, однимъ словомъ, спайка) очень обременительна для обихода, а потому мысль отдыхаетъ на перечнѣ значительно менѣе сложномъ. Таковы три коренныя свойства души, принятыя во всѣхъ учебникахъ: ея мысль, ея сознаніе (или чувство) и ея хотѣніе (воля связанная, а не свободнотворящая). Тріединство *мысли, сознанія* и *хотѣнія* при ихъ нераздѣльности и несліянности, даетъ полное опредѣленіе души. То, что легко обнаруживается въ душѣ ограниченной и связной, то соотвѣтственно должно быть свойственнымъ и духу, но въ высшей безмѣрной, т. е. духовной степени; одухотворенная душа единосвойственна съ одухотворящимъ ее духомъ.

И дѣйствительно, мы видимъ, что мысль душевная, одухотворяясь, достигаетъ до познанія истины, т. е. до боговѣдѣнія исключительно духовными силами познаванія.

Мы усматриваемъ также, что сознаніе душевное своего собственнаго «я» (я—самъ свой въ себѣ), одухотворяясь и становясь самосознаніемъ, получаетъ свойства одухотворенной оцѣнки качественнаго различія и нравственнаго достоинства, что и называется по духовному совѣстью, т. е. совмѣстный «вѣтъ», отвѣтъ или совѣтъ, вѣсть и судъ сознанія.

Мы опредѣляемъ наконецъ, что связанное хотѣніе душевности одухотворяясь достигаетъ свободнотворческой воли, т. е. свободнаго, а не связаннаго хотѣнія. Значитъ, мысль душевная возвышается духовно до Боговѣдѣнія, сознаніе до совѣсти, а хотѣніе до свободной и творящей воли.

Если теперь присовокупить три стороны познанія существованія вещества, мѣсто, часъ (мигъ) и мѣра = мѣсто-мигомѣра, то общая картина главныхъ свойствъ тѣло-душе-духа будетъ простая и удобозапоминаемая:

Укладъ сторонъ природы человѣка.

стороны природы	изъ внѣ во внутрь	во внутреннемъ средоточіи	изъ внутри во внѣ
вещество	мѣсто	часъ	мѣра
душа	мысль	сознаніе	хотѣніе
духъ	вѣдѣніе	совѣсть	воля

Только теперь приступимъ къ выясненію отличительныхъ чертъ душевнаго состоянія. Связь и зависимость душевная двусторонни: 1) временная съ веществомъ и 2) вѣчная съ духовнымъ.

Душевность отдѣльно не живетъ; она оживляетъ естественную плоть, что даетъ животное, т. е. живущее и одушевленное, оживленное (animé). Животное и растеніе посему двусоставны; односоставны, вещественны минералы, ископаемыя и химически простыя тѣла и т. д.

Человѣкъ живой есть тріединство тѣла, души и духа. По смерти духовная душа безсмертна, какъ ангелы и иные небожители, праведники и угодники.

Животная душа и людская душа существенно отличны, а потому у души вообще двойная природа: 1) смертная у животныхъ, т. е. у душевныхъ существъ, но не одухотворенныхъ. 2) безсмертная и вѣчная у людей.

Ангелы существа чисто духовныя, человѣкъ—душевнодуховное и животное чисто душевное; вотъ рядъ, и притомъ прерывный, существъ внѣ связи ихъ матеріальнаго существованія. Ангелы,—посланники Божіи, принимаютъ видъ тѣлеснаго образа; душедуховный человѣкъ живетъ на землѣ во плоти, а животное умираетъ безслѣдно при потерѣ своей плотской существенности.

Ни чистые духи небожителей ангеловъ всѣхъ чиновъ, ни бѣсы всѣхъ соблазновъ и пороковъ, ни исключительное вещество, напр., камня или ископаемаго, насъ теперь не занимаютъ.

Только тѣлесно-душевно-духовныя существа привлекаютъ наше вниманіе. И тутъ представляются возможными двѣ точки зрѣнія; тѣлодушевности и духодушевности, т. е. два промежуточныя сочетанія: души съ тѣломъ, съ одной стороны, и души съ духомъ, съ обратной.

И оба положенія обладаютъ разными свойствами и стремленіями. Для животнодушевнаго положенія: 1) самосохраненіе рода и вида, 2) эволюціонное послѣдовательное непрерывное развитіе или расклубленіе. Для душевно-духовнаго совершенія и достиженія безсмертія: 1) въ сторону вѣчнаго совершенства и 2) въ сторону вѣчнаго самовозвеличенія.

Такое шествіе въ сторону самоличнаго превознесенія есть путь гордости и маніи величія и приводитъ къ пропасти бездонной пустоты духовнаго паденія.

Вѣчное царство небесное есть рай перваго совершенія, и вѣчное мученіе въ кромѣшней исподней есть адъ второго вѣчнаго достиженія пустопорожности духовной.

Но положенія и степени шествія, возвышаясь или низвергаясь, не составляютъ отличительной черты особыхъ существъ творенія, и если иногда допускается на словахъ олицетвореніе или антропоморфизація, то только, какъ способы картиннаго выраженія, а не по существу, на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности.

Кромѣ сотворенныхъ существъ, ангеловъ безтѣлесныхъ и человѣка тѣло-душевно-духовнаго, да животныхъ тѣлодушевныхъ, иныхъ *живыхъ*, особей, нѣтъ въ христіанскомъ міровоззрѣніи. Не будемъ приводить воззрѣній языческаго направленія. Человѣкъ на землѣ срединное сложное существо: онъ и животное съ животною смертною природою, онъ и духовной творческой силы ангельскаго небожительнаго безсмертнаго свойства, какъ святого совершенства, такъ и діавольскаго часто декаденства сатаны.

Дадимъ словами Преосвященнаго Ѳеофана общую сводку, дабы изобразить наглядно всю составность человѣка въ полнотѣ и соразмѣрности:

«Давайте теперь съ вами сведемъ счеты или сдѣлаемъ выводы изъ всего наговореннаго. Видите, сколько у насъ сторонъ или, лучше степеней жизни!—Есть сторона и степень жизни духовная, есть—духовно-душевная, есть—собственно душевная, есть—душевно-тѣлесная (кажется я не оттѣнилъ ее, какъ слѣдуетъ. Сюда принадлежатъ—наблюденія съ воображеніемъ и памятью, желанія изъ потребностей тѣла и чувства тѣлесныхъ состояній и впечатлѣній), есть—тѣлесная. Пять ярусовъ, но лицо человѣка одно, и это одно лицо живетъ то тою, то другою, то третьею жизнью, и судя потому, какою жизнью живетъ, получаетъ особый характеръ, отражающійся и въ его воззрѣніяхъ, и въ его правилахъ, и въ его чувствахъ, т. е. оно бываетъ или духовнымъ,—съ духовными воззрѣніями, правилами и чувствами; или душевнымъ — съ душевными понятіями, правилами и чувствами, или плотскимъ,—съ плотскими мыслями, дѣлами и чувствами. (Серединныхъ состояній—душевно-

духовнаго и душевно-тѣлеснаго—не беру въ счетъ, чтобъ не дробиться слишкомъ). Не то сіе означаетъ, чтобъ, когда человѣкъ бываетъ духовенъ, душевность и тѣлесность не имѣли уже въ немъ мѣста, но то, что тогда духовность у него бываетъ господствующею, подчиняя себѣ и проникая собою душевность и тѣлесность; равно—не то, чтобъ, когда человѣкъ бываетъ душевенъ, его духовность и тѣлесность не существовали болѣе, но то, что тогда душевность бываетъ господствующею, всѣмъ заправляетъ и всему даетъ свой тонъ и самую духовность облекаетъ покровомъ душевности, также не то, чтобъ, когда человѣкъ бываетъ плотянъ, его духовность и душевность исчезали, но то, что тогда все у него оплотеняется, и духовность и душевность плотяны бываютъ, подчинены плоти и ею попраны и въ рабствѣ у нея содержимы.

Такъ какъ, на какой-бы степени ни находился человѣкъ, другія стороны его жизни остаются присущими въ немъ; то ни на одной степени онъ не бываетъ закабаленъ такъ, чтобы ужъ и высвободиться не могъ изъ сей кабалы, но всегда имѣетъ возможность переходить съ одной степени на другую, ослабивъ одну сторону своей жизни и усиливъ другую. Такъ и духовный человѣкъ можетъ ниспасть въ душевность и тѣлесность и плотяный—подняться до духовности, когда тотъ возлюбитъ душевное и плотское, а этотъ взыщетъ духовнаго. Человѣкъ всегда свободенъ: свобода дана ему вмѣстѣ съ самосознаніемъ, и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ существо духа и норму человѣчности. Погасите само сознаніе и свободу,—вы погасите духъ, и человѣкъ сталъ не человѣкъ.

Но когда у кого господствуетъ духовность, тогда хоть это будетъ его исключительнымъ характеромъ и настроеніемъ, онъ не погрѣшаетъ; во первыхъ потому, что духовность есть норма человѣческой жизни и что, слѣдовательно, бывая духовнымъ, онъ есть настоящій человѣкъ, между тѣмъ, какъ душевный и плотяной человѣкъ есть не настоящій человѣкъ; а во вторыхъ потому, что какъ ни будь кто духовенъ, онъ не можетъ не давать должнаго душевности и плотяности, только держитъ ихъ не жирно и въ подчиненіи духу. Пусть не широка у него душевность (въ научныхъ познаніяхъ, искусствахъ и дѣлахъ прочихъ) и крѣпко стѣснена плотяность, — все онъ настоящій, полный человѣкъ. А душевный (многознающій, искусникъ, дѣлецъ), а тѣмъ паче плотяный —не есть настоящій человѣкъ, какъ-бы краснымъ не являлся онъ внѣ. Онъ—безголовъ. Отсюда простой человѣкъ, Бога боящійся, выше многообразованнаго и элегантнаго, но не имѣющаго въ цѣляхъ своихъ и стремленіяхъ угожденія Богу. Посему-же судите и о произведеніяхъ литературы и искусствъ. Произведенія, въ коихъ все плотяно, изъ рукъ вонъ нехороши; но и тѣ, въ коихъ господствуетъ душевность, не отвѣчаютъ своему назначенію, хотя они выше плотяныхъ. Таковъ судъ — только о тѣхъ произведеніяхъ, кои чужды духовныхъ элементовъ; тѣже, кои прямо относятся враждебно о всемъ духовномъ, т. е. о Богѣ

и вещахъ божественныхъ, — прямо суть вражескія внушенія и терпимы быть не должны.

Изъ сего вы видите, что по естественному назначенію человѣкъ долженъ жить въ духѣ, духу подчинять и духомъ проникать все душевное, а тѣмъ паче тѣлесное,—а за ними и все свое внѣшнее, т. е. жизнь семейную и общественную. Се—норма!» (Что есть духовная жизнь стр. 43—48).

Область прилога—душетѣлесность, область просвѣщенія—душедуховность.

Наше психологическое изслѣдованіе было-бы не полно, если-бы не указали въ какой сторонѣ природы происходитъ воздѣйствіе на нашу душу духовныхъ силъ извнѣ вліяющихъ на насъ.

Для сего нужно отличить злодѣйствіе духа, которое назовемъ, какъ обыкновенно это говорятъ, прилогомъ, отъ святодѣйствія или озаренія, или осѣненія, которое назовемъ просвѣщеніемъ, ибо послѣ оглашенія до вѣры есть промежуточное душевное проявленіе духовнаго, и оно то и есть, что называютъ обыкновенно просвѣщеніемъ. Святость есть высшее проявленіе просвѣщенности во спасеніи.

Кромѣ того для той же цѣли требуется углубиться въ подробности, до сихъ поръ нами не указанныя, въ областяхъ связи души съ тѣлесностью и души съ духовностью, которыхъ будемъ различать еще по два положенія.

Между тѣлесностью и душевностью ближе къ тѣлесности и дальше отъ душевности отмѣчаемъ: *душетѣлесность*, а дальше отъ тѣлесности и ближе къ душевности—*тѣлодушевность*. Между душевностью и духовностью соотвѣтственно ближе къ душевности—*духодушевность*, а ближе къ духовному—*душедуховность*. Рядъ приметъ семичленный видъ:

Плоть —	Тѣлесность	подсознаніе (досознаніе)
Душа	Душетѣлесность. . .	прилогъ-чародѣйство
	Тѣлодушевность. . .	опознанный прилогъ
	Душевность.	сознаніе
	Духодушевность. . .	предчувствуемое просвѣщеніе
	Душедуховность. . .	просвѣщеніе-чудодѣйство
Духъ —	Духовность	сверхсознаніе (надсознаніе).

Тутъ указаны соотвѣтственныя сторонамъ природы человѣка силы воздѣйствія духовнаго въ двухъ направленіяхъ къ просвѣтленію и святости или къ порабощенію и осатанѣнію, ибо духовность бываетъ отъ святого источника и отъ злого приражения и лукавства.

Духовность искушенія убиваетъ въ человѣкѣ сознаніе и спускается, воздѣйствуя на тѣлодушевность, сосредоточивается на душетѣлесности въ видѣ гипноза, усыпленія, экстаза, очарованія, сомнамбулизма и всѣхъ сортовъ психургическихъ и магическихъ дѣйствій. Всѣ эти воздѣйствія злого духа многообразны по проявленію одной сути, которыя лучше всего называть бѣсноватостью или осатанѣлостью.

Совершенно иное воздѣйствіе святой духовности: она отвлекаетъ сознаніе отъ вещественности, не усыпляетъ его, но наоборотъ просвѣтляетъ, укрѣпляетъ душу, одуховляетъ и сосредоточивается, переходя возвышеніемъ отъ духодушевности къ душедуховности. Сознаніе здѣсь достигаетъ просвѣтленія или просвѣщенія.

Этотъ бѣглый перечень промежуточныхъ силъ душевности важенъ намъ, когда приходится отличать познавательныя силы, которыя ведутъ къ вѣрѣ, и отъ тѣхъ, которыя ведутъ искушеніемъ къ лукавству.

Одно, что установимъ теперь, это точка исхода одухотворяющей силы, будь то святодуховность или лукавство. Очевидно, эта точка отправленія есть область сознанія души, отъ котораго или духовность просвѣщается до сверхсознанія или духовность (злая) усыпляется, гипнотизируется до безсознанія.

Начертательное изображеніе полноты природы человѣка.

Наши выписки и подробныя выясненія въ совокупности даютъ намъ возможность объединить полную составность человѣческаго существа въ общую картину. Природа человѣка трехчленная; она живетъ тремя сторонами:

I) Стороною духовною;
II) Стороною душевною;
III) Стороною тѣлесною.

I) Духовность нужно разсматривать въ свою очередь также, какъ трехстороннюю силу:

1) свободную силу Боговѣдѣнія;

2) свободную силу совѣсти, самосознанія или нравственной самооцѣнки;

3) силу свободнотворческой самостоятельности или самобытной (самодержавной) воли.

II) Душевность подраздѣляется также на три стороны или области дѣятельности:

1) область мыслительная, разсудочная и разумная,

2) область сознающая или чувствующая;

3) область побужденія, стремленія и хотѣнія.

III) Тѣлесность въ смыслѣ вещественной плотяности обладаетъ тремя стремленіями или отправленіями:

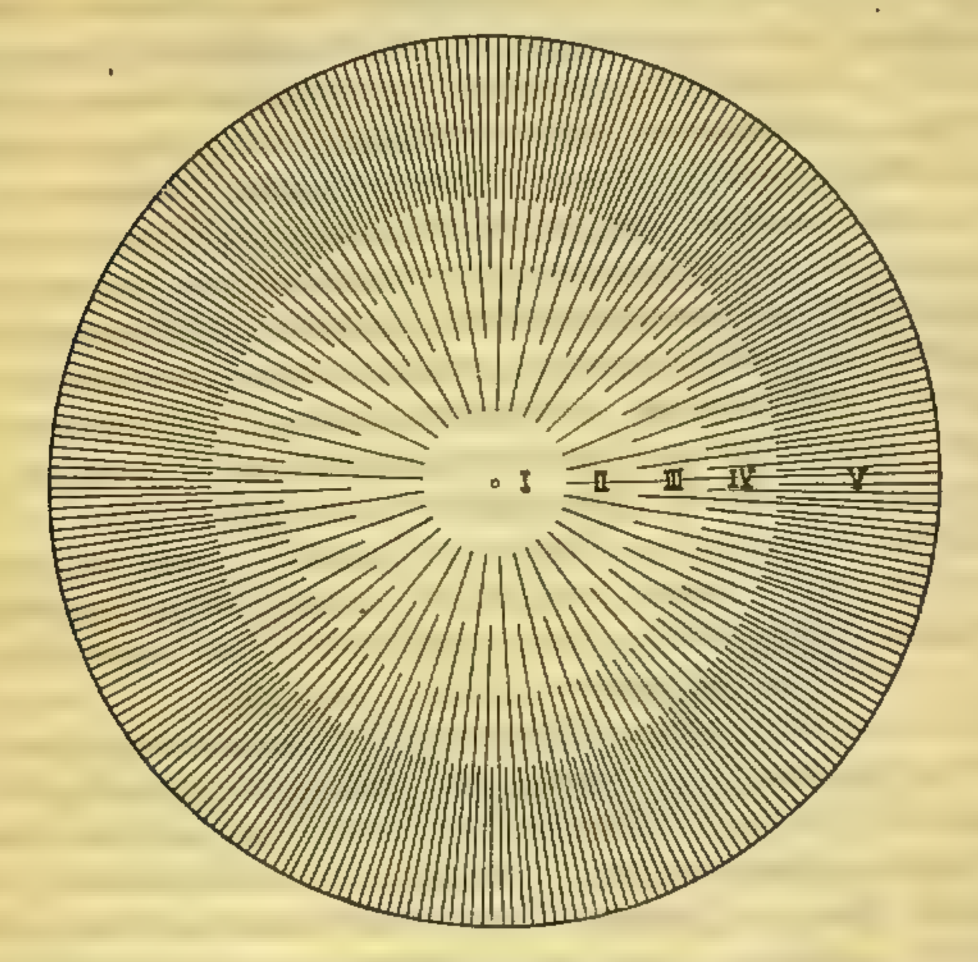
1) питанія;

2) движенія; и

3) чувствительности (чувственности).

Образно эти всѣ подраздѣленія можно представить въ видѣ чертежнаго распорядка слѣдующаго вида:

Символическое чертежное изображеніе составности природы человѣка.

Внутренній срединный кружечекъ изображаетъ духовность, внутри насъ изнутри дѣйствующую на насъ со внѣ.

I Бѣлое чистое кольцо—наша духовность, когда истинно просвѣщена; но она была бы нарисована совершенно черною, еслибы была одержимою и осатанѣлою.

II, III, IV } Три стороны душевности { совнѣ душедуховность и духодушевность, посрединѣ сочувствующая и сознательная сосредоточенность, извнѣ во внутрь—тѣлодушевность и душетѣлесность.

Примѣчаніе. Три стороны души—мысль, сознаніе и желаніе, распредѣляются по всѣмъ направленіямъ пяти ярусной душевности въ какомъ угодно порядкѣ.

V Самое темное кольцо наше тѣло. Оно просвѣтляется по мѣрѣ одухотворенія святостью души. Наконецъ внѣшняя черта круга означаетъ наши пять внѣшнихъ чувствъ и нашу тѣлесную внѣшнюю оболочку. Внѣшній міръ на чертежѣ отсутствуетъ.

Всѣ эти стороны, понятія и силы славянофильствомъ признаются безспорно, но они не были связаны въ наглядные образы и не были опредѣлены словесными краткими выраженіями.

Славянофилы заняты были болѣе опредѣленіемъ соотвѣтственно симъ силамъ познавательныхъ способностей. Духовное вѣдѣніе, нравственное самоопредѣленіе, свободная сознательная воля, духовное просвѣщеніе, разсудочно-разумное знаніе, самосознаніе внутренняго чувства, личнаго бытія и признаніе волевой силы души, наконецъ, знаніе въ первоначальномъ развитіи, умѣніе и художество и навыкъ или наученіе. Всѣ эти стороны принадлежатъ къ области вѣдѣнія и познаванія, гдѣ и подвергаются подробнѣйшему разслѣдованію. Тутъ достаточно указать, что каждая сторона этого познаванія основана на трехсторонней составности человѣческой природы, ибо если бы мы не были духовны по сущему, мы не могли-бы познать духовнаго, т. е. усвоить его себѣ; если-бы мы не были душевны по сущности, мы не могли-бы мыслить, сознавать или признавать ничего, и наконецъ, если бы мы не были воплощены въ вещественную оболочку, т. е. не были-бы матерьяльны по существованію, мы ничего матеріальнаго не постигали и ничего разсудкомъ не знали, ибо не было бы и нашихъ пяти внѣшнихъ чувствъ.

«Просвѣщеніе, пишетъ Хомяковъ, не есть только сводъ и собраніе положительныхъ знаній: оно глубже и шире тѣснаго опредѣленія. Истинное просвѣщеніе есть разумное просвѣтленіе всего *духовнаго состава* въ человѣкѣ или народѣ». (Т. I, стр. 26).

И въ другомъ мѣстѣ Хомяковъ указываетъ на различіе областей человѣка и, кромѣ раціональнаго постиженія въ умственной душевной области, признаетъ въ той же области еще и силы нравственнаго порядка: «Вѣдѣніе не есть только раціональное знаніе, а и постиженіе всестороннее преимущественно области нравственнаго порядка». Вотъ еще подтвержденіе нашей духовности:

«Вѣра, испытующая тайны Божіи, не есть вѣреніе (croyance), а *вѣдѣніе*, по вѣдѣніе, не похожее на познаніе наше о внѣшнемъ мірѣ. Вѣра есть постиженіе (познаніе) внутреннее, подобно тому, какое имѣемъ мы о явленіяхъ нашей умственной (духовной) жизни. Она даръ благодати Божіей, она знаменуетъ присутствіе Духа истины въ насъ самихъ». (II—219).

Уже изъ этихъ трехъ выписокъ можно заключить, что Хомяковъ признавалъ три области: міръ вещественный, міръ душевный и міръ духовный и эти три міра отражаются въ нашихъ познавательныхъ силахъ: познаніе вещественнаго

міра—**знаніе**, познаніе душевнаго міра—**сознаніе** и познаніе духовнаго міра—**признаніе** (постиженіе, просвѣщеніе).

По Вл. Соловьеву, въ человѣкѣ объединены три начала: 1) разумное, 2) природное или животное и 3) мистическое, дѣлающее его существомъ демоническимъ или божественнымъ. Тутъ опять тѣ-же три области: природы и естества вещественнаго міра, второе — разумное, какъ связь душевныхъ силъ, и мистическое или какъ-бы духовное (божественное).

Мистическое-же употребляется въ разныхъ значеніяхъ, въ прежнія времена чаще всего оно употреблялось вмѣсто слова «духовное», ибо по условіямъ прежней цензуры всякое духовное сочиненіе подвергалось двумъ просмотрамъ, свѣтскаго и духовнаго цензора; во избѣжаніе проволочекъ предпочитали ставить слово «мистицизмъ» вмѣсто «духовность» и тѣмъ избавиться отъ мытарствъ по духовному цензорству. Но у Вл. Соловьева мистицизмъ и мистическое знаніе пріобрѣтаются посвященіемъ въ тайновѣдѣніе или окультизмъ. Самъ Вл. Соловьевъ признавалъ въ человѣкѣ особыя психургическія силы (медіумическія) и былъ дѣятелемъ спиритическаго направленія; и если онъ мистицизмомъ замѣнялъ духовность, то у него это дѣлалось нарочито, по коренной его мысли, а не по внѣшнимъ причинамъ обойти духовную цензуру. Что Вл. Соловьевъ былъ приверженецъ спиритизма, видно изъ слѣдующаго событія его жизни, о которомъ повѣствуетъ близкій его другъ Ев. Трубецкой, такъ:

«Въ юные годы Вл. Соловьевъ очень увлекался спиритизмомъ. На какомъ-то спиритическомъ сеансѣ ему было внушено, что онъ услышитъ чрезвычайныя откровенія въ пустынѣ Египетской. Онъ отправился въ Сахару; «откровеній» тамъ разумѣется, не воспослѣдовало, вмѣсто того онъ едва не былъ убитъ арабами, которые приняли его сначала за чорта,—«шайтана», а потомъ, повидимому, за злоумышленника. Этотъ случай послужилъ поводомъ къ первому его разочарованію въ спиритизмѣ».

Ближайшее ознакомленіе по славянофильству съ тройственною мыслительною способностью, которая есть лишь отраженіе тройственности состава міра и тройственнаго-же состава человѣческой природѣ, вполнѣ утвердитъ насъ въ томъ, что славянофильство и его любомудріе дѣйствительно основаны, построены и довершены на началахъ и завѣтахъ Православнаго вселенскаго христіанства, психологическія воззрѣнія котораго несомнѣнно единотройственны.

Мы можемъ воспринять *Божественность* мыслью логикой металогически, лишь **единотроичнымъ** образомъ, т. е. Его святою триvпостасностью, что не мѣшаетъ вѣрою признать Господа Бога и возлюбить его чувствомъ преданности

и повиновенія. Мы можемъ понять себя психологически тою же **самотроичностью;** мы можемъ, наконецъ, представить и понять полноту міростроенія логически, тою же неизбѣжною **раздѣльнотроичностью** представленія.

[Построеніе понятія безконечнаго и вѣчнаго есть троичное раскрытіе трехъ разноличныхъ частей его и уразумѣніе границъ объединенія этой троичности; такое разсмотрѣніе можетъ быть названо *устроеніемъ* или троичнымъ *построеніемъ*. Если этотъ *строй*, не найдя единства и цѣльности, раздваивается или троится, то онъ *разстроится*, строеніе придетъ въ **разстройство**. Тутъ, какъ видно, важно подойти къ духовному и божественному не простою монистическою мыслію: Богъ единъ и единиченъ, не двойственъ и двуличенъ, что будетъ язычествомъ, а единственно единотроичностью, т. е. триупоставнымъ прославленіемъ во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Всякое отступленіе отъ объединенія трехсоставности есть уже нарушеніе цѣльности, общности и полноты; т. е. стройности сего прославленія. Троичность въ ея единствѣ есть явленіе дѣйствительной міровой жизни, есть единственно полное основаніе мыслящаго существа и единственно достовѣрный образъ духовной сути вселенной.] Это предчувствуется и предвидится при разборѣ составности человѣка и будетъ доказано по философскомъ обнаруженіи основъ всего славянофильства.

Теперь мы можемъ быть въ этомъ убѣждены на основаніи единотроичнаго построенія основъ законовъ мышленія. Пренебречь какою-либо частью изъ строя цѣлаго есть уже вредное ограниченіе и получаетъ неправильное недостаточное сужденіе, а прибавить что либо произвольно къ строю единотроичности — есть домыселъ мечтательный ничѣмъ не оправданный, своевольный, ненужный. И, повторяя слова св. Апостола, примемъ вмѣстѣ со славянофильствомъ и со всѣмъ истинно вѣрующимъ христіанствомъ и повѣримъ, что «**Самъ же Богъ мира да освяти васъ во всей полнотѣ, и вашъ духъ и душа и тѣло во всей цѣлости да сохранитъ безъ порока въ пришествіе Господа Нашего Іисуса Христа**». (I Ѳес. V. 22—23).

Полнота творенія, которая совмѣщаетъ съ собою исхожденіе, рожденіе и всякое творчество, выяснена св. Апостоломъ Павломъ самымъ опредѣленнымъ образомъ въ посланіи къ Ефесянамъ, называя эту полноту **отечествомъ.**

Отъ Отца Господа Нашего Іисуса Христа «именуется всякое отечество на небесахъ и на землѣ, да дастъ вамъ, по богатству славы Своей, крѣпко утвердиться Духомъ Его во

внутреннемъ человѣкѣ, вѣрою вселиться Христу въ *сердца* наши; чтобы вы, укорененные и утвержденные въ *любви*, могли *постигнуть* со всѣми святыми, что широта и долгота, и глубина, и высота, и уразумѣть превосходящую разумѣніе любовь Христову, дабы вамъ исполниться всею полнотою Божіею». (Гл. 3, 14—18).

Хомяковъ и его московская школа все истинное познаваніе полагали на полноту *познанія*, все истинное развитіе на полноту роста всѣхъ сторонъ жизни, все истинное любомудріе на полноту изслѣдованія всей человѣческой природы.

Стройное единство цѣльнаго и всесторонняго развитія душевныхъ силъ человѣка принимается, какъ единственное правильное воззрѣніе на его природу. Этой стройности достичь, конечно, труднѣе, чѣмъ развитія одной какой-либо стороны. «Не многопотребовательно просвѣтительное начало, одностороннее и раздвоенное въ самомъ себѣ: оно развивается легко, даже и при сильныхъ препонахъ, и тѣмъ легче, чѣмъ опредѣленнѣе его односторонность. Преобладающая сторона его увлекаетъ своею логикою всѣ силы душевныя человѣка или общества въ извѣстное направленіе до тѣхъ поръ, пока оно само не дойдетъ до крайняго своего предѣла, при которомъ обличается его полнота и неразуміе: тогда наступаетъ минута паденія, всегда быстро слѣдующая за минутой полнаго, повидимому, торжества *). Не таковы свойства начала цѣльнаго и всесторонняго: самая его полнота и стройность требуютъ отъ общества или человѣка соотвѣтствующей стройности и полноты. Условное свободнѣе развивается въ исторіи, чѣмъ живое и органическое: разсудокъ въ человѣкѣ зрѣетъ гораздо легче, чѣмъ разумъ». (Хом. I, 220). То же разсужденіе относится въ полнотѣ къ развитію цѣльныхъ и многостороннихъ ученій философскихъ и богословскихъ, а потому ученіе славянофиловъ по совершенному свойству своему полнаго познанія полноты природы человѣка не можетъ имѣть быстраго успѣха, но за то успѣхъ достигнутый есть завоеваніе прочное и вѣчное. Обладатель полнаго познанія можетъ усмотрѣть легко въ ученіяхъ одностороннихъ нехватающія ему части, и это его преимущество; наоборотъ, приверженецъ одностороння го воззрѣнія не въ силахъ оцѣнить полноту цѣльнаго воззрѣнія, онъ долженъ быть геніаленъ, чтобы преодолѣть оковы ограниченнаго знанія.

«Ибо, пишетъ Хомяковъ, если справедливо, что самый законъ мысли ложенъ вслѣдствіе односторонности своихъ основъ: тотъ мыслитель, который захотѣлъ бы эту односторонность обличить и восполнить, долженъ бы былъ выйти изъ самой области умственной, въ которой выросъ

*) Мысль Хомякова впослѣдствіи развита подробно Данилевскимъ въ его знаменитой книгѣ «Россія и Европа».

я живетъ и почерпнуть восполняющую истину изъ другой области, ему чуждой. Такое дѣло, если оно даже возможно, требовало бы необычайнаго генія и еще болѣе необычайной воли. (Хом. I, 198).

Если теперь подвести итоги нашего предыдущаго изслѣдованія о составности природы человѣка, то легко убѣдиться, что средоточіе всѣхъ сторонъ полноты его связывается въ его сознаніи, т. е. въ той его части души, которая обнаруживаетъ наиболѣе непосредственно его самоличность, его собственное «я».

Личность, вѣрнѣе—чувство личности,—самосознаніе своего «я», самопроизвольная дѣятельность и самостоятельная рѣшимость,—вся эта внутренняя сосредоточенная работа необходима для полнаго познанія, и всѣ эти стороны—*самостнаго* «эготическаго» свойства. Мы легко убѣждаемся, что эта самостность, это «*свой*-ство», т. е. чувство принадлежности самого себя себѣ самому; «я-самъ-свой», въ познаніи вполнѣ законно и неизбѣжно необходимо. Познаніе законно эготично, но ему рѣзко противополагается другое *свой*-ство человѣка, которое противоположно этому эготизму (самостности), это чувство «дружбы», друголюбія или симпатіи—«*друже*-ство». «*Другой*» становится въ этомъ стремленіи «*другомъ*». Въ болѣе обширномъ и объемномъ, возвышенномъ значеніи, другочувствіе (альтруизмъ) обращается въ наиболѣе сложное и наиболѣе сосредоточенное изъ всѣхъ сочетаній дѣятельности природы человѣка—въ *любовь*. Любовь обхватываетъ въ стремленіи къ внѣшней дѣятельности и самопожертвованію внѣшнюю окружность или околицу человѣка, и чѣмъ шире ея обхватъ, тѣмъ источникъ дѣятельности сильнѣе, родникъ любвеобильнѣе, что противополагается стремленію познаваній, которыя, наоборотъ, чѣмъ болѣе обобщены, согласованы, сосредоточены, тѣмъ они глубже и цѣннѣе. Любомудріе въ своемъ развитіи, при правильной его постановкѣ, должно неизбѣжно начать свои изслѣдованія съ корня, съ сѣмени, съ истока, и постоянно распространять родниковыя силы, сперва въ стволѣ въ высь по вѣтвямъ, а потомъ въ ширь до полнаго обхвата всего міродержавства (космоса), всей вселенной и въ этомъ всевеликомъ *ВСЕ* собрать полное многообразіе и многочисленность свѣта или міра, а по мѣрѣ усвоенія сосредоточивать и объединять въ одномъ цѣльномъ обобщеніи, для установленія его сути.

Первая часть труда любомудрія — вывести изъ средины познающаго «я» во всѣ стороны силы познаванія, чтобы усвоить наиболѣе широкій кругъ міропознанія; а вторая, наоборотъ, обхватить самодѣятельностью, по возможности все

міросозерцаніе, чтобы связать постепенно всѣ его стороны самоучастіемъ въ жизни и свести пониманіемъ ея всѣ направленія въ болѣе объединенное средоточіе въ постиженіи сути этихъ жизненныхъ сторонъ, что достигается только дѣятельнымъ участіемъ и отдачею себя въ обладаніе всего міра. Первая работа центробѣжная, это разлученіе *) (отъ слова «лучъ») излученіе, разсѣяніе, разблистаніе; вторая — центростремительная, — это сопосвязываніе, сосредоточиваніе, заклиниваніе. Такъ и поступимъ. Изслѣдуемъ сперва силы познанія, основываясь на пріобрѣтенномъ уже нами самопознаніи. Силы эти мы ограничили всего пятичленностью, а именно: 1) силою пріобрѣтенія плотью нашей—внѣшнимъ представленіемъ, 2) душетѣлосностью—внушеніемъ, 3) душевностью—сознаніемъ, 4) душедуховностью—вдохновеніемъ и осѣненіемъ и 5) духовностью — просвѣтленіемъ. Затѣмъ изслѣдуемъ человѣка, міръ и жизнь въ ихъ проявленіяхъ, что составитъ вторую и третью части: «міросозерцаніе» и «жизнепониманіе», и наконецъ отыщемъ, по возможности объединяющую жизнь и свѣтъ, суть, т. е. суть существенности внѣшняго міра, сущность душевнаго строя и сущее духовной области. Этотъ отдѣлъ обобщительный «сутепониманія».

Отъ эготическаго (самостнаго) родника исходимъ мы и къ эготическому-же (самостному-же) самоопредѣленію возвращаемся. Начальная мыслимая связь, (синтезъ) соузъ, или соборъ **) даетъ намъ необходимыя силы познанія; конечный мыслимый соборъ — наша цѣль. Славянофильская соборность не простая, а соборность вселенская, — содержаніе всѣхъ нашихъ домоганій. Въ ней, и единственно въ ней, кругъ познанія и коловоротъ познавательной дѣятельности будетъ выполненъ. Это сопряженіе начальной связи съ конечнымъ всеединствомъ, если идетъ отъ средоточія къ поверхности, или—конечной связи съ начальнымъ средоточіемъ, если возвращается въ обратномъ направленіи, есть сокровеннѣйшая мечта всякаго мыслителя, добивающагося полноты вѣдѣнія,—завидный удѣлъ работника мысли! Удастся-ли намъ достичь трудами славянофиловъ этого торжества вселенской мысли?..

---

*) Лучи чѣмъ болѣе расходятся, тѣмъ сильнѣе разлучаются другъ отъ друга, а чѣмъ ближе къ очагу, тѣмъ дружнѣе сплачиваются.

**) Подъ мыслительной *связью* понимаемъ такое сліяніе, въ коемъ составныя части и послѣ сліянія болѣе не различаются между собою, а подъ мыслительною *соборностью* — такое сліяніе, въ которомъ свойства каждой части сохраняются и не затериваются въ общемъ безразличіи, въ общемъ отождествленіи.

Глава IV.

Выявленіе познаванія изъ срединной сосредоточенности самосознанія. (Проявленіе психологическое).

«Я имѣю намѣреніе все достодолжное выводить изъ устройства человѣческаго естества» Еп. Ѳеофанъ, Затворникъ Вышенскій. (Что есть духовная жизнь. Письмо III).

Общія замѣчанія о связи познаніевѣдѣнія съ душевѣдѣніемъ.

Насколько мало занимались основатели славянофильства непосредственно вопросами о полнотѣ нашей природы, насколько также психологическая сторона ихъ ученія осталась недостаточно обработанною, настолько, наоборотъ, вопросы о познавательныхъ способностяхъ человѣка подвергались тщательному и всестороннему изученію и разслѣдованію. И это вполнѣ понятно: съ одной стороны духовная полнота природы человѣка, предметъ богословскаго ученія, ясно и опредѣленно установлена разъ навсегда священнымъ писаніемъ и принята всѣмъ истиннымъ христіанствомъ, съ другой—наоборотъ, взгляды на познавательныя способности крайне сбивчивы, неопредѣленны и вызывали въ теченіе столѣтій споры и подвергались разнообразнымъ толкованіямъ. Въ началѣ установленія новаго теченія особаго просвѣтительнаго строя, очевидно требовалось отъ начинателей разъясненія ихъ точки зрѣнія на эти нерѣшенные вопросы. Именно невѣрнымъ и одностороннимъ толкованіемъ познавательныхъ способностей (гносеологіи) объяснили славянофилы корень всѣхъ заблужденій западной философской мысли и, наоборотъ, въ правильной постановкѣ этого вопроса усматриваютъ они залогъ успѣшнаго развитія славянофильскаго любомудрія. Поэтому естественно было особенно тщательно заняться ученіемъ о познаваніи и подробно выяснить всѣ наши познавательныя силы и способности. И дѣйствительно, ни одинъ изъ выдающихся мыслителей славянофильскаго стана не про-

шелъ молчаніемъ мимо этого предмета, и каждый внесъ въ него свои взгляды и плоды изысканій и опыта. Заблужденія въ опредѣленіи философіей познавательныхъ силъ есть коренная ошибка всего уклада, возведеннаго на этой ошибкѣ. Такъ, Вл. Соловьевъ пошелъ по ложному пути познанія, когда онъ замѣнилъ въ области разумнодуховнаго познанія —*вѣрующее разумѣніе* мистическимъ познаніемъ такъ называемымъ мистическимъ воспріятіемъ и тѣмъ область духовнаго вѣдѣнія обратилъ въ область мистики, т. е. спустился изъ чистой духовности въ допущенную имъ въ ложную и лживую область «матеріальнодуховнаго прилога и соблазна». Изъ естественной чистой философіи Вл. Соловьевъ попалъ въ топь окультизма и завязъ въ ея тинѣ. Славянофильство, считая это матеріально-духовное (духовещи) познаніе—мечтательнымъ или мнимымъ и просто ложнымъ и лживымъ и во всякомъ случаѣ зловреднымъ и нездоровымъ, отрицало истинность этой мистики и принимало ее за великую погрѣшность. Духовное можетъ проявляться только посредствомъ душевныхъ силъ; духовное бытіе познается разумомъ только въ душевно-духовныхъ проявленіяхъ. Такъ что, дѣйствительно, измѣненіе основъ теоріи познанія измѣняетъ и направленіе всей философіи.

Христіанское воззрѣніе о трехсоставности строенія человѣческой природы признается нами, какъ необходимое основаніе философско-богословскаго ученія славянофильства, и этотъ взглядъ на трехсоставность природы человѣка обосновывается свидѣтельствами славянофильскихъ мыслителей и богословами любомудраго направленія. По ученію словянофиловъ о познавательныхъ способностяхъ человѣка, эти способности и силы не могутъ не соотвѣтствовать вполнѣ сторонамъ жизни и природы человѣка. Такъ, доказавъ, что человѣкъ способенъ къ вѣрующему свободно-волящему разумѣнію, мы докажемъ въ то же время, что онъ обладаетъ силою вѣрующаго духовнаго разума, т. е. въ немъ есть духовная сторона—*духовность*, или что онъ духовенъ, обладаетъ *духомъ*. Доказавъ, затѣмъ, что человѣкъ способенъ къ самопознанію, мы тѣмъ убѣдимся, что его природа самоопредѣляется собственнымъ разумѣніемъ, собственнымъ самочувствіемъ и собственнымъ личнымъ признаніемъ, т. е. въ немъ всѣ три части душевной полноты,—онъ душевенъ, въ немъ заключена душа Когда будетъ доказано, наконецъ, что человѣкъ познаетъ и можетъ познать вещественное, т. е. знаетъ явленія природы, то это прямо укажетъ, что онъ обладаетъ плотскими (физіологическими) чувствами пяти внѣшнихъ

чувствъ, т. е. что онъ плотянъ или тѣлесенъ въ смыслѣ вещественномъ.

Познавательныя способности весьма тонки, и разнообразіе ихъ значительно, но общаго всѣми признаннаго словообозначенія для этихъ силъ еще не выработано. Каждый мыслитель держится своего способа обозначенія, такъ что легко смѣшать смыслъ ихъ, легко не понять сказанное съ достаточною точностью и правильностью. Поэтому важно заранѣе установить опредѣленное словообозначеніе по крайней мѣрѣ для главныхъ общихъ и частоупотребительныхъ понятій, особенно въ трудѣ, котораго цѣль сравнить понятія нѣсколькихъ близкихъ другъ къ другу мыслителей. Этотъ предварительный трудъ тѣмъ болѣе необходимъ для русскаго просвѣщенія, что въ нашей философской словесности существуетъ совмѣстно два ряда словъ по понятіямъ близкихъ, но не тождественнаго значенія: таково совмѣстное употребленіе иноязычныхъ терминовъ съ словообозначеніями кореннаго русскаго или церковно-славянскаго происхожденія. Этотъ послѣдній источникъ не только дѣлаетъ часто излишними иноязычныя заимствованія, но даетъ еще рядъ существенныхъ обозначеній, не имѣющихъ соотвѣтственныхъ выраженій на языкахъ западной цивилизаціи. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ слова: умъ, умный въ смыслѣ духовнаго разума (νοῦς); вѣра въ отличіе отъ вѣрованія (foi), вѣренія (croyance) или вѣроученія (religion), просвѣщеніе, какъ высшая степень цѣльнаго образованія, не однозначащаго значенія съ понятіями пониженнаго свойства, напр. цивилизаціей и культурой; свѣтъ въ смыслѣ вселенной въ отличіе отъ міра мундус (mundus); міръ—мірская единица въ отличіе отъ прихода и всякаго правового договорнаго союза; душетѣлесность, душедуховность предвѣчность или вѣковѣчность въ смыслѣ сверхвѣчнаго, какъ вѣчность или сверхъ временность собезначальный въ понятіи Св. Троицы, погрѣшность въ смыслѣ ошибки (falsus) фальзус и многія другія. Наоборотъ, нѣтъ ни одного духовнаго понятія или термина иноязычнаго происхожденія, который не былъ бы передаваемъ словами славянскаго или греческаго корня. Такое обиліе имѣетъ то неудобство, что близкія по смыслу понятія не выражаются однимъ опредѣленнымъ способомъ, а могутъ быть выражены различными словами, что приводитъ иногда къ нежелательнымъ недоразумѣніямъ.

Въ нашемъ изложеніи мы будемъ держаться правила иноязычными словами выражать понятія и явленія преимущественно западной или иной заморской цивилизаціи и выраб-

танныя или созданныя западной культурой, хотя-бы и въ предѣлахъ Россіи. Такъ, напримѣръ, словами культура и цивилизація обозначаемъ исключительно цивилизацію чужеземную; просвѣщеніемъ же и образованіемъ называемъ развитіе греко-славянскаго міра. По тѣмъ-же соображеніямъ называемъ *интеллигенціею* часть нашего общества, которая мнитъ себя послѣдовательницею культуры и цивилизаціи запада, но отнюдь не называемъ этимъ опошленнымъ именемъ образованныхъ и воспитанныхъ людей греко-православно-славянскаго направленія. Эти образованные свои люди нами будутъ обозначаться просвѣщенными людьми, а люди высшей духовной жизни, люди, просвѣтленные иноческимъ аскетическимъ подвигомъ,—просвѣщенными.

Московскіе славянофилы, основатели и родоначальники восточнаго современнаго философскаго мышленія, были горячими проповѣдниками и даровитыми защитниками свободнаго самобытнаго просвѣщенія, но они не оставили послѣ себя цѣльнаго и полнаго ученаго уклада или отдѣльнаго строго созданнаго ими распорядка, академически систематизованной доктрины или дисциплины. Ихъ мудролюбіе записано отрывочно и часто по случайному поводу. Оттого-то сводка всѣхъ ихъ взглядовъ въ общій обзоръ и строго распредѣленный укладъ встрѣчаетъ большія затрудненія. Вотъ какъ самъ Хомяковъ говоритъ о философскихъ трудахъ мыслителя, основателя славянофильскаго любомудрія, Кирѣевскаго:

«Осталось послѣ замѣчательнаго мыслителя нѣсколько отрывковъ, которые носятъ на себѣ слѣды свѣтлаго и глубокаго ума, но которымъ не было дано никакой связи. Развѣ это можно назвать статьею? Правда, статья готовилась, да ея нѣтъ». (Хом. III—268).

Если труды Кирѣевскаго не могутъ быть названы даже статьями, то тѣмъ болѣе системою. Послѣ смерти Кирѣевскаго Хомяковъ продолжилъ едва начатый трудъ своего друга, онъ далъ намъ двѣ статьи, но, по характеру, его труды ничѣмъ не отличались отъ трудовъ Кирѣевскаго, и самъ Хомяковъ могъ-бы ихъ считать, только за статьи. И могъ-бы дать систему, да не далъ,—ея нѣтъ. Слова Хомякова о Кирѣевскомъ приложимы въ большой мѣрѣ и къ самому Хомякову. Вообще, они хорошо понимали ложь систематизма и ничтожной мертвенной сухости въ наукѣ и жизни; отвергали излишнюю самонадѣянность науки и возставали противъ ея формализма; но всетаки безъ уклада въ строгій распорядокъ ученіе усваивается весьма трудно.

Самую статистику Хомяковъ и его другъ Валуевъ считали, безплодною, если отдѣлить ее отъ изученія духовныхъ силъ.

«Рано постигъ Д. А. Валуевъ, пишетъ Хомяковъ, ложь систематизма и ничтожность мертвой формальности въ наукѣ и жизни. Такъ онъ писалъ разсужденіе о статистикѣ и доказывалъ ея безплодность въ томъ видѣ, какъ она вообще изучается и преподается, т.-е. въ отдѣльности отъ историческаго движенія, и еще болѣе въ отдѣльности отъ изученія *духовныхъ силъ, которыми одними зиждется вещественная сила народовъ*». (Хом. III, стр. 396).

Передадимъ ученіе славянофиловъ по возможности последовательно, держась какъ можно ближе ихъ собственнаго изложенія, не стѣсняясь дѣлать обильныя выдержки и длинныя выписки, а иногда близкіе пересказы. Особенно это удобно въ отдѣлѣ объ ученіи о познаніи (гносеологія), такъ какъ эта часть ими выработана особенно тщательно.

Главнѣйшіе источники нашего труда.

Главными источниками ученія о познаніи служили слѣдующія статьи первыхъ славянофиловъ:

I. *И. В. Кирѣевскаго:*

1) О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи.

2) О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи.

3) Въ отвѣтъ А. С. Хомякову и

4) Отрывки.

II. *А. С. Хомякова:*

1) По поводу статьи И. В. Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи».

2) По поводу отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ И. В. Кирѣевскаго.

3) Къ Ю. Ѳ. Самарину «О современныхъ явленіяхъ въ области философіи».

4) Предсмертная неоконченная статья подъ заглавіемъ: «Второе письмо о философіи Ю. Ѳ. Самарина».

III. *Н. П. Гилярова-Платонова* изъ его сочиненій, изданныхъ Побѣдоносцевымъ:

1) Очеркъ подъ названіемъ «Раціоналистическое движеніе философіи новыхъ временъ».

2) Онтологія Гегеля.

3) О судьбѣ убѣжденій по поводу смерти А. С. Хомякова.

4) Письмо Н. П. Гилярова Платонова къ Ю. Ѳ. Самарину о терминологіи А. С. Хомякова.

5) Откуда нигилизмъ.

IV. Изъ сочиненій *Вл. Соловьева:*

1) Кризисъ западной философіи.

2) Философскія начала цѣльнаго знанія.

3) Критика отвлеченныхъ началъ.

4) Оправданіе добра.

V. Творенія *Еп. Ѳеофана,* затворника Вышенскаго:

1) Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться (письма).

2) Письма о духовной жизни.

3) Невидимая брань Блаженной памяти старца Никодима Святогорца.

4) Собраніе писемъ Святителя Ѳеофана.

5) Краткое ученіе о Богопочитаніи.

6) Путь къ спасенію (краткій очеркъ аскетики и другія части «Начертанія христіанскаго нравоученія»).

7) Письма къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и жизни.

Сотрудники и противники.

Изъ перечня главнѣйшихъ источниковъ нашего труда видно, что, кромѣ работъ основателей славянофильскаго направленія Московскаго любомудрія, Кирѣевскаго, Хомякова и Гилярова-Платонова, мы черпаемъ свѣдѣнія изъ сочиненій двухъ мыслителей не признанныхъ славянофилами: Еп. Ѳеофана и Вл. Соловьева. Первый—единомышленникъ со славянофилами, а второй—иномыслящій, его противникъ и хулитель. Связь духовнаго мыслителя Еп. Ѳеофана, затворника Вышенскаго, лучшаго выразителя православныхъ взглядовъ современности, нѣсколько отдаленна по внѣшности, зато тождественна по духу. Связь эта несомнѣнна уже по той простой причинѣ, что славянофилы обосновали свое ученіе на Православіи, а лучшимъ толкователемъ его душевѣдѣнія (христіанской психологіи) и былъ Преосвященный. Несмотря на то, что Преосвященный затворникъ Вышенскій меньше всего занимался въ своихъ письмахъ чѣмъ-либо политическимъ, тѣмъ не менѣе найдется не одно мѣсто въ его многочисленной перепискѣ, гдѣ связь его со славянофилами, даже по вопросамъ государственности, обнаруживается не только явно, но и вполнѣ ярко. Такъ Преосвященный Ѳеофанъ Затворникъ громко исповѣдовалъ основы тріединаго знамени славянофильства: Православія, Самодержавія и Народности. Въ доказательство стоитъ только припомнить отрывокъ изъ слова 22 и 83 къ Владим. паствѣ. Преосвященный, оберегая чадъ Православной церкви отъ ересей и раскола, лжеученія и невѣрія, убѣждаетъ сохранять Православіе, Самодержавіе и Народность,—это наше трехцвѣтное знамя, ведущее къ счастью и благосостоянію.

«Вотъ мы часто хвалимъ себя, проповѣдуетъ Еп. Ѳеофанъ: Святая Русь, Православная Русь. О, когда бы навсегда остаться намъ (такими) святыми и православными, — по крайней мѣрѣ любящими святость и православіе! Какой вѣрный залогъ несокрушимости имѣли-бы мы въ титлахъ сихъ! *Православіе выражается единствомъ Богомъ дарованной истины; самодержавіе — единствомъ Богомъ дарованной власти, народность—единствомъ стремленій, Царемъ указанныхъ и Богомъ освященныхъ»* *).

Что касается до Гилярова-Платонова, то онъ, будучи вполнѣ самостоятельнымъ, во всякомъ случаѣ мыслитель одного со славянофилами направленія. Гиляровъ-Платоновъ своими твореніями дополняетъ первыхъ славянофиловъ и во всѣхъ случаяхъ ихъ поясняетъ, объединяетъ и согласуетъ.

Кн. Н. В. Шаховской въ краткомъ жизнеописаніи Гилярова-Платонова опредѣлилъ его отношеніе къ славянофиламъ слѣдующимъ образомъ:

«Покинувъ каѳедру въ Московской Духовной Академіи въ концѣ 1855 года и переселившись въ Москву, Гиляровъ тѣснѣйшимъ образомъ примкнулъ къ славянофильскому кружку, представлявшему тогда самый цвѣтъ не только Московскаго образованнаго общества, но и вообще русскихъ образованныхъ людей. Еще въ бытность свою профессоромъ Академіи онъ направленіемъ своихъ лекцій привлекъ вниманіе семьи Аксаковыхъ и А. С. Хомякова, посѣщавшихъ даже его академическія чтенія, на которыхъ высказывались тѣ-же богословскія идеи, которыя независимо отъ него развивалъ въ своихъ богословскихъ брошюрахъ Хомяковъ. Гиляровъ сталъ своимъ человѣкомъ въ семьѣ Аксаковыхъ (Сергѣй Тимофеевичъ былъ крестнымъ отцемъ двухъ его сыновей), въ постоянныхъ горячихъ спорахъ Гилярова съ Константиномъ Аксаковымъ и Хомяковымъ развивались и углублялись дорогія кружку идеи самобытности русской жизни и мысли. (Въ письмѣ къ И. Ѳ. Романову Гиляровъ говоритъ объ этихъ спорахъ: «Самъ Хомяковъ сказалъ разъ, когда по обыкновенію, спорилъ я съ нимъ:—а знаете-ли, господа, изъ всѣхъ насъ Никита Петровичъ всѣхъ одномышленнѣе со мной, и ни съ кѣмъ между нами не бываетъ столько постоянныхъ и столь частыхъ споровъ», «Хомяковъ и К. Аксаковъ, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому-же лицу, — подвергли моей предварительной критикѣ свои сочиненія». «Покойный Ю. Ѳ. Самаринъ, писалъ онъ кн. Н. В. Шаховскому, — склонялся передо мною, по моему мнѣнію, даже сверхъ заслуженнаго; для Хомякова я былъ даже *единственнымъ* человѣкомъ, съ которымъ онъ признавалъ полное свое согласіе»). Гиляровъ сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ славянофильскихъ изданій — „Русской Бесѣды“, „Дня“, „Москвы“ и впослѣдствіи „Руси“. Онъ принималъ участіе

*) Святитель Ѳеофанъ Затворникъ и Подвижникъ Вышенской пустыни. Н. А. Крутикова. Москва 1899, стр. 94.

вмѣстѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ въ переводѣ богословскихъ сочиненій А. С. Хомякова, изданныхъ за-границей, на русскій языкъ. Въ письмахъ къ нему Ю. Ѳ. Самаринъ разрабатывалъ планъ своего знаменитаго предисловія къ 2-му тому сочиненій Хомякова. Взаимное вліяніе самостоятельныхъ мыслителей кружка славянофиловъ и Гилярова прекрасно выражено въ словѣ Архимандрита Сергія, сказанномъ при отпѣваніи Гилярова: «Первые славянофилы устремились въ нѣдра православной церкви и богословской науки и, заимствуя отъ нея свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, сами принесли въ нее потокъ свѣтлой глубокой мысли и чувства. На встрѣчу этому теченію вышелъ Гиляровъ съ свѣжей обильною струею мысли, цѣльной, возвышенной, глубокой и прочувствованной и, заимствуя много отъ нихъ, самъ не мало принесъ къ нимъ, предохраняя ихъ отъ философіи по стихіямъ міра сего, а не Христа (отъ увлеченія Гегелевской философіей)». Но Гиляровъ, считавшій, что его воззрѣнія идутъ изъ болѣе широкихъ и болѣе глубокихъ началъ, чѣмъ славянофильскія, не чуждался и другихъ самостоятельныхъ теченій русской общественной жизни». Тѣмъ не менѣе связь Гилярова съ славянофильствомъ признаемъ доказанною, и его воззрѣнія могутъ считаться тождественными съ славянофильскимъ любомудріемъ, не противорѣча, а пополняя и выясняя ихъ.

Не то можно сказать о пятомъ мыслителѣ мистикѣ, Вл. Соловьевѣ, который, выросши на славянофильскомъ ученіи, совершенно отказался отъ него, признавъ эту школу окончательно уничтоженной, похороненной. Онъ намъ полезенъ для сравненія, какъ мыслитель иного стана и говорящій, хотя другими словами, но общимъ языкомъ объ общемъ предметѣ во имя общаго дѣла; какъ противникъ и даже врагъ самобытнаго просвѣтительнаго русскаго движенія антинаціоналистъ и космополитъ Вл. Соловьевъ необходимъ намъ для сгущенія свѣто-тѣней, для выпуклаго изображенія понятій, которыя выступятъ особенно ярко при сравненіи съ мыслителями противоположнаго направленія. Философія мистики Вл. Соловьева есть лишь густая падающая тѣнь на полѣ отвергнутаго раціонализма, бросаемая лучами свѣта славянофильскаго ученія московскаго кружка самобытниковъ. Поэтому наша работа будетъ состоять только въ томъ, что мы сопоставимъ всѣ опредѣленія философскихъ понятій трехъ московскихъ мыслителей и ихъ единомышленниковъ между собою (Кирѣевскаго, Хомякова и Гилярова-Платонова) и отыщемъ ихъ общее значеніе, а затѣмъ это обобщеніе противопоставимъ опредѣленіямъ мистика, психургиста Вл. Соловьева и другихъ, противниковъ «православнаго мышленія». Тутъ и обнаружится ярко, насколько направленіе славянофильства самостоятельно и на-

сколько ученіе Вл. Соловьева подражательно и отъ него удалилось.

Установка главнѣйшихъ словообозначеній.

Для удобства изложенія опредѣлимъ общее словообозначеніе всѣмъ душевнымъ способностямъ присваивать себѣ внѣшнее и несознанное, дѣлая ихъ сознательными; такихъ общихъ выраженій нѣсколько: *мышленіе*, *умное присвоеніе*, *разумѣніе*, которыя, впрочемъ, всетаки различаются между собою оттѣнками; примемъ за безусловно-общее выраженіе слово *познаваніе* или *познаніе*. Самымъ общимъ выраженіемъ для обозначенія «теоретической» дѣятельности разума, имѣющей значеніе предметной истины, Вл. Соловьеву служитъ слово «знаніе», мало чѣмъ отличающееся отъ слова «познаніе», и оттѣнокъ онъ видитъ лишь въ томъ, что первое относится болѣе къ предметной сторонѣ и выводамъ умственной дѣятельности, второе—болѣе къ его личнымъ условіямъ. Впрочемъ, замѣчаетъ Соловьевъ, эта разница весьма относительная и не твердая и рѣдко выдерживается, ибо оба слова тождесловы. Нами-же, вопреки замѣчанію Вл. Соловьева, устанавляется *существенное* различіе между ними. Второе (познаніе) по объему шире и вмѣщаетъ въ себѣ, наряду съ знаніемъ, и всякое другое сознаніе, признаніе, вѣдѣніе и вѣру. Первое (знаніе) значительно по объему у́же и относится только къ разсудочной дѣятельности; оно пріемлетъ лишь одну изъ трехъ сторонъ познанія — внѣшнюю, но ни коимъ образомъ не относится до познанія самоличнаго и внутренняго духовнаго. Нельзя поэтому сказать: древо *знанія* добра и зла, а нужно непремѣнно сказать: древо *познанія* добра зла, ибо зло и добро познаются не разсудительно, а совѣстливо и нравственно. Не вѣрно сказать: «*знай* самого себя», ибо «я—самъ» не внѣшнее для себя явленіе, а нужно сказать: «*познай* самого себя» *). Во всякомъ случаѣ, общія способности всяческаго познанія нельзя назвать «*знавательными*», а лишь «*познавательными*» способностями.

Итакъ, «*познаніе*» пусть будетъ настоящимъ общимъ словомъ, какъ и всѣмъ вышеуказаннымъ, такъ и другимъ оттѣнкамъ мыслительнаго, чувствуемаго и волевого присвоенія сознаваніемъ, разумомъ, разсудкомъ, умомъ и т. д. Все познанное вмѣстѣ съ тѣмъ и сознанное. Но и въ самой области «познанія» есть свои отдѣльныя стороны. Дѣйствіе познаніе есть *познаваніе*, предметъ *познаванія*—*познаваемое*,

*) Выраженіе «знай нашихъ» въ насмѣшливомъ оборотѣ придаетъ оттѣнокъ физическихъ силъ этому знанію.

само *познаніе* есть сила или способность *познаванія*. Лицо, которое обладаетъ этою силою, *познающій*, для него открываются всѣ области *познаванія* черезъ его способность *познанія* области бытія, дѣйствительности, существованія, мышленія, воображенія, предразсужденія, даже «предразсудка», не говоря о болѣ существенномъ познаніи сущаго, существеннаго, существующаго. «*Познаніе*» становится цѣннымъ для философскаго мышленія только тогда, когда оно истинно, а оно можетъ находить предметъ изслѣдованія въ областяхъ не только духовной, личной, научной, но и въ области предметнаго и мыслительнаго отвлеченнаго содержанія. Познаніе можетъ быть «фиктивнымъ», ложнымъ, мнимымъ, ирраціональнымъ, мечтательнымъ, фантастическимъ, иллюзіоннымъ, теософскимъ, окультнымъ и внушеннымъ прилогами,—мистическимъ, ложнымъ, происходящимъ отъ отца лжи, т. е. сатанинскимъ, люцифернымъ, эзотерическимъ, т. е. таинственнымъ, магическимъ, спиритическимъ или будто полученнымъ отъ тѣней мертвецовъ лжедухооткровенія.

Въ познаваніи три стороны: *познающее лицо*, сила и способность познаванія—*познаніе* и предметъ познаванія — *познаваемое*. Само познаніе есть установка связи сознающаго лица со всѣмъ внѣшнимъ, самоличнымъ и также съ внутреннимъ умовымъ содержаніемъ. Однимъ словомъ *познаніе есть познаваемое въ познающемъ*, подобно тому, какъ, по опредѣленію Хомякова, *понятіе есть пониманіе въ понимающемъ*. Это взаимное отношеніе лица съ его силою, или дѣятельностью и съ предметомъ—остается справедливымъ во всѣхъ случаяхъ познанія и примѣнимо ко всѣмъ его оттѣнкамъ. Такая связь внѣшняго, личнаго и внутренняго выражается также словомъ—присвоеніе, усвоеніе, т. е. дѣйствіемъ, когда внѣшнее для лица становится для него собственностью или когда внутреннее свое не познанное принимается уже сознаніемъ, какъ свое и самимъ собою. Тутъ лицо дѣлается какъ-бы тройственно сущимъ: оно не только сознающее «я», но и присваивающее себѣ «не я» за «свое» или «въ себѣ» и усваивающее «себя самого» въ собственномъ сознаніи, какъ «*я—самъ въ себѣ*». «*Я-самъ—свой*» или «*свой—я—самъ*», «*въ себя—я—свой*» и есть выраженіе личной полноты собственнаго познаванія. Такое усвоеніе должно быть и въ высшемъ доступномъ намъ познаніи абсолютнаго вѣдѣнія, т. е. въ познаніи Бога вѣрою. «Ты имѣешь вѣру? имѣй ее самъ въ себѣ предъ Богомъ». (Къ Рим. XIV—22). Это разъясненіе познанія потребовалось во избѣжаніе недоразумѣній въ изложеніи, происходящихъ большею частью отъ присвое-

нія слову различныхъ значеній. Итакъ, повторяемъ еще разъ: познаваніе есть наиобщее словообозначеніе всякому познавательному усвоенію, будь оно достигнуто путемъ знанія, внѣшними чувствами, самоопредѣленіемъ; будь оно усвоено сознаніемъ, или будь ему присвоены предметы вѣры духовно-признаніемъ и убѣжденіемъ,—однимъ словомъ, всякая связь съ внутреннимъ сознаніемъ лица, какъ дѣятеля сознающаго. Пока предметъ познаванія за порогомъ сознанія лица, онъ не есть предметъ познанія, а предметъ предчувствія и чего-либо другого. Поэтому существенный признакъ познанія есть сознательное отношеніе лица познающаго къ предмету познаванія, т. е. къ познаваемому. Вотъ причина, почему тотъ или другой взглядъ на личность сознающаго человѣка важно было установить до разсмотрѣнія самого познанія. Славянофильство, какъ мы доказываемъ, принимаетъ построеніе христіанскаго вселенскаго ученія, а именно — личность, какъ единотроичную составность изъ тѣла, души и духа. И такое воззрѣніе нами полагается, какъ очевидность, въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ выводовъ: это положеніе при дальнѣйшемъ изложеніи иныхъ новыхъ доказательствъ не потребуетъ. Тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ и здѣсь, хотя кратко, представить если не доказательства, то по крайней мѣрѣ достаточно ясныя поясненія и примѣры.

Мы установили, что человѣкъ проявляетъ свою внутреннюю сущность тремя сторонами: онъ прежде всего самоопредѣляетъ всѣми силами своей души свою личную обособленность; онъ можетъ сказать о себѣ «я», если чувство личности самость—«Ихxейт» по-нѣмецки—имъ прочувствовано или ощущено до полнаго сознанія; онъ начинаетъ проявлять вообще познавательныя способности сознаніемъ своей собственной личности. Тутъ даже и не требуется самоиспытанія, ибо каждое личное проявленіе есть для себя лично наилучшее доказательство своей личной обособленности. Вторая сторона рождается сама собою, ибо если «я» обособилось, то значитъ оно признало существованіе чего-то другого, «не—я»: все это внѣшнее „не—я“ и будетъ предметомъ познанія, отъ котораго „я“ отдѣляется постоянно такъ охотно. Это внѣшнее, наружное принадлежитъ внѣшнему міру. Міръ и „я“—два взаимно противостоящія и не могущія въ конецъ слиться творенія; противоположность здѣсь только усиливаетъ сознаніе своего особо-стоящаго лица, и это отношеніе себя къ чужому и есть первое дѣйствіе сознанія. Отмѣтимъ еще: какъ личное сознаніе устанавливаетъ свою связь съ внѣшнимъ вещественнымъ міромъ, такъ оно безъ труда и съ одинаковымъ успѣ-

хомъ себя противопоставляетъ самому-же себѣ. Мое «я» двоится: одно, внутреннее, страдаетъ, другое въ этомъ страданіи укоряетъ; одно соблазняется, другое удерживаетъ; такъ что во внутреннемъ «я» оказываются если не извнутри внѣшнія вещественныя силы, то внѣшнія, дѣйствующія извнутри, совѣстливыя силы. Эти силы тоньше душевности сознанія*), онѣ внушительницы и даже осудительницы со стороны другого, болѣе глубокаго «я». Кто въ своей совѣсти испыталъ эту иногда тягостную внутреннюю борьбу, какъ самое дѣйствительное явленіе міра предметнаго, тому оный драматизмъ внутри своего «я» фактъ неоспоримый. Это второе «я» и будетъ третье духовное начало, исходящее въ жизни человѣка отъ личности всякой особи. Каждый легко можетъ признаться въ этомъ безъ колебанія. Для мыслителя достаточно убѣжденія нѣкоторыхъ (вѣрнѣе многихъ) въ фактичности этого признанія, чтобы смѣть о семъ сужденіе имѣть. Полнота природы и силъ человѣка на самомъ дѣлѣ троична, и эта троичность принимается, какъ фактъ (предметъ), какъ дѣйствительно существующее и существенное явленіе, доступное самоощущенію, самоопредѣленію и самоиспытанію.

Познающее лицо есть средоточіе познанія и источникъ силы и способности познаванія. Содержаніе познаванія или его предметъ получается имъ изъ воздѣйствія на него всѣхъ областей и круговъ міровой полноты, т. е. свѣта.

Итакъ, изслѣдованіе познанія будетъ полное и достаточное, а потому для мыслителя обязательное, разсмотрѣть оное съ трехъ сторонъ:

I. со стороны силъ познаванія,

II. со стороны воздѣйствія на него областей познаванія,

III. со стороны содержанія, пріобрѣтеннаго и имъ выработаннаго.

Сторонъ познанія, какъ воздѣйствіе источниковъ силъ познаванія, столько, сколькими способностями одарена природа человѣка. Мы признали таковыхъ три: тѣлесныя, душевныя и духовныя, а потому познаваніе будетъ чувственное (представленіе), самочувственное (личное сознаваніе) и свободное (созерцательное, озаренное, вдохновенное) духовное. Пер-

---

*) Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтимъ еще въ сознаніи двѣ стороны: сверхсознаніе духовнаго направленія и подсознаніе мистическихъ переживаній и состояній. Многіе эту разницу не дѣлаютъ. Такъ М. В. Лодыженскій въ книгѣ «Сверхсознаніе» вмѣсто словообозначенія «подсознательное я» употребляетъ часто совершенно сбивчиво и не вѣрно словообозначеніе «сверхсознательное я», ибо онъ въ личномъ своемъ сознаніи не отъединяетъ духовность сверхсознательную отъ низменной мистичности подсознанія, ихъ другъ отъ друга не различаетъ.

вое познаванiе, вещественное, назовемъ — *знанiемъ*, второе личное, сосредоточенное, душевное — *сознанiемъ* (внутреннее познанiе) и третье духовное волевое — *признанiемъ* (волевое знанiе по Хомякову), или волевое познанiе; послѣднее имѣетъ уклонъ къ вѣрованiю и составляетъ, такъ сказать, первую ступень къ духовности. Источникъ знанiя или даръ человѣческой природы — усваивать внѣшнее есть сила *разсудка;* источникъ и сила душевнаго сознанiя есть сила *разума*, а духовное, волевое призванiе — сила *ума*, духовнаго разума.

Добытое и прiобрѣтенное разсудкомъ знанiе внѣшней области бытiя составляетъ содержанiе *науки* въ собственномъ смыслѣ. Добытое путемъ разума сознанiе личной сосредоточенной обобщенной области бытiя—укладывается въ распорядокъ *любомудрiя*, а полнота положенiй, вложенныхъ въ насъ и усвоенныхъ духовнымъ умомъ въ признанiи внутренняго мiра духовно-нравственнаго порядка, составляетъ содержанiе вѣрованiя и *вѣроученiя* (богословiе).

Разсудокъ есть совокупная дѣятельность силы мысли для прiобрѣтенiя всего внѣшняго, видимаго (разсудочно-положительнаго), онъ разбивается на три первичныя дѣятельности сознающаго лица: начальную—*ощущенiе* и *воспрiятiе*, затѣмъ *сознанiе* и переработка воспринятаго—пониманiе или *понятiе*. Дѣятельность разсудка—*мышленiе;* оно достигаетъ *знанiя*, которое укладывается въ *порядокъ научный*.

Разумъ есть болѣе тонкая и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенная дѣятельность, или сила, для выясненiя и опредѣленiя всего личнаго, душевнаго, и въ немъ замѣчается три ступени: досознанное и непроявленное сознанiе, послѣ чего въ сознающемъ лицѣ проявляется, созидается *самосознающая* очевидность; она, передвигая порогъ своего сознаванiя въ область сверхприродную и сверхличную, прiобрѣтаетъ познанiя изъ области *сверхсознанiя*, что весьма близко уже къ вдохновенiю и озаренiю. Разумъ въ развитiи своемъ обусловливается дѣятельностью *разумѣнiя*, которая основана на зрячести разума и достигаетъ въ конечныхъ своихъ стремленiяхъ научнаго порядка или *любомудрiя*.

Умъ—высшiй разумъ духовнаго превосходства и неограниченной свободы, какъ источникъ силы, устанавливается въ допроявленномъ состоянiи предразсужденiемъ, т. е. впередъ предвзятымъ признанiемъ почти не сознаннаго рѣшенiя, по Хомякову *предзнанiя* (Хом. III—118). Его дѣятельность усиливается и проявляется въ свободномъ *признанiи*, которое въ достиженiи своемъ становится живымъ *убѣжденiемъ*, живымъ несомнѣннымъ знанiемъ или *живознанiемъ*. Умъ отличается

отъ разсудка и разума кромѣ значительно болѣе возвышенной духовности еще и волевыми качествами и въ срединной своей дѣятельности въ проявленномъ видѣ обнаруживаетъ силу сего *признанія*, безъ котораго не можетъ обойтись ни одно вѣрованіе, которое есть уже чисто духовное познаніе. Какъ разсудокъ и разумъ, такъ духовный волящій умъ, вступая въ область чистаго духа, въ область сверхсознанія, пріобрѣтаютъ высшія качества озаренія, и, зарождаясь въ силахъ и способностяхъ вѣрующаго мышленія, вѣрующаго разумѣнія и волящаго ума, вырабатываютъ дѣятельное состояніе вообще вѣдѣнія, которое, относясь къ области безотносительнаго или божества, стягиваетъ свои познанія въ особую науку—*богословія* и *вѣроученія*. Умъ, углубляясь въ нѣдра духовнаго міра, переходитъ при наибольшемъ отвлеченіи отъ разумности въ чистое вѣрованіе, кое усиливается до настоящаго признанія очевидности духовнаго или, иначе, вѣры, первые шаги которой начинаются съ вѣроразумѣнія, вѣроощущенія и вѣроволенія, что и дается творческою изначальностью *Боговѣдѣнія*, *страха Божія* и *жажды Бога*. Сама вѣра, тѣсно связанная съ Боговѣдѣніемъ, Богосознаніемъ и Богопризнаніемъ, открываетъ доступъ къ *Откровенію*, *Богоношенію* и *Истинѣ*.

Главныя черты построенія понятій познаніевѣдѣнія.

Всѣ эти стороны познанія: I вещественнаго, предметнаго, внѣшняго, II душевнаго, сосредоточеннаго, личнаго и III духовнаго, внутренняго, сверхмірнаго—изображаются нами въ распорядкѣ, гдѣ 27 сторонъ или степеней познанія, распредѣленныхъ въ трехъ отдѣлахъ, по девяти въ каждомъ. Отдѣлъ состоитъ изъ трехъ столбцовъ соотвѣтственно составности человѣческой полноты: α—мыслительной стороны, β—сердечной и γ — волевой, и такихъ столбцовъ въ трехъ отдѣлахъ девять. Каждый столбецъ подраздѣленъ на три строки: А) починнаго начала, Б) развитія длительной дѣятельности и Г) достигаемаго вывода, а такихъ строкъ въ трехъ отдѣлахъ также девять.

Всѣ философскія понятія распредѣлимъ въ указанные три отдѣла: внѣшняго, сосредоточеннаго и извнутри пріобрѣтеннаго познанія. Каждый отдѣлъ разсмотримъ въ трехъ установленныхъ нами положеніяхъ,—въ начальномъ или починномъ, развитія или стремленія и достиженія. Каждое положеніе съ трехъ точекъ зрѣнія—мыслительной, чувствуемой и волевой. Эти основанія порядка распредѣленія сами слагаются въ образцовый распорядокъ.

Основы порядкораспредѣленія.

1. Внѣшнее наружное	внутреннее	извнутри внѣшнее
2. Починное (начальное)	среднее промежуточное	конечное (предѣльное)
3. Мыслимое	чувствуемое	желаемое

Три послѣднія дѣленія, будучи относимы исключительно къ области познаванія, получаютъ особую познавательную окраску; мыслимое обращается подчасъ въ нарочито мыслимое или разсудочно-мыслимое, чувствующее принимается почти сплошь, какъ познавательно чувствующее или чувство-познавательное, и желательное пріобрѣтаетъ оттѣнокъ волеразумѣющаго. Оттѣнки чувства, какъ таковые, должны быть разсмотрѣны отдѣльно, при изученіи области чувства, какъ таковаго; оттѣнки же хотѣнія выступятъ въ полной сложности и яркости при изслѣдованіи области исключительно волевой.

Срединное познающее положеніе въ кругахъ и областяхъ возрастающаго развитія познанія есть *самосознаніе*. Это—узелъ, въ которомъ связываются всѣ отрасли познанія, оцѣнки гармоній чувства и направленія рѣшимости. Двѣ вѣтви останутся нами не разсмотрѣнными; 1) въ сторону *области чувства*, начинающейся въ чувствѣ соразмѣрности (гармоніи) и вкуса къ этой соразмѣрности или красоты и кончающейся красотой жизни, правдою. и 2) въ сторону *области воли*, начинающейся рѣшимостью совѣсти и кончающейся добродѣтелью, добромъ, святостью (по христ.—спасеніемъ).

Въ настоящее время займемся третьею отраслью — *областью мысли*, начинающейся сознаніемъ сторонъ внѣшней и самосознаніемъ въ сторону личной и признаніемъ со стороны внутренно-углубленнаго, духовнаго. Разсматривая *самопознаваніе* по всѣмъ девяти основамъ нашего распорядка, разобьемъ его средоточенное положеніе по опредѣленіямъ (категоріямъ) начало-дленія-конца и мысле-чувство-воли, что дастъ намъ срединный распорядокъ; остальныя распредѣлятся въ двухъ другихъ сочетаніяхъ. Полная картина представится слѣдующимъ образомъ.

Общая картина познаванія.

I. Девять сторонъ внѣшняго, вещественнаго, предметнаго познанія, составляющаго единство образованія человѣка.

Образованіе—знаніе.

Обособленіе существующаго разнообразія	Мыслимое	Чувствуемое	Желаемое
Способность	разсудокъ	разумъ	умъ
Дѣйствіе	разсужденіе	разумѣніе	вѣдѣніе
Достиженіе	наука	философія	богословіе

Сосредоточіе—сознаніе.

Связность существеннаго	Мыслящее	Чувствующее	Желающее
Начальное	воспріятіе	досознаніе	предубѣжденіе
Срединное	ощущеніе	самосознаніе	признаніе
Вершинное	понятіе	сверхсознаніе озареніе	убѣжденіе

Просвѣщеніе—Вѣра.

Простота и полнота сущаго	Мыслимое	Чувствуемое	Желаемое
Свобода	вѣрованіе	вѣросознаніе	вѣроволеніе
Творчество	откровеніе	вѣра, Богосознаніе	исповѣданіе Богопризнаніе
Совершеніе	Боговѣдѣніе	Богоношеніе	Истина

Это планораспредѣленіе на первый взглядъ кажется произвольнымъ и искусственнымъ, но оно имѣетъ значеніе, не только какъ вспомогательное средство для болѣе легкаго разсмотрѣнія всѣхъ многочисленныхъ сторонъ познавательной дѣятельности, но какъ единственно возможный путь къ установкѣ ихъ источника, силы и стремленія. Взаимная связь

всѣхъ философскихъ понятій и ихъ опредѣленная послѣдовательность, которая и дала возможность распредѣлить ихъ по строкамъ и столбцамъ, должны быть оправданы при разборѣ каждаго понятія въ отдѣльности въ порядкѣ расклубленія изъ сосредоточеннаго положенія къ сторонамъ внѣшняго и внутренняго обнаруженія. Оставивъ до времени разсмотрѣніе всѣхъ сторонъ чувства и воли, мы будемъ считать нашу задачу выполненною, если успѣемъ представить въ непрерывной послѣдовательности полноту и соразмѣрность сторонъ исключительно познаванія, начиная отъ положеній возникновенія, т. е. перехода отъ досознательности къ полному самосознанію, отъ вещественнаго усвоенія до достиженія Истины во всей ея духовной полнотѣ. Переходъ долженъ быть естественъ, и равномѣрный, ибо должно избѣгать скачковъ. При этихъ условіяхъ въ соразмѣрномъ укладѣ будетъ достигнута полнота въ нѣкоторой опредѣленной степени. Въ этомъ соразмѣренномъ, послѣдовательномъ и возможно полномъ распредѣленіи всѣхъ силъ дѣятельности и достиженія познанія и заключается наша задача; оно облегчитъ разборъ того многообразія понятій славянофильскаго познаніевѣдѣнія, которое при внутреннемъ единствѣ представлено славянофильскими мыслителями отрывочно, иногда сбивчиво и недостаточно послѣдовательно.

Сравненіе съ построеніемъ Вл. Соловьева.

Выборъ образца для нашего искусственнаго порядкораспредѣленія не вполнѣ произволенъ. Мы имѣли въ виду установленіе категорій Вл. Соловьева и, размѣстивъ философскія понятія по его образцу, тѣмъ самымъ облегчили себѣ сравнительную работу разбора категорій Вл. Соловьева, такъ сказать, подвели понятія славянофильства и теософіи къ одному знаменателю. Для распорядка, принятаго мыслителемъ-мистикомъ Вл. Соловьевымъ, численное значеніе основы и соразмѣрный во всѣхъ частяхъ аналогичный (соотвѣтственный) способъ построенія и распредѣленія членовъ системы не послѣднее дѣло. И дѣйствительно, всякому легко подмѣтить, что Вл. Соловьевъ строитъ свои обобщенія на трехчленныхъ началахъ, заимствуя этотъ способъ у Гегеля съ его тезисами и антитезисами, тождественными между собою въ синтезисахъ (соузахъ). Славянофилы, получивъ первоначальное философское образованіе у того-же идеалиста-тождественника, привыкли распредѣлять свои мысли также троично. Этотъ пріемъ сочлененія составныхъ частей тѣмъ еще удобенъ, что

имъ установляется внѣшняя связь славянофильства не только съ нѣмецкою школою идеалистовъ, съ ихъ философіей тождества, но и съ непримиримыми противниками славянофильства окультизма, мистической, магической, кабалистической и теософской, представители которыхъ Вл. Соловьевъ и Лэви, Папюсь, Блавацкая. Какъ идеализмъ Гегеля и критицизмъ Канта съ одной стороны, такъ и ихъ противоборники: положительное — славянофильство и отрицательныя — мистика и теософія, получаютъ однообразный видъ, облегчающій взаимное ихъ сравненіе.

Троичный порядокъ заключается въ томъ, что всякое понятіе разсматривается съ трехъ сторонъ или въ трехъ положеніяхъ: 1) въ исходномъ, начальномъ его состояніи; 2) въ разнообразіи промежуточнаго проявленія или воплощенія и 3) въ конечномъ объединяющемъ цѣледостиженіи или совершеніи. Четвертое же выводное состояніе получится при соединеніи и сочетаніи этихъ трехъ положеній въ одну общую полноту, для достиженія единства цѣлаго. Это единотроичное объединеніе (тріединый соборъ) будетъ первою ступенью порядка, которая въ свою очередь можетъ быть разсматриваема съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) начальной сложности, 2) промежуточнаго раздробленія и 3) конечнаго вершиннаго восполненія, и каждый изъ этихъ отдѣльныхъ членовъ развитія можно разсматривать опять-таки съ трехъ сторонъ по образцу первой ступени и т. д. Остановившись на этой степени развитія, мы ограничились въ дробленіи познавательныхъ способностей тѣми девятью разновидностями, которыя нами даны въ приведенныхъ таблицахъ, и которыя Вл. Соловьевъ принялъ въ своихъ синоптическихъ схемахъ. Троичное разсмотрѣніе всѣхъ познавательныхъ способностей по тремъ ступенямъ развитія и есть та внѣшняя оболочка, въ которую облечемъ и мы философскія опредѣленія всей славянофильской школы. Хотя намеки на это троичное построеніе и существуютъ у Хомякова *), но полнаго выработаннаго облика ни у одного изъ трехъ основателей славянофильскаго любомудрія не дано.

Вл. Соловьевъ категоріи бытія, сущности и сути распредѣлилъ такъ же, какъ и мы, по тремъ строкамъ въ трехъ столбцахъ.

Представленіе по категоріямъ сущаго, сущности и бытія

---

*) Главныя указанія въ установленіи тріединства первомысли: мысль, которая есть, проявляется и сознаетъ и въ его таблицахъ о свободѣ и необходимости. Т. II, стр. 240 и 430.

(существенности) по Вл. Соловьеву изображено въ слѣдующемъ видѣ (т. I, стр. 344):

	Сущее, какъ таковое (абсолютъ)	Сущность, (содержаніе или идея)	Бытіе, (способъ или модусъ бытія природа)
1	Духъ	Благо	Воля
2	Умъ	Истина	Представленіе
3	Душа	Красота	Чувство

Двоякая связь основныхъ опредѣленій между собою и тремя индивидуальными началами (абсолютнымъ, логосомъ и идею) выражена Вл. Соловьевымъ еще и слѣдующею таблицею (т. I, стр. 348):

	1. Сущее (абсолютное)	2. Бытіе (логосъ)	Сущность (идея)
Абсолютное	Духъ	Воля	Благо
Логосъ.	Умъ	Представленіе	Истина
Идея	Душа	Чувство	Красота

Вл. Соловьевъ примѣняетъ свою девятичленную синоптическую таблицу въ удвоенномъ видѣ и для планораспредѣленія основныхъ формъ общечеловѣческаго организма (т. I,—240):

	Сфера *творчества:* Субъективная основа—*чувство* Объект. принципъ—*Красота*	Сфера *знанія:* Субъективная основа—*мышленіе* Объект. принципъ—*Истина*	Сфера практической *дѣятельности:* Субъективная основа—*воля* Объект. принципъ—общее *благо.*
1-я степ. абсолютн.	*Мистика*	*Теологія*	*Церковь*
2-я » формальн.	*Изящн. худож.*	*Отвлеч. философія*	*Государство*
3-я степ. матеріяльнпп	*Технич. худож.*	*Полож. науки*	*Земство (экономич. общество).*

Хотя наши расположенія по виду и похожи на образцы Вл. Соловьева, но въ сильной степени различаются

по содержанію и являются по сути вполнѣ самостоятельными.

Во 1-хъ, по цѣли они совершенно другія: Вл. Соловьевъ изображалъ стороны сути бытія, ея способы и модусы и т. д., а также и организованное проявленіе этой сути; мы-же изображаемъ лишь стороны познанія, оставивъ до времени область чувства, гармоніи и красоты (эстетику) и оправданіе жизни правдою, т. е. достойное довершеніе свободы воли, иначе, область добродѣтели (этику).

Во 2-хъ, Вл. Соловьевъ относится къ областямъ изслѣдованія отвлеченно, нами-же устанавливается къ нимъ *личное* отношеніе.

Въ 3 хъ, Вл. Соловьевъ, ограничиваясь только отрѣшенною и отвлеченною стороною жизни, выбрасываетъ всю область вещества, такъ что признаетъ три составности: духъ, умъ и душу. Вещество у него не находитъ мѣста даже въ категоріи бытія, такъ какъ принимаетъ представленіе, какъ мыслью отрѣшенное бытіе. Мыслитель-психургистъ, Вл. Соловьевъ, называетъ эту отрѣшенность, т. е. умъ, абсолютно сущимъ, какъ таковымъ, между тѣмъ этотъ умъ (т. е. духовный умъ) за самостоятельное начало мы признать не можемъ, ибо онъ есть только познавательная сторона духа или лишь высшая ступень душевныхъ свободныхъ мыслительныхъ способностей; онъ есть связывающее звено въ природѣ человѣка между душевностью и духовностью.

Въ 4-хъ, помимо того, что красота и добро исключены вовсе и оставлены нами въ сторонѣ, наше понятіе и объ истинѣ не совпадаетъ съ понятіемъ о ней Вл. Соловьева. Истина есть не сущность только, а сущее, какъ таковое, говоря языкомъ Вл. Соловьева, и это сущее абсолютно. Истина и есть Богъ: «Я есмь Истина»; а посему эта абсолютная истина не можетъ быть поставлена въ одну строку только съ добромъ, а должна стоять наравнѣ со святостью, и не только съ красотою, а съ любовью: «Святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Саваоѳъ»—«Богъ есть Любовь».

Наконецъ, сущее, сущность и бытіе понимаемъ мы, также нѣсколько иначе: существенность естественнаго бытія, сущность душевнаго и сущее духа это три сути трехъ самостоятельныхъ областей свѣта или вселенской всеполноты вещественнаго, душевнаго и духовнаго міровъ.

Исходная средина развитія уклада познаніевѣдѣнія и тріединство его обоснованія (повтореніе сказаннаго).

Теперь зададимся цѣлью опредѣлить взгляды и воззрѣнія славянофиловъ на 27 понятій. Намъ предстоитъ пройти

тернистый путь восхожденія отъ начальнаго зарожденія познавательнаго усвоенія «самъ—я—свой» въ нѣдрахъ подсознанія, для опредѣленія силою разсудка внѣшняго вещественнаго знанія до высшаго предѣла вѣдѣнія; а предѣльными-же способностями свободнаго духа—до самой Истины.

Одинъ перечень ихъ даетъ длинный рядъ отвлеченныхъ понятій. Самосознаніе съ двумя сродными силами предметнаго сознанія и волевого признанія, коренятся въ глубинахъ досознательныхъ положеній: сознаніе въ воспріятіи, самосознаніе въ безсознаніи, а признаніе въ волевомъ предразсужденіи, или предубѣжденіи. Стороны сіи достигаютъ полноты сознанія въ понятіяхъ, живомъ знаніи и убѣжденіяхъ. Это —работа внутреннихъ, личныхъ, познавательныхъ домогательствъ; познаніе, обращенное въ сторону предметнаго міра вещественнаго, внѣшняго; оно обусловлено въ познавательныхъ способностяхъ разсудка, разума и ума. Ихъ развитіе и дѣятельность мышленія выражается соотвѣтственно разсужденіемъ, разумѣніемъ и умовымъ вѣдѣніемъ, и достигаютъ они знанія, связаннаго въ Наукѣ, Философіи и Богословіи. Духовная сторона познается высшими силами вѣрующаго разумѣнія вѣрующаго сознанія, волевымъ духовнымъ вѣдѣніемъ, вѣрованіемъ, кои въ своемъ сосредоточенномъ углубленіи откровенія вѣры, т. е. Богосознанія и исповѣданія, достигаютъ совершенства Боговѣдѣнія, Богоношенія (Богоборства) и Истины, т. е. достигаютъ того высшаго предѣла совершеннаго познанія, выше коего нѣсть ничесоже.

Въ этомъ порядкѣ яснѣе и послѣдовательнѣе всего расположить философскія понятія о всѣхъ сторонахъ познанія. Отдѣляя три области внѣшняго познанія, личнаго самопознаванія и духовнаго вѣдѣнія, и въ каждой отдѣляя начальное состояніе отъ развитія и достиженія и относя ихъ къ тремъ душевнымъ нашимъ способностямъ: мыслительной, оцѣнивающей и дѣятельной,—мы дѣйствительно изучимъ познавательный вопросъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. И это потому, что на самомъ дѣлѣ, кромѣ внѣшняго, личнаго и внутренняго, нѣтъ иныхъ областей,—онѣ заполняютъ цѣликомъ все, безъ остатка. Кромѣ начала, продолженія и конца, нѣтъ четвертаго положенія зарожденія и дленія; они покрываютъ длительность опять безъ остатка. И, наконецъ, кромѣ тѣлесныхъ, душевныхъ и духовныхъ силъ, человѣкъ не обладаетъ никакими иными, и эти стороны его составности обнаруживаютъ цѣльность его и полноту безъ остатка (мистицизмъ и Вл. Соловьевскій «умъ» принадлежатъ къ промежуточнымъ тѣло-душевнымъ проявленіямъ и входятъ какъ части единотроичной полноты природы человѣка).

То же можно сказать и объ общей совокупности всѣхъ главныхъ категорій. Кромѣ отношенія къ лицу, его силѣ (т. е. его свойствамъ) и областямъ приложенія сихъ силъ, нѣтъ иного отношенія для познаванія, и познаваніе будетъ полно, если опредѣляется всесторонне: 1) относительно лица познающаго (его внѣшнее, личное и внутреннее), 2) относительно его способностей и силъ (начальнаго происхожденія, промежуточнаго развитія и цѣледостигающаго конца) и, наконецъ, 3) относительно его внутренней сути (тѣлесной, душевной и духовной). Эти три верховныя категоріи совпадаютъ, какъ нельзя лучше, съ категоріями существующаго: категоріей пространства (внѣшнее, сосредоточенное (граничное) и внутреннее—его три направленія), категоріей времени (начало—прошлое, продолженіе—современное и конецъ—будущее) и категоріей причины (тѣлесныхъ, имущественныхъ законовъ, душевныхъ личныхъ законовъ и духовныхъ совершенныхъ законовъ). Разумъ человѣческій не можетъ найти иныхъ отношеній, и всякая разновидность познаванія легко примкнетъ къ одной изъ указанныхъ девяти сторонъ. Въ этомъ находимъ мы подтвержденіе въ полнотѣ выбраннаго нами цѣльнаго построенія.

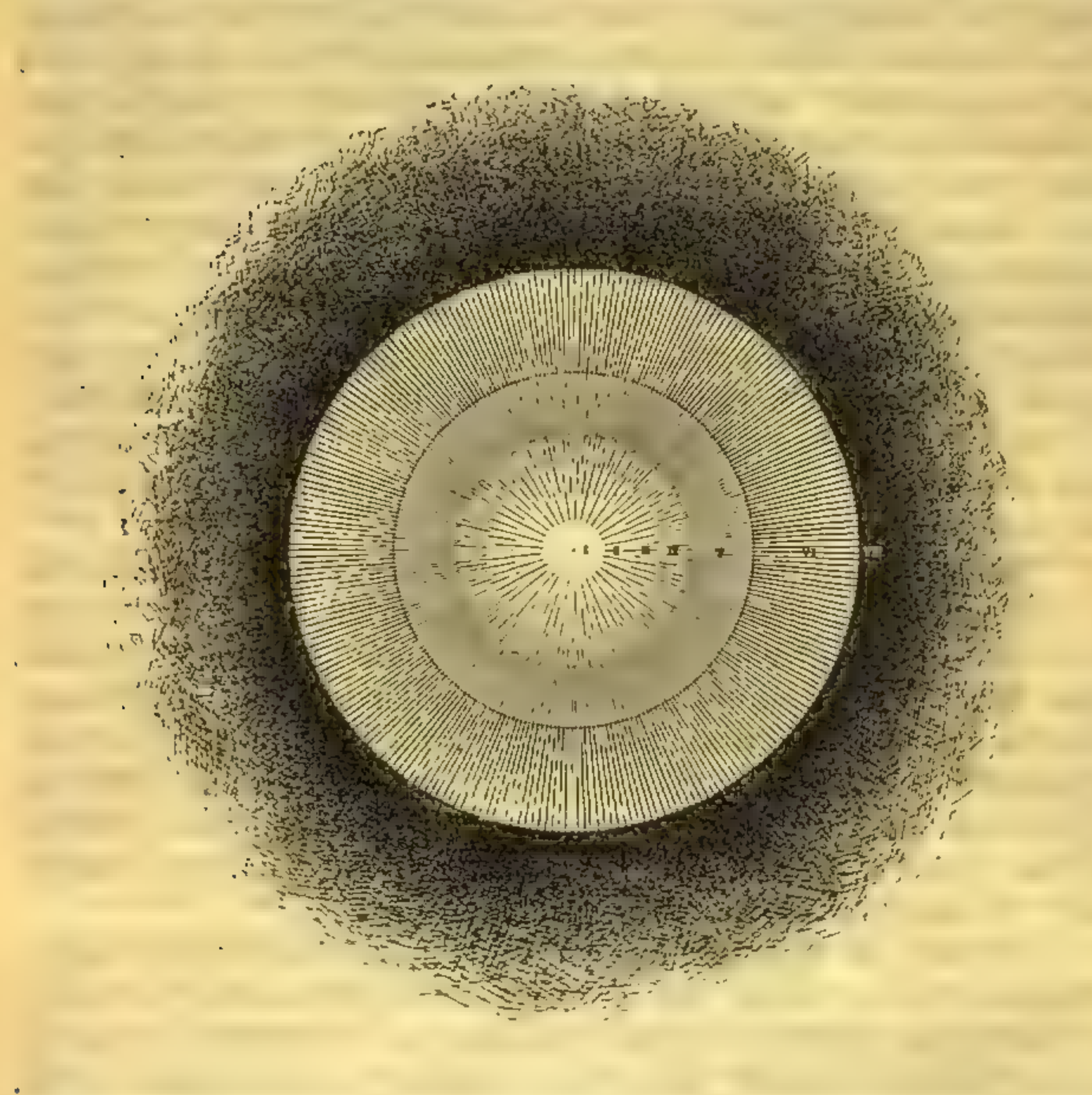
Познаніе всяческаго коренится усвоеніемъ всего доступнаго *самимъ «я» въ себѣ*, т. е. въ личномъ сосредоточіи своего собственнаго сознанія.

Такова связь частичнаго познаніевѣдѣнія (гносеологіи) съ общимъ человѣко-познаніемъ (этнологіей и антропологіей) въ отдѣлѣ душевѣдѣнія (психологіей), ибо познаніе есть лишь одна изъ трехъ сторонъ личнаго душевнаго бытія: внутреннее чувство соразмѣрности, гармонія красоты внѣшняго и святости сердечной и свободное творческое проявленіе во внѣ дѣйствія суть остальныя стороны полноты природы человѣка. Познаніе же есть связь внѣшняго наружнаго и извнутри внѣшняго съ внутреннимъ личнымъ средоточіемъ.

Посему въ срединномъ средоточіи изображенія области познанія всего бытія мы и полагаемъ, внѣшнюю для насъ, но извнутри дѣйствующую, духовность, которую воспринимаетъ нашъ личный намъ по природѣ присвоенный духъ. Онъ въ свою очередь проникаетъ нашу себя сознающую душевность, тройственную по проявленію, а душевность наша проникаетъ все наше физіологическое существованіе, нашу тѣлесно-вещественную оболочку. Тутъ наше «я» соприкасается съ другимъ для насъ внѣшнимъ міромъ, видимымъ вещественнымъ космосомъ.

Размѣръ и углубленія познанія сего міра различны для каждаго отдѣльнаго человѣка. И, если кому эта внѣшняя

область снаружи нашего личнаго существованія весьма ограничена, то для инаго ученаго и просвѣщеннаго мыслителя она многосторонняя, широка и объемна. Но и для этого исключительнаго знатока внѣшняго свѣта по сравненію съ полнотою всего существующаго міра—познаніе его весьма ограничено. Въ предѣлѣ познанія, гдѣ достигается конецъ свѣта нашего познательнаго круга, познаніе наше соприкасается съ областью полной тьмы, невѣжества и незнанія. Вся область свѣта познанія отмежевывается отъ тьмы невѣдѣнія границею, которая есть внѣшній предѣлъ нашихъ познавательныхъ спо-

собностей. Отъ начала уясненнаго сознанія до сего предѣла всяческаго вѣдѣнія, иначе говоря вся область познанія разбивается на многочисленные промежуточные слои, кои ввидѣ отдѣльныхъ круговъ легко изображаются на чертежѣ *познаваемаго*, исходящаго отъ лица *познающаго*, какъ отъ очага, лучи котораго для *познаванія* не безконечны, но наоборотъ весьма коротки и ограничены безусловной чернотой непознаванія (запредѣльная область агностицизма).

На чертежѣ срединный бѣленькій кружокъ въ очагѣ означаетъ внѣшнюю для человѣка внутри него духовность. Онъ у *скептиковъ* обратился въ черную точку *). Духовность есть понятіе внѣ пространственное, а потому ея изображеніе точкою или бѣлымъ колечкомъ условно. Слои I по V включительно обозначаютъ, какъ мы уже разъ изобразили **), области самопознанія личнаго съ установленными нами подраздѣленіями. VI-е кольцо есть вся познаваемая область внѣшняго міра, за предѣломъ котораго начинается темная область VII полнаго матеріальнаго незнайства и умственныхъ догадокъ и гипотезъ.

Итакъ въ заключеніе предварительныхъ изслѣдованій нашихъ до изложенія и разбора всѣхъ сторонъ познанія въ отдѣльности еще разъ укажемъ, что для научнаго установленія познаніевѣдѣнія намъ понадобилось изучить наше собственное психологическое «я» (азъ, т. е. личное начало) и только на твердой основѣ самопознанія, которую принимаемъ мы какъ законоположеніе, строимъ зданіе всеобщаго вѣдѣнія, т. е. весь нашъ настоящій трудъ. И это закономѣрное основоположеніе (психологія) для цѣльности обоснованія пополняемъ двумя рядами законовъ другого не личнаго (не субъективнаго) свойства: 1) объективная (не личная, а мыслительная) закономѣрность логическая, т. е. законы мышленія, выраженные словомъ (онтологика) и 2) закономѣрность предметная (объективная) величиннаго, численнаго вывода и умозаключенія (математика).

Строй логическій, строй математическій вмѣстѣ съ психологическимъ строемъ въ ихъ соборномъ единствѣ, нераздѣльности и несліянности составятъ полноту обоснованія всего ученія познаніевѣдѣнія. Такъ въ самой основѣ познанія обрѣтается тріединство нераздѣльнаго и неслійннаго научнаго раскрытія силъ и областей познаніевѣдѣнія.

Укажемъ на нѣкоторыя основы пониманія сути бытія по скольку оно доступно разуму, на основы математическаго символизма познаніевѣдѣнія посредствомъ алгебраическихъ выраженій и графическихъ сличеній съ цѣлью установить точныя условія достовѣрнаго знанія изъ вѣроятныхъ предположеній. Эти «бытьевыя» и сутевыя, а также числовыя пониманія сути бытія дадутъ научные пріемы къ познанію достовѣрной истины.

---

*) Если тайникъ, или источникъ тайны, слѣдуетъ обозначить черною окраскою, то эта точка по своему тайному содержанію черна для чужаго сознанія. Но нѣтъ внутренней тайны, которая не дѣлается для человѣка явной при его личномъ просвѣтленіи.

**) Стр. 119.

Глава V.

Обоснованія самобытности познаванія извнутри проистекающія. (Проявленіе онтологическое).

«Въ началѣ было Слово и Слово было у Бога и Слово было Богъ». (Іоаннъ I, 1).

Общія замѣчанія связи познаніевѣдѣнія съ сутевѣдѣніемъ.

Кромѣ связи познаніевѣдѣнія съ психологіей (душевѣдѣніемъ) и кромѣ мыслительнаго обоснованія на душевныхъ силахъ духовнаго человѣка, намъ необходимо установить и другую связь и дать другое обоснованіе, а именно опредѣлить соотношеніе познаніевѣдѣнія съ онтологіей. Подъ онтологіей мы понимаемъ ученіе о бытіи, о сути бытія, производя это слово отъ греческаго глагола εἰμί = быть, существовать и τὸ ὄν = дѣйствительность, истина. Онтологія — ученіе о дѣйствительно сущемъ, ученіе объ общихъ свойствахъ вещей. Бытіе же, внѣ насъ существующее, связывается въ познаніи съ нашимъ личнымъ бытіемъ и личнымъ *существованіемъ* и образуетъ познавательное событіе или познавательное *сосуществованіе*; вотъ почему важно установить взглядъ на связь *познанія съ бытіемъ* на основаніи *статики* познаніевѣдѣнія, на познаніи событія по собственной своей сути. *Динамика*-же познаніевѣдѣнія, устанавливающая познаніе движенія (эволюціи) и равновѣсія въ движеніи дополнитъ статику.

Бытіе понимаемъ мы какъ общее обозначеніе «всего бытія». Оно содержитъ космосъ, который въ свою очередь обнимаетъ физическую звѣздную вселенную, міръ земли съ его духовнымъ обитателемъ человѣкомъ и свѣтъ духовный во всемъ объемѣ. Бытіе космоса отрицаетъ отождествленіе вселенной съ Богомъ, отрицаетъ такъ называемый космотеизмъ, который и есть грѣховная ложь языческаго пантеизма.

О бытіи міра заключаемъ мы и по бытію Творца вселенной (космотеологія), и по бытію самого человѣка (антропологія), т. е. по ученію о человѣкѣ и со стороны духовной, душевной и физической. Бытіе Бога предвѣчное, оно отличается отъ бытія вселенной именно этою предвѣчностью, ибо Господь Богъ будучи самъ Бытіемъ и есть творецъ бытія вселенной. Бытіе проявляется въ духѣ человѣка его познаніемъ и въ познаніи бытіе отождествляется съ человѣкомъ силами внутренняго сознанія. Познаніе есть явленіе умственно духовнаго бытія, предвѣчное изначальное познаніе есть «Слово», которое было Богъ.

Бытіе и познаніе суть два различныя понятія, но одного порядка. Ихъ можно признать:

1) *за взаимно-отрицающія:* [бытіе не познаніе, истинное познаніе бытія—невозможно].

2) *за взаимно-противоположныя,* но приближающіяся въ предѣлѣ къ *отождествленію:* [бытіе переходитъ въ познаніе и тогда познаніе и есть бытіе].

3) *за взаимно-утверждающіяся:* [бытіе въ познаніи есть его истина, познаніе внѣ бытія есть ложь].

1° Первая точка зрѣнія—кантіанства, доведеннаго до нелѣпости, когда устанавливается непроходимая пропасть между бытіемъ и его истиннымъ познаніемъ.

2° Вторая точка зрѣнія—гегельянства, приведшаго мышленіе западной Европы къ исключительному преобладанію эволюціонизма бытія и эволюціонизма истины (абсурдъ Спенсера, Куно-Фишера).

3° Третья точка зрѣнія славянофильства, провозглашеннаго Кирѣевскимъ и Хомяковымъ. Истинное живое познаніе и вѣра суть бытіе, пріобщенное къ лицу познающему.

Этотъ взглядъ обязываетъ насъ углубиться въ нѣдра познанія истиннаго когда оно встрѣчается съ бытіемъ лицомъ къ лицу и сопрягается съ бытіемъ во единое цѣлое, совокупное. Бытіе и познаніе вступили въ законный бракъ. Но это сравненіе изъ области родовыхъ понятій, т. е. двустороннихъ или двучленныхъ, — не полное, ибо данное сравненіе относится къ такимъ понятіямъ, гдѣ дѣйствуютъ не только два сочлена, а трое. Бракъ таинство двухъ, долженъ перейти въ таинство трехъ, ибо бытіе и познаніе вдвоемъ безъ третьяго тайника, т. е. совѣтника въ тайныхъ дѣлахъ или вѣрнѣе тайноводца для достиженія истины и ея выраженія, обойтись не можетъ. Для полноты познанія требуется кромѣ бытія, предмета познанія, самаго познаванія еще и выраженіе познанія.

Этотъ третій тайникъ или совѣтникъ есть *Слово* (λογος),

какъ символъ познанія, какъ воплощеніе, какъ проявленіе во внѣшнемъ облаченіи бытія въ его познаніи, бытія въ духовномъ словѣ. Бытіе, познаніе и слово или символъ—вотъ собрачующіеся, вѣрнѣе союзники въ трибратствѣ, называемомъ совѣтомъ тріединства или соборностью.

Нравственный совѣтъ истины есть совѣсть.

Онтологія, иначе сутевѣдѣніе, и отворяетъ двери или окна тріединства соборности или совѣта. Оно даетъ познанію полноту и цѣльность, открывая смыслъ, значеніе и обликъ 1° *сущаго* духовнаго бытія, 2° *сущности* душевнаго бытія или жизни [душа = ам (фр.) въ прямомъ значеніи анимус (лат.) и анимэ (фр.), что значитъ: душа оживленная]; и 3° *существующаго*, иначе существенности вещественнаго бытія (существованія).

Бытіе есть нѣчто первичное предвосходящее и превосходящее мысли,— есть нѣчто отдѣльное, которое проявляется въ познаніи истины и облекается въ ризу слова истины. Безъ сего бытія нечему было-бы проявляться, нечему было-бы познаваться и нечему было бы выражаться.

Въ познаніи бытіе облекается въ слово, такъ какъ слово есть проявленіе, покровъ и носитель осмысленности бытія въ познаніи. Слово рождается отъ бытія и его смыслъ исходитъ отъ бытія, но всѣ трое другъ отъ друга отличимы, но не отдѣлимы. Отсюда и требованіе связать и соотнести ученіе о познаніи съ ученіемъ о бытіи въ ученіи о словѣ; иначе, выражаясь гносеологія и онтологія взаимодѣйствуютъ въ сотрудничествѣ съ логикой.

Бытіе есть проявленіе творчества; познаніе есть пониманіе или достиженіе наше происходящаго отъ творчества смысла бытія, а слово, какъ его выраженіе, порождается отъ самого бытія, когда надъ нимъ сіяетъ свѣтъ (смыслъ) бытія, дабы значеніе бытія словомъ распространить устно или печатно въ міръ на пользу человѣка и его просвѣтленія. Посему вопросъ творенія въ познаніевѣдѣніи—коренной, и все познаніе всего сущаго, сущности и существующаго сводится въ одну средину сосредоточеннаго очага—къ познанію силы творчества.

Въ силѣ предѣльнаго творчества и заключается средина очага солнца догматической правды, солнца слова истины. Отсюда вытекаетъ всецѣнная (капитальная), коренная (радикальная) и верховная (кардинальная) важность (значимость) правильнаго пониманія, почитанія и прославленія источника Творчества и собезначальности Совѣта Святой Троицы. Малѣйшее прегрѣшеніе въ правильномъ его почитаніи есть смер-

тельный грѣхъ противъ Истины, есть ересь Богопрославленія, есть хула на Духа Святаго, ибо въ Немъ сила проявленія источнаго смысла Бытія предѣльнаго и совершеннаго.

Отсюда значеніе и достоинство истиннаго догмата Св. Троицы въ истинно-неповрежденномъ пониманіи Православіемъ и славянофильствомъ. Непониманіе же почитанія по лжедогмату римско-католическаго протеста и по лютеранской реформѣ противъ самаго латинскаго протеста выразилось въ филіоквистической ереси и хулѣ на Духа Святаго по лжедосмыслу эволюціонистическаго мышленія западничества .(Мистикъ-синкретистъ Вл. Соловьевъ его представитель).

Законосоразмѣрность познавательной сути. (Гармонія въ познающемъ, познаваемомъ и словѣ познанія).

«Ты все расположилъ мѣрою, числомъ и вѣсомъ».
Премудрость Соломона. (XXI—28).

Познаніевѣдѣніе связывается не только съ познаніемъ сторонъ душевно-духовной жизни субъектности, но и съ познаніемъ сутей вещей объектности, т. е. душевнодуховной личной жизни, но и съ познаніемъ сутей предметныхъ вещей.

Мы не разъ касались попутно вопроса о сути бытія, подраздѣляя недѣлимое на три стороны, т. е. отличая въ недѣлимомъ три стороны: 1) сущаго, 2) сущности и 3) существенности бытія, но тутъ пришлось войти внутрь этого трехчленнаго единства съ иною цѣлью, а именно для выясненія предварительно и по возможности проще и сокращенно (програмно) слѣдующаго: 1° въ какомъ смыслѣ, 2° какъ выражается внѣшними символами, т. е. словами, и 3° какими изображается обликами (какъ обличается) внутренняя сутевая сторона содержанія познанія? Соотношеніе между сущимъ духовнымъ, сущностью душевною и существующимъ вещественно въ области познаванія мы называемъ *законосоразмѣрностью*. Такихъ сторонъ сего законосоразмѣрнаго соотношенія на основаніи общихъ нами уже изложенныхъ соображеній само собою какъ-будто выступаетъ и отмѣчается три:

1° *закономѣрность*, или правомѣрность — законосоразмѣрность сущаго;

2° *числомѣрность*, или числооснoвность — законосоразмѣрность существенности;

3° *членосоставность*, или планомѣрность, которую замѣняемъ болѣе широкимъ значеніемъ объема, т. е. объемомѣрностью — законосоразмѣрность существующаго Изъ этихъ

трехъ законосоразмѣрностей вторая — числомѣрность обобщаетъ собою 1-ую и 3-ью, ибо сама по себѣ измѣрительна. Числомѣрность обнаруживаетъ кромѣ того и значимость сущности (точно взвѣшенную сущность), а закономѣрность духовная дастъ сущее. Пониманіе сути есть ея мѣрность. Мѣрить или сравнивать значитъ соотносить данное къ единицѣ мѣры, и мѣрить познаніе можно тремя мѣрками (мѣрилами): 1^0 закономъ, 2^0 числомъ и 3^0 обликомъ (объемомъ).

Законъ основной есть то вѣчное и неизмѣнное, которое предопредѣляетъ устойчивость и незыблемость бытію. Число есть опять то вѣчное, которое даетъ просторъ множеству и законность измѣненіямъ, росту, прогрессу (прогрессіи мат. терм.) и предѣлодостиженію проявленія бытія. Обликъ или образъ—то вѣчное, которое вложено какъ во многообразности внѣшняго видоизмѣненія, не нарушая единства и постоянства цѣлаго, такъ и въ разновидности бытія. Первое опредѣляетъ постоянство творящей силы бытія, второе—постоянство проявленія бытія, а третье—постоянство разнообразія видовъ бытія. Первое есть обнаруженіе духовнаго сущаго, второе душевной сущности и третье вещественнаго существованія по преимуществу, но не въ исключительности.

Разберемся въ этомъ рядѣ понятій повнимательнѣе, ибо не забудемъ, что бытіе есть жизнь въ полнотѣ, а не проявленія сторонъ въ одиночной исключительности.

I. Всесовершеннѣйшая мѣра и закономѣрность познающаго сущаго.

Подъ мѣрностью познанія мы разумѣемъ такое внутреннее основное свойство сути познанія, которое въ самомъ первоначалѣ или изначальной первичности и въ исторической разверсткѣ событія требуетъ сравненія съ однимъ опредѣленнымъ «цѣльнымъ», непреложнымъ, непререкаемымъ и неизмѣннымъ началомъ. Это начало должно само собою, изъ себя самого, признавать себя за всесовершеннѣйшую единицу мѣры, какъ единственное мѣрило бытія въ вѣчности. Таково требованіе объединяющей силы любомудрія.

Въ разсмотрѣніи категорическихъ опредѣленій поневолѣ приходится толкаться выраженіями на одномъ и томъ же мѣстѣ, повторяя все одни и тѣ же однозначныя слова. Все, что мы сказали (Азъ есмь), собственно говоря, есть тавтологія. Законосоразмѣрность сути познанія есть мѣрность единицею мѣры, взятою какъ образцовое мѣрило количественнаго, качественнаго и иного достоинства познанія.

Такова участь всѣхъ предѣльныхъ опредѣленій (тутъ опять въ этихъ двухъ словахъ неизбѣжная тавтологія въ высшихъ граничныхъ опредѣленій). Въ познаніи бытія и его сути единица мѣры есть *истина* или, говоря духовнымъ языкомъ, есть *Богъ*, ибо Богъ и есть истина бытія или само бытіе. Хомяковъ выводитъ самое слово Богъ отъ глагола „*быть*", что соотвѣтствуетъ еврейскому слову Іегова въ значеніи бытія. (Хом. Т. V, стр. 539).

Истинность, достовѣрность и дѣйствительность правильнаго и вѣрнаго познанія и есть коренное изначальное требованіе всякаго познаванія всяческаго. Сама мѣра истиннаго познаванія есть единственный самъ по себѣ путь къ дѣйствительной истинѣ. И такая истина какъ мѣра бытія, дѣлитъ все познаніе на: 1° ложную отрицательную кривду влѣвѣ отъ мѣрности истины и на 2° истинную положительную правду вправѣ отъ той-же нормы. Тутъ три положенія:

1° одесную познанія—истина,

2° мѣра познанія—вѣрный путь закона,

3° ошую познанія—ложь.

Это «одесную вправо и ошую влѣво» и есть умственное пространство закона мѣрности, а мѣрность служитъ сама какъ законодатель познанія и вырабатываетъ норму права, которую мы назвали закономѣрностью.

Закономѣрность познанія обнаруживаетъ его «величину», «значимость» или «вѣсъ» и «цѣнность» познаваемаго и изучается на основаніи предварительныхъ законовъ и аксіомъ (самоочевидностей и самоувѣренности здраваго смысла) непреложныхъ, неизмѣнныхъ и непререкаемыхъ.

Эти законы познанія тѣсно связаны съ аксіомами самаго мышленія и крѣпко зависятъ отъ нихъ, т. е. отъ законовъ мышленія, а потому познаніевѣдѣніе съ этой точки зрѣнія соотносительно повторитъ всѣ разновидности законовъ онтологики [т. е. ученія о сути словеснаго выраженія познанія всѣхъ сторонъ бытія духовнаго (металогики), душевнаго (психологики) и вещественнаго (логики)], кои установленны въ мышленіи. Познаніевѣдѣніе воспроизведетъ всѣ ступени лѣствицы раціональнаго и ирраціональнаго (вѣроятностнаго) восхожденія пониманія мыслящаго лица къ истинѣ.

Въ исторіи развитія познанія это восхожденіе произошло планомѣрно: оно началось простымъ естественнымъ и художественнымъ монизмомъ Аристотелевой логики; затѣмъ, шествуя черепашьимъ шагомъ по длинному пути дуализма западно-европейскаго, переходитъ отъ 1° простого разобщеннаго дуализма кантіанства къ 2° сложному согласованному дуализму

гегельянства; тутъ оно даже останавливается, переживая нѣкоторую неподвижность хода на подобіе неподвижнаго полета стрѣлы Зенона современной софистики (дуализмъ застоя будійскаго склада); наконецъ, развитіе познанія достигаетъ своего надлежащаго опредѣленія въ соборности и вѣроятностной теоріи познанія.

Единотроичность этой соборности познанія выправляетъ всѣ ошибки проявившихся нынѣ вздутаго плюрализма, неестественнаго колективизма и партикуляризма, и другихъ болѣзненныхъ потугъ западно-европейскаго аналитическаго мышленія и стремленія выйти изъ эволюціоннаго дуализма къ болѣе совершеннымъ формамъ (пріемамъ) научнаго познанія и правомѣрія.

Мы такимъ образомъ дошли до тріединаго строя православнаго мышленія и славянофильскаго любомудрія и славянофильскаго-же соборнаго разума познаніевѣдѣнія.

Мы не въ силахъ были бы коснуться этой стороны познаніевѣдѣнія, если предварительно не установили точно отъ себя законы самого мышленія въ зависимости отъ нашего православнаго взгляда на трехсоставность человѣка въ его полнотѣ *). Сводъ основныхъ законовъ мышленія въ числѣ девяти устанавливаетъ «планъ» научнаго (теоретическаго) строя познанія. И мы увидимъ, что «планъ», признанный нами не двумѣрный плоскій и поверхностный, а трехмѣрный объемный, а потому мы пользуемся, какъ образцомъ, не планомъ, а «объемнымъ ладомъ» или очертаніемъ, не планомѣрнымъ построеніемъ, а «объемомѣрнымъ строемъ».

Этотъ строй, объемомѣръ, и выбранъ нами въ образецъ нашего настоящаго труда. Ладъ, укладъ, какъ мы выражаемся, или графикъ и номограмма (по выраженію проф. П. А. Некрасова) трехъ областей мысли и познанія есть объемно-мѣрное построеніе онтологики, которая объемно содержитъ логику, психологику и пневмалогику (то же что металогику).

Надо сказать, что всѣ чертежные уклады онтологики можно отнести къ нагляднымъ законамъ вѣроятности сосуществованія и сложнаго событія, при чемъ вѣроятности суть условныя достовѣрности, а безусловныя достовѣрности суть предѣлы вѣроятности, какъ перемѣнныя величины, имѣющія свои уклады.

Воспроизведемъ-же полноту онтологики по нашему труду

---

*) *Баронъ Мих. Ферд. Таубе. «Сводъ основныхъ законовъ мышленія».* Петроградъ 1909, стр 170 ц. 1 р. Отзывы о семъ трудѣ: 1° Д. Ѳ. П. «Мирный трудъ» № 7 1909 г.; 2° Свящ. Стефановичъ. «Странникъ». Февраль 1909 г.; 3° Проф. П. А. Некрасова «Законы мысли, выстраеваемые на основахъ Тріединства». «Миссіонерское Обозрѣніе». 1909. Іюнь XIV. № 6. Стр. 841.

«Сводъ основныхъ законовъ мышленія». Весь нашъ сводъ законовъ или аксіомъ распредѣленъ по тремъ соотвѣсьымъ направленіямъ: 1° соотвѣсъ законовъ *научнаго* вещественно предметнаго математическаго мышленія разсудкомъ, 2° соотвѣсъ законовъ *философскаго* и вмѣстѣ съ тѣмъ и душевнаго объединяющаго мышленія разумомъ и 3° соотвѣсъ законовъ духовнаго *божески-нравственнаго* возвышающаго мышленія духовнымъ умомъ. Въ каждомъ соотвѣсѣ отмѣчены три закона. Три закона перваго соотвѣса суть законы Аристотелевы вещественнаго міропониманія; три закона второго соотвѣса суть законы выработанные гегельянствомъ, т.е. душевнаго эволюціоннаго мышленія гегелевской логики (психологики) и три закона третьяго соотвѣса суть законы предѣльнаго духовнаго вѣдѣнія.

Желая связать наше построеніе съ математическо-философскими трудами проф. П. А. Некрасова, дадимъ иное опредѣленіе этимъ же тремъ направленіямъ познанія онтологики съ двумя логиками (А и Б), отмѣченными профессоромъ.

1° соотвѣсъ законовъ тождества (древней классической логики) направляющихъ машинообразную разсудочную дѣятельность—логика А по обозначенію проф. П. А. Некрасова принятому въ его книги «Вѣра, знаніе и опытъ» *).

2° соотвѣсъ законовъ свободной причинности психологики, направляющей субъективныхъ (личныхъ) множествъ включеніемъ золотыхъ серединъ—оперативная логика Б по обозначенію П. А. Некрасова;

и 3° соотвѣсъ законовъ «божественнаго порядка» или «нравственнаго духовнаго міропорядка», связывающихъ, по проф. П. А. Некрасову, субъекты, утонченною нитью вѣрующаго воспріятія **) или вѣры, другъ съ другомъ и совершенно ясныхъ для неумирающаго соборнаго сознанія, которое существуетъ въ неощутимой дѣйствительности, какъ личное божеское тріединство. На землѣ же оно существуетъ въ неумирающей собирательности нравственно-духовныхъ единствъ союзовъ, какъ церковь, государство, родъ, народъ и племя и т. д.

Укладъ законовъ мышленія бытія, жизни и истины выстраивается слѣдующимъ порядкомъ:

---

*) Страница 96.

**) Вѣрующее воспріятіе не слѣдуетъ смѣшивать съ мистическимъ нечистымъ воспріятіемъ В. Соловьева; очищеніе его и требуетъ духовно-философская научно-философская познавательная оцѣнка и критическій судъ, берущій подъ надзоръ мистику свободъ.

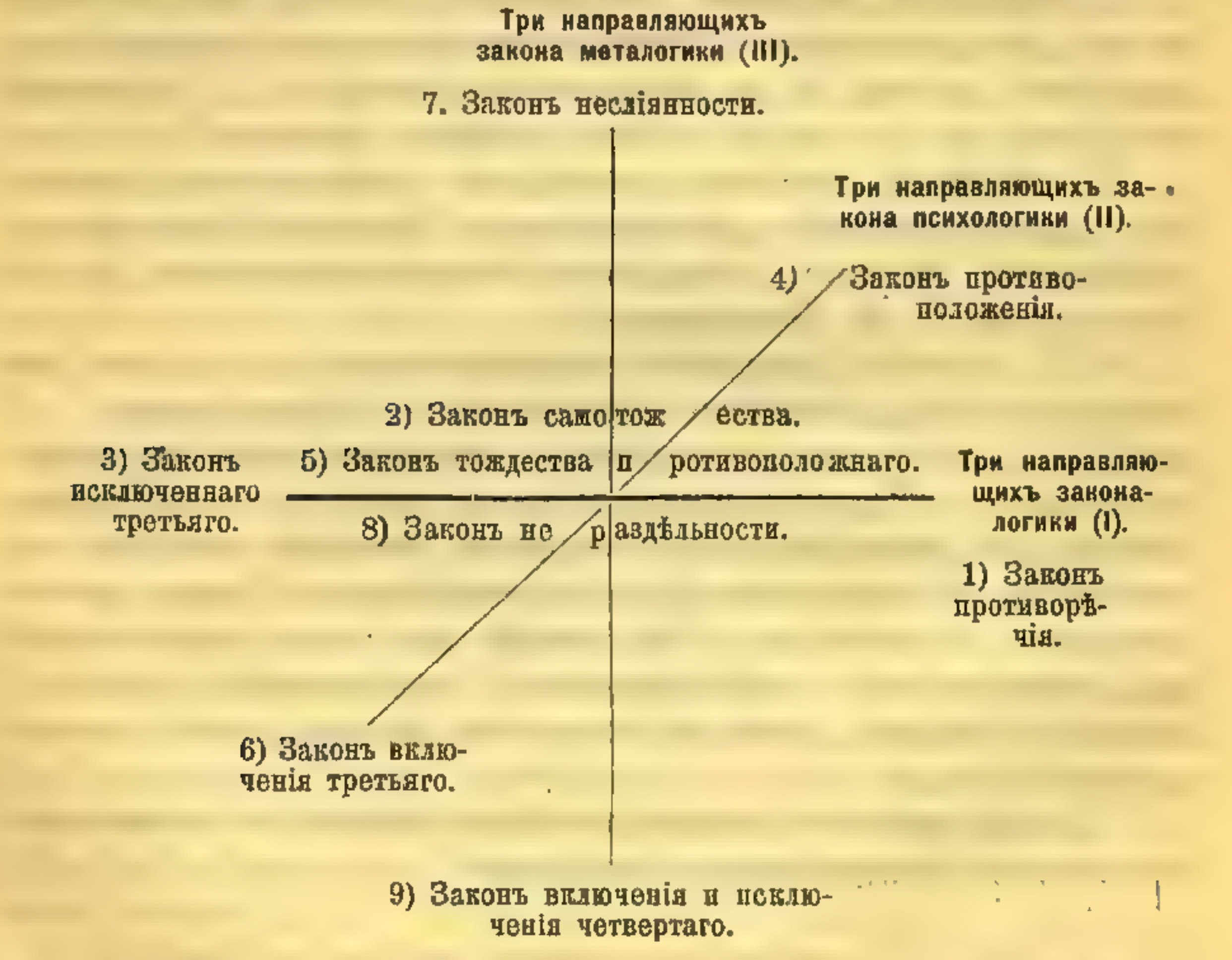
Девять законовъ онтологики.

I *соотвѣсъ* (ось). *Три направляющихъ закона логики:* 1) Законъ противорѣчія, 2) Законъ самотожества [1]), 3) Законъ исключеннаго третьяго *(Аристотель).*

II *соотвѣсъ* (ось). *Три направляющихъ закона психологики:* 4) Законъ противоположенія, 5) Законъ тождества противоположнаго, 6) Законъ включеннаго средняго *(Лапласъ, Кантъ, Гегель).*

III *соотвѣсъ* (ось). *Три направляющихъ закона металогики:* 7) Законъ неслiянности, 8) Законъ нераздѣльности и 9) Законъ включенія и исключенія четвертаго (*Лейбницъ, Хомяковъ, Христіанское ученіе*).

Эта именно табель приведена въ моей книгѣ: «Сводъ основныхъ законовъ мышленія» и образно закрѣплена слѣдующимъ рисункомъ:

[1]) Слово «*самотожество*» мы пишемъ безъ буквы «д», производя его отъ слова «тоже». Слово «тождество» беремъ изъ математики и обозначаемъ равенство двухъ значеній не только по величинѣ, но и по виду; не только $2a = a + a$ (равенство), а $2a = 2a$ (тождество).

«Этотъ чертежъ былъ выведенъ мною, продолжимъ мы выдержки изъ нашего изложенія, изъ классическихъ философскихъ изслѣдованій, принадлежащихъ величайшимъ мыслителямъ древняго и новаго міра, включая сюда не только языческихъ философовъ, какъ Аристотель, но и мыслителей современнаго западно-европейскаго язычества, какъ Гегель [1]), и христіанскихъ мыслителей, какъ Паскаль, Любницъ (Лейбницъ) и А. С. Хомяковъ. Чертежъ служитъ для мнемоническихъ цѣлей, помогающихъ ассоціаціи метрическихъ понятій и стильныхъ представленій, для условнаго нагляднаго изображенія на бумагѣ абсолютныхъ, *незыблемыхъ* истинъ вообще логики и онтологіи. Все необъятное многообразіе задачъ мышленія и познанія умственно прокладывается (какъ бы геометрически проектируется) на тотъ или другой соотвѣсъ (координатную ось міросозерцанія). Само собою разумѣется, что пролагаемое сужденіе, представляющее по содержанію какъ бы нѣкоторое духовное, или же душевное, или же физическое тѣло, можно, и даже должно, представлять во множествѣ другихъ разрѣзовъ логическаго и алгебраическаго анализа; при чемъ математико-статистическій методъ пріурочиваетъ свои описанія, представленія и рисунки даже въ красках къ математико-географическимъ абсолютамъ, атласамъ и чертежамъ съ таблицами, діаграммами, картограммами и пр.».

Но для изначальнаго облика (обличенія) законо-объемомѣрности познанія въ его сутевомъ сосредоточіи, какъ срединѣ очага лучей познавательнаго солнца, это номографическое наглядное представленіе столь же достаточно, сколько и необходимо.

Законность мышленія есть основа закономѣрности и правомѣрности (правильномѣрности) познанія. Мѣрность въ опредѣленіи сути познанія есть одна изъ трехъ сторонъ соразмѣрности и притомъ *сущная*.

Познаніе, согласно этихъ основъ мышленія, бываетъ троякое: 1° обособленное, 2° раздвоенное связанное и 3° строенное въ единствѣ цѣлаго.

А. Познаніе отъединенное и обособленное—самодовлѣющее (солипсизмъ Андр. Ив. Введенскаго, «самъ-я-свой»), причемъ между бытіемъ и небытіемъ, между апріорнымъ сужденіемъ о семъ бытіи и апостеріорнымъ воспріятіемъ бытія связи никакой нѣтъ. Третьяго, кромѣ двухъ — разобщеннаго

[1]) Извѣстно, что Гегель считалъ себя мыслителемъ выше Богочеловѣка Іисуса Христа; такое геголевское самомнѣніе сатанинской гордости обнаруживаетъ въ немъ антихристіанское направленіе мысли.

1° живого бытія лишь своего «я» и 2° мертваго бытія или небытія, всяческаго «не—я», познаніемъ не признается, и между бытіемъ и предполагаемую могутностью подъемнаго моста не перебрасывается. Таково философское основаніе мышленія и познанія классической древности, укрѣпленное тремя стальными законами Аристотелевой логики. Именно Аристотель установилъ законъ исключеннаго третьяго, что затупило научную мысль и дало обильную пищу остроумію «софистовъ», кои своевременно подмѣтили совершенно правильно уже тогда, въ древности, существенный пропускъ въ мышленіи. Этотъ-то изъянъ (лакуна) и далъ возможность мыслительной игрѣ неправильно установленныхъ сужденій (софизмъ) Ахиллесовой черепахи и стрѣлы Зенона.

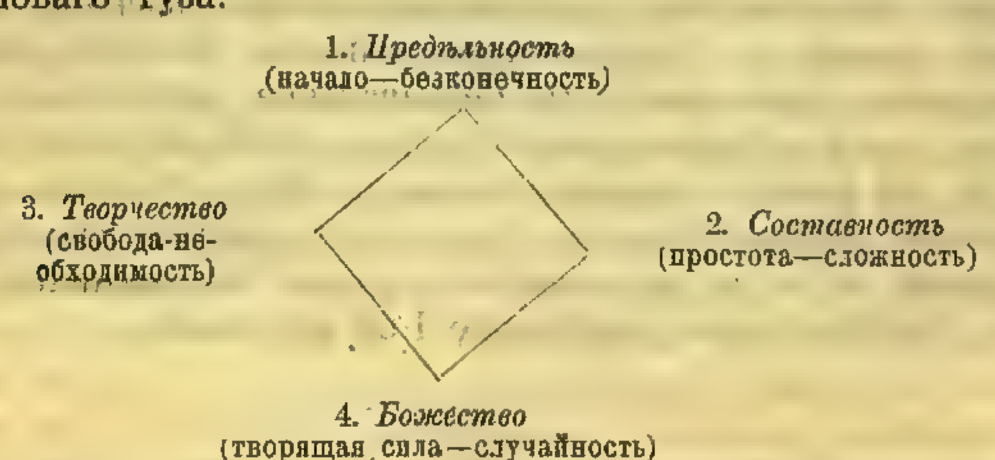
Философія отъединеннаго противоположенія въ западно-европейской цивилизаціи имѣетъ «геніальнаго» представителя въ лицѣ Канта. Онъ распласталъ естественный монизмъ Аристотеля отъединеннаго мышленія въ естественный четыреугольный дуализмъ. Ему удалось доказать законность антиномій взаимно-уничтожающихъ противоположеній. Число антиномій вывелъ четыре, но пытался согласовать и разрѣшить только двѣ дружки (пары) по два въ отдѣльности, т. е. опять какъ-бы установилъ логическую связь всего четырьмя понятіями двухъ антиномій, т. е. далъ четыре угла этихъ двухъ антиномій, но малоуспѣшно. Все его построеніе обосновывается на неразрѣшимомъ никакою связью противоположеніи апріорнаго и апостеріорнаго сужденія. У него пропасть, влѣвѣ отъ которой опознано посюстороннее трансцендентальное положеніе, вправѣ-же отъ пропасти — не опознанный, потусторонній, трансцендентный, объопольный абсолютъ. Обѣ стороны познанія законно существуютъ въ мышленіи безъ возможности вступить, такъ сказать, въ брачный союзъ—въ союзъ двусторонняго примиренія. Такимъ то установленіемъ протестантъ-мыслитель до мозга костей, Кантъ, оказался значительно высшей мыслительной силы, чѣмъ представитель теологическаго протестантизма, самаго Мартына Иванова Лютера. Протестантъ Кантъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ сепаратистъ до мозга костей и онъ надлежащей связи между обѣими сторонами мыслительной, или познавательной пропасти, не вѣдалъ Слѣповатъ былъ Кантъ къ наводнымъ надъ пропастью мостамъ. Безсиленъ былъ Кантъ къ животворящей мощи вѣроятностнаго мышленія и вѣроосновнаго познанія. Познаніе его обособленное и отъединенное по обѣ стороны пропасти.

В. Познаніе раздвоенное. Прозрѣлъ въ семъ дѣлѣ и примирилъ наводкою съемнаго моста между противоположнымъ

въ кантовскихъ антиноміяхъ знаменитый Гегель. Онъ отдѣленное отъ бытія небытіе связалъ логически (вѣрнѣе психологически) понятіемъ *становленія*, *осуществленія* или *биванія* (пребыванія) «дас Верден», по слову Гегеля. Его идеализація бытія и мнимая реализація (осуществленіе) мысли, какъ дѣйствительности, а отсюда тождественный союзъ мысли и бытія съ подчеркнутымъ преобладаніемъ мысли въ бытіи и преобладаніемъ мысли надъ бытіемъ, возвела Гегеля до самыхъ верховъ философіи. Онъ былъ философомъ по преимуществу и его философія осуществлялась для философіи самой, ибо мысли въ мірѣ реальномъ жили-де въ его міровоззрѣніи реальными существами. Его ученіе, какъ чистая самодовлѣющая сосредоточенная мысль, породило школу и дало приплодъ въ дарвинизмѣ, селекціонизмѣ и вообще эволюціонизмѣ западно-европейскаго коренного дуализма. Такое эволюціонное направленіе мысли въ естественныхъ наукахъ есть лишь примѣненіе гегельянства въ области біологіи.

Гегельянство такимъ образомъ выработало согласованный дуализмъ одного развитія по двумъ противоположнымъ направленіямъ (монодуализмъ). Познаніевѣдѣніе подъ угломъ гегельянскаго зрѣнія, выйдя изъ крѣпостныхъ цѣпей кантіанства съ его непримиреннымъ антиномизмомъ, все-же оказалось куцымъ. Гегельянство правое и лѣвое,—плоть отъ плоти ученія Канта, что видно изъ четыреугольника кантовыхъ антиномій, въ которомъ едва намѣчены переходные мостики.

Антиноміи тезисы и антитезы Канта относятся къ четыремъ дружкамъ (парамъ) противоположныхъ понятій: 1° начало — безконечность—(понятіе предѣльности), 2° простота —сложность—(понятіе составности), 3° свобода — необходимость — (понятіе творчества), 4° творящее—случайное—(понятіе божества). Представимъ ихъ въ видѣ четырехконечнаго бубноваго туза.

Вл. Соловьевъ этотъ кантовскій бубновый тузъ (четыреугольникъ) двустороннихъ противорѣчій перевелъ на русскій языкъ кратко и выразительно:

+ 1° *Положеніе:* Міръ имѣетъ начало, границу во времени и въ пространствѣ.

— 1° *Противоположеніе:* Міръ во времени и въ пространствѣ безконеченъ.

+ 2° *Положеніе:* Все въ мірѣ состоитъ изъ простого (недѣлимаго).

— 2° *Противоположеніе:* Нѣтъ ничего простого, а все сложно.

+ 3° *Положеніе:* Въ мірѣ существуютъ свободныя причины.

— 3° *Противоположеніе:* Нѣтъ никакой свободы и все природа.

+ 4° *Положеніе:* Въ ряду мировыхъ причинъ есть нѣкое необходимое существо.

— 4° *Противоположеніе:* Въ этомъ ряду нѣтъ ничего необходимаго, а все случайно.

У Канта выведены четыреугольныя таблицы сужденій, разсудочныхъ понятій также четверояко: 1° по *количеству*, 2° по *качеству*, 3° по *отношенію*, 4° по *модальности* (качество дѣйствія), и оба четыреугольника основаны на построеніи, которое установилъ самъ Кантъ, а именно на построеніи физіологическихъ силъ естественныхъ наукъ.

I

Аксіомы воззрѣнія

II — III

Предварительное восприятіе — Аналогія опыта

IV

Постулаты эмпирическаго мышленія вообще.

1°. Первая антиномія Кантова статистическаго неподвижнаго начала и безначалія (безконечности) разрѣшается гегельянскимъ кинетическимъ подвижнымъ отождествленіемъ безконечнаго начала съ безконечнымъ концомъ. Каждый моментъ и срединное положеніе есть безначальное средоточіе, какъ начала, такъ и безконечности, для каждой точки пространства и для каждаго момента времени, ибо и въ этомъ отождествленіи безпредѣльность достигаетъ предѣла своего осуществленія и въ то же время есть начало безконечнаго измѣненія. *Предѣлъ* есть разрѣшеніе I-ой антиноміи.

2°. Вторая антиномія—простота и сложность. Противоположность ихъ согласуется въ эволюціи (развитіи) каждаго

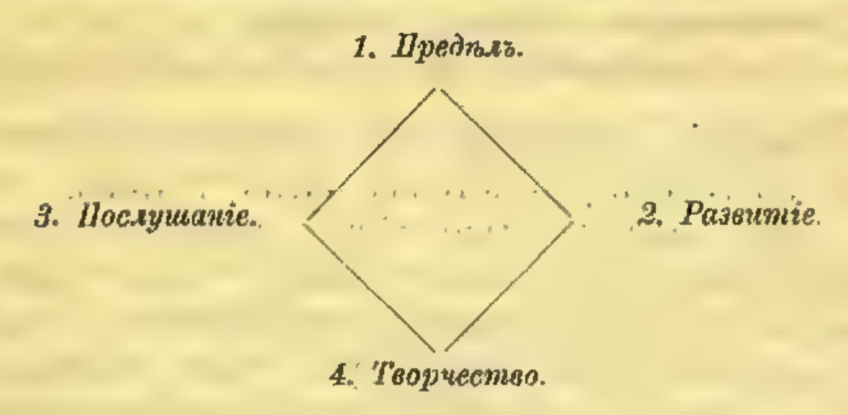
момента, который, являясь достигнутымъ цѣлымъ въ простотѣ протекшаго единства, есть въ то же время источникъ сложнаго развитія грядущаго въ предѣлѣ панмонизма и всеединства. *Развитіе*—разрѣшеніе 2-й антиноміи.

Первыя двѣ разрѣшалъ самъ Кантъ, но разрѣшеніе антиноміи вообще возвелъ до степени новаго начала философіи его знаменитый соперникъ Гегель въ ученіи идентитета (тождества).

3°. Третью антиномію свободы и необходимости разрѣшилъ Великій Хомяковъ въ свободномъ нравственномъ подчиненіи свѣту истины, т. е. въ добровольной необходимости долга, что и составляетъ соборность собственнаго поведенія. *Послушаніе*—разрѣшеніе 3-й антиноміи.

4°. Четвертая антиномія безусловнаго сущаго съ условнымъ и временно существующимъ—Богъ и Его твореніе. Она отождествляется въ понятіи творчества. *Творчество*—разрѣшеніе 4-й антиноміи.

Такъ что познавательный четыреугольникъ Канта въ его разрѣшеніи преобразуется въ слѣдующее:

Тутъ творящее собезначальное начало безпредѣльности отождествляется въ понятіи границы или предѣла I—начала кантовскаго четыреугольника. Предѣлъ развитія отождествляется въ свободномъ творческомъ послушаніи. Вотъ выраженіе конечнаго разрѣшенія четыреугольника кантовскихъ антиномій: 1° собезначальное (починное) начало въ предѣлѣ, 2° развитіе простоты въ сложномъ (въ эволюціи), 3° согласованіе свободы подчиненія необходимости въ послушаніи (нравственное начало) и 4° безусловное проявленіе условнаго въ творчествѣ. Предѣлъ есть довершенное единство, развитіе проявляетъ отношеніе, послушаніе согласуетъ необходимость съ свободой воли, а творчество производитъ множество. Вотъ это наше соображеніе поможетъ приблизить Канта къ Чичерину, поможетъ установить переходъ отъ четыреугольника Кантова къ знаменитому четыреугольнику Чичерина:

Единство
собезначалія

Отношеніе въ развитіи — + — Сочетаніе соглашенія

Множество *)
творенія.

Переходъ отъ единства къ множеству посредствомъ сочетанія (по часовой стрѣлкѣ) и посредствомъ отношенія (обратно противъ часовой стрѣлки) совершенно простъ и логиченъ. Чичеринъ завертѣлъ такимъ образомъ схему антиномій Кантовыхъ. Завертѣлъ, но не далъ осевой точки средины, вокругъ чего завертѣлось его логическое колесо. Задача найти этотъ очагъ впереди. Обратимъ здѣсь вниманіе на то, что это разрѣшеніе антиномій и его обороты происходятъ по окружности на плоскости совнѣ, т. е. безъ сосредоточеннаго углубленія въ середину плоскости круга, и также—на то, что точки средоточеннаго объединенія нѣтъ. А безъ этой точки пересѣченія нѣтъ связи перекрестка, и не будетъ достигнутъ конецъ сосредоточеннаго связнаго построенія закономѣрной сути мышленія и познанія. Познаніе Гегельянское и Чичеринское раздвоенное, хотя и связанное по чертѣ у Гегеля одиночно,—по окружности круга у Чичерина двойственно.

Г. Познаніе, строенное въ единствѣ цѣлаго. Задача конечнаго построенія предстояла очень трудная, ибо найти средину очага можно было тогда, когда въ умѣ мыслителя сосредоточатся всѣ или бо́льшая часть лучей всеобъемнаго познанія согласованнаго, объединеннаго. Такую исполинскую синтетическую работу ума было возможно совершить только духовновозвышенному мыслителю нравственной высоты жизни и вѣры. Этотъ вдохновенный истиною мыслитель былъ Великій Хомяковъ, который и разрѣшилъ этотъ до чрезвычайности трудный вопросъ. Его затерянный и откинутый черновой набросокъ удивительнаго, хотя не вполнѣ обработаннаго, уклада былъ найденъ послѣ его смерти въ его портфелѣ. Приведемъ его цѣликомъ:

О свободѣ и необходимости **).

Что такое вещество? *Мысль общая* въ отношеніи *частной* чужая, внѣшняя. Что необходимость? Воля *общая* въ

*) Б. Чичеринъ. «Основанія логики и метафизики» стр. 15.

**) Этотъ отрывокъ писанъ задолго до сороковыхъ годовъ, послѣ первыхъ занятій А. С. Хомякова, нѣмецкою философіею и прежде, чѣмъ онъ изучалъ Гегеля. Нѣкоторыхъ строкъ нѣтъ возможности разобрать; но самое замѣчательное сохранилось: собственное построоніе автора, въ которомъ выражено его понятіе объ отношеніи понятія воли къ необходимости. Прим. Ю. Ѳ. Самарина. Томъ II. Сочиненія А. С. Хомякова. 1900. Изданіе 4-ое стр. 429—430).

отношеніи къ *частной*, чужая, внѣшняя. Проявленная, частная, тотчасъ дѣлается себѣ внѣшнею, необходимою.

Вещество.

Пространство.	Время; переходъ пространства въ мысль.	Мысль *)

Необходимость.

Власть	Законъ; переходъ власти въ волю.	Воля

Для чорта—власть.
Для людей—законъ.
Для Ангеловъ—воля чужая сдѣлалась своею.

Этою таблицею Хомяковъ пытался представить наглядно отношеніе вещества и мысли съ необходимостью и свободою. Хомяковъ антиномію начала и безконечности въ пространствѣ и времени разрѣшилъ не въ предѣлѣ вселенскаго единства, а въ *мысли*; свободу власти и необходимость закона—въ *волѣ*, но эти два согласованія и соотношенія произвелъ Хомяковъ въ иномъ порядкѣ, чѣмъ то дѣлаютъ обыкновенно. Онъ принялъ *время*, какъ переходъ *пространства* въ *мысль*, а *законъ*, какъ переходъ *власти* въ *волю*. Впрочемъ, здѣсь можно усмотрѣть и пропускъ довольно значительнаго свойства.

Этотъ пропускъ Хомяковъ разрѣшилъ только намекомъ въ слѣдующей за нимъ трилогіи: 1° для чорта — власть, 2° для людей—законъ, 3° для Ангеловъ—воля чужая сдѣлалась своею.

Итакъ, понятія рабства діавола, зависимости людей, и свободы духовной связаны у Хомякова соотвѣтственно съ понятіями власти, закона и воли.

Мы этому укладу Хомякова придадимъ обычный для насъ обликъ, т. е. представимъ построчно и постолбно, но съ прибавленіемъ переходнаго развитія, указаннаго имъ лишь намекомъ соотношенія чорта, людей и Ангеловъ съ властью, закономъ и послушаніемъ.

---

*) По нашему мѣра, или мѣрность мысли.

Связь \ Числооснов-ность	трехосновное начало	двухсторонняя одномѣрность	сосредоточенность мѣрности
вещество, матеріальное бытіе.	пространство	время	мысль (мѣра)
суть необходимости психической	душевно - духовная власть надъ веществомъ	законъ и подчиненіе	воля своя
сила духовная	рабство лжи, гордости, соблазна	зависимость хотѣнія человѣка	свобода святой необходимости

Въ нашемъ изложеніи девяти сторонъ познанія природы вещества и человѣка этотъ укладъ познавательной полноты жизни и цѣледостиженія человѣка (ибо познаніе духовное въ вѣрѣ отъ подвига жизни и бытія неотдѣлимо) выразился нѣсколько инымъ образомъ. Уклады наши (стр. 96 и 114) приняли при одной и той-же сути иное распредѣленіе, иное болѣе, быть можетъ, естественное расположеніе.

Укладъ Хомякова не былъ имъ не только подробно разработанъ, но даже и не выясненъ окончательно. Быть можетъ, таблица приняла-бы и другой видъ. Намъ важно теперь одно: убѣдиться въ томъ, *что было несвязанное у Канта, то связано и согласовано у Хомякова*. Въ дальнѣйшемъ изложеніи этотъ распорядокъ по Хомякову будетъ служить намъ не разъ руководящею силою мысли. Одно въ немъ и теперь бьетъ въ глаза—это мѣрность самаго закона, иначе мѣрность мышленія, выраженная въ законахъ, кои распредѣляются въ образцѣ полнаго, цѣльнаго, объединеннаго построенія. Стороны познанія тѣмъ самымъ, что согласованы съ закономѣрностью самого мышленія, получили логическое и схематическое обоснованіе. Мѣрило познанія найдено въ мѣрилѣ мышленія. Тутъ этимъ мѣриломъ предустанавливается сразу не только соразмѣрность мысли и познанія, но также ихъ построеніе въ тріединый строй. Строго примѣненные мѣрило, строй и смыслъ въ общей согласованной соборности придадутъ изложенію нашему желательную красоту, очевидность и наглядность.

И дѣйствительно, табель (укладъ) Хомякова, изображенная построчно и постолбно трехтроичнаго разпредѣленія, по виду сходная съ укладомъ Вл. Соловьева, принята нами въ образецъ всего того, что до сихъ поръ представлено и послужитъ образцомъ для всего предстоящаго труда. Эта «планомѣрность» потеряла свое плоское свойство поверхности и стала, какъ уже было нами указано, *объемной*.

Планомѣрность превратилась въ объемомѣрность и при-

водитъ отъ единотроичности, т. е. объединенной тройносоставности, къ тройному объединенію, т. е. къ трехстороннему единству. Монотріада превращается въ трихотомный монизмъ.

Трисвятое Имя прославляется и просвящается въ исповѣданіи Тріединаго Ѵпостаснаго Бога въ великомъ славословіи Святъ, Святъ, Святъ, прославляется во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Это трехсолнечное единое солнце правды православнаго, а не иного прославленія *). Познаніевѣдѣніе должно быть приведено въ строй по образу и подобію православнаго пониманія троичности въ единствѣ тріѵпостасной Св. Троицы.

II. Числомѣрность сознаваемой существенности.

Законоосновность познаванія привела насъ къ числоосновности и планоосновности, а именно къ единотроичности и объемомѣрности.

Разберемъ, что нужно понимать подъ числоосновностью или числомѣрностью, и чѣмъ числомѣрность отличается отъ закономѣрности?

Какъ закономѣрность въ познаніевѣдѣніи есть его соотвѣтствіе съ законами мышленія, такъ числомѣрность есть распредѣленіе основъ познаніевѣдѣнія соотносительно количественнымъ понятіямъ. Каждое понятіе, которое можетъ быть принято, какъ основа распредѣленія сторонъ познаванія, содержитъ въ себѣ числовое подпонятіе, что видно изъ числового обоснованія самихъ девяти законовъ мышленія, такъ какъ первые три закона аристотелевской логики суть выраженія чистаго *монизма;* законы гегельянскаго психологическаго расклубленія проявляютъ *единодвойственность,* а наши законы металогики ни что иное, какъ обоснованіе догматической *единотройственности.* Всякая вообще соразмѣрность отъ того и мѣрна, что въ нѣдрахъ своихъ содержитъ и несетъ опредѣленное числовое понятіе.

Это внутреннее обоснованіе сути каждаго познанія числомъ и свойство его носитъ въ себѣ понятіе объ опредѣленномъ числѣ 0, 1, 2, 3 и т. д. мы называемъ *числоосновностью* или *числомѣрностью.*

Познаніе, обоснованное на понятіи начальности — нулевого свойства, объединенности — единичнаго свойства, дву-

---

*) Различіе православнаго прославленія отъ протестантскихъ римско-католическаго и лютеранскаго изложено нами въ книжечкѣ: *Баронъ М. Ф. Таубе* «Владиміръ Соловьевъ, Россія и всемірная церковь». Парижъ 1889 г. Харьковъ. Изданіе второе «Мирнаго Труда», 1907 г.

составности и двусторонности—двойственнаго свойства; трі-единенія—тройственнаго свойства и т. д., и есть числомѣрное познаніе. Оно соразмѣрно, какъ съ разобранною нами закономѣрностью, такъ и другою стороною внѣшняго значенія—съ обликомъ и видомъ. Единицею мѣры для соразмѣрности числовой служитъ краевое и предѣльное понятіе самой единицы.

Единица самоопредѣляется и самосоразмѣряется, какъ первоначальная мѣра въ цѣльномъ единствѣ.

Свойство мышленія полагать въ основу отвлеченнаго понятія опредѣленное число для достиженія математическаго точнаго его пониманія и для возвышенно углубленнаго распознаванія смысла въ корнѣ самаго пониманія бытія служитъ путемъ правильнаго познанія всего сущаго, такъ какъ это познаніе всего сущаго должно также содержать числовую основу. Если подъ понятіемъ *сущаго* мы будемъ полагать *Присносущаго*, предвѣчно Сущаго, т. е. Господа Бога Промыслителя, Творца и Вседержителя, то и тогда признаніе того, что познаніе Сущаго содержитъ числовую мыслительную основу, будетъ лишь подтвержденіемъ исповѣданія всевѣчнаго догмата, а именно *церковнаго* догмата о Троицѣ, сохраненнаго въ неповрежденномъ видѣ исключительно только въ Православіи.

Числовое собезначальное сущее Сущаго Бога выразится тѣмъ, что оно [перво-Богъ или сверхъ-Богъ, по недостойному выраженію нѣкоторыхъ мыслителей (Н. Бердяева)] и есть Святая Троица, тріvпостасная, собезначальная, единосущная, единосознательная, нераздѣльная и несліянная, простая и тайна этой простоты тріединства велика. Богъ или всепредвѣчное Бытіе троично въ разноличіи, т. е. въ Лицахъ, или Vпостасяхъ. Троично его творящее начало: 1° созиданіе, 2° рождаемость и 3° исходность; троиченъ и человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, но не по Сущему, троичны его познавательныя, починныя силы, троично его познаніе, троично должно быть и его внѣшнее построеніе, иначе, троично должно быть Познаніевѣдѣніе.

Посему познаніе въ нѣдрахъ своего сосредоточеннаго углубленія, когда оно чувствуетъ себя заодно съ животворящимъ бытіемъ, содержитъ понятіе числовое, да при томъ троичное. Троичность, будучи первичнымъ выраженіемъ собезначальнаго, источнаго библейскаго «ничего» творчества, содержитъ, не выходя на поприще проявленія во внѣшній міръ, а въ нѣдрахъ своего собственнаго очага сосредоточія, и вмѣщаетъ въ себѣ понятіе единства, двойственности и тройственности. Отдѣльно «четверичное» есть понятіе не пер-

вичное, ибо оно по основѣ двойственно, а именно двойственная двойственность, иначе говоря, есть уже множественность и притомъ безразличная по способу составленія самой множественности: А) по слагаемости 2 + 2, В) по производству 2 × 2 и Г) по степенности — 2^2. Все — равно четыремъ: 2 + 2 = 4, 2 × 2 = 4, $2^2 = 4$. Пятеричное и т. д. до безконечности содержатъ послѣдовательныя сочетанія первичной численности во многообразіи всякой множественности.

«Четверичное» исключается изъ начальной числоосновности, такъ какъ уже троичность представляетъ изъ себя цѣльность; оно—четвертое изначальное понятіе ея, содержащее полноту и соборное согласіе изначальнаго ничего (0), единства и двойственности. Тутъ сама тройственность—четвертое не самостоятельное, а связное соборное числовое начало, посредствующее, вспомогательное, зависимое, взаимное, включаемое въ самую тройцу числоосновности.

Посему мы и отличаемъ всего только три начальныя числоосновности:

a^0 начальнаго почина нулевого смысла, значенія и облика 0

$в^0$ единичной отдѣльности 1

$г^0$ двойственнаго сочетанія 2,

какъ зачатокъ множественности, кои всѣ соборуются въ понятіи $д^0$—*тройственности*, находящейся на рубежѣ, на межѣ, (на чурѣ) между единичной цѣлокупностью единства и многоразличія множества до новой трансцендентной обоюпольной полярности и съ безпредѣльными эволюціонными развитіями въ промежуткѣ. Собезначальное начало всего есть α и ω, первое и послѣднее, начало и предѣлъ всему сущему и познающему и познаваемому (въ одно и то же время) бытію.

Разсмотримъ различныя случаи число-основныхъ по порядку количества въ нихъ содержащаго.

1) Представитель исключительно нигилистическаго содержанія нулевого пустопорожняго познанія есть нирвана будійства, гносеологія индусскаго илюзіонизма и акосмическій трансцендентализмъ.

2) Представитель цѣльнаго (цѣлостнаго) обособленнаго и объединеннаго чистаго исключительнаго единства есть философія Аристотеля, мониста по преимуществу.

3) Въ религіозномъ и философскомъ классическомъ сознаніи утверждено познаніе вѣковѣчнаго бытія — реализмъ жизни и космоса. Реализмъ душевнаго и духовнаго въ мірѣ нашелъ подобающее мѣсто въ соборномъ вселенскомъ сознаніи Православія. Атомъ классическаго міра (Демокритъ), мо-

нада средне-европейскаго міра (Любницъ), и наконецъ личность и Лицо въ Троицѣ (Ѵпостась) въ Православномъ христіанствѣ суть три числоосновныя единицы познанія: 1° вещественной существующей вселенной, 2° міра жизненнаго и существеннаго бытія и 3° свѣта духовнаго сущаго.

4) Представитель многосоставности съ ея многочисленностью, многочастностью и многообразіемъ, многосторонностью и многочленностью есть философія индукціи англійскихъ мыслителей, разныхъ Бэконовъ, Спенсеровъ, Дарвиновъ и т. д.

5) Основа познавательнаго *ничтожества* въ положительномъ соборномъ значеніи и въ отрицательномъ будійскомъ значеніи нигилизма есть *начало* (первоначальность) обособленной цѣльности—*единство*, а начало многосоставности — *множество*.

Дадимъ три символическія обозначенія этихъ понятій: началу—0_0, единству—1_0 и множеству—M_0.

Это первоначальное множество M_0 въ планомѣрномъ построеніи подчиняется закону тройственности, а потому его выразитель (3_0), число три, и, $\triangle_0$, плоская фигура или треугольникъ съ несомкнутымъ основаніемъ. Тріединое цѣлое есть общее основное выраженіе для числомѣрности и числоосновности всего познаваемаго.

Двойственное въ изначальномъ смыслѣ (2_0) мы къ множеству не причисляемъ какъ проходящее состояніе отъ нулевого ничтожества къ расчлененной сверхтроичности—множества.

Къ этому перечню присовокупимъ понятіе безконечности и краевое понятіе «ВСЕ» (ПАН), всецѣлокупная единица довершенія.

Намъ остается теперь перечислить всѣ семь разновидностей числительной основности по порядку:

1° *пустота* нулизмъ и нигилизмъ ничего, пустопорожность (основа будійскаго познанія)—нуль (съ буквою «у») (0).

2° *единичность* (монизмъ), Аристотель, а въ уродливой исключительности солипсизмъ (эготизмъ въ познаніи)—единица (1).

3° *двойственность* (дуализмъ) Кантъ, Гегель, Чичеринъ (двойная двойственность)—два (2).

4° *тройственность* (колективный сборный трихотомизмъ, тріада. Вл. Соловьевъ.—три (3).

5° *множественность* (плюрализмъ) (M_0) *). Прибавимъ для полноты картины, еще двѣ основы потустороняго познанія:

---

*) Начало множественности не соборная трехъосновность, а четыреосновность, которая принята жидовской кабалою, гдѣ къ тремъ прибавляется четвертое, какъ связь къ множеству: $\triangle$-никъ переходитъ въ четыреугольникъ бубноваго туза.

6° *безконечность*, двоякаго свойства: начало сверхпредѣльности и запредѣльности,—[ноль съ буквою «О» и безконечность] 0_0 и ∞_0.

7° ВСЕ *всеобъемлемости*, универсализмъ, (панлогизмъ),— обозначаемъ буквою $П_0$ (пан) панмонизмъ, уномнія (unomnia).

Наконецъ, всеобхватывающая общая сводка всѣхъ основныхъ понятій въ познаніи—*соборность, вселенкость* (Σ^0).

Каждое познаніе, основанное на одномъ изъ сихъ числовыхъ мыслей въ отдѣльности и въ обособленности, грѣшитъ именно отчужденностью и розныю. Такъ всеобъемлемость искусственнаго универсальнаго синтеза Вл. Соловьева, по мѣткому выраженію Н. Бердяева, есть «отрыжка гегельянства и склонность къ гностическому раціонализму» (стр. 8, Фил. Своб.).

Всепознаніе можетъ быть одно духовное познаніе, а не мистическое и не магическое. Представителями духовнаго, цѣльнаго, живого, соборнаго, вселенскаго познанія были Кирѣевскій, Хомяковъ, Митр. Филаретъ, Еп. Ѳеофанъ. Оно достигаемо лишь въ полнотѣ жизненнаго подвига святыхъ угодниковъ, Богоносителей и Богоборцевъ (борцовъ за Бога и съ помощью Божіей) конечно, не имѣющаго ничего общаго съ гностическимъ универсальнымъ эклектическимъ синтезомъ современнаго монизма (Гегеля) или синкретизмомъ и интеграціей Вл. Соловьева и туманной теософіи.

Распредѣлимъ числовую основность построчно и постолбно:

	начальное	среднее	конечное
починное.	нулизмъ 0_0	1_0	панмонизмъ $П_0$
промежуточное	множественность M_0	2_0	безконечность ∞_0
предѣльное	полярный 0_∞ ноль полярная безконечность	3_0	полнота $A \pm Bi$ комплексъ

Мы, кромѣ объясненныхъ числовыхъ основъ, ввели въ нашъ укладъ еще 1° понятія второго полярнаго ноля по противоположенію въ безконечномъ безпредѣліи тамъ, гдѣ происходитъ вторая знакоперемѣнность, гдѣ $+\infty$ переходитъ черезъ ∞_0 въ $-\infty$; 2° и второе понятіе полноты комплектности, гдѣ полнотою покрывается ираціональность и мнимость, кои также

познаются и признаются мышленіемъ не только математическими, но и жизненными, о чемъ рѣчь впереди.

Тутъ въ нулѣ отмѣчено три значенія, три смысла: 1°) *начальности*,—напр. нолевая (съ буквою «0») скорость=покой, ноль градусовъ теплохолода. 2°) *отсутствія*, — (нуль съ буквою «у»), которое возводится будизмомъ до абсолюта пустопорожняго несуществующаго небытія, если только не считать сіе за царство діавола съ его ложью и обманомъ (илюзіонностью). Тутъ *«оправданіе»* не добра рая или царства Божьяго, а оправданіе жизни смертью зла адомъ. 3°) понятіе ноля, знакоперемѣннаго безконечнаго большого, связываетъ понятіе пустоты и начальнаго «ничего» (0_0) съ понятіемъ умодостигаемаго конечнаго «ВСЕ» ($П_0$) Этотъ ноль обозначимъ$=0\infty$.

Собственно говоря, *ноль* начальный и *нуль* пустосодержательный различны по происхожденію: одно—плодъ дѣленія: 1° въ смыслѣ *дробленія* на доли и расчлененія на части; такая числоосновность опредѣляетъ частичность и множественность начала мелкоты; 2° въ смыслѣ *содержанія* при соотношеніи ноль содержанія есть числительная неопредѣленность соотношенія. Начало мелкоты и есть нуль по содержанію, но оно начало и многочисленности или созидательства не какъ плодъ дѣленія, а какъ понятіе. Въ такомъ случаѣ получается третій ноль собезначальности, источникъ всего Богомъ сотвореннаго,—тотъ творческій библейскій и евангельскій ноль и то начало—*«ничто»*, изъ котораго возникла вселенная, міръ и свѣтъ.

Этотъ ноль не есть нуль пустоты содержанія, а есть тайна непознаваемая, но не въ смыслѣ незнайства агностицизма, а какъ начало, до котораго *ничего* не было (кромѣ бытія) и что стало быть, т. е. бытіе, бытіе сущее и бытіе проявленное. Оба ничто (0_0) и все ($П_0$) соединяются и сосуществуютъ въ понятіи творчества.

Божественный ноль творящій (ничто библейское) мы обозначаемъ знакомъ 0^0, ничто—всеполнота, источникъ всемогущества всего сотвореннаго, это 1° *Промыселъ* Божій, и, какъ первомысль сущаго, онъ первый и послѣдній всего; это 2° *Провидѣніе* или Провидѣніе Божіе и, какъ предвидѣніе сущаго, онъ есть α и ω всему; это 3° онъ, наконецъ,— *Предопредѣленіе* (предѣло-опредѣленіе) Божіе, начальный и конечный предѣлъ его Божескаго собезначалія—начало и конецъ всему

Нулю и нолю и творящему ничто (0^0) можно придать еще и четвертое значеніе и смыслъ ноля, а именно, когда онъ выражаетъ неопредѣленное отношеніе ($^0/_0$). Это не соотвѣтствуетъ ариѳметическому дѣйствію ни дѣленія (содержанія),

ни умноженія отдѣльно принятыхъ, а соотвѣтствуетъ и умноженію, и дѣленію, взятымъ вмѣстѣ, а не порознь, ибо $\frac{m}{n}$ есть и $m : n$, и $m \times 1/n$. [Здѣсь знакъ (/) обозначаетъ *отношеніе*, а знакъ (:) обозначаетъ *дѣленіе* на доли].

Познаніе, какъ дѣйство, соотвѣтствуетъ въ срединныхъ обычныхъ своихъ домоганіяхъ именно этому *соотношенію* $\frac{m}{n}$ съ начальною ея неопредѣленностью $^0/_0$. Творческое собезначаліе 0^0 въ другой неопредѣленности по *существенной* или даже *сущей* неопредѣленности, которая только сама для себя есть сущая опредѣленность и свободное дѣйство творчества, слитноосновное и нераздѣльно пребывающее начало.

Весь ходъ наростанія единицею мѣры отъ 0 до ∞ выразится двустороннимъ рядомъ между 0 и 1, 1 и ∞ : $0, \frac{1}{n}, \frac{2}{n}, \frac{3}{n} \ldots, \frac{n}{n} = 1, 2, 3, 3+1; 3+2 \ldots$ до ∞-сти. Мы выдѣляемъ три члена средины 1, 2, 3, кои и выразятъ числовыми образами (символами) одноосновность (монизмъ), двуосновность (дуализмъ), трехосновность (трихотомизмъ) познанія 1^0 проявленнаго начала, 2^0 развитія и 3^0 множества.

Подпредѣльно начальное (началопредѣльное) 0 и запредѣльное (или сверхпредѣльное) конечное будутъ то начало и конецъ, то α и ω (азомъ и ижицею), то первымъ и послѣднимъ творящаго духа.

Понятія подпредѣльная начальность, многочисленное продолженіе и сверхпредѣльная конечность (предѣлъ)—суть необходимые спутники правильнаго познанія числоосновности и мѣрности сущаго, сущности и существенности бытія.

1^0 *тріединство* есть отличительная черта сущаго, 2^0 *единотроичность* — сущности и 3^0 *трехтроичность* — существующаго. Эта числоосновность опредѣляетъ ученіе о высшихъ опредѣленіяхъ и обобщеніяхъ, не въ смыслѣ познанія бытія, а въ значеніи символизма сего знанія словами, обликами и числами. Обобщенія эти существуютъ, какъ въ начальныхъ починныхъ цѣльныхъ единицахъ и доляхъ, такъ и въ конечныхъ, предѣльныхъ опредѣленіяхъ мышленія (все, ничего и т. д.).

Трехтройственный строй сихъ перегородокъ мышленія и пониманія категорическаго или, иначе, символическаго познанія предрѣшаетъ сразу послѣдующее строеніе познаніевѣдѣнія, которое (видно уже и теперь) должно быть троичнымъ.

Таковы требованіе и цѣль самого нами выбраннаго уклада (системы). Свободный или вольный размахъ познанія утраченъ. Познаніе раздѣлено перегородочками. Познаніе бытія обращается въ познаніе границъ и чуровъ, отмѣченныхъ межевыми пограничными знаками, столбами, но нельзя ни на минуту смущаться такою на видъ пониженностью познаванія, ибо нѣтъ иного способа переложить свое познавательное участіе въ бытіи въ соотвѣтственные вещественные образы, 1° какъ *словомъ*, символомъ, часто безжалостно обкрамсывающимъ понятіе, 2° какъ *обликомъ*, оттачивающимъ внѣшній видъ, 3° какъ *числомъ*, ограничивающимъ сухостью и иногда знакомъ изъ самыхъ незначащихъ, іероглифами безъ всякаго внѣшняго осмысленнаго рисунка. Категорика послѣднее дѣло живого познанія вѣрующаго разума и разума вѣры, но, какъ пѣніе переносится крючками на бумагу, какъ слова—азбучными знаками и знаками препинанія, какъ красота—графитомъ и красками, такъ и понятія познанія категоріями мысли. Что подѣлаешь,—человѣкъ несовершенъ и несовершенъ прежде всего въ познаніи. Истина жизни должна исправить и искупить грѣхи символизма.

Онтологія не смѣетъ уничтожить логику, психологику и металогику, не смѣетъ ослѣпить зрячесть ума, духа, иначе она будетъ деспотичнѣе, даже безразличной по сущности логической случайности, логики языческаго фатума.

Категорія мышленія, очертаніе обликовъ и числоосновность суть только символы передачи словомъ на бумагѣ истиннаго познанія бытія и какъ переводъ всегда блѣднѣе подлинника, какъ полотно всегда блѣднѣе живой природы, такъ тѣмъ болѣе блѣднѣе и туманнѣе вершинныя опредѣленія понятій самаго ихъ содержанія и самой ихъ сути.

Подлинникъ познаванія испытываетъ и созерцаетъ въ жизни только духовный подвижникъ святой истины. Познаніевѣдѣніе требуетъ подвига, опыта и оцѣнки; требуетъ заботъ подлинное познаніе не исказить символами: категоріями, числомъ и обликомъ (планомъ). Оно будетъ наименѣе ошибочно, если обликъ всего познаніевѣдѣнія отыщетъ смыслъ всей логической, психологической, металогической символистики. Мы утверждаемъ смыслъ символистики на церковномъ догматѣ единотроичнаго прославленія Св. Троицы тріѵпостасно по исповѣданію и чествованію Православному. Признавая соборность совѣта Св. Троицы, ея нераздѣльность и несліянность, а также единосущность Лицъ, исхожденіе Св. Духа отъ Сына считаемъ ересью, соблазномъ филіоквистической канители протеста Рима. Этотъ протестъ догматическій

противъ соборности, протестъ логики папскаго главенства, замѣнившей логику вѣры соборной жизни.

Мы установили символъ творческой власти въ математическомъ выраженіи 0^0.

0^0 есть то начало, изъ безначаліи котораго тайно созидается, рождается и исходитъ всякое многообразіе, многоподобіе, многопознаніе. Это тайноначаліе недовѣдомости въ признаніи вѣрою есть источникъ той тайнотворящей мощи, которая даетъ познанію могущество, силу и власть. Тайнотворческое дерзновеніе познанія, его великая сила вѣры, какъ разъ сосредоточивается въ изначальныхъ проявленіяхъ познанія. Самъ Великій Хомяковъ при всей скромности своего христіанскаго вѣдѣнія, былъ въ духовномъ познаніи смѣлъ и увѣренъ до дерзости. Онъ самъ говоритъ о своей непоколебимой увѣренности, о своемъ властномъ дерзновеніи и о своемъ безграничномъ притязаніи.

«Человѣкъ обязанъ быть дерзновеннымъ» повторимъ слова Н. Бердяева въ его Философіи Свободы, «дерзновеніемъ воли стяжаетъ онъ благодарные дары Духа. Когда онъ будетъ не одинъ, когда Духъ будетъ жить въ немъ, тогда отпадетъ человѣчески самолюбивый и суетный вопросъ о размѣрахъ дарованій. Человѣкъ имѣетъ не право, а обязанность быть глашатаемъ высшей полноты истины, т.-е. говорить онъ долженъ «что-то», а не только «о чемъ-то». Дерзновеніе же дается лишь вѣрой. Хомяковъ хорошо говоритъ о своей властной увѣренности, о своемъ дерзновеніи, о своемъ непомѣрномъ притязаніи: «этимъ правомъ, этой силой, этой властью обязанъ я только счастью быть сыномъ Церкви, а вовсе не какой-либо личной моей силѣ. Говорю это смѣло и не безъ гордости, ибо прилично относиться смиренно къ тому, что даетъ Церковь». Церковь дѣлаетъ человѣка геніальнымъ, обладателемъ Духа" (стр. 3—4).

Церковная истина и на ней обоснованный догматъ животворящаго Православія и познанія,—непреложныя закономѣрности истинной достовѣрности, и если отъ познаніевѣдѣнія нужно требовать выполненія нравственнаго долга (ибо каждое дѣйствіе человѣка и плодъ дѣйствія должны быть нравственными), то руководителемъ этого нравственнаго долга долженъ быть догматъ истины соборной Церкви вселенской. Признаніе и выполненіе коренныхъ догматовъ истины долженъ лечь краеугольнымъ камнемъ построенія, обобщающаго науки, каково познаніевѣдѣніе.

Все творчество познаванія опирается догматично на истину Вѣры; она есть положительное познаніе жизни, изъ коего главное Богопочитаніе и Богопрославленіе. Будемъ прославлять Бога въ нашемъ трудѣ Познаніевѣдѣнія истинно и

славно, а именно «Словомъ Истины», т.-е. по догмату Соборнаго Православія.

III. Объемомѣрность познанія существующаго.

Законосоразмѣрность, кромѣ закономѣрности и числомѣрности, требуетъ третьяго выраженія, не внутренняго личнаго, не внутренняго собезначальнаго, а внѣшняго, воспроизводящаго начала извнутри вовнѣ. Такова законосоразмѣрность плановая, первичная, могутная (потенціальная), таковъ внѣшній видъ, обликъ или образъ будущаго обнаруженія и проявленія. Это есть распорядокъ составности, какъ внутреннее свойство кристализаціи въ опредѣленный видъ внѣшности внутренняго строенія существенности понятія и познанія, ибо предметъ познанія есть само бытіе, а бытіе проявляется многосторонне, многосоставно, многогранно. Познаніемъ объемомѣрнымъ мы даемъ правильный и прямой путь неприложнаго познанія, а тѣмъ и правильно пріобщаемся къ бытію или, вѣрнѣе, къ осмысленному соучастію въ бытіи. Объемомѣръ этотъ долженъ быть многосторонняго излученія или разлученія (въ смыслѣ разблистанія, раскиданія, распусканія лучей во всѣ стороны). Возможность посылки лучей солнца познанія въ разныя стороны и составляетъ исходную точку всякаго разпредѣленія всего и единаго на множество. Эта возможность внутренняго первичнаго различенія принадлежитъ не области разсудочнаго знанія, не области разумнаго сознанія только, а признанію умодуховному, умосознанію, которое вмѣстѣ съ очевидностью и признаніемъ составитъ полноту законообъемной мѣры.

Разсудочное знаніе, достигая разумнаго сознанія, есть вторичное проявленіе. Оно утратило первоначальную свѣжесть и окутало себя различными символами познанія: 1° понятіями, 2° словами и 3° художественными образами внѣшняго обличенія, или облика.

Тутъ замѣчается постепенно усиливающееся проявленіе: сперва мысль, затѣмъ понятіе, выраженное словесно звуками или письменно буквами, а потомъ и какъ-бы рисункомъ или чертежомъ, одѣваясь въ ту или другую ризу, въ тотъ или другой обликъ.

Сущее, обличаемое первичнымъ познаніемъ, въ самомъ починѣ множится (размножается) или дѣлится на части. Природа первичности его такова, что, будучи единою по существенности, проявляется тройственно въ существованіи. Познаніе и есть начальное переживаніе первичной множе-

ственности, которое предшествуетъ изначально-уясненному представленію, выражаемому въ знаніи символами: 1° слова, 2° числа и 3° образа. Переживаніе познаванія (мгновенное или длительное, все равно) не можетъ быть иное, какъ въ полнотѣ и всесторонности опыта. Въ изначальности это необходимое условіе, ибо составляетъ средоточіе познавательнаго очага или солнца, распускающаго во всѣ стороны свои тепло-свѣто-силоносные лучи. Полнота опыта, оцѣнъ и подвигъ нельзя ставить, какъ нѣчто противоположное или, менѣе того, какъ нѣчто противорѣчивое познанію. Опытъ, оцѣнъ (сознаніе) и подвигъ и есть само познаніе.

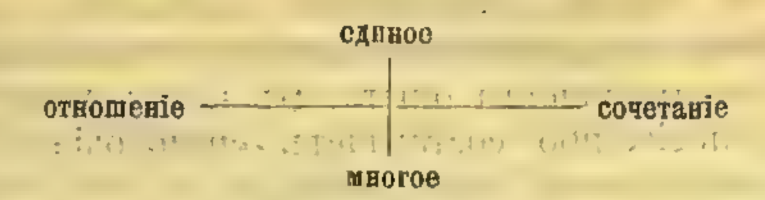
Итакъ, планомѣрность (по нашему объемомѣрность) требуется, какъ нѣчто предшествующее или, вѣрнѣе, какъ нѣчто сосуществующее числомѣрно нами установленное для еще болѣе яркой обрисовки и осмысленной облицовки познанія.

Числомѣрность есть свойство или черта природы познанія въ самомъ своемъ исходѣ изъ бытія, въ самомъ подвигѣ и опытѣ и самопереживаніи, основывающихся на числовомъ многообразіи, многоразличіи. Только эта дробность и частичность, въ то же время итожность слагаемости и производитъ многосторонность познанія и даетъ ему вѣрный обликъ и рисунокъ. Если бы все было исключительно единымъ, а не единоцѣлымъ, цѣльнымъ, цѣлостнымъ, цѣльносоставнымъ, то нечего было бы различать, нечего было бы распознавать, ибо познаніе, выходя изъ собезначальнаго единаго, трудится надъ распознаніемъ различій, а единое безсоставное цѣлое было бы какъ-бы данное сразу, тогда и познанія никакого не требовалось-бы: 1° или все было бы будійскимъ «ничѣмъ», «не бытіемъ» 2° или основаніемъ обманныхъ понятій, корнями сатанинскаго соблазна и лжи, т. е. смерти мысли. Небытіе само по себѣ не существуетъ, его нѣтъ и не можетъ быть ни въ перво бытіи, ни въ познаніи, и тѣмъ менѣе не можетъ считаться, какъ основа жизни во многихъ и разновидныхъ религіяхъ.

Будійскій познавательный нулевой абсолютизмъ есть наибольшій абсурдъ или просто вздоръ невыносимѣйшій, наипустѣйшій, ибо самъ есть пустопорожность абсолютнаго ничтожества.

Непримиренный дуализмъ антиномій Канта и примиренный дуализмъ Гегеля еще не составляютъ множества. Множество начинается съ тройственности. На пути къ ней русскій мыслитель Чичеринъ установилъ, какъ было показано, скрещиваніе двухъ двойственностей, причемъ переходъ отъ каждаго члена одной двойственности къ членамъ остальной двойственности весьма легокъ и естественъ. Чичеринъ нахо-

дился на добромъ пути, но далеко не дошелъ до цѣли, до цѣлостности или цѣлокупности построенія:

Дѣятельность сопоставлена у него съ предметностью, не хватаетъ сутевой основоположности. Это мы повторили для связи развитія нашего построенія на пути къ сутевой многочисленности. «Многое», т. е. низшій четвертый членъ квадрата Чичерина, естественный переходъ къ тройному въ ограниченіи числа граней многосторонности.

Итакъ нами полагается въ основу множественности тройственность, трехразличность, трехсоставность.

Многочисленность, какъ предметъ опыта, и дастъ содержаніе для математическаго собиранія составныхъ частей статистики, безъ котораго ученіе о вѣроятномъ предусмотрѣніи, предсказаніи и предпознаваніи не существовало-бы вовсе. Мы склонны, по тройственному складу нашихъ мыслительныхъ и познавательныхъ переживаній, отмѣтить и во многочисленности три стороны многообразія:

1° многочисленность въ нѣдрахъ одного цѣлаго—*дробность;*

2° многочисленность отдѣльныхъ соразмѣрныхъ цѣлостностей, цѣлыхъ отъединенныхъ особей—*множество;*

3° многочисленность многогранной могутности (потенціальная многочастность)—*многосторонность.*

Эта 3-я многочисленность срединнаго свойства между дробностью и множественностью.

Дробность и множественность въ ней существуютъ какъ-бы въ возможности, ибо могутность ничего не дѣлитъ и не дробитъ, могутность ничего не собираетъ и не скучиваетъ. Многосторонность есть строй единичной цѣльности во многообразіи, какъ частей, такъ и сочленовъ.

Дробность (а не равенство частей—а не долеосновность), множественность и многосторонность (которая не разбиваетъ цѣлаго и не сливаетъ части цѣльнаго однообразія) суть познавательная соборность, основа сущности просвѣщенной жизни человѣка и основа самого бытія. Соборность въ познаніи требуетъ: 1° соборнаго сознанія, 2° соборной причинности (вѣрнѣе причиненія; т. е. дѣйствія причинности), 3° соборной цѣлесообразности (чего?): 1), соборнаго міроощущенія, 2), собор-

наго жизнепониманія и 3), соборнаго «бытійства» *) (жизненнаго бытія въ противность «убійства» — смертнаго несуществующаго въ самомъ дѣлѣ небытія).

Единособорное цѣлое содержитъ и единство, и множество, и многосторонность, не разрушая единства и не обезличивая многочастности. Единство есть фактически осуществленная соборность потенціальнаго (факультативнаго) множества, иначе по-русски—связь единства цѣлаго и множества могутнаго. Эта многосторонность познанія даетъ возможность связать всю многочисленность проявленія познаванія и въ жизненной соборности, гдѣ отъ эготическаго личнаго сознанія многосторонность перешла къ соборному сознанію соборнаго люда, или церкви, что и составляетъ правомѣрность вѣдѣнія жизни Православной.

Соборность познаванія, его законосоразмѣрность, есть единство закономѣрнаго, объемомѣрнаго и числомѣрнаго множества во всесторонности. Многосторонность въ этомъ тріединствѣ чрезвычайно важное свойство познаванія, какъ множественность въ произведеніи и дробность сочлененія и раздѣленія, въ виду его собирательнаго и обобщающаго значенія.

Это соборное сочетаніе или числительное сосуществованіе изобразимъ построчно и постолбно:

Укладъ объемомѣрности познанія.

	Отдѣленіе	Сочетаніе	Повтореніе (умноженіе)
Внѣшнее	единообразіе (вещь)	соразмѣрность единства и множества (гармонія)	многообразіе
Срединное	единодробность (доля) 0 . . 1.	цѣлое	множество 1 . . ∞
Внутреннее	разноличность (различіе лицъ)	полнота	произведеніе

Произведеніемъ мы называемъ совокупность численнаго многообразія сомножества чиновъ (со-чиненіе). Это не математическое слово-произведеніе сосредоточеннаго итоженія, или суммирования, что обозначается терминомъ произведеніе, получаемое отъ умноженія множимаго на множителя, а познавательная данная, въ смыслѣ художественнаго произведенія (произвенія Васнецова, Пушкина, Хомякова).

*) «Бытійственности» по выраженію Н. Бердяева. Фил. Св. 230.

Для познавательной существенности эта многосторонность числовая, долевая (дробная, частичная), и образы и облики (обличенія *) внѣшняго лица) этой существенности есть въ нѣкоторомъ родѣ познаніе вѣрою, ибо вѣра и есть обличеніе бытія, и въ правильномъ сочетаніи, для достиженія согласованнаго сличенія въ правомѣрномъ обобщеніи, вѣра какъ и вѣроятность, весьма важны.

На эту сторону обратилъ особое вниманіе Б. Чичеринъ, который выдвинулъ изъ общаго понятія соотношенія отдѣльно *сочетаніе* и все, что осталось отъ этого выдѣла, объединилъ въ понятіе *отношенія* въ приниженномъ и ограниченномъ смыслѣ. Такое категорическое распредѣленіе свойствъ познанія въ изначалѣ будто сушитъ мышленіе, и будто оно не должно имѣть мѣста въ дѣйствіи познаванія, ибо познаваніе и есть тожество познающаго ума съ бытіемъ и— участіе въ бытіи познающаго, но всѣ эти категорическія перегородки и ихъ сотовое построеніе вызываются разсудочной, раціональной установкой умственныхъ соотношеній. Онѣ служатъ грубымъ средствомъ символизировать словами дѣйство (процесъ) познаванія, недѣлимое какъ съ самимъ бытіемъ, такъ и съ отдѣльными видами проявленія бытія понятіями. Символы словесные, мало точные по существу, пріобрѣтаютъ цѣнность, когда связываются символами числовыми и величинными (плодъ сравненія) и когда одѣваются въ ризу символо-образнаго и символо-обличнаго, т. е. когда доходятъ до обличенія вещей невидимыхъ, какъ бы видимыхъ, чаемыхъ, какъ бы дѣйствительныхъ, и ожидаемыхъ какъ бы настоящихъ, т. е. когда познаніе становится выраженіемъ вѣры, вѣры ясной и зрячей, а не слѣпой, вѣры наглядной, очевидной, а не гадательной или догадливой. Тутъ познаніе вѣроятнаго въ концѣ концовъ обращается въ прямое знаніе существующаго во многообразіи.

---

*) Обличеніе вѣрою, вѣрованіемъ и вѣроятностью.

Глава VI.

Проявленіе познаванія наружу внѣшними обликами. (Проявленіе символическое).

«Самая удивительная, важная форма символическаго мышленія есть порядковое мышленіе безконечными рядами, записываемыми сокращенно.

Логическое мышленіе есть символическое мышленіе, дѣйствующее посредствомъ терминовъ рѣчи, понятій, предложеній. Оно переходитъ въ символическое порядковое и функціональное исчисленіе, какъ только логическое упражненіе перестаетъ быть риторическою игрою словъ».

Проф. Некрасовъ. (Теорія вѣроятностей, 124).

Переводъ статическихъ, графическихъ образовъ познаванія въ символы математическаго анализа вѣроятностей.

Познаніе, кромѣ психологической стороны, связанной съ внутренней природой познающаго субъекта (лица), кромѣ объектнаго предметнаго своего содержанія, связаннаго съ природой внѣшней вселенной,—само по себѣ есть самодовлѣющая сила и способность человѣка овладѣвать внутреннимъ своимъ духовнымъ чутьемъ, отыскивающимъ правду и истину дѣйствительнаго бытія. Эту сторону познанія будемъ обозначать въ общемъ смыслѣ *возможностью познанія*, которая вмѣститъ въ себѣ значеніе (значимость), вѣсъ, самодовлѣющую самодержавность и статочность, иначе говоря, свой собственный самооцѣнъ, свое собственное познавательное самодержавіе.

Возможность познаванія, какъ сила и способность, доступна измѣренію, и мѣрило ея будетъ соотвѣтствовать степенямъ вѣроятности при переходѣ отъ безнадежнаго *сомнѣнія* къ полной *достовѣрности*. Такое мѣрило обладаетъ свойствами математической точности, которая обоснована работами Бернули, Лапласа, Чебышева, Бугаева и Некрасова. Степень удостовѣренности познанія и называется *вѣроят-*

ностью: познаніе, начиная съ невѣроятнаго и маловѣроятнаго, переходитъ къ вѣроятному въ значительной степени и вполнѣ вѣроятному, а затѣмъ достигаетъ надежную достовѣрность и наконецъ самую непреложную достовѣрность, вотъ обычныя выраженія этой восходящей лѣстницы постепенности отъ безнадежной невѣроятности и отъ сомнѣнія къ вѣроятности достовѣрной и достовѣрному знанію и удостовѣренной вѣрѣ.

Изслѣдованіе всѣхъ степеней вѣроятности математическимъ анализомъ стало выполнимо съ того времени, когда «теорія вѣроятности» приняла точное и положительное научное направленіе, когда она сдѣлалась достояніемъ мѣрнонаучнаго сужденія. Связывая наше изслѣдованіе познаніевѣдѣнія съ математической теоріей вѣроятности, мы тѣмъ самымъ придаемъ нашему труду вѣскость научной опредѣленности и философско-математическую цѣнность. Нынѣ это становится всѣмъ мыслителямъ тѣмъ болѣе обязательнымъ, что ученіе вѣроятности по своей сущности не только соприкасается съ гносеологіей многочисленными точками, но часто онѣ взаимносовпадаютъ другъ съ другомъ цѣлыми отдѣлами.

Изъ всѣхъ математическихъ изслѣдованій послѣдняго времени, мы должны дать преимущественное предпочтеніе трудамъ проф. П. А. Некрасова уже въ силу того одного, что его міровоззрѣніе, жизнепониманіе и духовное вѣдѣніе обоснованы на началахъ, признанныхъ славянофильствомъ.

Посему мы обратимся къ трудамъ проф. П. А. Некрасова и воспользуемся устанавливаемыми имъ словообозначеніями (терминологіей), его оборотами рѣчи и научнымъ языкомъ, а также воспроизведемъ свойственныя ему сравненія и сопоставленія. По его теоріи познанія, кромѣ чувственнаго знанія, воспринимаемаго въ тѣлесныхъ формахъ пространства и времени, возможно вѣроятностное или ираціональное знаніе, а именно познаваніе вещи въ ея неощутимой и неприступной сути, если только эта суть бываетъ постоянною причиною группы видимыхъ явленій.

При этомъ познаваніи угадывается *производящая сила* историческаго процесса, обнаруживающаяся въ разверткѣ событіи по скалѣ времени. Слѣдовательно, это познаваніе относится *не къ статикѣ*, а къ *динамикѣ* познающаго и познаваемаго и къ разрѣшенію, по законамъ причины и достаточнаго основанія, спорныхъ противоположныхъ философскихъ утвержденій или такъ называемыхъ антиномій. Такова высказанная Кантомъ и обсуждаемая П. А. Некрасовымъ антиномія: *„существуютъ ли свободныя причины или, напротивъ, существуетъ только необходимость?"*. Эта антиномія обхва-

тывается именно законами вѣроятности и наблюденіемъ историческаго расклубленія событій.

Законы вѣроятностей суть не только умственные акты распорядка, но и графическое произведеніе; что и дозволяетъ мысли выливаться наружу діаграммами, рисунками, символами и сличаться съ дѣйствительностію, какъ она есть на самомъ дѣлѣ въ этомъ видимомъ мірѣ.

Субстанція, или постоянная невидимая сущность, дѣйствуетъ на законы внѣшняго бытья, т. е. бытья въ тѣлесныхъ формахъ времени, пространства, труда, плода и пользы или выгоды. Верховное Существо («Всесовершеннѣйшій», Богъ) есть именно духовная причина, постоянная, наиболѣе субстанціональная, главнѣйшая, невидимо соучаствующая въ историческомъ расклубленіи человѣческаго рода и, слѣдовательно, ираціонально познаваемая во всѣхъ путяхъ исторіи: какъ въ путяхъ истинной Церкви, такъ даже и въ путяхъ естественно-научнаго и языческаго богопознанія (см. проф. С. Глаголева: «Сверхъестественное откровеніе и естественное богопознаніе внѣ истинной Церкви». Харьковъ, 1900).

До сего, излагая предварительныя свѣдѣнія по познаніевѣдѣнію славянофильства, мы дали возможно-полную картину точныхъ опредѣленій и соразмѣрныхъ построеній всѣхъ сторонъ статическаго познанія соотносительно, съ тремя 3-мя жизненными проявленіями: А) во первыхъ 1^0 съ тѣлесными (физіологическими), 2^0 душевными (психическими) и 3^0 духовными (пневматическими) силами познающаго лица, В) во вторыхъ съ тремя областями полноты міроздания: 1^0 съ природой вселенной (космосомъ), 2^0 съ міромъ сознанія человѣка (психизмомъ) и 3^0 съ духовнымъ просвѣщеніемъ всего свѣта (пневматизмомъ), и наконецъ, Г) въ третьихъ—съ тремя онтологическими началами законосоразмѣрности познаванія: 1^0 закономѣрностью, 2^0 числомѣрностью и 3^0 планомѣрностью. Такое соотношеніе познающаго лица къ познаваемому предмету не исчерпываетъ всего ученія о познаваніи; ибо не даетъ понятія о воздѣйствіи познаваемаго предмета (объекта) на познающее лицо (субъектъ), гдѣ безусловно необходимо содѣйствіе опытнаго и наблюдающаго познанія съ одной стороны и проявленія умственнаго и духовнаго *подвига* съ противоположной, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда субъектъ и объектъ, познающій и познаваемое, соприкасаются лицомъ къ лицу. Истина пріобрѣтается человѣкомъ только праведною жизнью да подвигомъ. Онъ усиліемъ и собранностью воли, духомъ своимъ можетъ достичь источника всякаго познанія, а не холоднымъ разсудкомъ и повторнымъ опытнымъ и стати-

стическимъ подсчетомъ. Христіанскій догматъ не есть сухое ученіе только, не отвлеченная теорія, а дѣйствительность, откровеніе живой истины, животворный опытъ и личное пріобщеніе къ истинѣ и бытію, онъ есть цѣледостиженіе духовнаго опыта.

Хомяковъ тонко отмѣтилъ разницу не только между дѣйствіемъ лица познающаго (субъета) на предметъ познаванія (объекту), но и между обратнымъ воздѣйствіемъ предмета познанія на лицо познающаго. Онъ призналъ не только западную субъектъ-объективацію, но и объекъ-субъективацію. «Мнѣ кажется, пишетъ Хомяковъ, по поводу вопроса примиренія Шеллингомъ противорѣчія мыслящаго и мыслимаго (или отрицанія «я»—«не-я», субъектъ — объектъ), вѣрнѣе бы должно назвать этотъ моментъ не субъектъ-объективаціей (Subject-objectivirung), а объектъ-субъективацію (Object-subjectivirung), ибо въ законѣ сознанія мыслящее начало (τὸ πρῶτον), получая возвратное отраженіе объекта, обращается *самопризнаніемъ* дѣйствительно въ субъектъ». (Хом. ч. I—266).

Важнѣйшія открытія и откровенія, какъ актъ познанія, даются подвижникамъ вѣры (откровеніемъ) и подвижникамъ науки (открытіемъ); и критика разума, и вѣра, и всѣ апріорныя формы познанія (самопризнаваемое познаніе) пусты и безсодержательны до дѣйствительнаго опыта и подвига; они наполняются предвидимымъ и неожиданнымъ содержаніемъ только въ семъ именно опытѣ и подвигѣ.

Такое познаніе опытно-подвижническое обозначено Хомяковымъ въ наукѣ и вѣрѣ внутреннимъ знаніемъ или *живознаніемъ*, составляющимъ низшую ступень лѣстницы восхожденія познанія къ истинѣ, когда живознаніе достигаетъ *вѣры* (см. Хом. I—стр. 282).

Вѣродостигаемая сила мышленія въ низшихъ степеняхъ обычнаго познанія проявляется въ игрѣ сомнѣнія и удостовѣренія, дѣйствуя, такъ сказать, постоянно въ объятіяхъ вѣроятностей, какъ бы маловадежны онѣ не были. Но изъ скромныхъ вѣроятностей часто выковывается, графически вырабатывается достовѣрность знанія и вѣры, какъ (выражаясь словами проф. Некрасова) *истинно цѣнный матеріалъ номографическаго мышленія* или какъ добрый плодъ этихъ исчисленій вѣроятностей, апріорныхъ (предположительныхъ) и апостеріорныхъ (опытныхъ).

Этотъ способъ позволяетъ вычерпывать изъ природы и общества испытующими мѣрами и обстоятельною записью явленій фактическій матеріалъ для выработки плодотворнаго, самобытнаго законодательства и предписывать мудрые, немертво рожденные законы, соотвѣтствующіе духу и матеріальному интересу своего (а не чужеземнаго) народа.

Весь историческій процессъ съ его возстановленіями (оборотами) изживающей и издерживаемой цѣнности дѣлится по законамъ достаточныхъ внутреннихъ основаній и внѣшнихъ причинъ на двѣ категоріи: 1) *машинообразный процессъ исторіи,* которому соотвѣтствуетъ предустановленная гармонія (Лейбница) событій и логика тождества: «А=А», иначе называемая «логической машиной» Джевонса или логикой «трехъ законовъ мышленія», и 2) *немашинообразный процессъ исторіи,* въ которомъ властвуютъ законы самобытнаго духа и его идіографическаго познанія и которому соотвѣтствуетъ личная самозащита данной народности съ ея духовною культурою отъ наступательныхъ дѣйствій добрыхъ сосѣдей во всѣхъ видахъ законнаго мірового состязанія.

По теоріи ираціональнаго (вѣроятнаго) знанія, если допускать въ государствѣ ради плодовъ и пользъ мистику свободныхъ (независимыхъ) причинъ, то, какъ учитъ философія П. А. Некрасова, это попущеніе должно быть неразлучно съ помянутымъ уже приложеніемъ къ обществу испытующихъ каноническихъ мѣръ вѣроятности и съ гражданскою организаціей прочныхъ мощныхъ національно-государственныхъ кредитныхъ учрежденій, запасающихъ на всѣхъ путяхъ отечественнаго историческаго процесса достаточныя *верхнія* (въ верховномъ управленіи) и *нижнія* (въ земщинѣ) основанія и средства (кассы силъ, банки), *способныя искупать погрѣшности свободъ за счетъ ихъ полезности* и повертывать колесницу исторіи въ *данномъ* положительномъ направленіи. Мистика свободъ безъ помянутыхъ учрежденій, покрывающихъ отечественную землю и налаживающихъ работу крупныхъ и мелкихъ исторій къ единой цѣли общаго блага, вела бы государство и его земщину къ парадоксальному и катастрофальному положенію. Эту забытую истину, противорѣчащую нынѣшнимъ взглядамъ на свободы, П. А. Некрасовъ доказываетъ съ помощью теоремы Чебышева, дозволяющей установить однажды на всегда измѣрительную скалу устойчивости явленія благъ въ ходѣ историческаго процесса и творчества и отмѣчать на ней тѣ парадоксальныя положенія, за которыми слѣдуютъ на самомъ дѣлѣ надрывы частнаго и общественнаго благосостоянія, если не примѣнять мѣръ права, т. е. исправленія погрѣшностей свободъ искупающими возмѣщеніями.

Органъ мистики, т. е. языкъ, способенъ «источать горькую и сладкую воду», производить колоссальные подлоги и извращенія понятій. Потому-то, по ученію П. А. Некрасова, мистика свободъ должна быть подсудна сугубой критикѣ, т. е.

высшему суду короны и мѣстному суду земщины, *просвѣщенной* народной совѣсти, для чего земскіе суды должны получить соотвѣтствующую техническую организацію, дѣлающую отводы отъ соучастія въ судѣ невѣроподобныхъ элементовъ.

Оперативные законы большихъ чиселъ Бернули, Пуасона и Чебышева даютъ искомыя достовѣрности. Но не будемъ теперь ограничиваться одною математическою числовою теоріей вѣроятности съ ея ученіемъ большихъ чиселъ и символическихъ исчисленій, признаемъ сверхъ того еще и номографическія закономѣрности теоріи вѣроятности, предоцѣнивающія (т. е. впередъ оцѣнивающія) каждый «рискъ».

Эти номографическія изображенія закономѣрности сближаются съ дѣйствительностью, какъ ряды понятій вѣрящаго мышленія, какъ трансцендентальныя идеи, по терминологіи Канта (приграничныя мысли къ потустороннему или обонпольному). Сближенія происходятъ различно: съ одной стороны какъ идеи психологическія (душевѣдныя), космическія (міровыя) и теологическія (богословскія), и съ другой стороны, какъ гражданскія концепціи матеріальныхъ интересовъ, какъ общественныя понятія вещественныхъ выгодъ, но сближаются эти познанія съ дѣйствительностью посредствомъ «статистической частости» многократными повторными числовыми отмѣтками.

Тутъ достовѣрность и правда опираются на многочисленность учащенной повторности и на многочастичную дробность явленій, разбитыхъ на мельчайшія доли.

Познаніе совокупности мыслительно усваивающаго дѣйствія, многократнаго и многообразнаго, и сближеніе его съ плодами (результатами), обнаруженными на дѣлѣ, есть основной пріемъ и способъ математическаго вывода уравненія и сближенія вѣроятностей. Это сближеніе проявляется также сличеніемъ во встрѣчахъ субъектовъ и объектовъ, притомъ во множествѣ, которое сведется во едино на основаніи закона большихъ чиселъ какъ дѣйствующихъ факторовъ, личныхъ и безличныхъ. Къ тому-же нужно отмѣтить себѣ совершенно ясно еще и то, что при независимости (свободѣ) многихъ субъектовъ самопознаніе *возможно лишь черезъ символы вѣроятности*, ибо существуетъ извѣстная прерывчатая непроницаемость одного «я» въ «другое», невозможность въ нѣкоторой степени внѣдренія «одного» въ «другое». Но въ соборѣ вырабатывается даже черезъ эту монадологическую непроницаемость «*достовѣрность*», власть которой непобѣдима, главнымъ образомъ въ короткихъ періодахъ.

Хомяковъ, повторяя мысль Кирѣевскаго, вывелъ положеніе, что личные разумы разнствуютъ другъ отъ друга не столько по степени ихъ разсудочности, сколько по степени зрячести. «Совокупленіе всѣхъ познавательныхъ способностей въ одну силу, внутренняя цѣльность ума, необходимая для сознанія цѣльной истины, не могутъ быть достояніемъ всѣхъ (*слова Кирѣевскаго*)». Тутъ отмѣчается въ нѣкоторомъ родѣ непроницаемость цѣльнаго познанія отдѣльныхъ мыслителей въ познаніи толпы, но, продолжая мысль и опредѣляя значеніе живознанія, приводящаго къ вѣрѣ, Хомяковъ указываетъ на волевую сторону познанія въ «*волящемъ разумѣ*» и «*разумѣющей волѣ*» (ибо таково опредѣленіе самаго познающаго духа), которая опирается какъ на связывающую силу познанія толпы на всемірный законъ любви, т. е. которая опирается на соборность: «*недоступная для отдѣльнаго мышленія истина доступна только* (заключаетъ Хомяковъ) *совокупности мышленій, связанныхъ любовью* (соборностью). Эта черта рѣзко отдѣляетъ ученіе Православное отъ всѣхъ остальныхъ: отъ Латинства, стоящаго на внѣшнемъ авторитетѣ, и отъ Протестантства, отрѣшающаго личность до свободы въ пустыняхъ разсудочной отвлеченности. То, что сказано о высшей истинѣ, относится и къ философіи. Повидимому — достиженіе немногихъ, она дѣйствительно твореніе и достояніе всѣхъ». (Хом. I, стр. 281—283).

То, что сказано о высшей истинѣ, отнесемъ мы, и къ силѣ познанія немногихъ, которая въ соборѣ, основанномъ на любви къ истинѣ и мудрости, является достояніемъ всѣхъ!.. То, что сказано о познаніи истины вообще относится также и къ познанію другъ друга... Отчужденная непроницаемость теряетъ въ соборности свое ограниченіе и огражденіе; взаимное познаніе другъ друга перебрасывается сквозь или поверхъ этой непроницаемой преграды.

По Хомякову, истина отдѣльныхъ подвижниковъ познанія въ соборѣ становится достояніемъ всѣхъ. Но мы имѣли въ виду, какъ разъ наоборотъ. Невозможность удостовѣренности каждаго лица въ отдѣльности, не взирая на монадологическую отдѣльность каждаго будто-бы безъ оконъ и дверей (по Любницу), получаетъ достовѣрную силу, когда становится признаніемъ всѣхъ. Такая противоположность только кажущаяся, потому что оба случая одной и той-же силы по познанію направленія: познаніе одного мудреца становится достояніемъ всѣхъ и соборное познаніе всѣхъ исправляетъ погрѣшности каждаго. Подвигъ отдѣльнаго спасаетъ достовѣрность всѣхъ, но и грѣхъ, совершенный отдѣльнымъ лицомъ, искупается исповѣдью передъ всѣми соборомъ всѣхъ любя-

щихъ въ братствѣ собора. Соборъ есть то условіе, которое дѣлаетъ истину одного достояніемъ всѣхъ, а грѣхъ каждаго искупается всѣми святостью соборной церкви.

Соборность требуетъ трехстороннее разсмотрѣніе предмета. Три стороны внутренняго проявленія тайнопознанія объектъ—субъективаціи суть три дѣеспособности: 1° опытъ, 2° оцѣнка и 3° подвигъ (теорія вѣроятности, съ механикой и свободами, таксологическая проблема и оперативный законъ большихъ чиселъ).

Вводя въ ученіе о познаніи субъективность и объективность процесса (развитія дѣйствія), иначе способность познаванія на пути достовѣрности посредствомъ предположительнаго познаванія, т. е. черезъ вѣроятность, мы налагаемъ на себя трудъ выяснить и разсмотрѣть познаніе и съ третьей точки зрѣнія, а именно со стороны удостовѣренности познанія, его вѣскости и цѣнности. Эта точка зрѣнія требуетъ опредѣленія познанія: 1° какъ *предположительнаго дѣйства* (дѣи), 2° какъ *оцѣнивающаго дѣйства* (дѣи) и, наконецъ. 3° какъ *хода развитія* (процесса) *самого дѣйства* (дѣи) *познаванія*.

I. Познаніе, какъ предположительная дѣеспособность.

Познаніе на рубежѣ своего возникновенія едва мерцаетъ въ смутной и туманной неясности, неопредѣленной безцвѣтности, но оно ждетъ просвѣтлѣнія и начинаетъ развиваться, затѣмъ опредѣляется и окрашивается. Это возникновеніе бываетъ или 1° *внезапно мигомъ*, т. е. съ быстротою и скоропалительностью, или 2° не мигомъ, а *постепенно*, т. е. достигая нѣкотораго равновѣсія, какъ-бы пріостанавливаясь, но подвигаясь, однако, послѣ многократныхъ побужденій шествуетъ медленно впередъ, или наконецъ, 3°, *непрестанно*, когда раскрытіе истинности познанія является вѣчнымъ спутникомъ вѣчнаго достиженія и откровенія Истины.

Въ этомъ смыслѣ можно сосредоточить возникновеніе познанія въ очагѣ пересѣченія трехъ направленій:

1) *Изъ подсознанія къ сознательному разумѣнію и знанію*, это и будетъ то, что въ славянофильствѣ называется *предразсужденіемъ*, иначе говоря, впередъ разсужденіе, которое проявляется для всего посторонняго предразсудкомъ, какъ въ смыслѣ отрицательномъ, т. е. заблужденіемъ, такъ въ смыслѣ положительномъ, т. е. познавательнаго предчувствія, пред-

---

*) Слово «*дѣи*» нами установлено въ ряду трехъ: *метъ* (отвлеченный мыслею предметъ), *дѣя* смыслить дѣеспособность (отвлеченное мыслею дѣйствіе) и *сутъ* (отвлеченное внутреннее свойство «мета» «дѣи»). (Сводъ основ. Зак. Мыш. 1910 г.).

знаніемъ истиннаго достиженія дѣйствительнаго. *Это и есть предразсудокъ* (предразсужденіе) *познавательный.*

2) *Изъ неуясненной положительности къ просвѣщенію* (свѣту) *и къ вѣдѣнію.* Это и будетъ то, что называется обычно *предположеніемъ, предугаданіемъ* впередъ поставленное рѣшеніе наугадъ или по предчувствію; оно проявляется предвѣдѣніемъ, когда обращено въ сторону истинной дѣйствительности или вѣдунствомъ и гаданіемъ, когда достигается отрицательными силами и направляется въ сторону лжи, обмана, подлога и даже прилога. *Это есть познавательное предположеніе.*

3) *Изъ не признаннаго къ рѣшительному убѣжденію.* Это и будетъ то, что славянофилы (Гиляровъ-Платоновъ) обозначаетъ словомъ *предубѣжденіе,* впередъ составленное твердое (или иногда и не твердое) убѣжденіе, которое проявляется какъ въ смыслѣ отрицательномъ, т. е. предубѣжденіе въ значеніи суевѣрія, или въ смыслѣ положительномъ, какъ начало признанія вѣросознающаго откровенія. Это живознаніе, (по Хомякову) составляетъ низшую ступень лѣстницы вѣры. Таково признаніе или волепознаніе, вѣроволеніе, и оно мыслимо тогда, когда возникновеніе познанія зависитъ отъ воли т. е. когда она свободна. Иначе *это есть познавательное предволеніе, предубѣжденіе,* личное самовнушеніе чистаго и нечистаго домогательства ума.

Познавательное предразсужденіе (предразсудокъ) призываетъ и сосредоточиваетъ силы разумныя, умственныя; познавательное предположеніе сосредоточиваетъ срединныя силы сознанія и самосознанія, а познавательность, произвольная предубѣжденность, возбуждается силами свободно-творящей воли.

Обыкновенно предразсудокъ, предположеніе (предсознаніе) и предубѣжденіе дѣйствуютъ сообща, соборно, и когда эти силы станутъ лицомъ къ лицу, то 1^0 разумная, разсудочная и умодуховная сторона раскрываетъ запасы своего *опыта,* 2^0 сознательная, оцѣнивающая и совѣстливая (иногда безсовѣстныя) стороны раскладываютъ разновѣски на чашку вѣсовъ сознанія, т. е. обнаруживаютъ предварительный *расцѣнъ* достоинства, и, наконецъ, 3^0 волевая сторона освобождается отъ путъ и цѣпей и побуждаетъ къ *подвигу.*

1^0 *Опытъ*—индукціи, 2^0 *предрасцѣнъ*—таксаціи и 3^0 *подвигъ*—дедукціи вмѣстѣ взятые, и составляютъ тріединство совѣта (совѣстливаго или безсовѣстнаго) начальнаго предположительнаго дѣйства познанія.

Школа Кирѣевскаго и Хомякова указала, гдѣ находится

высшая оцѣнивающая ступень въ дѣлахъ познанія, не раціонализмъ, но полная и цѣлокупная жизнь духа, проявленная въ вѣрующемъ разумѣніи, которая всегда предшествуетъ знанію.

Сведемъ всѣ три стороны познаванія въ одну обычнаго вида таблицу образца Вл. Соловьева построчно и постолбно.

Познаніе, какъ предположительная дѣеспособность вѣроятности.

Способъ проявленія	мягомъ	постепенно	вѣчно
Средоточіе	предрасудокъ	предположеніе	предубѣжденіе
Обнаруженіе	опытъ	предраспѣвъ (смѣта)	подвигъ

Тутъ вѣроятность познаванія проявляется во всестороннемъ своемъ вооруженіи закономъ большихъ чиселъ, рѣшеніемъ таксіологической проблемы, сверхпредѣльнымъ счисленіемъ и, наконецъ всею теоріею вѣроятной и чувственной достовѣрности.

II. Познаніе, какъ оцѣнивающая дѣеспособность (таксологическая проблема теоріи вѣроятности).

Разсматривая достоинство познанія въ зависимости отъ внутренней цѣнности, отъ вѣскости познанія, обсѣмененнаго и зарожденнаго въ очагѣ познавательнаго предчувствія, можно установить три степени качества познавательныхъ попытокъ и стараній, познавательныхъ домоганій и подвиговъ:

1) *Отрицательная степень—ложь*, т. е. обманно-ложно настроенное познаніе, къ которому причисляется всякая игра болѣзненнаго воображенія (фантазія и фантазерство), всякое сказочное и призрачное гаданіе (мистическая мистификація) и всякое заманчивое очарованіе (окультическая гипнотизація и стилизація). Тутъ глубина источника сатанинскаго соблазна и прилога, чертовскаго обмана и лжи и дьявольскаго передержки и подлога. Познавательная ложь есть несоотвѣтствіе познанія съ истиной, правдой и любовью.

2) *Неопредѣленная степень—безразличіе*, т. е. ни отрицательнаго, ни положительнаго свойства—познаніе фактическое дѣйствительности существующаго бытія, безъ нравственной его оцѣнки. Для научнаго познанія это кажущееся безразличіе считается качествомъ высшей степени одобрительнымъ и извѣстно подъ названіемъ «объективнаго познанія»; оно

неизбѣжное явленіе для очень большого круга свѣдѣній, но не пригодно, когда опредѣленіе добродостойности и недостоинства содержанія познанія—обязательное его условіе; тогда такое безразличное познаніе будетъ становиться отрицательностью для познаванія духовно-нравственнаго, котораго цѣль отличить и разграничить именно добро отъ зла. По промежуточности и межеумочности въ области познанія нравственнаго требованія, она заранѣе осуждена, какъ теплохладность, которая извергнется изъ устъ правды (Апок. гл. 4 ст. 16). Мы выдѣляемъ эту граничную область добродостоинства и злокачественности въ особую категорію, ибо существуетъ громадное поле познанія, которое нолевого или начальнаго значенія внѣ нравственной оцѣнки (таблица умноженія, Пиѳагорова теорема, Кеплеровы законы); тогда она можетъ примкнуть къ положительному познанію истины.

3) *Положительная степень или качество познанія — истина*, которая выражается соотвѣтствіемъ познаваемаго предмета (мета) познающаго мышленія и пониманія съ предметомъ дѣйствительнаго бытія. Философія историзма и идеализма, почитая идеи (ноуменъ) тождественными съ бытіемъ (феноменомъ) и называя это тождество *истиною*, признаетъ истину, какъ нѣчто вѣчно текущее, вѣчно смѣняющееся, подобно рѣкѣ Гераклида (Куно Фишеръ и его четырехтомная исторія философіи). Истина этого неустойчиваго эволюціонизма и расклубленія (по словообозначенію Хомякова) есть не истина, жизненная, а дѣйствительности, которая какъ нѣчто непостоянное протекаетъ внѣ совершенства истины. Грубое прегрѣшеніе гегельянскаго мышленія эволюціонной канители заключается въ признаніи исключительность текучей истины. Истина же будійскаго мышленія обратнаго гегельянству значенія. Будизмъ не признаетъ познанія дѣйствительной жизненной текучести и расклубленія за истину, а за личную обманчивую илюзію, за ложь, считая, наоборотъ, за истину неподвижность своего личнаго внутренняго углубленія въ пустоту нигилистическаго небытія. Постоянство, хотя-бы пустой истины и съ отрицательнаго конца по значенію—краевое понятіе. Гегельянское промежуточное пониманіе этой абсолютности не обладаетъ. Текущее во всемъ есть истина—Куно Фишеръ; косность небытія есть божество истины—будизмъ; посему познающій сіе небытіе (будистанъ) почитается самоличнымъ божкомъ пустоты.

Тѣже понятія перескажемъ математическимъ языкомъ. Ложь и истина суть два полюса непримиримо противоположнаго (антиномія), поскольку ложь осталась не искупленнымъ

грѣхомъ, человѣкоубійствомъ. Мы допускаемъ, слѣдовательно, множество грѣховъ, какъ искупимыхъ погрѣшностей, гдѣ бываетъ умѣство вводить гражданское право съ политическимъ устройствомъ и съ рѣшеніемъ общественныхъ и хозяйственныхъ вопросовъ соціально-экономическаго свойства. Въ нихъ принимаетъ участіе понятіе *стоимости*, состоятельности, бережливости, финансоваго права, торговаго обмѣна и всякой правильной *оцѣнки* экономическаго кредита, рабочаго труда и земли, орудія производства, и вообще всего того, что соизмѣримо съ деньгами, какъ всеобщимъ экономическимъ мѣриломъ. Въ этой положительности познанія истины дѣйство вѣроятности выразится лишь, какъ способъ воспріятія вѣруемаго, чаемаго и ожидаемаго, которое стремится пріобщиться къ вѣчнымъ истинамъ. Тогда подобная вѣроятность обратится въ «вѣроподобіе», «правдоподобіе» и «истинообразіе», «богообразіе», прислушиваясь къ исповѣдямъ души, а въ исторію—къ откровеніямъ и открытіямъ въ области духа и общественно-научныхъ вопросовъ. Это приложеніе вѣроятностей нужно рѣзко различать отъ ея-же приложенія къ естественнымъ научнымъ предметамъ, о которыхъ была уже рѣчь при установкѣ познанія безразличнаго по нравственному и духовному достоинству.

Итакъ оцѣнивающая способность трояка по качеству:

по достоинству	отрицательная	безразличная	положительная

III. Познаніе, какъ удостовѣряющая дѣеспособность.

Разсматривая посредствомъ опыта достоинство познанія его чистоту и загрязненность, ядовитость (адство) источника его возникновенія, правильный или неправильный ходъ его развитія и достойную или недостойную цѣлесообразность его домоганій, мы разрѣшаемъ вопросъ о раскрытіи сущности достовѣрнаго познанія по ихъ первоначалу и основнымъ чертамъ (характеру) и свойствамъ, и въ этомъ отношеніи можно отличить три типа достовѣрности:

1) *Достовѣрность самоочевидная* непосредственнаго впечатлѣнія факта, воспринимаемаго пятью внѣшними чувствами; такая воспринятая достовѣрность свойственна не только жизненнымъ способностямъ человѣка его импресіональности, но и всякой живой твари, всякому скоту. *Эта достовѣрность импресіональная, непосредственная;*

2) *Достовѣрность опытновыводная*, опытноприводная,

воспроизводимая исчисленіемъ вѣроятности изъ познанія чужихъ «я», связанныхъ *свободными* причинными зависимостями, изъ разсмотрѣнія и критики «возможнаго», но не «достовѣрнаго» въ силу борьбы причинныхъ дѣятелей, каузальныхъ факторовъ. *Эта достовѣрность каузальная, опытная;*

3) *Достовѣрность познанія непререкаемая*, непреклонная въ смыслѣ догматическомъ-откровенномъ и аксіоматическомъ-основоположномъ. *Эта достовѣрность—аподиктическая, непреложная.*

Достовѣрности второго порядка опытнаго и дедуктивнаго свойства являются предѣлами для вѣроятности, ибо вѣроятность есть многоступенная лѣстница, или графическая скала, измѣняющаяся отъ 0 нуля до 1 единицы, причемъ предѣлы этой скалы и суть достовѣрности отрицанія и утвержденія.

Всякая промежуточная вѣроятность p явленія E $(o < p < 1)$ есть также достовѣрность, но только условная, возможная при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ.

Въ предисловіи своей теоріи вѣроятности проф. Некрасовъ говоритъ слѣдующее (излагаемъ сокращенно): «Роль вѣроятностей по вопросамъ жизни познавательная и многосторонне посредническая, устанавливающая исчисленіемъ, измѣреніемъ и словомъ или иными знаками и графиками сродство и соотношеніе или связь (интеграцію) между органами или составными частями ВСЕГО (цѣлаго) и ихъ функціями».

«Теорія вѣроятностей установляетъ основную связь міра A идей (мыслей) съ міромъ A' фактовъ (дѣйствительныхъ явленій) и загадокъ о будущихъ фактахъ, приводящихъ къ системамъ дедуктивныхъ и индуктивныхъ уравненій (см. 204—205 стр.). Если этотъ міръ A' фактовъ выдѣляетъ изъ себя (дифференцируетъ) двѣ, положимъ, части: 1° міръ B и 2° міръ Г (не B), то между этими отрѣзанными другъ отъ друга дифференцированными мірами всетаки можетъ быть установлена по меньшей мѣрѣ утонченная связь (духовная) посредствомъ познавательнаго и графическаго соотношенія той и другой части міра A' фактовъ къ міру A идей. Отсюда выводятся взаимоотношенія между двумя группами фактовъ. Но дифференцированіе ВСЕГО никоимъ образомъ не сводится къ двумъ только самостоятельнымъ факторамъ. Расчлененіе нужно относить вообще не къ двуполой дифференціаціи міра A' фактовъ, но дифференціаціи тройной, 4-й и д. т. Отсюда понятіе *многоединства*, у котораго существуютъ связи, частью матеріальныя, грубыя, частью утонченныя идейныя, духовныя. Послѣднія обязаны теоретической дѣятельности духа, вселяющейся въ символическія мѣры и въ діаграммы вѣроятностей, т. е. связь условныхъ и возможныхъ достовѣрностей. При чемъ закономъ большихъ чиселъ созидаются цѣнныя величины особого рода, какъ капиталы; онѣ созидаются изъ довѣрія, изъ народной психологіи и измѣряются не

физическимъ, а графическимъ и символическимъ исчисленіемъ.—Капиталъ есть не деньги только, но учитываемыя способности народа, обязанныя его духу.

Логическій принципъ противорѣчія и исключеннаго третьяго (средняго) содержитъ скрытую числовую предпосылку о дуализмѣ дифференцированніи ВСЕГО. Въ случаѣ множественности принципъ ложенъ, кромѣ ограниченнаго условнаго круга отвлеченныхъ и проективныхъ понятій. Дуалистическая дифферанціаціи ВСЕГО есть не болѣе какъ блестящая ложь. Она завѣдомо несогласуется въ качествѣ обязательнаго правила съ фактомъ множественности (болѣе 2-хъ) самостоятельныхъ факторовъ природы. Помянутая ложь «блестящая» потому, что въ ней есть крупица правды, ибо сочетаніе по два всетаки существуетъ въ отдѣльныхъ моментахъ встрѣчи и случая».

Съ помощью понятія «исчисленія вѣроятности итоговъ» (итоженіе по выраженію Хомякова), какъ дѣятельности (Е)—энергіи, такъ и искомыхъ плодовъ дѣятельности (X), установляется чрезвычайно важное для руководителя (инструктора) знаніе (вмѣстѣ съ формулой и мѣрой) *устойчивости* и *неустойчивости* цѣнныхъ итоговъ, какъ въ смыслѣ итога самихъ лицъ, рождающихся и умирающихъ (статистика народонаселенія), такъ и въ смыслѣ вещественныхъ и хозяйственныхъ благъ (статистика экономическая и финансовая).

Съ введеніемъ въ ходѣ развитія самого дѣйства (риска) свободной причинности и познанія устойчивости, неустойчивости и непрерывности съ ея обрывами и промежутками, слѣдуетъ установить еще три ряда понятій: 1) о *торговомъ выкупѣ* чужого блага и судебномъ *искупленіи* (возмѣщеніи), какъ своей и чужой постоянной вины, такъ и случайной погрѣшности, послѣ ихъ совершенія (апостеріори), 2) о *страхованіи* и *огражденіи* (гарантіи) отъ отрицательныхъ и убыточныхъ силъ краха, зла и лукавства, 3) о *средоточіяхъ*, *храненіи* (кустодія) и *источникахъ* силъ запаса и средствъ правооборота лживости, зла (динамическіе борющіеся возбудители).

Проявятся добрыя силы, если средоточія обнаружатъ и направятъ дѣятельность (Е) и плоды ея (X) ко благу народа и въ смыслѣ матеріальнаго права (земскаго, общественаго и государственнаго), и въ смыслѣ жизни вѣчной въ духовномъ и нравственномъ пониманіи. Это и есть солнце правды и рай на землѣ. Злыя, наоборотъ, побужденія проявятся, когда источникъ соблазна и его прилогъ приведутъ правооборотъ ко лжи; тутъ, конечно, средоточіемъ не служитъ солнце правды и райскій очагъ истины, а блескъ обмана, за которымъ скрытъ костеръ пекла темнаго огня гіенны расплавленной сѣры.

Достовѣрность такимъ образомъ проявляетъ три степени обнаруженія и достиженія вѣрной истины:

1° самоочевидная огражденность непосредственнымъ здравымъ смысломъ даетъ *несомнѣнность;* 2° научно выводныя изъ цѣпи причинъ свѣдѣнія утверждаютъ *убѣдительность* и 3° сверхъ опытныя (чисто умозрительныя) открытія и откровенія, укореняютъ *непреложность* достовѣрнаго познанія.

Познаніе, какъ удостовѣряющая дѣеспособность, разсмотренное съ трехъ сторонъ 1° источника, 2° самаго дѣйствія и 3° конечнаго достоинства, принимаетъ слѣдующее распредѣленіе:

Достовѣрность обнаруженнаго познанія.

	Начальное	Срединное	Конечное
По источнику	самоочевидная (аксіомная)	опытновыводная (научная)	откровенная (догматическая)
По дѣйствію	ограждающая	собирющая запасы средствъ	искупающая
По достиженію	несомнѣваемость	убѣдительность	непреложность

Подведемъ итоги связи познаніевѣдѣнія съ автоматическимъ мышленіемъ и перевода статическихъ номографическихъ образовъ познаванія въ символы математическаго анализа теоріи вѣроятности.

Мы установили три точки зрѣнія:

I Познаніе какъ предположительная дѣеспособность.
II » » оцѣнивающая »
III » » удостовѣряющая »

Размѣстимъ эти три ряда главныхъ троечастныхъ подраздѣленій построчно и постолбно.

Общія свойства обнаруженія познанія.

Познавательныя дѣеспособности	—	o	+
Предполагающая	предразсудительно (суевѣрно)	предугадательно (ни да, ни нѣтъ)	предубѣдительно (вѣрно)
Оцѣнивающая	отрицательно	безразлично	положительно
Удостовѣряющая	непосредственно (импресіонально)	опытно (каузально)	непреложно (аподиктически)

Запасы, обороты и символы въ связи съ идеологіей множества.

Основываясь на предыдущемъ, нужно признать, что вѣроятность познаванія есть самое срединное, сосредоточенное

и существенное свойство познавательныхъ и ассоціативныхъ способностей; она главная двигательница, постоянная спутница всякихъ общественныхъ и естественныхъ научныхъ изслѣдованій и всесильная созидательница всякаго духовнаго и матеріальнаго капитала и всякой культуры (просвѣщенія) и общественнаго домостроя (домостроительства семейнаго, государственнаго и великодержавно-міроваго).

Говоря объ общественности, можно утвердительно удостовѣрить, что психологическій графикъ, вычерченный на основаніи теоріи вѣроятности, проливаетъ свѣтъ за ту перегородку множества частныхъ малыхъ «я», которая запечатана семью печатями для познанія общины, лишившей себя правильной дифференцировки и затѣмъ подвига соборности множества единицъ, какъ мірской, такъ и церковной. Причемъ, какъ въ хозяйствѣ и промышленности играетъ роль запасъ золотой казны (касса финансовъ—иначе денежный запасъ, какъ гарантія экономической силы), такъ и въ соборностяхъ—запасъ личныхъ талантовъ. Тутъ добрая дѣеспособность развивается семьею, школою, духовнымъ аскетизмомъ во имя идей, законовъ и положеній, примыкающихъ къ истинамъ, и въ области богословскаго бытія, и общественной, и хозяйственной промышленной жизни. Цѣнятся личныя дарованія (искры Божіи) въ людяхъ, какъ цѣляхъ Божественнаго промысла на землѣ. Мысленная соборность, какъ *умозрительный* законъ большихъ чиселъ теоріи вѣроятностей (тутъ разумѣется храмъ умственнаго созерцанія, наполненный множествомъ мысленныхъ предметовъ и трактуемый древними философами, какъ Платонъ, и новыми философами-педагогами, какъ Гербартъ, Лапласъ, П. А. Некрасовъ, В. Г. Алексѣевъ, Штрюмпель и другіе), воздѣйствуетъ на соборность, какъ *матеріально* дѣйствительное политическое корпоративное учрежденіе лишь тогда, когда идея земской соборности будетъ органически связана съ идеей объединеній (союзовъ) и съ *матеріально* воплощенною монархическою идеею, какъ верховнымъ земскимъ покрывающимъ единствомъ, связывающимъ ВСЕ, относящееся къ государственной недѣлимости (атомности) и какъ заповѣдь «кесарево кесарю».

Теорію вѣроятности посему надлежитъ изучить самымъ тщательнымъ образомъ для уясненія коренныхъ свойствъ и своебытныхъ чертъ познаніевѣдѣнія и для выраженія познавательной многогранности съ математическою точностью и алгебраическою символикою. Законъ большихъ чиселъ, какъ формула соборности и достовѣрности массовыхъ явленій независимыхъ и зависимыхъ единицъ повѣрнется и дѣйствуетъ

на основаніи строго установленныхъ теоремъ (Бернулли, Лапласъ, Коши, Чебышевъ, Бугаевъ), связывающихъ черезъ вѣроятности и «операціи» итоги дѣятельностей (Е) съ итогами плодовъ (X). Вѣчно подвижная собирательная дѣятельность съ ея запасами гарантіи и обезпеченій и есть та познавательная закваска, та возбуждающая внутренняя сила, которая раздвигаетъ самую дѣеспособность познавательныхъ стремленій съ заранѣе предусмотрѣнною и окупленною устойчивостью, застрахованностью отъ катастрофъ и проваловъ.

Ожиданія, основанныя на вѣроятности, могутъ оправдаться и не оправдаться въ дѣйствительности, могутъ осуществиться и не осуществиться взаправду, а потому смѣтныя ожиданія провѣряются дѣйствительностью фактовъ вмѣстѣ съ достаточностью и достоинствомъ источника и математически созданными величинами-средствами, что и составляетъ задачу цѣнности критическаго изслѣдованія пользы и сличительнаго сопоставленія. Тутъ и безъ длинныхъ объясненій ясно, что познаніе прошлаго и фактическаго настоящаго въ предразсужденіяхъ о будущемъ обладаетъ свойствомъ «довода», «дохода» или «навода» (наведенія=индукціи), которое даетъ силу и смыслъ вѣроятнымъ предположеніямъ. Послѣ же удостовѣренія правильности или невѣрности ожиданій событіями дѣйствительности получаются уже чисто поправочнымъ путемъ на будущее время умозаключенія и положенія, кои окажутся болѣе близкими къ истинѣ—это дѣло «вывода, или дедукціи». Смѣна индуктиваго восхожденія отъ частныхъ событій къ общему положенію и дедукція отъ сего общаго убѣжденія къ частнымъ выводамъ можетъ повторяться неоднократно, возвращаться, образуя многочисленныя круговороты (періоды). Такая непрерывная связь и цѣпь перемѣннаго возвращенія наведеній и выводовъ (индукцій и дедукцій) даютъ *«повторный оборотъ»* познанія. Историческій оборотъ между провѣренными позади стоящими достовѣрностями и впереди ожидаемыми вѣроятностями легко выражается алгебраическими формулами и сравнительными таблицами.

Оборотъ можетъ быть приведенъ къ рѣшительному предѣлу, индукція получается тогда мгновенная. «Совершилось» крестной смерти Богочеловѣка во единое мгновеніе стало міровымъ событіемъ спасенія всего человѣчества. Савлъ фарисей сталъ сразу Павломъ, Апостоломъ народовъ. Упавшее съ дерева яблоко мигомъ открыло Ньютону міровой законъ тяготѣнія. Но не всѣ мгновенныя *индукціи* такой сосредоточенной мощности, иныя мгновенныя индукціи имѣютъ ничтожное значеніе. По числу наблюденій иногда индукція довольствуется ма-

лымъ количествомъ наблюденій,—то будетъ *малая индукція*, по словообозначенію проф. Некрасова. *Большая индукція* будетъ тогда, когда потребуется многочисленный рядъ наблюденій. Наконецъ, *индукція* можетъ быть *вѣчной*, ибо и само творчество вѣчно, всегда будетъ новое содержаніе для опытовъ и сведенія ихъ въ единство прежнихъ индукцій или установки новой. Мгновенная, малая, большая и вѣчная индукціи суть разныя степени собиранія познанія, всѣ онѣ законны, и каждая имѣетъ свою область воздѣйствія въ міровомъ многоединствѣ; соотвѣтственно нашей идеологіи, вѣчная индукція заключается въ тріединствѣ нашего Богопочитанія, прославленія Бога во Св. Троицѣ.

Во всѣхъ историческихъ оборотахъ, имѣющихъ разрывы и жизненные перевороты и перерывы, познаніе ихъ не связывается иначе, какъ посредствомъ научныхъ математическихъ символовъ мышленія, образовъ и символическихъ лицъ; напр. Царь, Патріархъ и Народный Посадникъ въ домостроѣ исконно-русскаго самоприроднаго быта. Функціи авторитета между ними раздѣляются согласно заповѣдямъ: воздадите Кесарю Кесарево, Богу Божіе и любите ближняго въ лицѣ своей родины, своего народа.

Символами познанія и жизни передается не только матеріальное имущество, но и, выражаясь кантовскимъ языкомъ, текучія трансцендентальныя (прирубежныя къ потустороннему познанію) идеи науки, государства, церкви, научныя, государственныя и церковныя преданія и т. д.

Кантъ въ своемъ изслѣдованіи познавательныхъ достовѣрностей сдѣлалъ въ этомъ отношеніи грубую коренную погрѣшность, опорочивающую все имъ съ такимъ трудомъ возведенное громоздкое по плану зданіе своей гносеологіи.

Основная ошибка кантіанства именно въ томъ, что онъ желалъ схватить истину познанія разомъ, взять быка за рога, хотѣлъ получить достовѣрность апріорно безъ помощи подвижныхъ на подвигѣ основанныхъ «оперативныхъ» вѣроятностей съ ихъ символами и графиками, приложенныхъ къ опредѣленной дѣятельности, приносящихъ соотвѣтственные плоды подвига творчества или работы общественнаго свойства. Кантъ подъ видомъ достовѣрности критическаго разума подсунулъ «гнилой товаръ»: бревно въ глазу судящаго. Кантъ оставилъ познающаго въ монадологическомъ одиночествѣ съ самимъ собою, въ скорлупѣ и бронѣ безъ оконъ и дверей подобно «корпусу подводки», т. е. подводнаго судна (coque d'un sousmarin). Онъ не безъ даровитости изобразилъ отчужденность познанія отъ дѣйствительнаго бытія и устремился

въ объятіе «практическаго разума», не найдя въ немъ спасительной пристани. Основная цѣль всякаго живого познаніевѣдѣнія утеряна окончательно, а именно,—связать достовѣрностью познающаго съ познаваемымъ имъ бытіемъ, построить въ законосоразмѣрный строй соотношеніе познающаго лица, его субъективизмъ, къ поздаваемому предмету, къ объекту бытія. Худосочное познаваніе у Канта уподобилось паразиту, который какъ бы существуетъ самобытно.

Кантіанство, подрывая догматизмъ и догматическій идеализмъ, выдвинуло на его мѣсто критицизмъ и критическое символическое мышленіе, допуская въ практическомъ разумѣ символизировать идеи политическія, теологическія, но безъ живого антропоморфизма, безъ метафизическаго догматизма почерпнутаго изъ живой вѣры Св. Откровенія и безъ православно-христіанскаго догматическаго языка. Вся кантіанская символика легко переходитъ въ совершенно произвольную субъективную сказку-выдумку и ненужныя сбивчивыя построенія.

Славянское міросозерцаніе ни коимъ образомъ не примиряется съ безвыходнымъ, мертвымъ, фиктивнымъ символизмомъ и остается вѣрнымъ догматическому антропоморфизму, въ особенности, когда дѣло касается догматовъ церкви, ибо вѣруетъ въ Богоподобіе человѣка съ его вѣрующимъ Богосознаніемъ, и въ особенности это такъ, когда дѣло касается соборнаго многоединства по образу Совѣта исконнаго тріединства Бога живаго. Пантеизмъ же самообоготворяющаго Гегеля мы также развѣнчиваемъ въ мірской колективизмъ божковъ людей на землѣ, который не вѣдаетъ надъ землею общаго совѣта Промысла, Провидѣнія и Предопредѣленія и не воздвигаетъ верховнаго тріединаго Существа, Бога Тріvпостаснаго. Даже классическое язычество въ этомъ отношеніи ближе къ истинѣ своимъ олимпомъ, чѣмъ напр. Магометовъ богъ или богъ пантеизма Спинозы и Гегеля и, наконецъ, богъ простаковскаго монизма интелигентныхъ и интелектуальныхъ раціоналистовъ, въ родѣ унитарнаго божества въ религіи еретика графа Л. Н. Толстого. «Высшей судебной инстанціей въ дѣлахъ познанія, подчеркиваетъ Ник. Бердяевъ *) не можетъ и не должна быть инстанція раціоналистическая и интелектуалистическая, а лишь полная и цѣлостная жизнь духа. Въ этомъ я сознательно возвращаюсь къ традиціямъ Кирѣевскаго и Хомякова». Соборное начало выражается особенно ярко математической символизаціею въ числовомъ обликѣ **).

*) Николай Бердяевъ. Философія свободы. Москва. 1911 г. изд. Трудъ.

**) См. Труды Братства. Тріединство какъ основа соборности и духовности. Баронъ М. Ф. Таубе. Петроградъ 1910 г.

Внутреннее достоинство цѣльнаго живознанія (вѣры, опыта, знанія), славянофильскаго любомудрія.

Достоинство восточнаго православнаго просвѣщенія и цѣльнаго, полнаго и соразмѣрнаго познаніевѣдѣнія славянофильскаго склада въ сравненіи съ западно-европейской наукой и въ частности съ гносеологіей кантіанской философіи — отмѣчается само собою. Забѣгая впередъ, укажемъ уже здѣсь, въ чемъ заключается главнѣйшая отличительная черта познаніевѣдѣнія славянофильскаго просвѣщенія. Это важно уже тѣмъ, что въ немъ (т. е. въ семъ достоинствѣ) сосредоточивается весь смыслъ того «новаго слова» въ познаніевѣдѣніи Востока, которое возвышаетъ его умозрѣніе на высоту христіанской истины превыше всего иного, не отрывая отъ цѣльнаго познанія, т. е. отъ соединенія вѣры съ житейскимъ опытомъ и обыкновеннымъ знаніемъ.

Мы не ошибемся, если эту источную точку познанія восточнаго склада обозначимъ словомъ великаго Хомякова: «*воля разума* или *разумѣющая воля въ полнотѣ и цѣльности жизни духа*». Тутъ точка опоры для восхожденія отъ плоскаго и поверхностнаго содержанія гноеологіи кантовскаго статическаго неподвижнаго мышленія и гегелевско-кинетической расклублнеческой канители къ верховному познанію *вѣры*, ибо безъ *волепознанія* съ личнымъ познавательнымъ *произволеніемъ* (произволомъ) не на что опереть лѣстницу восхожденія къ познанію истины, или бытія.

Въ теоріи вѣроятностей безъ помощи свободно-волящаго познанія многочисленнаго соборнаго скопленія нѣтъ возможности перейти къ достовѣрной истинѣ. Истина познается живымъ познаніемъ (*живознаніемъ* по Хомякову), дѣятельною вѣрою, основанною на догматахъ и живой силѣ признанія методами номографическаго сличенія и исчисленіями вѣроятій. Непризнаніе, со стороны западной философіи кантіанскаго склада, этой силы прозорливости вѣроятнаго познанія и законности предположительныхъ стремленій, приводящихъ къ убѣжденію тамъ, гдѣ существуетъ смѣсь положительнаго съ отрицательнымъ, постояннаго съ непостояннымъ, сознательнаго съ несознательнымъ, «дня и ночи», есть тотъ недостатокъ, отъ котораго восточное просвѣщеніе избавлено. Графикъ кантіанскаго познанія является плоскимъ воззрѣніемъ, потому что онъ пропустилъ важнѣйшую пневмалогическую координацію (духовный соотвѣсъ) или скалу (лѣстницу) вѣроятнаго восхожденія по пути «свободной причинной связи» къ достовѣрной вершинѣ. Формальныя понятія о *независи-*

мости и о *слабыхъ* степеняхъ взаимной зависимости Кантъ не отличилъ яснымъ признакомъ отъ *крѣпостной* связи съ идеей и отъ физической внѣшней необходимости *). Скала вещественнаго и душевнаго должна быть восполнена скалою духовности. 1° Мѣра времени и пространства (часо-мѣро-мѣсто), 2° числовое отношеніе и 3° вѣсъ-сила суть тріединые признаки внѣшняго или вещественнаго знанія въ полнотѣ и совокупности, но это не есть познаніе душевной, а тѣмъ менѣе духовной дѣйствительности.

Три эти стороны вещественнаго составляютъ, лишь одно направленіе матеріальнаго познанія, лишь первую познавательную ось III (см. ниже чертежъ); эволюціонная канитель гегельянства съ тремя положеніями: прошлаго въ соузѣ съ будущимъ, приводимаго въ монизмъ настоящаго, даетъ вторую психическую ось II,—второе соотвѣсное направленіе познанія, но не довершаетъ полноты уклада всесторонняго тріединаго вѣдѣнія славянофильскаго научнаго познанія. Раціональныя скалы Канта, вмѣстѣ взятыя съ Гегельянскими, проглядѣли одно изъ важнѣйшихъ измѣреній пневмалогическаго характера (духовнаго свойства), смотрящее умственнымъ органомъ вѣры, въ скрытый Идеалъ, *ирраціональнаго* сверхразумнаго воспріятія, основательно приводящаго сознаніе человѣческаго рода къ несомнѣнной достовѣрности по лѣстницѣ вѣроятностей. Легкій примѣръ проницанія въ Ноуменъ, въ скрытую причину явленій данъ въ книгѣ П. А. Некрасова: «Вѣра; знаніе и опытъ» (стр. 101—102) Графики объемнаго пространства духовнозримой дѣйствительности у Канта и Гегеля какъ бы ущербились, ибо они не признали оси I третьяго измѣренія духовнаго воззрѣнія, духовной прозорливости **), а пространство, которое теряетъ одно измѣреніе сплющивается. Этою сплющенностью воззрѣнія съ плоскою рѣчью страдаютъ всѣ послѣдующія школы канто-гегелевскаго направленія, какъ старыя, такъ и новыя. Судъ надъ «Критикою чистаго разума» Канта и «Логикою» Гегеля произнесенъ.

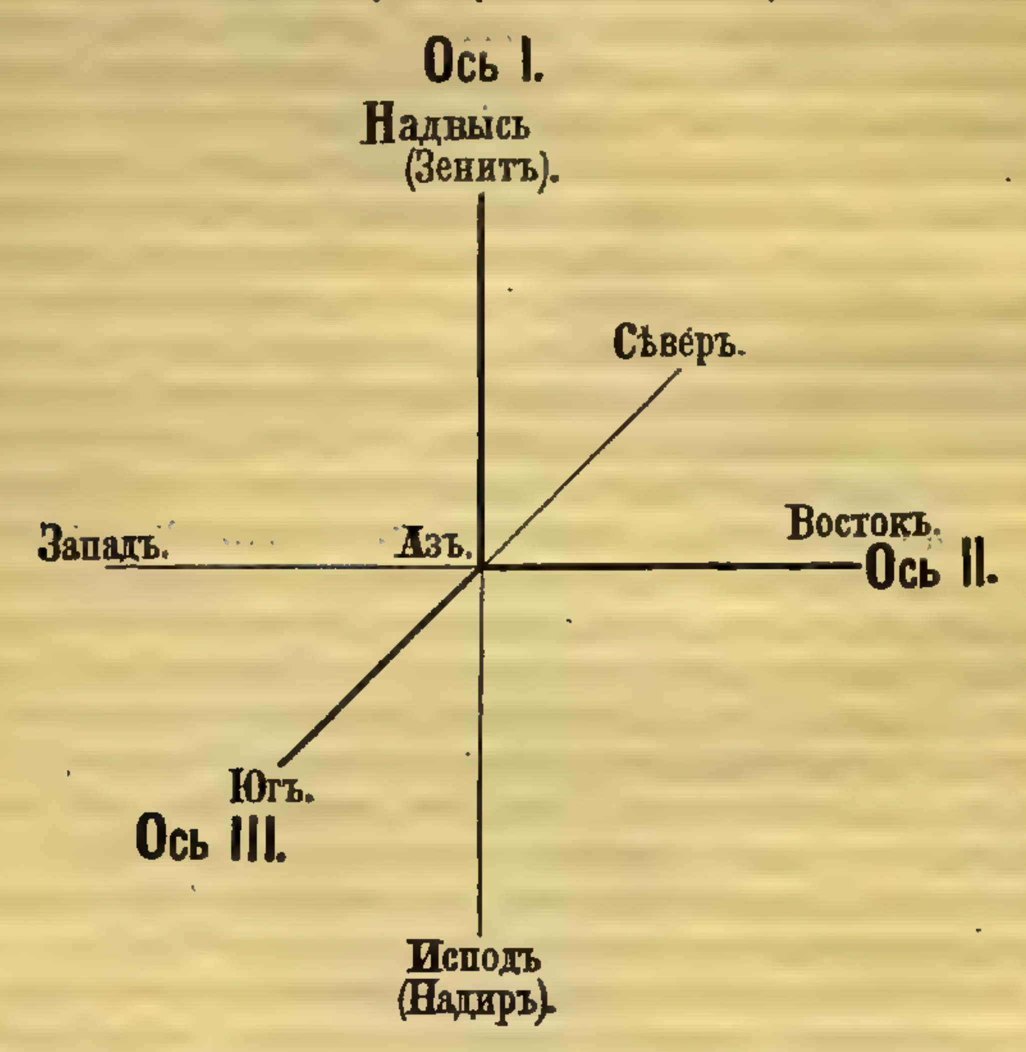
Въ философіи Канта и Гегеля нѣтъ ни надлежащаго возвышенія, ни глубины мысли, и ихъ философское мышленіе

*) См. П. А. Некрасова: «Теорія вѣроятностей», стр. 8, 23 и 227.

**) Это проницательное воззрѣніе (повторяемъ) Платоновскаго, Гербартіанскаго, Бугаевскаго, а также (святоотческаго) духовнаго органа вѣрующей мысли отлично отъ зрѣнія физическаго и имѣетъ свою запись въ умѣ съ переводомъ на клѣтки головного мозга и чрезъ мускулы съ переводомъ на картонъ „пергаментъ"—запись, соотвѣтствующую добавочному графическому измѣренію, похожему на Бутлеровское и Фехнеровское, но принимаемую нами въ истолкованіи пр. Некрасова. (Теорія вѣроятности часть III, глава IV). Здѣсь воззрѣніе по скалѣ вѣроятности названо не третьимъ, а «четвертымъ» измѣреніемъ въ отношеніи къ физическому (эвклидовскому) трехмѣрному пространству; эта иная нумерація не мѣняетъ существа вопроса.

приводитъ въ конечныхъ проявленіяхъ къ чисто плоской идеологіи и къ эволюціонному матеріализму. Есть ширь и даль, но выси нравственнаго міропорядка нѣтъ. Есть ось II отъ средины стоянія «Аза» вправо и влѣво, на Востокъ и Западъ; есть ось III впереди и позади «Аза» на Сѣверъ и Югъ, но нѣтъ оси I въ Надвысь и Исподъ «Аза». Ось первая духовнаго возвышенія совершенно отсутствуетъ. Полнота же пространственной координаціи выражается слѣдующимъ укладомъ *).

Соотвѣсный строй трехосевого направленія.

Укладъ этого строя рисуется не только здѣсь, въ чертежѣ, но и воспроизводится въ умѣ, въ воображеніи и въ живомъ наглядномъ представленіи.

Имя и названіе сего нашего строя познанія есть **соборность.** Подъ соборностью мы понимаемъ такое согласіе въ познаваніи, въ которомъ каждый самостоятельный членъ или область познанія, объединяясь внутри цѣлаго единства, образуетъ отдѣльную сторону или фазисъ соборности, не утра-

*) Словообозначеніе „пространство" мы понимаемъ иносказательно въ графическомъ и логическомъ (психо-пневма-логическомъ) смыслѣ; такъ въ логикѣ говорятъ объ «объемлѣ понятій».

чивая связи членовъ между собою и съ цѣлымъ и не раздвояясь въ двусмысленность, двуличность, двоедушность, но укрѣпляясь взаимностью; это согласіе представляетъ изъ себя соразмѣрный **строй.**

Для сего согласія разъединеніе членовъ соборности не должно быть разстройствомъ, а наоборотъ, разобщеніе внутреннее должно быть распредѣленіемъ по *тремъ* направленіямъ, ибо соборность *тріедина* по построенію. Только тріединая соборность при дальнѣйшемъ проявленіи избѣжитъ разстройства, разложенія и развала, къ чему неминуемо приводитъ двоедушіе, двуличность и двусмысліе, а наоборотъ, къ размноженію, которое въ предѣлѣ своего обобщенія потребуетъ даже соразмѣрнаго распредѣленія, имѣющаго въ предѣлѣ своего достиженія одну цѣль—цѣлесообразное сочетаніе простоты единства многаго въ цѣльной полнотѣ.

Отсюда вытекаютъ три главныя коренныя свойства соборности:

1⁰. Соборность должна быть *тріединой*, т. е. состоять изъ объединенія въ полнотѣ и простотѣ трехъ самостоятельныхъ сторонъ или обликовъ.

2⁰. Соборность должна быть творчески *свободна*, т. е. каждый членъ тріединства не долженъ терять связи между собою и съ цѣлымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ быть вполнѣ самостоятельнымъ.

3⁰. Соборность должна выражать *согласіе,* т. е. не должна нарушать цѣльности, совокупности тріединства, но должна выражать полноту многосторонности.

Три оси нашего строя выполняютъ эти три требованія въ совершенствѣ.

1⁰. Три оси соотвѣсія строго независимы другъ отъ друга и равны между собою во всѣхъ отношеніяхъ.

2⁰. Три оси вполнѣ уравновѣшены по равноудаленности и самостоятельности и сосредоточенно связны въ общемъ срединномъ пересѣченіи, ибо исходятъ изъ одной и той же точки.

3⁰. Три оси (три соотвѣса), соразмѣрны и строго согласованы по направленіямъ безъ малѣйшаго отступленія.

Тутъ дѣйствительно изображается до полной наглядности единство трехъ направленій несліянныхъ и нераздѣльныхъ—до кореннаго отождествленія въ единомъ по существу трехъ осей. Такой образцовый строй познавательныхъ устремленій и духовныхъ притяженій вѣрующихъ къ нравственному Солнцу внутренняго неба (царства небеснаго), прославляемому въ Святой Троицѣ Божества, выражаетъ воз-

можность нашего пребыванія живымъ знаніемъ и вѣрующимъ разумѣніемъ въ *единомъ Сущемъ о трехъ Ѵпостасяхъ.*

Изъ помянутыхъ стремленій вѣрующихъ «малыхъ сихъ» возникаетъ между ними, вѣрующими, различное по талантамъ сродство и всеобщее всенародное взаимное притяженіе нравственнаго разряда: взаимная любовь и жертва по правдѣ Божіей между мужемъ съ женою и дѣтьми, между хозяиномъ и работникомъ, между дѣятелями крестьянскаго дѣла, чернорабочаго труда, городского капитала и пр. Идеалы Божеской правды мыслятся по графической системѣ трехъ осей I. II и III въ триграннномъ углѣ «Надвысь—Югъ—Востокъ» съ положительными координатами; заблужденія же «отца лжи и клеветы» тянутъ наши стремленія въ противоположномъ направленіи.

«Опредѣленіе и статистическія свойства математическаго ожиданія. Индуктивныя уравненія и методъ исторіи. Ассоціація идей и фактовъ. Двоякій реализмъ *).

Съ введеніемъ въ оборотъ мыслительныхъ способностей «*живознанія*» и «*вѣрующаго разума*», какъ органа вѣры, восточное просвѣщеніе и его познаніевѣдѣніе получили надлежащую полноту, которая и обнаружилась въ единотроичности знанія, сознанія и признанія и въ цѣльности тріединства познанія вещественнаго, душевнаго и духовнаго въ единосущности познанія достовѣрнаго на трехъ сторонахъ вѣроятнаго разумѣнія, основаннаго на вѣроподобномъ, на правдоподобномъ и на истиннообразномъ вѣдѣніи.

Что вѣроятное познаніе можетъ привести къ вѣдѣнію соотвѣсному по координаціямъ пространственной полноты, видно изъ тѣхъ сличительныхъ таблицъ теоретическаго и практическаго (опытнаго) познанія, гдѣ установляются уравненія, кои даютъ провѣрку надлежащей сходимости (ассоціативность) мысли (идеи) и дѣйствія. Дадимъ сему проявленію многочастности нижеслѣдующую математическую формулировку:

«Вообразимъ операцію или опытъ O, которому свойственны несовмѣстимыя и всевозможныя дѣйствія (энергіи) E_1, $E_2 \ldots$, E_n. Вѣроятности этихъ явленій обозначимъ соотвѣтственно черезъ p_1, p_2, . . . , p_n. (probabilité — вѣроятность). При данномъ испытаніи одно изъ указанныхъ явленій непремѣнно осуществится, такъ что

$$p_1 + p_2 + \cdots + p_n = 1 \; {}^{**}).$$

*) П. А. Некрасовъ. «Теорія вѣроятностей», а также «Вѣра, Знаніе, Опытъ» основной методъ общественныхъ и естественныхъ наукъ. (Гносеологическій и номографическій очеркъ). С.-Петербургъ, 1912, стр. 41. Глава IV. § 15.

**) Приравниваніе къ 1-цѣ есть математическое изображеніе достовѣрнаго осуществленія въ дѣйствительности.

Пусть x есть перемѣнная въ апріорномъ сужденіи вещественная величина, способная принимать въ концѣ опыта только слѣдующія значенія:

$$x_1,\ x_2,\ \ldots,\ x_n.$$

причемъ пусть x принимаетъ то или другое изъ этихъ значеній, смотря по тому, какое изъ дѣйствій E_1, E_2, ..., E_n осуществится при испытаніи,—именно, если при опытѣ состоится событіе E_k, то пусть x принимаетъ значеніе x_k. При этихъ условіяхъ вѣроятность того, что x получитъ значеніе x_n, очевидно, равняется вѣроятности p_k событія E_k. Поэтому p_k называется, иначе, вѣроятностью значенія x_k перемѣннаго x, приносимаго операціей O.

Выраженіе

$$a = p_1\ x_1 + p_2\ x_2 + \ldots + p_n\ x_n$$

называется *математическимъ ожиданіемъ перемѣннаго x.* Согласно этому опредѣленію, *математическое ожиданіе перемѣннаго x есть сумма произведеній всѣхъ возможныхъ частныхъ значеній перемѣннаго x на вѣроятности этихъ значеній.*

Это опредѣленіе распространяется и на тотъ случай, когда перемѣнное измѣняется непрерывно, причемъ сумма, выражающая математическое ожиданіе этого перемѣннаго, представится опредѣленнымъ интеграломъ (итоженіемъ).

Выраженіе

$$b = p_1\ x_1^2 + p_2\ x_2^2 + \ldots + p_n\ x_n^2$$

называется математическимъ ожиданіемъ квадрата перемѣннаго x, т. е. *математическое ожиданіе квадрата перемѣннаго x есть сумма произведеній квадратовъ всѣхъ возможныхъ частныхъ значеній x на вѣроятности этихъ значеній.*

Подобнымъ образомъ опредѣляются математическія ожиданія всѣхъ степеней перемѣннаго x и всѣхъ его функцій.

Математическое ожиданіе a перемѣннаго x будемъ называть также *вѣроятностнымъ* (кредитнымъ) *среднимъ значеніемъ* его, отличая этотъ терминъ отъ «ариѳметическаго средняго» фактическихъ значеній того же перемѣннаго, наблюдаемыхъ *статистикой* при многократномъ повтореніи обсуждаемаго опыта O.

Математическое ожиданіе a перемѣннаго x занимаетъ среднее положеніе въ промежуткѣ между *наименьшимъ* x' и *наибольшимъ* x'' изъ значеній x_1, x_2, ..., x_n.

$$x' < a < x''.$$

Разсмотримъ здѣсь одно важное свойство математическихъ ожиданій, которое находится въ связи съ простымъ закономъ большихъ чиселъ и которое приведетъ насъ къ другому опредѣленію математическаго ожиданія, а именно по *статистическому способу предѣловъ.*

Пусть вышеуказанный опытъ O, теченіемъ котораго опредѣляется то или другое значеніе перемѣннаго x, предполагается воспроизвести s

разъ. Каждый разъ опытъ приведетъ въ концѣ къ опредѣленному значенію перемѣннаго x. Сумму всѣхъ этихъ *фактическихъ* значеній x назовемъ *статистической суммой* и обозначимъ черезъ Σx, причемъ среднее ариѳметическое изъ этихъ значеній будетъ $\frac{\Sigma x}{s}$.

Представимъ статистическую сумму Σx въ другой формѣ.

Можно ожидать, что въ s предполагаемыхъ испытаніяхъ O перемѣнное x нѣсколько разъ (m_k разъ) приметъ значеніе x_k, иначе говоря, m_k разъ осуществится событіе E_k. Будемъ имѣть:

$$\Sigma x = m_1 x_1 + m_2 x_2 + \ldots + m_n x_n,$$

откуда

$$\frac{\Sigma x}{s} = \frac{m_1}{s} x_1 + \frac{m_2}{s} x_2 + \ldots + \frac{m_n}{s} x_n.$$

Отношенія

$$\frac{m_1}{s}, \frac{m_2}{s}, \ldots, \frac{m_n}{s}$$

называются въ статистикѣ *частостями* явленія соотвѣтственныхъ значеній $x_1, x_2, \ldots, x_n$ перемѣннаго x при s повтореніяхъ опыта.

Предполагая теперь, что число s стремится къ ∞, на основаніи теоремы Я. Бернулли, будемъ имѣть съ нравственною достовѣрностью:

$$Lim \frac{m_1}{s} = p_1, Lim \frac{m_2}{s} = p_2, \ldots, Lim \frac{m_n}{s} = p_n.$$

Иначе говоря, при *независимости* испытаній вышеупомянутые частости въ *предѣлѣ* сливаются съ вѣроятностями соотвѣтственныхъ явленій.

Слѣдовательно

$$Lim \frac{\Sigma x}{s} = x_1 p_1 + x_2 p_2 + \ldots + x_n p_n,$$

т. е. *математическое ожиданіе перемѣнной x есть предѣлъ средняго ариѳметическаго изъ частныхъ значеній этого перемѣннаго, соотвѣтствующихъ s независимымъ повтореніямъ даннаго опыта, при возрастаніи s до ∞.*

Понятно, что на практикѣ число s наблюденій, получаемое «индуктивнымъ собираніемъ фактовъ», можетъ быть весьма большимъ, но не безконечнымъ. При этомъ условіи найденныя частности и ариѳметическія середины перемѣнныхъ лишь *приблизительно* представятъ вѣроятности и математическія ожиданія, являющіеся независимо отъ фактовъ математическими концепціями родовыхъ понятій и общихъ именъ.

Приблизительныя уравненія

$$p_k = \frac{m_k}{s} \text{ и } p_1 x_1 + p_2 x_2 + \ldots + p_m x_m = \frac{\Sigma x}{s} \quad \ldots \quad (A)$$

назовемъ *идуктивными.*

Лѣвыя части этихъ уравненій получаются *дедуктивнымъ* апріорнымъ разсужденіемъ, исходя изъ данныхъ *несовмѣстимыхъ* видовъ

или формъ дѣятельности E въ операціи O; правыя части уравненій исчисляются индуктивно послѣ s-кратнаго повторенія операціи O. Если при этомъ фактическую частость $\frac{m_k}{s}$ событія E_k для краткости обозначимъ чрезъ Δv_{x_k}, то будемъ имѣть слѣдующую сличительную таблицу, замѣщающую вышеуказанную индуктивную систему (A) уравненій.

Сличительная таблица.

№	Несовм. виды дѣйствія E.	Плодъ x.	Теорет. p.	Опытн. $\frac{m}{s} = \Delta v_x$
1	E_1	x_1	p_1	Δv_{x_1}
2	E_2	x_2	p_2	Δv_{x_2}
.	.	.	.	.
.	.	.	.	.
.	.	.	.	.
n	E_n	x_n	p_n	Δv_{x_n}

Индуктивная система уравненій (A) связываетъ прошедшее съ будущимъ, ибо лѣвыя части ихъ, т. е. вѣроятности и ожиданіе, *смотрятъ въ будущее*, а правыя части выведены изъ учета состоявшихся фактовъ E_k, т. е. *смотрятъ въ прошедшее*. Въ уравненіяхъ (A) содержится элементъ философіи исторіи.

Частости и, съ другой стороны, вѣроятности въ ихъ сближеніи съ помощью теоремы Я. Бернулли сличаютъ теорію съ опытною дѣйствительностію и *образуютъ ассоціацію двухъ міровъ:* міра фактовъ и міра мысли съ ея отвлеченными идеями, повторными вопросами и вѣчными проблемами возрождающейся жизни. Собиранію же фактовъ соотвѣтствуетъ міръ ощущеній текущаго факта (третій міръ, эмпирическій), образующій отчетливыя непосредственныя представленія о фактахъ, регистрируемыя въ памяти и въ журналѣ.

Экспериментаторъ можетъ при желаніи присоединить къ дѣлу операціи O *вспомогательную* причину C, которая въ соединеніи съ альтернативной причиной E измѣнитъ вышеприведенную сличительную таблицу и въ ней всѣ вѣроятности p_k значеній x_k плода x. Ибо, вообще говоря, между возможнымъ фактомъ x_k и вспомогательною причиною C существуетъ *сродство*, иногда положительное, иногда отрицательное, всегда напередъ взвѣшиваемое посредствомъ вѣроятностей, т. е. посредствомъ міра мысленныхъ понятій. *Мѣриломъ силы сродства* (связи) можетъ служить варіація δp вѣроятности p, подъ впечатлѣніемъ факта c (измѣненіе курса довѣрія къ выходу плода x), а сближая этотъ теоретическій критерій сродства съ опытными данными посредствомъ индуктивныхъ уравненій типа (A), можемъ за мѣрило сродства брать приростъ $\delta\frac{m}{s}$ частости $\frac{m}{s}$ явленія x подъ впечатлѣніемъ массива явленій C. Можно брать и другія точно опредѣленныя мѣрила сродства фактовъ. Англійская

школа статистиковъ (F. Galton, K. Pearson, Udny Yule) широко пользуется этими мѣрилами.

Математическое ожиданіе какой либо возможной *реальности* есть *концепція* или *умозрительное значеніе* реальности. Реализмъ утилитарный есть матеріализмъ; реализмъ творческій во имя общественной идеи есть спиритуализмъ, насыщающій умъ и сердце (органъ вѣры) культурными понятіями права и нравственнаго міропорядка, составляющаго предметъ необходимости, ибо «не однимъ только хлѣбомъ живъ человѣкъ».

Помянутый реализмъ, слѣдовательно, бываетъ въ однихъ случаяхъ матеріалистическимъ, въ другихъ спиритуалистическимъ (духовнымъ). Міръ сложенъ».

Такова образность математическаго выраженія чисто философскаго дѣйствія превращенія вѣроятнаго къ познанію дѣйствительнаго.

Эти разсужденія облекаются въ алгебраическую формулу и математическое обозначеніе, которыя даютъ возможность проф. Некрасову выяснить „*Оперативный законъ большихъ чиселъ и таксологическую задачу кредита и политической экономіи*“. Она одна изъ коренныхъ главъ математическаго познаніевѣдѣнія, которая служитъ образцомъ соотвѣтствія какъ философскаго, такъ и математическаго раскрытія главныхъ основъ общаго познаніевѣдѣнія, а именно: 1° она опредѣляетъ статистическія свойства математическаго ожиданія, что соотвѣтствуетъ гносеологическимъ вѣроятнымъ предположеніямъ, 2° въ ней индуктивныя уравненія и методы исторіи соотвѣтствуютъ уравненію ожидаемыхъ вѣроятныхъ предположеній съ опытными данными; и 3° наконецъ, ея сравнительный графикъ ассоціаціи идей и фактовъ обличаетъ съ неоспоримою ясностью ошибки или справедливость гипотетическихъ предположеній и вѣропознаваемыхъ ожиданій.

Достоинства соборнаго раскрытія цѣльнаго познанія.

Познаніе истины въ полнотѣ достовѣрности дается съ великимъ трудомъ: сколько затратъ объединеныхъ человѣческихъ силъ нужно употребить, чтобы собрать математическія значенія всѣхъ дѣйствій (E), опредѣлить величину всѣхъ плодовъ (x), записать всѣ предположенія вѣроятности (p), выяснить всѣ вспомогательныя причины (C) съ положительнымъ сродствомъ δp, а также и съ отрицательнымъ сродствомъ, отталкиваніемъ, наконецъ, найти численныя значенія всѣхъ опытныхъ наблюденій. Но человѣкъ упоренъ въ научномъ трудѣ и работа его вознаграждается открытіемъ истинъ дѣйствительности; онъ обрѣтаетъ законы природы, языка и выкупа погрѣшностей въ свое обладаніе.

Если есть законы познанія, которые даются человѣку не даромъ, какъ дѣйствія законовъ природы или какъ нравственный законъ Божескій, а даются съ большимъ трудомъ и усиліями волящаго разума, словомъ, дорогою цѣною, то это именно законы вѣроятности. Они же единственные, которые выкупаютъ человѣка изъ царства погрѣшностей, проникающихъ миліардами въ человѣческія взаимныя отношенія, слова и дѣла.

Борьба за правду, борьба противъ грѣховности общественной и личной, если когда-либо и можетъ быть ведена почти безболѣзненно, какъ мечтали романтики исторической школы (Савиньи, Пухта, которымъ возражаетъ Рудольфъ Іерингъ въ статьѣ «Борьба за право»), то съ помощью изученія законовъ погрѣшностей и оцѣнки стоимости ихъ выкупа, и выкупъ этотъ конечно, долженъ быть распространенъ на цѣнности человѣческія, цѣня другъ друга не корыстолюбиво цѣною сребренниковъ, а во имя правдолюбія цѣною истины, считая вмѣстѣ съ Аристотелемъ, что «Истина» (Богъ) дороже «друга».

Мы всю познавательную область сосредоточиваемъ въ лицѣ познающемъ, отъ котораго исходимъ, а именно отъ его самосознанія, и потому сознаніе ставимъ въ срединной точкѣ самого очага познанія. Это будетъ справедливо только по отношенію субъекта, т. е. лица познающаго, но, благодаря методамъ вѣроятности и вѣроисповѣднымъ стремленіямъ къ единомыслію, единодѣйствію и единодушію, субъектъ можетъ проникать аналогіей въ «чужое я», въ транссубъективный (относительно себя) міръ, и быть не только уединеннымъ индивидуумомъ, но и родственной частицей многоединой соборной личности.

Весь ходъ развитія человѣческаго образованія и просвѣщенія, все поступательное движеніе міровой философіи приводитъ къ сознательному признанію, что истина всего свѣта-міра-вселенной открывается лишь вселенскому сознанію, т. е. сознанію соборному церковному (Бердяевъ, Кн. С. Н. Трубецкой). «Философія, пишетъ Николай Бердяевъ (Философія свободы, стр. 16), т. е. раскрытіе разумомъ вселенской истины, не можетъ быть не только *индивидуальнымъ*, не только человѣческимъ дѣломъ, она должна быть дѣломъ сверхъ-индивидуальнымъ и сверхчеловѣческимъ, т. е. соборнымъ, т. е. церковнымъ». «Лишь вселенскому церковному сознанію раскрываются тайны жизни и бытія, лишь къ пріобщенію къ церковному разуму возможно истинное дерзновеніе, тамъ лишь гарантія противъ всякаго иллюзіонизма и призрачности, тамъ подлинный реализмъ,» который Бердяевъ называетъ своеобразно реализмомъ мистическимъ. Мы сказали бы: «дѣйствительное бытіе духовное».

Сосредоточенный предметъ познанія сходится воедино только въ области совершенства, вѣчности и неизмѣнности. Многочастность и многообразность знанія и догмата, проходя черезъ горнило самосознающаго сознанія и его христіанское просвѣтленіе, должны сосредоточиться въ области признанія, убѣжденія и вѣры. Существуетъ одно лишь познаваемое солнце правды, солнце христіанскаго свѣта истиннаго Бога живаго, прославляемаго въ тріединой Vпостасной Троицѣ. Тутъ апріарно (исконно) дается единственно полное и цѣльное сосредоточіе предметовъ познанія, какъ истинное сосредоточіе силъ познаванія въ сознаніи каждаго «я» («аза») въ отдѣльности. Только о соборномъ сознаніи можно съ наибольшею надежностью сказать, что царство Божіе внутри насъ. Отдѣльному лицу свойственно сильно заблуждаться, но даже помѣстный соборъ, при сохраненіи знаній догматическихъ, космическихъ и психологическихъ, можетъ обнаружить ошибки личнаго и частнаго познанія, т. е. является болѣе надежнымъ мѣриломъ объективной (транссубъективной, божеской) истины. Ея-то не достаетъ западному философскому мышленію ни въ его свободной теософіи, ни въ его демократическихъ теченіяхъ, ни въ его буржуазныхъ стремленіяхъ. Только на пути православнаго соборнаго соглашенія (интеграціи) получаются положенія, которыя имѣютъ силу непогрѣшительнаго закона. Соборное согласіе жизненнаго, научнаго и вѣроисповѣднаго объединенія есть, было и будетъ закономъ истины, который какъ дѣйствіе Св. Духа, не противорѣчащаго себѣ въ прошедшемъ (въ преданіи) долженъ заступить мѣсто всякаго иного закона, который не отъ очага Свѣта Истины, а отъ бездны мрака мистической лжи. Такъ, нынѣ изолгавшая политическая общественная жизнь Запада, изолгавшаяся западная общественная совѣсть выдвигаютъ согласіе самозваннаго учредительнаго собранія, какъ мѣрило (критерій) истины. Но это именно и есть ученіе отца лжи, захватившее продажную прессу. Съ нимъ то и нужно бороться положительною соборностью народовъ подъ вѣнцомъ (короною) христіанскаго Царя.

1° Познающій съ его сознаніемъ и рѣчью, 2° познаваніе съ его интуитивною силою исканія нравственнаго міропорядка и мѣрами, критеріями символическаго и графическаго исчисленія и 3° солнце правды вселенской всепредвѣчной Истины—вотъ неразрывная единотроичность, которая должна противодѣйствовать лжи учредительнаго собранія и силѣ темнаго большинства голосовъ.

Соборность, основанная на вѣчной Истинѣ, одного имен-

но положительнаго достоинства; учредительное собраніе, основанное на гаданіи и насиліи одолѣвшаго партійнаго соперничества, неразборчивыхъ властолюбцевъ, по достоинству идеала совершенно противоположнаго отрицательнаго значенія.

Достоинства соборности прямо противостоятъ противъ недостатковъ *самости*. Если въ единствѣ и полнотѣ внутренняго самосознанія вѣчно насъ смущаетъ нашъ личный эгоизмъ, выражающійся кратко трисловіемъ «самъ = я = собою», то не менѣе выразительна христіанская соборность трисловія «я = самъ = другъ». Соборность противодѣйствіе и противоядіе самости.

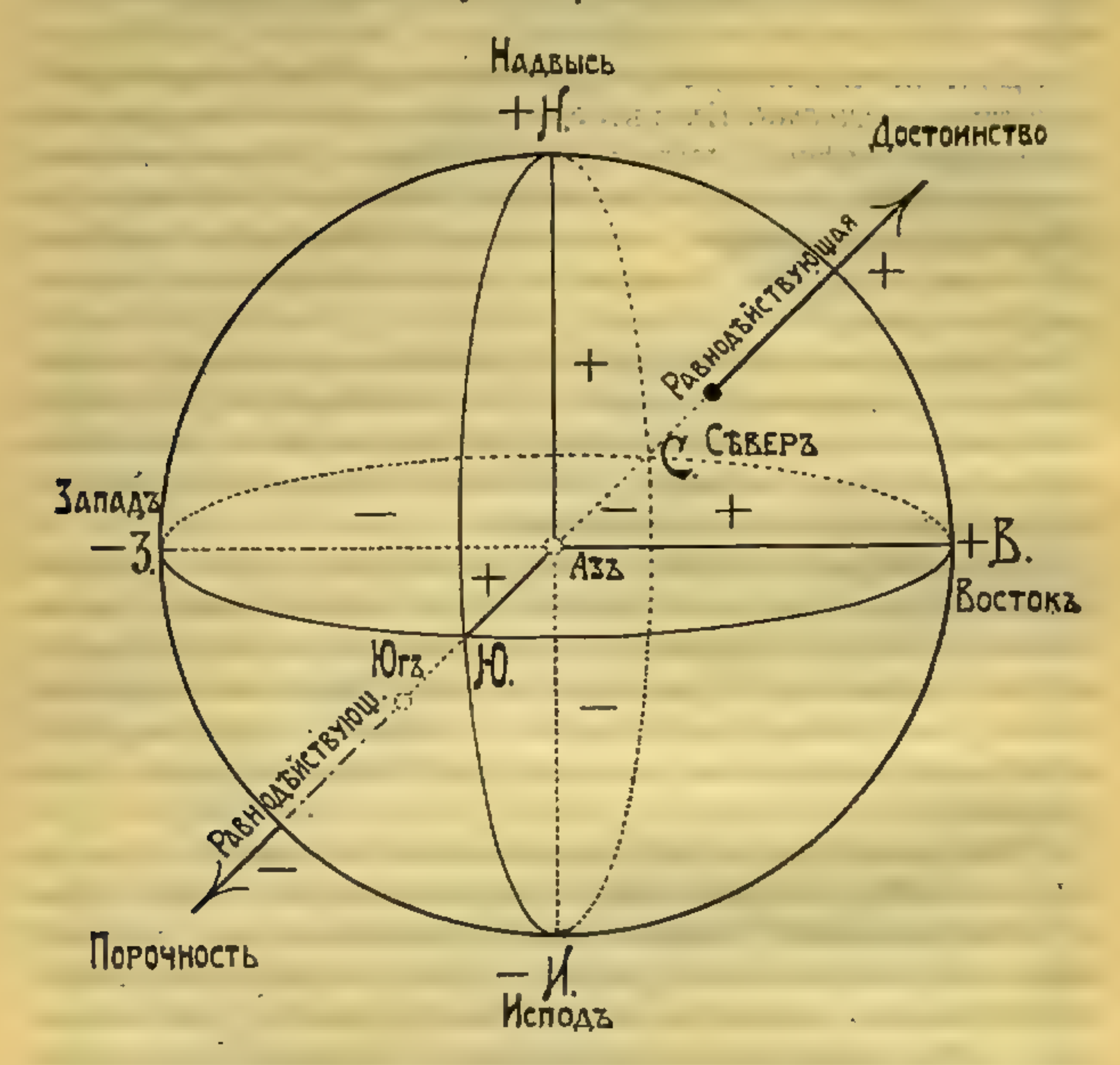
Самость въ *худомъ* смыслѣ уничтожается начисто соборностью, въ *хорошемъ* смыслѣ, т. е. поощряется на добро. Соборное согласіе есть *единство* многоразличія и многообличія талантовъ въ полнотѣ, собезначаліи и простотѣ единства строя соразмѣрнаго и сообразнаго.

Въ соборности личность не уничтожается и не теряетъ своего бытія, т. е. своебытности или самобытности, иначе говоря свободы. Соборность согласуетъ богатство разно = обличія (разноличія = различія) и свободныхъ разъединеній, но не разстраиваетъ цѣльность и полноту единства, какъ двуличность или двусмысленность разстраиваетъ своимъ двоедушіемъ.

Жизненное оправданіе и проявленіе соборности есть соборъ (земскій, государственный, церковный или даже только воображаемый уединеннымъ сознаніемъ въ умственномъ храмѣ тріединства мысли, чувства и воли, что и есть драгоцѣнность цѣльности и полноты душевной). Гдѣ соборъ, тамъ богатства простоты, цѣльности и полноты; гдѣ исключительная самость или двоедушіе съ противоборствомъ, тамъ и разстройство. Вотъ неоцѣнимыя достоинства соборности вообще и достоинство цѣльнаго познанія въ частности.

Достоинство и недостоинство или порочность сложнаго познаваемаго явленія зависятъ отъ его происхожденія: 1° со стороны-ли триграннаго угла «Надвысь—Востокъ—Югъ» (см. нижеслѣдующій чертежъ) или сокращенно НВЮ небеснаго царства, или 2° со стороны триграннаго угла «Исподъ—Западъ—Сѣверъ», или сокращенно ИЗС. Укладъ свойствѣ обнаруженія и достиженія познанія по достоинству явленія распредѣлимъ по внѣшней наглядности, по внутреннему смыслу и по цѣли достиженія и сообразности, т. е. по тремъ осямъ соотвѣснаго уклада нижеслѣдующаго вида:

Соотвѣсный строй двухъ направленій явленій по ихъ достоинству и порочности.

У каждой изъ трехъ осей сего рисунка два направленія: 1°—положительное, 2°—отрицательное. Три положительныхъ конца + Н, + В, + Ю на поверхности шара составятъ сферическій выпуклый треугольникъ, ограничивающій тригранный уголъ съ положительной стороны добраго достоинства явленія. Равнодѣйствующая, выходя изъ точки «Азъ» выступаетъ наружу положительною (+ →) стрѣлкою *«достоинства»*. Три отрицательныхъ конца составляютъ обратный выпуклый треугольникъ, ограничивающій сферически (шарообразно) тригранный уголъ — И, — З, — С съ отрицательной стороны по нормали (равноотстоющей отъ трехъ граней АИ, АЗ и АС), т. е. по равнодѣйствующей стрѣлкѣ (— →) *«порочности»*.

Эти умозрительныя представленія легко усматриваются

на прилагаемомъ соотвѣсномъ строѣ направленій по ихъ достоинству и порочности.

Три удостовѣренія и достоинства познаванія: 1° опытъ вѣры, 2° положительный внутренній смыслъ и 3° Истина составляютъ положительныя стороны, сочетающіяся нераздѣльно и несліянно въ стремленіи (стрѣлка +→) къ достоинству или Истинѣ. Три тяготѣнія порочности съ ея соблазнами познанія: 1° соблазнъ очесъ—прелесть или прилогъ, 2° соблазнъ самооцѣнки или пристрастія—очарованіе вкуса—отрицательный обманъ и 3° соблазнъ внутренней сосредоточенности—вожделѣніе кривдой и ложью.

Всѣ эти стороны, зарисованныя на предлагаемомъ чертежѣ въ своей сложности и совокупности, поддаются и изображенію укладомъ по строчно и по столбно нижеслѣдующаго вида:

Укладъ свойствъ обнаруженія и достиженія познанія по достоинству *).

	Порочность ИЗС	Азъ	Достоинство НВЮ
По наглядности	прѣлестное	самоочевидное	вѣроопытное
По внутреннему смыслу	отрицательное	безразличное проходящее	положительное
По достиженію	ложное	дѣйствительное	истинное

Изслѣдованія 1° достоинства, 2° смысла и источника и 3° цѣли познанія, т. е. его вѣнца, есть соборный царскій путь мысли для достиженія Истины.

---

*) Сравни съ укладами стр. 190, 192, 194.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

«Ты имѣешь вѣру? имѣй ее самъ въ себѣ передъ Богомъ».
(Къ Римл. XIV, 22).

Подведемъ итоги нашей первой книги опредѣленій и проявленій познаванія. Она сжато и сосредоточенно представляетъ собою все содержаніе нашихъ дальнѣйшихъ трудовъ по познаніевѣдѣнію и любомудрію, т. е. не только по вопросу о вѣдѣніи вообще, но и по всѣмъ остальнымъ вопросамъ жизни души и духа.

Первая наша книга есть какъ-бы *пролегомена* (предварительный сводъ) основныхъ вопросовъ познанія и любомудрія самобытнаго просвѣщенія Востока.

Она вся посвящена тому, что можетъ быть выражено корнемъ слова «вѣдѣти»—*вѣдъ*, т. е. корнемъ всякаго вѣдѣнія.

Нашъ путь къ установкѣ строя вѣдѣнія былъ таковъ:

Сперва мы дали опредѣленія — что есть *славянофильство*, ибо цѣль нашего труда—*привести просвѣщеніе славянофильства въ строгій распорядокъ и дать ему точный и округленный укладъ*, т. е. *установить строй славянофильскаго любомудрія*. Славянофильство есть ученіе, и его оправданіе—въ историческомъ движеніи въ Россіи истины самобытнаго восточнаго просвѣщенія, освященнаго соборнымъ православнымъ христіанствомъ. Славянофильство изъ всѣхъ просвѣтительныхъ явленій міровой исторіи наиобширнѣйшее объемомѣрное, а не плоское;—святѣйшее, ибо обладаетъ всею истиною доступною на землѣ въ полнотѣ, единствѣ и цѣльности, достигая вплотную предѣловъ областей 1° духовной тайны, или тайноначалія, духовной общественной жизни о трехъ, 2° тайны родовой двуполовинной жизни о двухъ и 3° личной тайны одного.

Нынѣ въ предлагаемой нашей книгѣ ограничиваемся лишь однимъ кругомъ вѣдѣнія, кругомъ познанія любомудрія, оставивъ почти безъ разсмотрѣнія другія стороны бытія до появленія остальныхъ книгъ о жизни и сути всего.

Затѣмъ намъ потребовалось опредѣлить, что есть *любомудріе*, какъ высшая философія, какъ посредница между наукой

и богословіемъ. Нашъ трудъ богослово-философско-научный, но онъ болѣе ограниченнаго построенія, чѣмъ само славянофильство. Все сосредоточивается на одной изъ трехъ сторонъ стремленій нашей души, а именно на умо-духовной.

Посему, наконецъ, пришлось обратиться къ одной изъ вспомогательныхъ наукъ философіи—къ психологіи. Тѣмъ болѣе это понадобилось, что мы собрались по примѣру Еп. Ѳеофана, Затворника Вышенскаго, *«все достодолжное въ познаніи выводить изъ устройства человѣческаго естества»* (Еп. Ѳеофанъ: «Что есть духовная жизнь», письмо III), т. е. все познаніевѣдѣніе обосновать на *душевѣдѣніи*, и на высшей психологіи христіанства, а не на матеріализмѣ и эволюціонномъ синкретизмѣ теософіи западноевропейской цивилизаціи.

Высшее просвѣщеніе, высшее любомудріе и высшее душевѣдѣніе отличаются отъ современной университетской цивилистики, философіи и психологіи тѣмъ, что въ нихъ вставлена третья составная часть цѣлаго—духовность,—возстановленъ третій отвѣсъ въ соотвѣсномъ строѣ просвѣщенія, и тѣмъ соблюдена полнота объемнаго восполненія духовнаго просвященія (съ буквою я), духовнаго просвѣтленія.

Ходъ трехъ направленій опредѣленъ отъ общаго къ частному, то, что называется дедукціей - выводомъ. Славянофильство, или восточное просвѣщеніе, будучи болѣе распространенное по объему, чѣмъ что-либо, вмѣщаетъ объемъ любомудрія Хомякова—Кирѣевскаго, а сей объемъ, въ свою очередь, вмѣщаетъ душевѣдѣніе христіанства Еп. Ѳеофана, Затворника Вышенскаго. Славянофильство содержитъ полноту самобытнаго мірового просвѣщенія (восточно-славянорусскаго просвѣщенія); любомудріе — полноту славянорусской философіи; а душевѣдѣніе (часть любомудрія) содержитъ все славянорусское ученіе о духѣ. Этимъ установили мы ступени и предѣлы всего объема нашего труда.

Познаніе опредѣлили мы какъ проявленіе связи между личнымъ «я» и природнымъ «не я» въ сознаніи, и эта связь должна дать тожество, которое не разрѣшаетъ впрочемъ *тайны* каждой области изъ трехъ: ни области сущаго, ни сущности, ни существующаго. Тайна остается тайной, несмотря на всю ширину раскрытія путей къ сей тайнѣ: 1° путь откровенія Божьяго, 2° путь сознанія человѣка, 3° даже путь научныхъ открытій. И это раскрытіе, т. е. проявленіе познаванія троякое:

I. Психологическое въ средней сосредоточенности, средина очага душевѣдѣнія связывается какъ съ любомудріемъ славянофильскаго просвѣщенія съ одной стороны, такъ и съ двумя внутренними дѣеспособностями: чувства и воли.

II. Сутевѣднаго свойства онтологическое раскрытіе, исходящее и истекающее совнѣ извнутри познанія въ средину очага сознанія; и

III. Образнаго свойства символическое раскрытіе изъ нѣдръ сознающій души вовнѣ словомъ и понятіемъ, числомъ и мѣрою и даже видомъ или знакомъ, составляя всѣ три внѣшнихъ облика или обличенія обнаруженнаго познаніемъ цѣлаго.

Приведемъ въ болѣе строгій порядокъ предметы трехъ послѣднихъ главъ, въ коихъ установлено содержаніе, смыслъ и внутреннее достоинство познавательной работы,—познаніе: 1° извнѣ внутреннее въ середину, 2° въ серединѣ сосредоточенное и 3° изъ средины внаружу.

По сему порядку познаніе обосновывается на трехъ проявленіяхъ: 1° *онтологическое* внутреннее извнѣ сознанія, принадлежащее предмету познаванія; 2° *психологическое* внутреннее сосредоточенное, принадлежащее вполнѣ самому сознанію; 3° *символическое* срединно сознательное, выраженное внѣшними обликами и наружною видимостью.

I. Обоснованіе самобытности познаванія извнутри проистекающаго (глава V). (Онтологія).

Содержаніе	Существующее	Сущность	Сущее
Законосоразмѣрность	обьемомѣрность	числомѣрность	закономѣрность
Составность	отъединенное и обособленное	раздвоенное антиномичное	строенное въ единствѣ цѣлаго
Развитіе	начальнопочинное	промежуточно эволюціонное	предѣльно предопредѣленно конечное

II. Выявленіе познаванія въ срединной сосредоченности самосознанія (глава IV). (Психологія).

Личное внутреннее обнаруженіе	Начальное	Срединное	Вершинное
Дѣеспособность	образованіе	сосредоточеніе	просвѣщеніе
Силы	знаніе дѣйствительности	сознаніе убѣдительное	вѣра истины
Ученія	наука существующаго	философія существенности	Богословіе Сущаго

III. Проявленіе познаванія наружу внѣшними обликами и символами (глава VI). (Математика).

Образъ познанія	Отрицательный (апокрифическій)	Предрѣшающій (или да, или нѣтъ)	Положительный (авторитетный)
Обнаруженіе	предположительное сомнительное неопредѣленное	критически оцѣнивающее	удостовѣреннымъ образомъ
По источнику	соблазнительный (иллюзерный)	опытновыводной (правдоподобный)	Богооткровенный
По достоинству	софистическая ложь заблужденіе	дѣйствительность	Истина

Опыты познаванія бытія духовнаго космоса, душевнаго міра и космоса внѣшняго свѣта (мундусъ) и ихъ усвоеніе и присвоеніе есть мыслительная работа сосредоточеннаго въ «Я» очага (см. рис. на стр. 148) подобнаго живому сосуду (вмѣстилищу, урнѣ), скрывающему неизвѣстное содержаніе въ примѣрахъ теоріи вѣроятностей, проникающей въ суть ноумена и его испытывающей.

Психологическое поле внутренняго міра сознанія нужно принять за среднее кольцеобразное пространство (рисунокъ стр. 148), а онтологическій вопросъ духовнаго космоса (реалія по Гербарту) соотвѣтствуетъ по тому же рисунку мѣсту глубже психологическаго кольцеобразнаго поля сознанія въ центрѣ (сосредоточіи) очага. По другую же сторону психологіи размѣщается космосъ свѣта, куда «Я» посылаетъ свою символику за глашатая и обнародователя.

Дѣеспособности обоснованія, выявленія и обнаруженія суть три стороны, говоря образно, проявленія силъ познаванія въ очагѣ или сердцевинѣ самого познанія. Тутъ точка скрытаго основнаго источника, психологическаго роста и внѣшняго облика въ познавательной починной сосредоточенности. Онтологія—ученіе о сути скрытаго бытія,—она и есть самое содержаніе ирраціональнаго, вѣроятностнаго познанія. Посему «онтологія» какъ ученіе о глубокой сути и «познаніевѣдѣніе» связаны между собою живыми нитями и еще иными путями увѣрованія во внутреннее небо, въ голосъ Истины и въ лукавство внутренняго софиста, мертвой міровой души.

Такихъ путей мы установили три: 1° путь въ сторону существенной критики возрѣнія, основанной на сводѣ законовъ мышленія, 2° путь въ сторону числомѣрной признаваемости сущаго и 3° путь объемомѣрнаго проявленія существующаго. Такая единотроичность закономѣрности, числомѣрности и объемомѣрности въ тѣло-душе-духовной сораз-

мѣрности даетъ полноту цѣлаго пониманія всей сути живого существа и сущной истины познаніевѣдѣнія. «Я есмь Истина вѣчная» есть тайна сего предѣльнаго и совершеннаго познаніевѣдѣнія. Всякая гносеологія должна перестать быть наивно онтологической и дорости до познаніевѣдѣнія, сознательно и образно передающаго психологическую, космическую и онтологическую истину бытія.

Онтологія, психологія и математика, входя содержаніемъ въ полноту познанія, въ то же время очерчиваютъ (характеризуютъ) самопознаніе извнутри, изначально и первично, т. е. точно (точечно и пунктуально въ средоточіи очага живаго сосуда, настроеннаго подобно магниту съ двумя полюсами, но въ отношеніи нравственнаго міропорядка по укладу стр. 211).

Онтологія разсматриваетъ бытіе съ трехъ сторонъ: 1° со стороны духа и сути, иначе богословски и отчасти философски, 2° со стороны души и личности, иначе психологически и отчасти философски, душевѣдно, и 3°, со стороны точнаго выраженія и воплощенія въ символахъ числовыхъ и измѣрительныхъ наукъ. Соотношенія и связи общаго ученія о познаніи съ его коренными и основными составными частями и членами сами по себѣ объемомѣрны, соразмѣрны и закономѣрны. Изъ наиболѣе глубокихъ отношеній и предѣльныхъ довершеній, конечное достиженіе заключается во взаимодѣйствіи гносеологіи къ онтологіи, т. е. познаніевѣдѣнія къ быто-суте-вѣдѣнію, законовъ мышленія къ законамъ природы.

Но мы опредѣлили, что познаніе сути бытія есть познаніе Св. Троицы, такъ что общее познаніевѣдѣніе сосредоточилось къ познанію свойствъ тріединства Св. Троицы,—и показать возможность такого точнаго познаванія есть главнѣйшая задача всего труда нашего.

Единство трехъ есть формальная простота единства многаго.

Представимъ сведеніе всего къ одному и выводъ всего изъ одного, въ трехъ нижеслѣдующихъ проявленіяхъ познанія:

1° выявленіе познаванія изъ срединной сосредоточенности (проявленіе психологическое);

2° обоснованіе самобытности познаванія, изнутри кольца проистекающее (проявленіе онтологическое);

3° проявленіе познаванія наружу внѣшними обликами (проявленіе словесно-математическо-символическое). Эти три проявленія познаванія составляютъ полное содержаніе первой книги.

Отсюда и вытекаетъ новое числоосновное опредѣленіе познаванія: познаваніе есть переходъ отъ единства къ множеству и наоборотъ отъ множества къ единству. Тоже по подробнѣе: *Познаваніе есть умственное объединеніе множества въ единствѣ:* 1° единичности, 2° двуединствѣ и 3° тріединствѣ, *и раскрытіе единства во множествѣ:* 1° въ двойственности, 2° тройственности и 3° множественности.

Переходъ отъ единства къ множеству, отъ внутренняго къ внѣшнему, отъ срединнаго къ предѣльному краевому— вотъ формальная задача второй книги. Она вся будетъ основана на понятіи множества и развитія сего понятія.

Раскроемъ кратко понятія сего множества укладомъ его сторонъ.

Укладъ начала развитія множества изъ единства.

Многое	1	2	3 и болѣе
Развитіе его по закономѣрности	обособленность	отожествленность	соборность
Развитіе его по числомѣрности въ среднемъ положеніи	единичность (цѣльность)	двухмѣрность	трехмѣрность
По объемомѣрности его развитія	сосредоточеніе	сочетаніе	излученіе (разблистаніе)

Въ каждой изъ сихъ трехъ сторонъ всего ярче, выступаетъ числоосновность, ибо 1° понятія «обособленность, единичность и средоточіе» чего-либо связываются понятіемъ *единства;* 2° понятія «отожествленіе, двойственность и сочетаніе» суть числовыя понятія *двойного;* 3° соборность, тройственность и множественность носятъ въ себѣ понятіе *тройственнаго* и сверхтройственнаго различенія или излученія, т. е. согласованнаго разъединенія.

Отсюда и опредѣляются отношенія единства ко множеству, какъ:

1) *Построеніе* распорядковъ познаніевѣдѣнія.

2) *Связь* въ цѣльномъ познаніи частей (объемная соразмѣрность).

3) *Цѣль* цѣльнаго познанія и установка трехъ вершинныхъ нормъ цѣльномудрія, а именно:

а) *соотвѣсность* внѣшняя;

в) *соотвѣтственность* сосредоточеннаго сужденія, и наконецъ

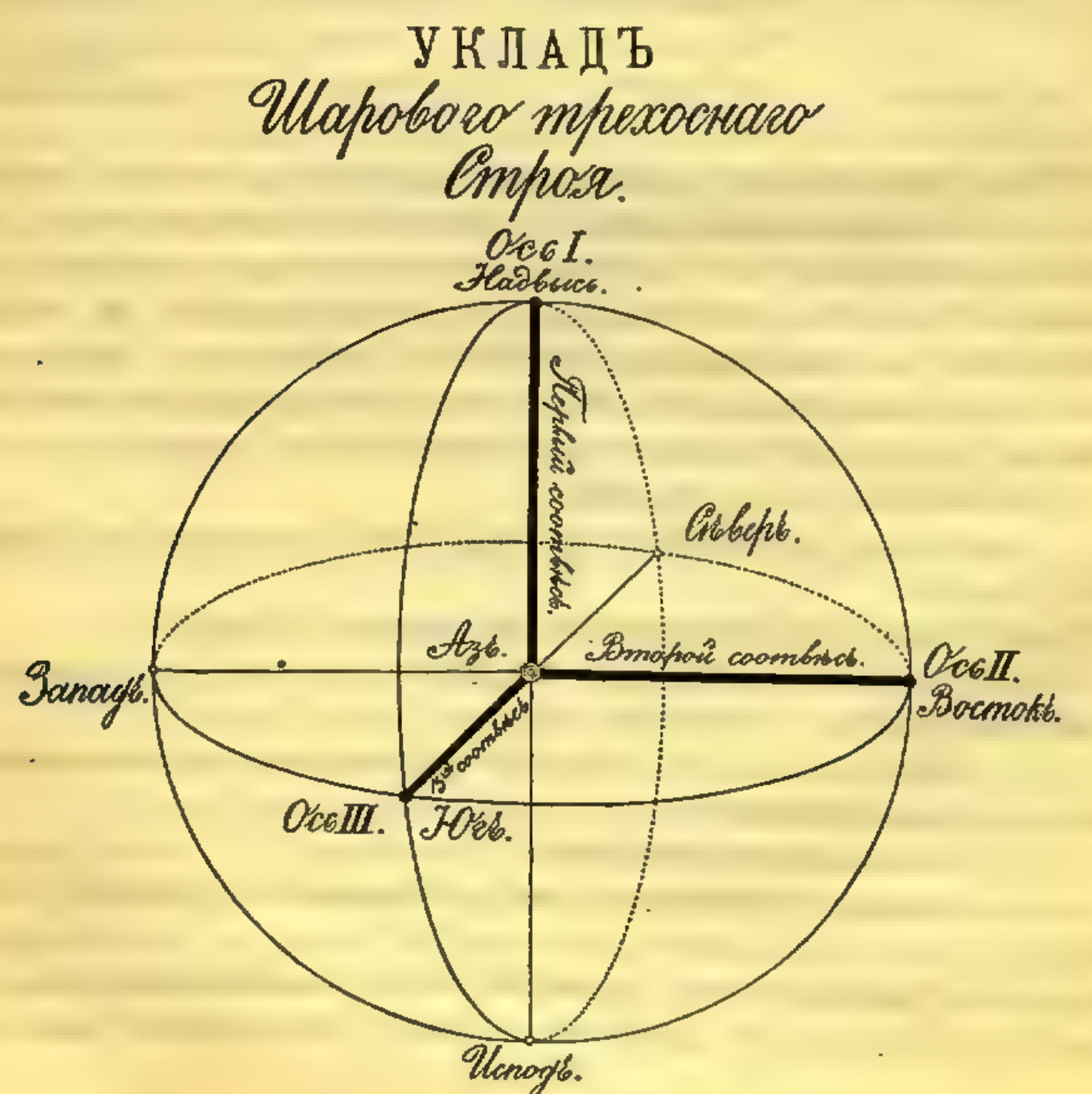
г) *соразмѣрность* разнообразія многочисленной полноты въ простотѣ и единствѣ цѣлаго, что и есть основной

самодержавный законъ славянофильскаго цѣломудрія въ общей соборности.

Мы и изобразили эту соразмѣрность, строго симетричную ея *простоту,* и ея *единство* цѣлаго, и ея всеобхватывающее *обобщеніе* въ шаровомъ образѣ нашего трехосновнаго строя, объединяющаго всѣ «очаги», отдѣльно зарисованные на стр. 148 и подчиненные законамъ большихъ чиселъ, подобно химическимъ элементамъ, между коими развивается сродство, притяженіе, отталкиваніе.

Строй этотъ населенный помянутымъ содержаніемъ состоитъ изъ трехъ направленій странъ объемнаго свѣта отъ срединной точки стоянія самаго лица „Азъ". Первый соотвѣсъ—въ сторону Надвыси (зенита) и Испода (надира). второй—въ сторону Востока и Запада и третій—въ сторону Сѣвера и Юга. Шаровидность получится тогда, когда всѣ шесть сторонъ приняты равномѣрно, а не разномѣрно. Части сторонъ отъ «Аза» къ Надвыси, Востоку и Югу, въ отличіе отъ направленій къ Сѣверу, Западу и Исподу, изображены для наглядности болѣе толстыми чертами:

УМОЗРИТЕЛЬНЫЙ

Представленный здѣсь чертежный строй удовлетворитъ зрѣніе мысли и познанія, а познаніе словесное и числовое должно удовлетворить запросу взаимоотношеній и внутреннихъ усвоеній, дабы стать нагляднымъ не только во внѣшнемъ, но и въ полнотѣ формальной связи и внутренней самоочевидности. Для сего наукѣ слѣдуетъ установить для всякаго познанія свой особый опредѣленный знакъ, онъ и есть «имя», или «названіе», или «обозначеніе», соотвѣтствующей закономѣрности; онъ какъ слово есть связывающій знакъ или названіе понятій, какъ само понятіе есть знакъ обобщенія представленій, воспріятій и ощущеній въ сознаніи.

Стойкость, подвижность и предѣльность познаванія.

«Единеніе духа въ союзѣ мира».

Установивъ наглядное выраженіе шаровымъ трехоснымъ строемъ соборное значеніе познанія, намъ остается для полноты заключенія указать еще на немаловажное его свойство, а именно *подвижность познаванія.*

Шаровой этотъ строй даетъ намъ выраженіе всесторонняго развитія познанія, но въ неподвижномъ стойкомъ состояніи. Наше познаніе же какъ нѣчто несовершенное есть стремленіе усвоить истину и его восхожденіе отъ не совсѣмъ надежнаго знанія къ надлежащему цѣнному знанію, отъ безсознанія къ сознанію должнаго въ возможномъ, отъ предубѣжденія къ признанію и вѣрѣ; что и есть проявленіе подвижности: либо движеніе впередъ (подвигъ), либо удаленіе отъ истины; т. е. отводъ (прилогъ) къ помраченію истины.

Тутъ какъ при всякомъ движеніи отмѣчается двусторонность: 1° просвѣтленіе или развитіе, 2° помраченіе и умаленіе.

Когда же познаваніе силою вѣрующаго мышленія и признаніемъ достигаетъ своего свѣтлаго предѣла и высшей точки вершины, т. е. Истины, то оно опять устанавливается и дѣлается неподвижно стойкимъ, но не стойкостью сосредоточеннаго начала или первоначальнаго очага, а стойкостью предѣльнаго всеобхвата всеединаго *ВСЕГО.* Что справедливо относительно трехъ сторонъ познаванія вообще, то приложимо и къ отдѣльнымъ понятіямъ, кои бываютъ 1° начально стойкими, 2° промежуточно длительными и 3° предѣльно довершенными (категорическими опредѣленіями). Также приложимо оно и къ сужденіямъ, умозаключеніямъ и даже къ цѣлымъ системамъ. Три положенія дѣятельности познанія въ его развитіи даютъ: 1° стойкость (явленія), 2° подвиж-

ность (кинетичность) и 3° цѣлепредѣльность (динамичность). Называя всю совокупность познанія въ ея поступательной дѣятельности и подвижности Логикой, въ общепринятомъ значеніи, мы дѣятельность образованія понятій, установки законовъ мышленія, распредѣленія понятій по категоріямъ, составленія по категоріямъ укладовъ и системъ—всю словесную эту дѣятельность назовемъ по просту «вѣдѣніе слова» или «Слововѣдѣніе». Единично цѣлый объектъ (метъ) слововѣдѣнія есть *понятіе,* которое различается сообразно значенію неподвижной сосредоточенности, подвижнаго развитія и категорическаго опредѣленія. Эти различенія дадутъ понятія: 1° начальныя, или коренныя; 2° обиходныя промежуточныя и 3° высшаго опредѣленія.

Мысль, требуя для своего проявленія аксіомныхъ положеній и незыблемыхъ законовъ, въ то же время не можетъ обойтись и безъ опредѣленныхъ данныхъ развитія сужденій и умозаключеній, кои въ соборной стройности дадутъ конечный всесторонній цѣльный укладъ.

Систематизація эта какъ строй понятій, стройность сужденія, умозаключенія будетъ опять троякообразною:

1° одномѣрною для понятій

2° двумѣрною для сужденія съ простымъ сказуемымъ, и

3° трех-мѣрною для усложненнаго посредственнаго сужденія съ двучленнымъ сказуемымъ *).

Сужденія не лишены математическаго построенія. Въ логикѣ аналитическихъ и синтетическихъ сужденій основной формальный математическій методъ есть способъ «Производящихъ фунцій», введенный Лапласомъ. Этотъ пріемъ связанъ съ различными скалами *производимыхъ перемѣнныхъ явленій,* опредѣляетъ разныя функціи этихъ перемѣнныхъ и заступаетъ мѣсто множества таблицъ и діаграммъ, съ коими имѣютъ дѣло Наука, Психологія и Вѣроятность **).

---

*) См. Пр. Некрасовъ стр. 434 и 435.

**) Профессоръ Некрасовъ въ своихъ философско-математическихъ трудахъ подчеркиваетъ разницу между двумя видами реальностей кромѣ реальнаго самосознанія своего собственнаго «я»: 1° наивная реальность (матеріализма) и 2° существенная высшая духовная реальность «реалія» Герберта и живое сознаніе субъектъ объективизма славянофиловъ. Общій основной методъ производящихъ функцій въ приложеніи къ исчисленію вѣроятностей и къ законамъ массовыхъ явленій, предложенный Лапласомъ, объединяетъ всѣ три области познаванія: 1° механику вселенной, 2° психологію довѣрія къ себѣ и 3° довѣріе къ чужому «я». Онъ, продолжаетъ проф. Некрасовъ (Мат. сб. т. XXVIII в. III), приближаетъ науку къ *цѣльному знанію,* онъ связываетъ 1° себя (методъ) въ приложеніи къ механикѣ, геометріи и исчисленію вѣроятностей жизненныхъ интересовъ и жертвъ, 2° съ *предѣльными* или *асимптотическими* выраженіями функцій весьма большого числа m повторяемыхъ операцій, стремящагося къ безконечности, и 3° съ *приближенными* выраженіями тѣхъ же функцій, получаемыми въ предположеніи, что устанавливающееся число m операцій весьма велико, но не безконечно.

Логика въ высшихъ проявленіяхъ должна допустить трехстороннее мышленіе и въ этомъ многообразіи открывать «законы погрѣшности» сужденій, выкупая итоги погрѣшности субъективныхъ сужденій каждой стороны и приближая всѣ стороны къ божески объективной истинѣ.

Объемомѣрный строй основной дѣятельности познанія приметъ въ такомъ случаѣ слѣдующій видъ въ слововѣдѣніи: I—понятій, II—законовъ и III—укладовъ.

Строй логической дѣятельности познаванія.

		сосредоточенное извнутри	срединное объединеніе	изъ средины внѣшнее обнаруженіе
1	понятія	корневыя	обиходныя	высшія опредѣленія (категоріи)
2	законы	мышленія	сужденія	умозаключенія
3	уклады сужденій *)	двучленно статическіе	двучленно кинематическіе	многочленные статико-кинематико-динамическіе

Этотъ строй слововѣдѣнія есть внѣшній укладъ познаванія (ноэтики). Эстетики (красото-вѣдѣнія) и этики (нравственное познаваніе) мы тутъ не затрагиваемъ вовсе. Между тѣмъ для полноты цѣльнаго познаванія славянофильства необходимо соучастіе эстетическаго требованія соразмѣрности (гармоніи) и единства, множества, разнообразія въ единствѣ и требованія святости жизни, т. е. жизненной соразмѣрности (гармоніи). единства повседневнаго. Переживанія въ цѣльности жизни, въ единой цѣли единаго на потребу, могутъ дать простоту и святость познаванія, т. е. вѣчную ея истину. Сіи требованія окачествуютъ и удостовѣряютъ познаніе вѣры. которая и утверждается на логикѣ вѣры и требуетъ подчиненія закону этой вѣрологики (металогики).

Во вступленіи къ сей книгѣ мы указали, что онтологическое познаніевѣдѣніе есть одна изъ трехъ частей нашего полнаго труда. Оно по преимуществу неподвижнаго статическаго изложенія. Жизнепониманіе есть учетъ о подвижности существенности, т. е. по преимуществу кинетическаго свойства. Міровоззрѣніе же дастъ общую связь всего и заботу о соблюденіи и наблюденіи всякой существенности и всего сущаго. Оно динамическаго, силообразующаго содержанія.

*) По числу членовъ (не считая связки).

Вводя въ наше изложенiе славянофильскаго пониманiя *познанiя* математическую обоснову по трудамъ проф. Некрасова и Московскофилософской школы, мы тѣмъ расширили намѣченный нами скромный замыселъ изложить пониманiе познанiя въ тѣсной какъ бы мгновенно-фотографическомъ статической формулировкѣ.

Если мы отступили отъ первоначальнаго нашего намѣренiя благодаря ближайшаго изученiя новѣйшихъ трудовъ проф. Некрасова, то потому только, что смыслъ и внутренняя суть познанiевѣдныхъ силъ по Хомякову есть движенiе жизненное, живое знанiе=*живознанiе*, по словообозначенiю самаго Хомякова. Суть же цѣльнаго познанiя есть вѣрующее воленiе, есть добровольное признанiе, есть утвержденiе любви, какъ категорiя познанiя. *Статика* познанiя въ силу жизненнаго роста и «живознанiя» получаетъ толчекъ къ движенiю и прiобрѣтаетъ кинетическiя свойства. Математическiя выраженiя уравновѣшеннаго познанiя, стойкаго и неподвижнаго, того, что выражается уравненiемъ познанiя [напр. уравненiе познанiя свободы $(C): C = o \times \infty$ или уравненiе творчества $(T)\ T = (O^{0})^{0} = 1$.], недостаточны для обозначенiя живого подвижнаго познанiя *любовiю* и *вѣрою*, т. е. познанiя тайны. кинематическое ученiе и развитыя обращенiя вѣроятности въ достовѣрности раскрываютъ окончательно смыслъ и значенiе и суть, т. е. мѣру, живаго *кинетическаго* познанiя хомяковскаго живознанiя. Математическiя ученiя предѣловъ, предѣльности и сверхъ конечныхъ значенiй даютъ путь къ уразумѣнiю безграничной силы собирательнаго познанiя, его мощи и власти.

Только трехстороннее отношенiе къ статикѣ (стойкости), кинематикѣ (подвижности) и динамикѣ (мощности или вѣсу) познанiя дадутъ полноту и цѣльность вѣдѣнiя познаванiя. А эта цѣльность и есть наша цѣль, которая и принята какъ основанiе субъективно объектнаго и объектно субъективнаго хода дѣйства познаванiя, приводящаго по славянофильству къ творчеству и вѣрѣ, что приближаетъ къ познанiю тайны нашего бытiя, свободѣ и жизни во Христѣ, т. е. цѣлостной жизни духа по православному пониманiю свободнотворческой Вѣры.

Полнота истины достигается только святостью жизни образованной, просвѣщенной и просвѣтленной божественною благодатью, что и составитъ *соборность и цѣльность любомудрiя* жизни въ его познанiи добра, правды и истины, т. е. соборность строя знанiевѣдѣнiя, правовѣдѣнiя и красотовѣдѣнiя познанiя, т. е. иначе соборность и цѣльность Мiровѣдѣнiя.

Соборная цѣломудрость вотъ новое бѣлосотенное слово сла-

вянофильства. Эта соборность всецѣло зависитъ отъ цѣли познанiевѣдѣнія, которая и есть святая жизнь, святость земного бытія, святость мысли.

Такова цѣль всякаго достойнаго познанія.

Вторая книга наша по познаніевѣдѣнію, т. е. по начальному обнаруженію нашей связи съ видимымъ міромъ будетъ посвящена раскрытію, часто подлинными словами и выраженіями представителей славянофильства, всѣхъ сторонъ познанія, которое опредѣлитъ съ одной стороны: что есть наука, философія и богословіе, а съ другой: что есть *Истина*, каковы ея статистическія неподвижно вѣчныя свойства и волны свѣта.

Отношеніе сей книги къ продолженіямъ ея рисуется въ слѣдующемъ предположеніи. Книга I (настоящая) есть изложеніе предварительныхъ опредѣленій и проявленій познаванія; книга II—распредѣленіе и развитіе научныхъ укладовъ (дисциплинъ) и III—книга предѣльныхъ очертаній и построеній (категорика и систематика).

Соборная цѣломудрость славянофильства.

α. Любомудріе (ноэтика).	**А. Познаніевѣдѣніе** (гносеологія)	Книга I.	*Опредѣленія:*	1 славянофильство. 2 любомудріе. 3 составности чел.
			Проявленія:	4 сутевое. 5 душевное. 6 предѣльное.
		Книга II. *Распредѣленіе и строеученіе.*		
		Книга III. *Построеніе и очертаніе.*		
	В. Жизнепониманіе			
	Г. Міровоззрѣніе			
β. Красотовѣдѣніе (эстетика).				
γ. Нравоученіе (этика).				

Общій видъ всего объема содержанія ученія бытія распредѣлится въ настоящей лѣстницѣ. Сей укладъ даетъ

полное размѣщеніе только первой нашей настоящей книги. Подробности остальныхъ частей соборной цѣломудрости славянофильства развернутся по мѣрѣ выполненія.

Основныя положенія «строеученія» уже вошли въ первичныхъ образахъ сокращенно намеками въ настоящую книгу. Повторяемъ наше дальнѣйшее изложеніе оправдаетъ стремленіе наше изобразить «все во всемъ» и построить «*Всецѣлое*», какъ строимъ мы каждую отдѣльную часть или долю, памятуя, что Истина однородна. Истина въ малыхъ крупицахъ (въ зернѣ) таже самая, что истина выращеннаго изъ зерна великаго развѣтвленнаго Цѣлаго, ибо истина познанія, истина жизни и истина цѣли одна, и это единое и есть сама Истина. Въ познаваніи истина обрѣтается внутри самаго себя. Надлежащее присвоеніе достигается лишь вѣрою и когда, кто ее имѣетъ, то онъ долженъ имѣть Вѣру Истины самъ въ себѣ передъ Богомъ, по слову Св. Апостола Павла: «Ты имѣешь вѣру? имѣй ее самъ въ себѣ передъ Богомъ». (Рим. XIV—22).

Итакъ, познаніевѣдѣніе, сосредоточенное въ глубинахъ личнаго сознанія самого себя, въ себѣ проявляетъ одну лишь свою внутреннюю углубленную сторону, а именно сторону источника, направленіе къ первоначалу, къ основѣ. И наше настоящее заключеніе не было бы полно, если бы мы не указали и на другую сторону развитія познанія, еще болѣе значительную, возвышенную, а именно направленіе къ цѣли, къ цѣледостиженію.

Куда и въ какую предѣльную даль стремится познаніевѣдѣніе? Гдѣ его предѣлъ? Гдѣ его конецъ?...

Въ числовомъ раскрытіи хода восходящаго развитія познанія отъ дѣйствительности (отъ факта А по обозначенію пр. Некрасова) къ мысли, заложенной въ этой дѣйствительности (къ идеѣ A'), по математическимъ пріемамъ перехода отъ сомнѣнія (неопредѣленности) къ вѣроятію (возможности) и отъ вѣроятія къ достовѣрному познанію (дѣйствительной фактичности), обнаруживается путь отысканія познанія самаго закона событія (фактовъ), какъ уясненная причина явленій дѣйствительности [какъ-то явленій общественной жизни, идеальной цѣнной реальности и экономической вещественной цѣнности]. Начальная законопричинность факта, или событія (А), черезъ открытія идеи мысли, вложенной въ событіи (A'), открываетъ его законъ (A^0) точно и опредѣленно (или съ опредѣленною точностью), и это раскрытіе законопричинности (A' A^0) обнаружится съ математическою непреложностью и математическими средствами тогда только, когда явленія событія и дѣйствія будутъ выражены символами мѣры,

величины и количества, не касаясь до качественной стороны познанія, до его достоинства. Законопричинность заключается въ мысли (идеи) событія (факта). При оцѣнкѣ причины и оцѣнкѣ мысли событія обнаруживается его достоинство, вложена-ли въ событіе ложная или истинная мысль, а потому къ мысли можно, и даже необходимо, подойти критически съ разборомъ и она обнаружится когда опредѣлится, на сколько мысль достаточно обоснована.

Какъ причинность есть законъ событія, такъ достаточность основанія есть законъ мысли, вложенной въ причинности. Въ логикахъ такъ и называется законъ здраваго смысла закономъ достаточнаго основанія. «Здравый смыслъ» связываетъ мысль съ ея единымъ первоисточникомъ въ первомысли, которая по природѣ своей безспорно соборна, а потому и само названіе первомысли «смыслъ» есть ничто иное, какъ сокращенное выраженіе «со + мысль», подобно тому какъ первоисточникъ всякаго начала есть также соборное понятіе, что обнаруживается въ словѣ «со+без+начальность». Что законопричинность для дѣйствительности событія, то достаточное основаніе для смысла мысли. Тутъ не лишне обратить вниманіе и на слово «событіе», коимъ мы обозначаемъ совокупность понятій: 1° явленія (явь), 2° дѣйствія (дѣи) и 3° происшествія (ходъ), т. е. понятія факта какъ совокупность: 1° феномена, 2° акта и 3° эволюціи. «Со-бытіе» и есть совокупность (со) совмѣстнаго бытія, соборное бытіе, *со + бытіе*. Со-начало (собезначаліе), со = мысль (смыслъ) сознаніе и со = бытіе (событіе) обнаруживаютъ первомысль соборнаго единства.

Основа дѣйствительности есть тріединство 1° событія, 2° смысла и 3° собезначальности; иначе: 1° причины, 2° достаточности, 3° первомысли. Законопричинность событія, достаточность основанія и перво-осмысленность суть ступени причинно-слѣдственной связи: 1° законъ, какъ чинъ (причина) природнаго общественнаго событія, 2°, достаточное основаніе, какъ чинъ мыслительнаго строя и 3° первосмысленность, какъ чинъ смысла самой мысли. Тутъ источникъ достаточнаго основанія мысли и законопричинности событій.

Но это объединеніе источника смысла проявленія не есть полнота пониманія событій. Здѣсь обнаруживается великій недохватъ. Достаточное основаніе не есть сообразность въ цѣледостиженіяхъ событій.

Для полнаго и цѣльнаго познанія въ единствѣ и просторѣ требуется достиженіе этой именно цѣли, къ которой стремится цѣльномудрость познаніевѣдѣнія славянофильства. Чего-же не хватаетъ? Не достаетъ цѣли этой цѣльности познанія?

Не достаетъ еще и рѣшенія вопроса, гдѣ предѣлъ, гдѣ конечная мѣта достиженія познаванія. Связь достаточнаго законно причиннаго основанія познанія въ первоначальной мысли творческой силы съ предѣльной мѣтой или цѣлью познаванія называется *цѣлесообразностью*. Предвидѣть, т. е. впредь опредѣлить этотъ предѣлъ познанія и есть цѣль всѣхъ познавательныхъ домоганій. Познаваніе должно быть *цѣлесообразнымъ*. Такая цѣлесообразность полна только тогда, когда она предѣльна, конечна, всеобхватывающая безъ малѣйшаго остатка. Предѣлъ познанія и есть его полное достиженіе. Но и тутъ умъ, или вѣрнѣе духъ человѣка, не можетъ угомониться и требуетъ опредѣлить достоинство сего предѣла, сего конца: будетъ ли конецъ жизненная вѣчность или вѣчность адской смерти.

Значитъ требуется опредѣлить самую предѣльность.

Опредѣленіе самой предѣльности можетъ быть достигнуто, когда познаніе обвершенится въ остріе стремленій, это остріе не вершинная лишь *точка*, а «совершинность», т. е. совокупная сложная вершина, точка самосложная, небо нравственнаго міропорядка. Такая сложная съ самой собою точка вершины называется *совершенною* подобно тому, какъ первоначало называется со-началіемъ или еще точнѣе *собезначаліемъ*. Достиженіе предѣльной совершины есть *совершенство*, совершеніе, и это совершенство есть опредѣленіе предѣла, иначе говоря предѣлоопредѣленіе-*предопредѣленіе*.

Первая мысль соначальнаго истока или первомысль въ начальномъ истокѣ, какъ въ экономической жизни народа называется - *промышленностью*, въ обрабатывающей и добывающей ея дѣятельности или *промысломъ*, а въ жизненномъ отношеніи *промышленіемъ*, такъ точно первая начальная мысль законно причиннаго достаточнаго основанія въ ея начальномъ «предвершеніи» называется *первомысліею* и *Промысломъ*. Совершеннѣйшій *промыселъ* или вѣрнѣе Всесовершеннѣйшій *первомыселъ* первой мысли Господа Бога и есть то, что на богословскомъ языкѣ называютъ *Промысломъ Божіимъ*.

Съ одной стороны Всесовершеннѣйшій *Промыселъ* и съ другой Всесовершеннѣйшеее *Предопредѣленіе* и есть тотъ объемъ **ВСЕГО** Бытія, который вмѣщаетъ все жизненное проявленіе его во Вселенной. Что-же связываетъ *Промыселъ* Божій съ Его же Божескимъ *Предопредѣленіемъ?* Его Божеское предвидѣніе, что въ всесовершеннѣйшемъ смыслѣ и есть *Провѣдѣніе,* или просто Божеское *Провидѣніе*.

Промыселъ (первомысль), *провидѣніе* (предвидѣніе) и *предопредѣленіе* (предѣлъ опредѣленія) составляютъ тріединую связь нераздѣльную, единосущную и въ простотѣ неслiянную и эта тріединая связь носитъ наименованіе «*Вседержительства*».

Во вседержительствѣ Провидѣніе рождается отъ Промысла, или иначе говоря первая мысль рождаетъ предвѣчно «предвѣдѣніе» (предвидѣніе). Во вседержительствѣ предопредѣленіе исходитъ отъ промысла, какъ предѣлъ всѣхъ опредѣленій исходитъ отъ первой, начальной (первоначальной) мысли. По сему вѣдѣніе Истины (Бога) бытія есть вѣдѣніе всесовершеннѣйшаго все-держительства, которое есть Троица познавательнаго свойства трехъ обликовъ, подобій и законовъ познаванія во всесовершенствѣ: — 1° *Промысла*, 2° *Провидѣнія* и 3° *Предопредѣленія*.

Истинное познаніе или стремленіе провѣдать это вседержительство и есть цѣль христіанскаго православнаго познаніевѣдѣнія. По ученію Слафянофильства въ лицѣ Великаго Хомякова преодолѣть познавательное вседержительство для достиженія правильнаго и истиннаго познаніевѣдѣнія, міровоззрѣнія и жизнепониманія, т. е. преодолѣть цѣльное познаніе можно лишь *любовью* и *святостью жизни*. Познать жизнь иначе, какъ жизнію нельзя. Познать любовь иначе, какъ любовью нельзя. Познать святость иначе, какъ просвященіемъ (съ буквою *я*) и просвѣтленіемъ духовнымъ нельзя. Вотъ почему любомудріе еще не вѣнецъ, не довершеніе, или совершеніе (не вершина), т. е. не есть совершенство познанія. Любомудріе лишь сочленъ (фазисъ) тріединство святости, т. е. нераздѣльное и не слiянное единосущное и простое единство трехъ обличеній: 1° любомудрія, 2° нраволюбія (нравоученія) и 3° добротолюбія (филокалія), духовной соразмѣрности красотовѣдѣнія, т. е. духовнаго изящества.

Истина вѣропостигаемая сочетавается или строится въ тріединый строй цѣлокупности съ чаемою Правдою и любвеобразовательнымъ Добромъ для достиженія Святости. Все это раскрывается въ пониманіи жизни и Міровоззрѣніи Любомудрія Славянофильства, въ Нравоученіи и Красотовѣдѣніи Цѣльномудрости Славянофильства.

Свята да будетъ эта Цѣломудрость! Да освятится всякое стремленіе любомудрія въ познаніевѣдѣніи къ сей Цѣломудрости и да отбросится всякое сомнѣніе въ Вѣрѣ по слову Господа Бога Слова Нашего Іисуса Христа, во святое имя Его, равно и во имя Отца и Святаго Духа въ единствѣ нераздѣльности и неслiянности единосущный Св. Троицы!

«Ты имѣешь вѣру? имѣй ее самъ въ себѣ передъ Богомъ. Блаженъ, кто не осуждаетъ себя въ томъ, что̀ избираетъ, а сомнѣвающійся, (если ѣстъ), осуждается, потому что не по вѣрѣ, а все, что̀ не по вѣрѣ, грѣхъ».

«Могущему же утвердить васъ, по благовѣствованію моему и проповѣди Іисуса Христа, по откровенію тайны, о которой отъ вѣчныхъ временъ было умолчено, но которая нынѣ явлена, и черезъ писанія пророческія, по повелѣнію вѣчнаго Бога, возвѣщена всѣмъ народамъ для покоренія ихъ вѣрѣ, единому премудрому Богу, черезъ Іисуса Христа, слава во вѣки. Аминь». (Къ Римлян. XIV, 22—26).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	11 послѣдняя строка	*нап.*	Кавина	*слѣд.*	Кальвина
»	24 заглавіе	»	Славянофильство	»	Славянофильство
»	80 15 строка сверху	»	Мертенсъ	»	Мартенсенъ
»	127 14 » »	»	(духовещи)	»	(духовещественное)
»	129 13 » »	»	просвѣщенными	»	просвященными
»	144 4 » »	»	(абсолютъ)	»	(Богъ)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Познаніевѣдѣніе.

Труды барона М. Ф. Таубе.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: Англійскій просп., № 38, кв. 5.

1) **«Современный спиритизмъ и мистицизмъ»**. Петроградъ, 1909. (241 стр., со многими рисун.). Ц. 2 р.
2) **«Сводъ основныхъ законовъ логики»**. 1908 г. Ц. 1 р.
3) **«Владимiръ Соловьевъ.** Россія и всемiрная церковь. Парижъ. 1889 г.». (Второе изданіе). Харьковъ. Ц. 30 к.
4) **Московская философско-математическая школа, основанная проф. Бугаевымъ, и Славянофильство Хомякова»**. Харьковъ. Ц. 20 коп.
5) **«Мистическое воспріятіе и духовное озареніе»**. Ц. 10 к.
6) **«Памяти Софіи Александровны Леонтьевой-Левицкой»**. († 24 января 1904 г.). (Второе изданіе). Харьковъ. Ц. 10 к.
7) **«Образованіе великодержавныхъ единицъ»**. (Второе изданіе). Петроградъ, 1910. Ц. 30 к.
8) **«Тріединство, какъ основа соборности и духовности»** Петроградъ, 1910. Ц. 25 к.
9) **«Приложеніе основныхъ законовъ мышленія къ вопросамъ статистики и финансоваго правомѣрія»**. Харьковъ, 1911. Ц. 10 к.
10) **«Ученіе о пустотѣ, какъ основа будизма»**. Харьковъ, 1911. Ц. 15 к.
11) **«Дуализмъ запада и тріединство востока»**. Харьковъ. 1910. Ц. 20 к.
12) **М. Вашутинъ. Къ возрожденію славянорусскаго самосознанія**. Сборникъ, Петроградъ, 1912. Ц. 40 к.

Цѣна 1 р. 50 к.

